

Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

VIII

**Общеславянский лингвистический атлас
Материалы и исследования
2012–2014**

**МОСКВА
2016**

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 8 — М., 2016. 208 с.
ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Т. И. Вендина, д. филол. наук (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Л. Л. Касаткин, д. филол. наук (Москва, Россия);
Л. Э. Калнынь, д. филол. наук (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВЫПУСКА

В. А. Пыхов (Москва, Россия).

Выходит 3 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
©Авторы

Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

VIII

**The Slavic Linguistic Atlas
Materials and studies
2012–2014**

MOSCOW
2016

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2016, No. 8, 208 p.
ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

T. I. Vendina, D.Sc. (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

L. L. Kasatkin, D.Sc. (Moscow, Russia);
L. E. Kalnyn', D.Sc. (Moscow, Russia);
V. A. Pykhov, (Moscow, Russia).

Published three times a year

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate III № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2015

© by Authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. И. Вендина</i>	
Эксклюзивные лексемы и их ареалы в пространстве Славии	7
<i>Павол Жиго</i>	
Соотношение «город–деревня» в современной Словакии	55
<i>Дорота Кристина Рембишевска, Януш Сятковски</i>	
Характерная для украинского языка лексика в о славянском лингвистическом атласе	65
<i>Л. Э. Клыч</i>	
Гласный <i>о</i> после палатальных / палатализованных согласных в украинских диалектах	81
<i>Мира Менац-Михалич, Анита Целинич</i>	
Глагольные суффиксы <i>*nǫ/*ny</i> в Хорватии	95
<i>Славка Керемидчиева</i>	
Болгарский лексический материал в о бщеславянском лингвистическом атласе (Т. 1. «Животный мир». Т. 2. «Животноводство». Т. 3. «Растительный мир». Т. 8. «Профессии и общественная жизнь»)	115
<i>Ж. Ж. Варбот</i>	
Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем	136
<i>Л. В. Куркина</i>	
Заметки на полях диалектного словаря	143
<i>Т. В. Горячева</i>	
Этимологические заметки	156
<i>Т. В. Шалаева</i>	
Об обозначении круга в славянских языках	166
<i>А. К. Шапошников</i>	
Материалы к этимологическому словарю славянских древностей Греции II	175

Обзоры и рецензии

К библиографии ОЛА. 6 (<i>В. А. Пыхов</i>)	193
Рец. на: В. Ostrowski. Białoruskie gwary grodzieńszczyzny. Wybrany zagadnienia. Prace Instytutu języka polskiego. 140. Kraków, 2013. 272 с. (<i>Л. В. Куркина</i>)	199

CONTENTS

<i>Tatiana Vendina</i>	
The exclusive lexemes and their areas in Slavia	7
<i>Pavol Žigo</i>	
The relation «village–town» in Slovakia today	55
<i>Dorota Krystyna Rembiszewska, Janusz Siatkowski</i>	
Vocabulary Characteristic of the Ukrainian Language in The Slavic Linguistic Atlas . .	65
<i>Lyudmila Kalnyn</i>	
Vowel <i>o</i> after palatal / palatalized consonants in ukrainian dialects	81
<i>Mira Menac-Mihalić, Anita Celinić</i>	
Verbal suffixes <i>*nǝ / *ny</i> in Croatia	95
<i>Slavka Keremidchieva</i>	
The Bulgarian lexical data in the slavic linguistic atlas (Vol. 1. «Animal world», Vol. 2. «Livestock», Vol. 3. «Flora», Vol. 8. «Professions and social life»)	115
<i>Zhanna Varbot</i>	
Commentaries on word-formative and semantic aspects of reconstruction and etymology of some proto-slavic words	136
<i>Lyudmila Kurkina</i>	
Notes on the margin of dialectal dictionary	143
<i>Tatiana Goryacheva</i>	
Etymological remarks	156
<i>Tatiana Shalaeva</i>	
On the designation of the round in the slavic languages	166
<i>Alexandr Shaposhnikov</i>	
Materials for the etymological dictionary of slavic antiquities of Greece II	175

Reviews

On the bibliography of OLA. 6 (<i>Vladimir Pykhov</i>)	193
Review of belarussian dialects of Grodno region. Selected issues (<i>Lyudmila Kurkina</i>) . . .	199

Т. И. Вендина
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
vendit@rambler.ru

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ЛЕКСЕМЫ И ИХ АРЕАЛЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИИ

Статья посвящена пространственной и временной характеристике эксклюзивных лексем, представленных на картах «Общеславянского лингвистического атласа».

Ключевые слова: общеславянский лингвистический атлас, диалектология, лингвогеография, лексика.

Языковая эволюция в пространстве и во времени — это эволюция в двух направлениях — дивергентном и конвергентном, причем обе модели, как правило, сосуществуют во времени, синхронно взаимодействуя друг с другом. Благодаря этим процессам происходит формирование сходств и различий славянских языков, обретение каждым из них своего «лица», становление их языкового своеобразия, т.е. таких языковых особенностей, которые выделяют их и противопоставляют друг другу на всем языковом пространстве *terra Slavia*. И это прекрасно видно на картах «Общеславянского лингвистического атласа».

Карты Атласа указывают на такую яркую особенность славянских диалектов, как их динамичность, которая проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению эксклюзивных лексем, определяющих их «портретное» своеобразие. Наличие эксклюзивных образований дает основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов. Так образуются эксклюзивные лексем.

Эксклюзивные лексем — это лексем, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы (ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, *mur-aš-ь (mu'raš)*¹ к. 41 'му-

¹ Примеры приводятся в морфонологической реконструкции, принятой в ОЛА, в скобках подаются диалектные формы, записанные в полевых экспедициях.

равей' т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ъk-a* (*z'em'l'anka*) к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorъ-ъn-ik-ъ* (*pod:o'rožn'ik*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *po-gost-ъ* (*po'gost*) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи» и др. **украинского** // *ež-ak-ъ* (*ji'žak*) к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир»; *cus-en-ę* (*cus'n'a*) к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *gost-j-av-in-a* (*hušča'vyna*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; **белорусского** *zob-a* (*'z'uba*) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *po-par-ъ* (*pa'par*) к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *тъlst-ost-ъ, съ-dor-ъ* (*t'lustas'c', zdor*) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского** *jask-ol-ъk-a* (*jaskulka, jaskouka*) к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* (*kočica*) к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; *ne-za-po-min-a-j-ъk-a* (*nízapom'inajka*) к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; **луцкого** *potpul-a* (*pospula, pačpula*) к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; (*bar*)-ъ (*bar*) к. 5 'медведь' т. 1 «Животный мир»; (*kast*)-ъ (*kašč, kačĕ*) к. 48 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; **чешского** *šcik-a* (*ščika*) к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *čар-ъ* (*ča:p*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *сѣk-ač-ъ* (*сѣka:č*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; **словацкого** *smag-ъ* (*smat*) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant*)-ъ (*olovrant*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pač-i-тъ* <se> (*pa:či: sa mi*) к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; **словенского** (*pantegan*)-a (*podgá:na*) к. 13 крыса т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ъ* (*pete'li:n*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *čъbel-ar-ъ* (*čъbэ'lar*) к. 27 'человек, который разводит пчел' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского** *kuk-ov-ač-a* (*ku'kuvača*) к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; *bor-ov-ic-a* (*bo'rovica*) к. 47 'брусника' т. 3 «Растительный мир»; *dět-ъč-ъk-o* (*dečko*) к. 8 жених т. 10 «Народные обычаи»; **сербского** *кър-ljusk-j-ъ* (*kŕ'lu:š*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *stъrv-in-a* (*stŕvina*) к. 51 'падала, дохлое животное' т. 2 «Животноводство»; **македонского** *mač-or-ъk-ъ* (*mačorok*) к. 10 'кот' т. 2 «Животноводство»; *volk-ъn-a* (*'vlakna*) к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *paš-ъk-a* (*paška*), *o-paš-ъk-a* (*o'paška*) к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; **болгарского** *pri-lěp-ъ* (*p'rilep*) к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *klъv-ač-ъ* (*kal'vač*) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *bul-ъk-a* (*bulka*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи» и др.).

Следует сразу сказать, что понятие эксклюзивной лексемы является относительным. Как показала история славянской лингвистической географии, и в частности работа над «Общеславянским лингвистическим атласом», в ходе обследования славянских диалектов нередко обнаруживается новая локализация той или эксклюзивной лексемы, в результате чего ее эксклюзивный статус утрачивается.

Не исключена и обратная ситуация, когда лексема фиксируется разными историческими, диалектными или этимологическими словарями, а в «Общеславянском лингвистическом атласе» (либо в силу ограниченного характера его сетки, либо в результате естественных эволюционных процессов) она является эксклюзивной, так как распространена в рамках диалектов лишь одного языка. Примером подобной ситуации может служить лексема *kur-ъ* (*kur*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»:

фиксация ее в «Этимологическом словаре славянских языков» довольно внушительна — это и болгарские, и сербские, и чакавские хорватские, и чешские, и польские, и русские диалекты; между тем в ОЛА она имеет лишь небольшой ареал в кашубских (пп. 241–242, 244) и в мазовецких говорах (пп. 263–264, 274–275, 287).

Не случайно поэтому у ряда исследователей возникает определенный скепсис при выявлении эксклюзивных лексем, ср. в связи с этим следующее замечание Л. В. Куркиной: «Задача выявления специфических для каждого региона изолексов едва ли выполнима в полном объеме хотя бы потому, что не так просто вести поиски эксклюзивных явлений в море славянской лексики, объем которой возрастает с выходом в свет новых лексикографических источников» [Куркина 2012: 147].

Поэтому, говоря об эксклюзивной лексике, мы имели в виду лишь те лексемы, статус которых подтверждается материалами лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа».

Эксклюзивные лексемы могут быть **разных типов**.

Чаще всего это **лексические** (или, точнее, **лексико-словообразовательные**) эксклюзивы.

Иллюстрацией таких лексических эксклюзивов могут служить, например, русские эксклюзивные лексемы, обозначающие вечерний прием пищи //už-in-ь, //už-in-a, //už-ьn-a (рус. *'užyn, 'užyna, 'užna*) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые выделяют русские диалекты на всем пространстве Славии. В мотивационных признаках этих лексем отразилась идея движения солнца, его **пространственной локализации** на небосклоне как указания на время приема пищи (из праслав. *jugъ [Фасмер IV: 152]), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее **времени**, в частности к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ь, večer-j-a*).

Другой пример такого лексического эксклюзива можно найти на к. 14 'подходит, растет' (о тесте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: если в большинстве славянских диалектов этот процесс осмысливается через идею «**движения**» (о чем говорят корни *xod(j)-/*xad(j)- или *dviġ-/ *dviž-, распространенные в словенских (слн. *usxà:ja, s'xa:ja*), хорватских (хрв. *sxa:ja, 'diže se*), польских (плс. *potxożi*), чешских (*sxa:zi:*) и восточнославянских диалектах (рус. *pot'xod'it pat'xod'it'*; укр. *p'id'xode*; блр. *pat'xož'a*) или «**роста**» (корень *orst- в словацких (*rošne*), польских (*rošne*), южно- и восточнославянских диалектах (слн. *'rastə*; хрв. *ra's'te*; серб. *rà:ste, ra:s'te*; мак. *rastet*; блг. *rəs'te*; блр. *ras''c'oc'*; укр. *ros'te*; рус. *ras''t'ot'*)), то в кашубских диалектах этот процесс осмысливается через идею «**работы**» (ср. корень *orb- в кашубских (кашуб. *'ro^ob'i, 'rob'i*)).

Однако кроме лексических эксклюзивов на картах Атласа имеется немало и таких, которые являются чисто **словообразовательными**, так как они выделяют те или иные диалекты с точки зрения словообразовательной структуры представленных в них лексем.

Богатый материал словообразовательных эксклюзивов дает к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». На этой карте широко представлены лексемы с корнем *kraj-*. Однако

в русских диалектах они имеют одно оформление (ср. *kraj-ux-a*, *kraj-uš-ьk-ь*, *kraj-uš-ьk-a*), в словацких — другое (ср. *kraj-ik-ь*), в болгарских — третье (*kraj-išč-e*), в словенских — четвертое (ср. *kraj-ьč-itj-ь*), в сербских — пятое (ср. *kraj-ik-a*) и т. д. Причем все эти названия являются эксклюзивами.

Другой пример такого словообразовательного эксклюзива можно найти на к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Во всех славянских диалектах эти названия образуются от корня *běl-*. Однако в русских диалектах отмечено распространение эксклюзивных лексем *běl-yš-ь*, *běl-yš-ьk-o*, в словенских — лексемы *běl-ь=ak-ь*, в сербских — лексем *běl-ьc-ь*, *běl-ьc-e* и т. д.

Яркой иллюстрацией словообразовательного эксклюзива является и название полдника к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Во всех славянских диалектах получила распространение лексема с корнем *-už-* и суффиксом *in-* (ср. **слн.** 'wužina, **хрв.** 'južina, **серб.** užina, **мак.** užina, **блг.** 'užina, **плс.** juzuна, južyna), однако только в русских диалектах эта лексема имеет префиксальный элемент (ср. *pa-už-in-ь*, *pa-už-in-a*, *pa-už-in-ьk-a*, *pa-už-in-ьk-y*, *pa-už-in-ьk-ь*, *pa-už-ьn-a*).

Примеров можно привести множество, так как словообразовательные эксклюзивы встречаются чаще всего (ср. **плс.** *pas-ьn-ik-ь* (*pašník*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» при восточнославянском *pas-ьb-išč-e*, **укр.** *pas-ov-išč-e* (*pa-so'vyšče*), **серб.** *jьz-pas-išč-e* (*ispasi:šće*), *jьz-paš-a* (*ispaša*) и т. д.; или **плс.** *kos-ьn-ik-ь* (*košník*) к. 70 'мужчина который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство» при восточнославянском, **слц.**, **слн.**, **серб.**, **хорв.** *kos-ьc-ь*; **серб.**, **хорв.**, **мак.**, **блг.** *kos-ač-ь* (мак. 'kosač, блг. ko'sač); восточнославянском *kos-ar-ь* (*ko'sar'*) и т. д.).

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу эксклюзивов составляют собственно **семантические**. К сожалению, в опубликованных томах Атласа представлено довольно немного семантических карт, которые в большинстве своем имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в славянских диалектах и семантических эксклюзивов.

Ярким примером такого семантического эксклюзива может служить значение 'ячмень' у лексемы *žito* к. 60 *žito т. 4 «Сельское хозяйство» в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров; и значение 'хлебные культуры вообще, в зерне или на корню' — в македонских. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении 'рожь' (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении 'пшеница' (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

Другой пример представлен на к. 7 *čаša т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Эта лексема, распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении 'стакан' (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении 'миска' // 'большая миска, выточенная из дерева', а в словенских приморских говорах — в значении 'большой ковш'.

Общеславянская лексема **sěra* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах имеет значение ‘молоко коровы сразу после отела скота, молозиво’, однако в русских диалектах (в севернорусских и среднерусских владимирско-поволжских и тверских говорах) она, кроме того, может иметь значение ‘смола (сок) хвойных деревьев’, в болгарских западных, северо-восточных и некоторых юго-восточных говорах — ‘нестиранная овечья шерсть с жировыми выделениями’, а в отдельных северо- и юго-восточных говорах — ‘вода после стирки овечьей шерсти’, в сербских восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах — ‘жировые выделения на шерсти овцы’ и т. д.

Праславянская лексема **bljudo* к. 56 **bl'udo* т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах известна в значении ‘большая глубокая тарелка’, однако только в лужицких диалектах она встречается в значении ‘стол’, в болгарских диалектах — в значении ‘поднос’, кроме того, в западноболгарских говорах — в значении ‘поминальный хлеб’; в севернорусских ладого-тихвинских говорах, а также в отдельных среднерусских (новгородских и тверских) и в западной группе южнорусских говоров — в значении ‘таз’.

География эксклюзивных лексем

Каждая эксклюзивная лексема имеет свои особенности и в топографических характеристиках. Однако несмотря на это, их ареальный рисунок повторяется в пространстве terra Slavia, и это позволяет говорить о типологии эксклюзивных ареалов.

В распространении эксклюзивных лексем прослеживаются два типа ареалов — обширный и ограниченный. Причем обширные ареалы, когда лексема плотно покрывала бы всю территорию диалектов того или иного языка или практически всю, встречаются довольно редко (иногда наблюдается и такая ситуация, когда подобный сценарий вообще отсутствует, как, например, в хорватских диалектах). Значительно чаще такие ареалы являются локально ограниченными. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры.

1. Лексема имеет обширный ареал в диалектах одного языка

Словенские диалекты

(*pantegan*)-а (*podgá:na*) к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; *štyrk-l-j-a*, *štyrk-l-j-e* (*štó:rkla*, *štò:rkle*) к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *plav-ut-y* (*pla'uti*, *pla'vu:ti*) к. 38 ‘плавники рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *kač-bj-ь pas-t-yrj-ь* (*kà:čjə past:ir*) к. 47 ‘стрекоза’ т. 1 «Животный мир»; *ne-rěz-ьс-ь* (*ne're:jšac*) к. 7 ‘кабан’ т. 2 «Животноводство»; *//par-ьk-ьl-ь* (*pá:rkál*) к. 47 ‘копыто’ т. 2 «Животноводство»; (*štrigel*)-*j-ь* (*št'ri:γəl*) к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *věj-a* (*'ve:ja*) к. 4 ‘ветка хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *věj-a* (*vè:ja*) к. 5 ‘ветка лиственного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *sěn-ьс-а* (*'se:nca*) к. 6 ‘тень под деревом’ т. 3 «Растительный мир»

мир»; *sěn-ьc-a* ('si:nca) к. 7 'тень человека' т. 3 «Растительный мир»; (*trt*)-*a* ('tarta) к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*čebul*)-*ь*, (*čebul*)-*j-a* (če'boʊ, čə'bu:la) к. 19 'лук' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sěj-av-ьc-ь* (se'jaʊc) к. 36 'человек, который сеет' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mol't-it-j-ь* (mla'tič) к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*glaz*)-*ь* (ɣlə:š) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*ž'nid*)-*ar-ь* (žni:dər) к. 16 'портной' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *čьbel-ar-ь* (čəbəl'lar) к. 27 'человек, который разводит пчел' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *сь-vez//-ьk-ь* (z've:zək) к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *svin-ьč-ьn-ik-ь* (s'vi:nčnik) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *čьt-ě-j-e-ть* (š'tə:je) к. 50 'считает деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*šol*)-*ar-ь* (šo:lar) к. 33 'мальчик, который учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*šol*)-*ar-ic-a*, (*šol*)-*ar-ьk-a* (šo:larca, šu:larka) к. 34 'девочка, которая учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *děl-av-ьk-a* (de:'laʊka) к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gub-ь* (gu:be) к. 23 'морщины' т. 9 «Человек»; *u-gan-ьk-a* (u'ɣanka) к. 78 'загадка' т. 9 «Человек»; (*χoʊcet*)-*ь* (vəχcet) к. 16 'свадьба' т. 10 «Народные обычаи».

Сербские диалекты

stьrv-in-a (st'rvina) к. 51 'падаль, дохлое животное' т. 2 «Животноводство»; *сь-vez-ьk-a* (s'veska) к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Македонские диалекты

kljuk-o-dьrv-ьc-ь (klu'kodrvəc) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; (*biš*)-*ь*, (*biš*)-*ur-ь* ('biše, biš'ure) к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *volk-ьn-a* ('vlakna) к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *paš-ьk-a* ('paška), *o-paš-ьk-a* (o'paška) к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; *grač-e-ть*, *grač-i-ть* (g'rači) к. 65 'гогочет' т. 2 «Животноводство»; (*miruš*)-*a-j-e-ть* (miriše) к. 16 'пахнет' т. 3 «Растительный мир»; *or-ač-ь* ('orač) к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mьrs-ьn-ь* ('mʀsen) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*komš*)-*iv-ьk-a* (komšifka) к. 3 'женщина, живущая в соседнем доме' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*xaram*)-*i-j-a* (aramija) к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pyt-ač-ь* (pitač) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pyt-ač-ьk-a* (pi'tačka) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *сь-bor-ь* (zbor), (*laf*)-*ь* (laf) к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; *pri-kaz-n-a* (prikazna) к. 77 'сказка' т. 9 «Человек»; *sak-a-j-e-ть* ('saka) к. 3 'любит' т. 10 «Народные обычаи».

Болгарские диалекты

klьv-ač-ь (kəl'vač) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *pьtpьd-ьkь* (pətpədək) к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; *sinig-yr-ь* (si'niger) к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир»; *skak-al-ьc-ь* (skaka'lec) к. 43 'кузнецик' т. 1 «Животный мир»; *cvil-i-ть*

(*c'vili*) к. 60 'ржет' (лошадь) т. 2 «Животноводство»; (*čam*)-ъ (*čam*) к. 19 'древесина сосны' т. 3 «Растительный мир»; *xvoj-ъn-a* (*x'vojna*) к. 38 'можжевельник' т. 3 «Растительный мир»; *ne-za-bor-av-ъk-a* (*neza'brafka*) к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *sin-ъč-ъc-ъ* (*sin'čec*) к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kobyl-ic-a* (*ko'bilica*) к. 2 'коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tel-ęt-ъsk-O* (*telišku*) (subst) к. 23 'мясо теленка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *čer-up-ъk-a* (*če'rupka*) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*ikindi*)-*j-a* (*ikin'dija*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sir-om-ak-in-a* (*siroma'kin'a*) к. 65 'бедная женщина' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*buz*)-*a* (*'buza*) 'щека' к. 3 'щека' т. 9 «Человек»; *ob-vuč-a-j-e-ть* (*o'biča*) к. 3 'любит' т. 10 «Народные обычаи»; *cěl-u-va-j-e-ть* (*cě'luvā*) к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *god-en-ik-ъ* (*gode'nik*), *съ-god-en-ik-ъ* (*zgd'g'nik*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *god-en-ic-a* (*gode'nica*), *съ-god-en-ic-a* (*zgudi'nica*) к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *bul-ъk-a* (*bulka*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*čeis*)-ъ (*čě'is*) к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; (*mag*)-(*os*)-*ъn-ic-a* (*ma'g'osnica*) к. 23 'колдунья' т. 10 «Народные обычаи»; *rad-v-a-ть* <*se*> (*'radvam_sā*) к. 27 'радуюсь' т. 10 «Народные обычаи»; *съ-bog-u-v-a-j-e-ть* <*se*> (*zbo'guva_se*) к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи».

Чешские диалекты

sъxorj-ъ, *šъxorj-ъ* (*sxoř*) к. 8 'хорек' т. 1 «Животный мир»; *kur-o-pat-ъv-ъ* (*ko-roptef*, *kuropteu*) к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *čap-ъ* (*ča:p*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *čub-a* (*čuba*), *čub-ъk-a* (*čupka*) к. 15 'сука' т. 2 «Животноводство»; (*fen*)-*a* (*fena*) к. 15 'сука' т. 2 «Животноводство»; *slěp-ic-a* (*slepice*) к. 17 'курица' т. 2 «Животноводство»; *kvoč-ъn-a* (*kvočna*) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *kaх-ъn-ę* (*kaхné*), *kaх-ъn-ęt-ъk-o* (*kaхná:tko*), *kaх-ъn-ič-ъk-a* (*kaхníčka*) к. 34 'утенок' т. 2 «Животноводство»; *xlup-y* (*xlupí*) к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *kokъrg-a-j-e-ть* (*kokъrha:*) к. 64 'поет' (о петухе) т. 2 «Животноводство»; *kejg-a-j-e-ть* (*kejha:*) к. 65 'гогочет' т. 2 «Животноводство»; *съ-cěp-ъл-in-a* (*sci:plina*), *съ-cěp-ъл-ot-in-a* (*sci:plořina*) к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *č//u-x-a-j-e-ть* (*čuxa:*) к. 15 'нюхает' т. 3 «Растительный мир»; *mod-r-in-ъ* (*mod-ři:n*) к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; *jętr-o-cěl-ъ* (*jitrocel*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *po-men-ъk-a* (*romnějka*) к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *grozd-ъn-ъ* (*hrozen*) к. 9 'гроздь, одна кисть винограда' т. 4 «Сельское хозяйство»; *raj-ъč-ę* (*rajče*) к. 18 'помидор' т. 4 «Сельское хозяйство»; *raj-ъsk-o* // *abl-ъk-o* (*rajski: jarko*) к. 18 'помидор' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sěk-ač-ъ* (*sěka:č*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žęd-j-//n-ъ* (*ži:žęn*) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skop-ov-O* (*skopovi:*) (subst) к. 24 'мясо барана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pъs-an-ъj-e* (*psañi:*) к. 38 'письмо' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *děl-ъn-ik-ъ* (*dělník*) к. 40 'человек, который работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

děl-ьn-ic-a (děl'nice) к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *val-ьk-a (va:lka)* к. 67 'война' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *peťr-o (patro)* к. 21 'нёбо' т. 9 «Человек»; *ljub-a-j-e-tь (li:ba:)*, *gob-ič-ьk-u-j-e-tь (hubičkuje)* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *gospod-a (hospoda)* к. 18 'корчма' т. 10 «Народные обычаи»; *(funus)-ь (fu:nus)* к. 47 'похороны' т. 10 «Народные обычаи»; *(grbitof)-ь (hřbitof)*, *(kerhof)-ь (kerxof)*, *(krhof)-ь (křhof)* к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *vellk-o-noč-ьn-i světъk-y (veliko-noč'ni: sva:tki)* к. 53 'Пасха' т. 10 «Народные обычаи».

Словацкие диалекты

lěv-ik-ь (ľevi:k) к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *(olovrant)-ь (olovrant)* к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *(ceruz)-a (ceruza)* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pol-j-ov-ьk-a, pol-j-ov-ač-ьk-a (polovka, poluvačka, poľovačka)* к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *běd-ar-ь (beda:r)* к. 64 'бедный человек' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pač-i-ть <se> (pa:či: sa mi)* к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *boz-ьk-a-va-j-e-ть (boska:va:)* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *(faj)-ьč-i-ть (fajči:)* к. 21 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; *(faj)-ьč-ar-ь (fajča:r)* к. 22 'человек, который курит паписосы' т. 10 «Народные обычаи».

Лужицкие диалекты

(bar)-ь (bar) к. 5 'медведь' т. 1 «Животный мир»; *(rat)-ьv-a (ratъa)* к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *potpul-a (pocpula)* к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; *pat-a (pata)* к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *o-puř-ь (wopuř)*, *o-puř-ь (opuř)* к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; *gol-j-a (gol'a)* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; *xvoj-ьc-a (xojca)* к. 17 'хвоя' т. 3 «Растительный мир»; *(šar)-en-ьj-e (šaren'e)* к. 11 'чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц' т. 4 «Сельское хозяйство»; *(kal)-ь (kaу)* к. 13 'капуста' т. 4 «Сельское хозяйство»; *(trajd)-a (trajda)* к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sěč-ьk-ь (seck)* к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ljub-u-j-e-ть (lubuјo)* к. 3 'любит' (мать) т. 10 «Народные обычаи»; *(kast)-ь (kašč, kaхć)* к. 48 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; *rov-ь (rou)* к. 49 'могила' т. 10 «Народные обычаи».

Польские диалекты

kot-ic-a (koćica) к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; *kot-ь=ak-ь (koćak)* к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *ščen-ь=ak-ь (ščeňak)* к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *tel-ь=ak-ь (ćelak)* к. 28 'теленоч' т. 2 «Животноводство»; *//agn-ь=ak-ь (jagňak)* к. 29 'ягненок' т. 2 «Животноводство»; *porъ-ь=ak-ь (prośak)* к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *kur-ьč-ь=ak-ь (kurčak)* к. 32 'цыпленок' т. 2 «Животноводство»; *gqs-ь=ak-ь (gośak)* к. 33 'гусенок' т. 2 «Животноводство»; *ry-ь (ryj)* к. 49 'рыло' т. 2 «Животноводство»; *lax-a-j-e-ть <se>*, *lox-a-j-e-ть <se>* (*уаха*

še, loxa še) к. 69 'бьется' (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *gost-ъv-in-a (genstv'ina)* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *kol-ъc-ъ (kolec)* к. 13 'колючка' т. 3 «Растительный мир»; *mod-r-o-derv-ъ (modrodžef)* к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; *ne-za-po-min-a-j-ъk-a (nizapom'inajka)* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *prav-ъd-iv-ъk-ъ (pravživyk)* к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; *ot-klad-ъn-j-a (otkladňa)* к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pъš-en-ъn-A (pšenna)* к. 44 'пшеничная' (например солома) т. 4 «Сельское хозяйство»; *(kukuryz)-a (kukuryza)* к. 54 'кукуруза' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žъn-iv-ъ-ar-ъ (žniv'oř)* к. 68 'мужчина, который жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žъn-iv-ъ-ar-ъk-a (žniv'arka)* к. 69 'женщина, которая жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *prag-ъn-en-ъj-e (pragnehe)* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-krux-y (okruxi)* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kož-ux-ъ (kožux)* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *//aj-o (jajo)* к. 39 'яйцо' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *got-u-j-e-ть <se> (gotuje še)* к. 47 'кипит' (вода) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *(kolacij)-a (kolacja)* к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dъrv-al-j-ъ (drvo'l')* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *zid-un-ъ (zdun)* к. 7 'человек, который делает печи' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mysl-iv-ъ (myslivy)* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pal-j-ač-ъ (palač)* к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *(cmentar)-ъ (cmentaš), (smentar)-ъ (smentaš)* к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *gvězd-ъk-a (gvjastka)* к. 52 рождество т. 10 «Народные обычаи».

Украинские диалекты

//ež-ak-ъ (ji'žak) к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир»; *stъlb-ur-ъ (stoubur)* к. 2 'ствол, часть дерева от земли до кроны' т. 3 «Растительный мир»; *gost-j-av-in-a (hušča'vyna)* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *kul-ъ-bab-a ('kul'baba)* к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир»; *sъln-ъ-aš-ъn-ik-ъ (sojašnyk)* к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство»; *per-vъrz-sl-o (pyrvy's'to)* к. 71 'соломенный жгут, которым перевязывают снопы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mol-ъn-ik-ъ (mo'lotnyk)* к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-krop-ъ (ok'rip)* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъn-ěd-an-ъk-ъ (s'n'i'danok)* к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *olov-ъc-ъ (oľ'vec')* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *baž-a-j-e-ть (baž'a)* к. 6 'желает' (здоровья) т. 10 «Народные обычаи»; *kur-ěj-ъ (ku'r'ij)* к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *klad-ov-išč-e (k'ladovyšče)* к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи».

Русские диалекты

(aist)-ъ, (kalist)-ъ ('aist, 'kal'ist) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *češ-uj-a (češu'ja)* к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *mur-aš-ъ (mu'raš)* к. 41

‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *bab-ъč-ьk-a* (*'baboč'ka*) к. 45 ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир»; *gqs-ix-a* (*gu's'ixa*) к. 19 ‘гусыня’ т. 2 «Животноводство»; *lbg-ъč-i-tь* (*l'ex'č'it*) к. 59 ‘кастрирует’ т. 2 «Животноводство»; *gul-j-a-j-e-ть* <*se*> (*gu-T'ajec':a*) к. 69 ‘бьется’ (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *čest-j-a* (*'č'aš':a*) к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; *zem-j-an-ьk-a* (*z'em'l'anka*) к. 45 ‘земляника’ т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorž-ьn-ik-ъ* (*pod:o'rožn'ik*) к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; (*ogur*)-ъc-ъ (*ogu'r'ec'*) к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pod-sъln-ъč-ьn-ik-ъ*, *pod-sъln-ux-ъ* (*pot'soln'eč'n'ik*, *pat'soln-ux*) к. 21 ‘подсолнечник’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *žit-o* (*'žyto*) к. 46 ‘ячмень’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *žit-o* к. 60 СМ *žit-o* ‘ячмень’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *mol't-il-ъšč-ik-ъ* (*mol'o't'il'š:ыk*) к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *běl//-yš-ъ* (*'b'elыš*) к. 42 ‘белая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žlt-yš-ъ* (*žol'tыš*) к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *//už-in-ъ* (*'užыn*) к. 62 ‘ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *съ-kqs-ьn-Ъ* (*s'kusnyj*) к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pas-t-uš-iъ-a* (*pastu'sыxa*) к. 24 ‘женщина, которая пасет скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-gost-ъ* (*po'gost*) к. 50 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи».

Несмотря на то что обширные ареалы эксклюзивных лексем встречаются нечасто, среди них имеются, однако, такие, когда эксклюзивную лексему отличает **тотальное распространение** в тех или иных диалектах (ср., например, распространение лексем *čар-ъ* (*ča:p*) к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *сѣk-ač-ъ* (*se-ka:č*) к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *žed-j-//n-ъ* (*žizeň*) к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ljub-a-j-e-ть* (*li:ba:*), *gqb-ič-ьk-u-j-e-ть* (*hubičkuje*) к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи» **в чешских диалектах**; или (*olovrant*)-ъ (*olovrant*) к. 61 ‘полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lěv-ik-ъ* (*ljev:i:k*) к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *boz-ьk-a-va-j-e-ть* (*boska.va:*) к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи»; (*faj*)-ъč-i-ть (*fajči:*) к. 21 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи»; (*faj*)-ъč-ar-ъ (*fajča:r*) к. 22 ‘человек, который курит паписосы’ т. 10 «Народные обычаи» — **в словацких**; или *jask-ol-ьk-a* (*jaskoľka*) к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир», *lax-a-j-e-ть* <*se*>, *lox-a-j-e-ть* <*se*> (*laxa še*, *loxa še*) к. 69 ‘находится в состоянии течки’ (о свинье) т. 2 «Животноводство»; (*kukuryz*)-a (*kukuryza*) к. 54 ‘кукуруза’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *prag-ьn-en-ьj-e* (*pragneňe*) к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*kolacij*)-a (*kolacija*) к. 62 ‘ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pal-j-ač-ъ* (*palacš*) к. 22 ‘человек, который курит папиросы’ т. 10 «Народные обычаи» — **в польских**; *pat-a* (*pata*) к. 18 ‘кураца, которая высидивает яйца’ т. 2 «Животноводство»; *сѣč-ьk-ъ* (*seck*) к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*kast*)-ъ (*kašč*, *kačč*) к. 48 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; *rov-ъ* (*roy*) к. 49 ‘могила’ т. 10 «Народные обычаи» — **в лужицких**; *//ež-ak-ъ* (*je'žak*) к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный

мир»; *per-vьrz-sl-o* (*pere'vesto*) к. 71 'соломенный жгут, которым перевязывают сноп' т. 4 «Сельское хозяйство» — **в украинских**; *mьrs-ьn-ь* (*mьrsen*) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sak-a-j-e-ть* (*'saka*) к. 3 'любит' т. 10 «Народные обычаи» — **в македонских**; *kobyl-ic-a* (*ko'bilica*) к. 2 'кормысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tel-ьt-ьsk-O* (*'telišku*) (subst) к. 23 'мясо телянка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *god-en-ik-ь* (*gode'nik*), *сь-god-en-ik-ь* (*zgud'ь'nik*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи» — **в болгарских**; *hor-ь*, *hor-ьk-ь* (*hor'*, *ho'r'ok*) к. 8 'хорек' т. 1 «Животный мир»; *ogur-ьс-ь* (*ogu'r'ec*) к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» — **в русских**).

При этом следует отметить, что только в русских диалектах это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение (ср., например, ареалы таких эксклюзивных лексем, как *kri-dl-ьš-ьk-o* (*k'rybyška*) к. 19 'крылышко' т. 1 «Животный мир»; *(aist)-ь* (*'aist*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *сьš-ьj-a* (*сьš'ju'ja*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *bab-ьš-ьk-a* (*'baboč'ka*) к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир»; *сьest-j-a* (*'сьaš':a*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *pod-сььln-ьсь-ьn-ik-ь* (*pot'solnuš'n'ik*) к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство»; *//už-in-ь* (*'vužyn*) к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.).

Объяснить явление широкого распространения эксклюзивной лексемы можно, по-видимому, тем, что данная лексема стала достоянием литературного языка (ср. **мак.** лит. *mьrsen*; **блг.** лит. *кобилица, телешко*; **чеш.** лит. *čáp; kosáč, rajče, žizeň*; **слц.** лит. *olovrant; lievik*; **плс.** лит. *jaskółka; locha się; kukurydza; pragnienie; kolacja*; **н-луж.** лит. *pata; seck*; **укр.** лит. *іжак, перевесло*; **рус.** лит. *аист, бабочка, огурец, ужин, чешуя, чаща* и т. д.), что во многом способствовало укреплению ее «жизненной силы» и, соответственно, распространению. Благодаря этим лексемам происходит «портретное» оформление диалектов того или иного славянского языка.

Однако в целом таких случаев отмечено сравнительно немного, значительно чаще встречаются островные или даже точечные ареалы, причем в локализации этих ареалов также прослеживается определенная повторяемость.

2. Лексема имеет ограниченный ареал в диалектах одного языка

Прежде всего следует отметить, что эксклюзивные лексемы имеются во всех славянских диалектах. Если в том или ином пункте они и отсутствуют, то объяснить это можно, скорее всего, неполнотой материала. Более того, в распределении ареалов эксклюзивных лексем прослеживается определенная повторяемость, что позволяет говорить о том, что во всех славянских диалектах существуют своеобразные **очаги** эксклюзивных образований, т. е. эти диалекты обладают высокой степенью «пассионарности», ярко выраженным стремлением к «индивидуальности», склонностью к образованию отличительно характеризующих их лексем. Обследование славянских диалектов в этом ракурсе показало, что таким удивительным свойством обладают словенские диалекты (особенно горенские и ровтарские говоры), которые выделяются на всем пространстве terra Slavica.

Словенские диалекты

В словенских диалектах очаги эксклюзивов локализируются чаще всего в горенских (особенно в пп. 7, 9), ровтарских (особенно в п. 8), доленских (особенно в пп. 14, 16), штаерских (особенно в п. 18) и костелских (особенно в п. 13) говорах, ср. распространение следующих лексем: *lusk-in-a* (*lus'kina*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *koz-yl-ič-ьk-ъ* (*kozli:čk*) к. 30 'козленок' т. 2 «Животноводство»; (*muc*)-*ьk-ъ* (*mù:ck*), (*muc*)-*ьk-a* (*'mu:cka*) к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; (*kaštron*)-*ъ* (*kaštrù:n*) к. 5 'кастрированный баран' т. 2 «Животноводство»; (*rac*)-*ьk-a* (*'ra:čka*) к. 34 'утенок' т. 2 «Животноводство»; *reg-et-a-j-e-tь* (*rezye'ta:*) к. 60 'ржет' т. 2 «Животноводство»; *сь-po-min-ь-ic-a* (*spomì:nčica*) к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; (*macesen*)-*ъ* (*mə'ce:sən*) к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; *brin-ьj-e* (*b'ri:ne*) к. 38 'можжевельник' т. 3 «Растительный мир»; (*raigrat*)-*ъ* (*ré:yrat*) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир»; (*jurj*)-*ъ*, (*jurj*)-*ьč-ьk-ъ* (*jú:r, jù:rčk*) к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; (*kumar*)-*a* (*'kumara*) к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žę-tv-ъ* (*žę:toŭ*) к. 65 'время, когда жнут и убирают хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *dęt-el-j-a* (*dę:tele*) к. 80 'клевер' т. 4 «Сельское хозяйство»; *koš-ьn-j-a* (*'ko:šna*) к. 83 'время, когда косят траву на сено' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*pies*)-*a* (*pę:sa*) к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство»; *poly-ic-a* (*plavi:ca*) к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*dil*)-*j-a* (*'dila*) к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *solm-ic-a* (*s'lamica*) к. 78 'один стебель соломы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *сь-met-en-a* (*smé:tana*) к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *oblup-ьk-ъ* (*uo'lu:pek*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*malc*)-*a* (*'ma:lca*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lon-ьč-en-ъ* (*lon'čen*) к. 50 'глиняный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *koz-ar-ьc-ъ* (*kazà:rc*) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ruměn-ь-ak-ъ* (*ruməná:k*) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*dokt*)-*ar-ic-a*, *сь-dogv-ьn-ic-a* (*'doktorca, zdrav'nica*) к. 29 'женщина-врач' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *uč-en-ik-ъ* (*učení:k*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*dьnar*)-*ъ* (*dna:r*) к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*rěv*)-*ьšč-in-a* (*'re:uščina*) к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *сьn-ьc-e* (*sən'ce*) к. 4 'висок' т. 9 «Человек»; *сь-ręt-j-a-j-e-tь* <сę> (*s'ričca*), *сь-rě/ęt-j-a-j-e-tь* (*srě:ča*) к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *do-pad-e-tь* <сę> (*do'pa:de*) к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *žen-im-ъ* (*žé:nən*), (*fant*)-*ъ* (*'fə:nt*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *žen-im-ъ* (*ž'ėnin*) к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *po-rqč-i-tь* <сę> (*sa poro'či*) к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; (*rink*)-*a* (*ri:nka*) к. 14 'кольцо с камнем' т. 10 «Народные обычаи»; (*rink*)-*a* (*'ri:nka*) к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; (*bal*)-*a* (*'ba:la*) к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *po-slav-j-a-j-e-tь* сę (*sə pus'la:ulja*) к. 20 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; *kad-i-l-ьc-ъ* (*ka'di:ləc*) к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *plęs-av-ьc-ъ* (*p'leşavec*) к. 30 'человек, который

хорошо танцует' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-v-ъk-a* (*př:uka*) к. 33 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; (*punč*)-*ъk-a* (*pù:nčka*) к. 37 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; (*žog*)-*a* (*žó:ga*) к. 38 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *ži-v-ъl-ej-e* (*žiułéje*) к. 43 'жизнь' т. 10 «Народные обычаи»; *po-kop-j-e-ть* (*pokó:plé*) к. 46 'похоронит' т. 10 «Народные обычаи»; (*trug*)-*a* (*t'ru:γα*) к. 48 'гроб' т. 10 «Народные обычаи».

Кроме того, эксклюзивы очень часто локализируются в приморских говорах, а также в говорах Каринтии, ср.: (*pungart*)-*ъ* (*po:ŋgrat*) к. 1 'сад' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*brajd*)-*a* (*b'ra:jda*) к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*murk*)-*a* (*'mu:rka*), (*kogumar*)-*ъ* (*kə'yu:mər*) к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-j-a* (*'pɔ:šće*) к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *per-qt-ъc-e* (*però:tce*) к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *sěn-o-sěk-ъ* (*sano'sek*) к. 70 'мужчина, который косит косяком' т. 4 «Сельское хозяйство»; *za-běl-ъ*, *za-běl-a* (*'za:beɥ, ze'be:la*) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kos-i-dl-o* (*kosi:lo*) к. 59 'обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*bogn*)-*ar-ъ* (*'boɥnər*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*novič*)-*ъ* (*no'vič*) к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*novic*)-*a* (*novi:ča*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*fajf*)-*a-j-e-ть* (*fej'fa*) к. 21 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; (*žegn*)-*ъ* (*žè:hŋ*) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; (*rink*)-*ic-a* (*ri:ŋʔəca*) к. 14 'кольцо с камнем' т. 10 «Народные обычаи»; (*pavk*)-*a* (*pàuka*) к. 25 'барабан' т. 10 «Народные обычаи»; (*raj*)-*ov-ъc-ъ* (*rá:joɥc*) к. 30 'человек, который хорошо танцует' т. 10 «Народные обычаи»; (*raj*)-*ъk-a* (*ràjka*) к. 31 'плясунья' т. 10 «Народные обычаи»; (*polm*)-*ъ* (*pó:lm*) к. 38 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-děl-ъ* (*neďéɥ*) к. 42 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; (*vinaxt*)-*i* (*wi:naxtə*) к. 52 'рождество' т. 10 «Народные обычаи».

Хорватские диалекты

В хорватских диалектах эксклюзивные лексемы распространены неравномерно. Их очаги находятся чаще всего в кайкавских говорах (особенно в пп. 27, 29, 30), ср. распространение следующих лексем: *tor-ъc-ъ* (*tô:rac*) к. 8 'хорь' т. 1 «Животный мир»; *kuk-ov-ač-a* (*ku'kuvača*) к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; (*bic*)-*ъk-o* (*'bicko*) к. 7 'некастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *cuc-ъk-ъ* (*cū:cak*) к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *šip-ar-ъj-e* (*ši'kq:rje*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *žьn-j-ač-ъ* (*žěnač*) к. 68 'мужчина, который жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *mašć-a* (*mā:šća*) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vьrx-ъn-ъj-e* (*'vɥne*) к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vьrx-ъn-ъj-e* (*'vɥhne*) к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vьrx-ъn-j-a* (*'vɥhna*) к. 37 'сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žьlt-j-an-ъk-ъ* (*žu'ta:ňak*) к. 43 'желток' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *съ-sta-n-e-ть* (*sas'ta:ne*) к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *mol-d-o-žen-j-a*

(*mladožejna*), *dět-ьč-ьk-o* (*'dečko*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *mold-en-ьk-a* (*mlǫ:deŋka*) к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *mold-en-ьk-a* (*mlǫd'è:ŋka*), *ne-věst-ic-a* (*ne'vestica*), *za-rǫč-ьn-ic-a* (*za:rù:čńica*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *gost-i* (*'gosti*), *svat-i* (*'svaty*) к. 16 'свадьба' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ač-ь* (*tan'ca:č*) к. 30 'человек, который хорошо танцует' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ač-ic-a* (*tan'cačica*), (*tanc*)-*ar-ic-a* (*tanca'rica*) к. 31 'плясунья' т. 10 «Народные обычаи»; *сь-pro-vod-ь* (*spro'vod*) к. 47 'похороны' т. 10 «Народные обычаи».

Из других диалектов можно выделить чакавские и славонские говоры, в которых эксклюзивные лексемы также встречаются довольно часто, ср. распространение следующих лексем: *byk-a* (*bika*) к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»; *pǫrs-ьč-itj-ь* (*pra'sit'*) к. 31 Nsg 'porse' т. 2 «Животноводство»; *ǫz-sox-y* (*ràsove*) к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*žmul*)-*ь* (*žmu:l*) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *rǫčen-ьj-e* (*ruč'è:ne*) к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*gustoz*)-*ь* (*gus'to:ž*) к. 65 'вкусный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*meštar*)-*ь* (*mešta:r*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*bělěž*)-*ьn-ic-a* (*'bil'ežn'ica*) к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*jag*)-*an-ьj-e* (*'jo:gahe*) к. 57 'охота на диких зверей или птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*kuntra*)-*j-e-tь* (*ku:n'tra:*) к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *za-rǫč-ьn-j-ak-ь* (*za:rù:čńak*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *za-rǫč-ьn-j-ak-ь* (*za:rù:čńak*) к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*karič*)-*ic-a* (*ka'ričica*) к. 14 'кольцо с камнем' т. 10 «Народные обычаи»; *věšt-j-ьk-a* (*vī:ška*) к. 23 'колдунья' т. 10 «Народные обычаи»; *sop-ьc-ь* (*so:'pac*) к. 24 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ur-ic-a* (*toncu'rica*), (*balarin*)-*a* (*balari:na*) к. 31 'плясунья' т. 10 «Народные обычаи»; (*kantur*)-*ь* (*kan'tu:r*), (*kantator*)-*ь* (*kantatu:r*) (*kantadur*)-*ь* (*kantadu:r*), (*jač*)-*ьk-ar-ь* (*jač'ka:r*) к. 32 'человек, который хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; (*jač*)-*ьk-ar-ic-a* (*jačka'ryca*), (*kantur*)-*ic-a* (*kantu'rica*) к. 33 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; (*jač*)-*ьk-a* (*jā:čka*) к. 34 FM 2283 Nsg *pěsnь т. 10 «Народные обычаи»; *beb-ьk-a* (*'be:pka*) к. 37 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; (*cimiter*)-*ь* (*ci'miter*) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи».

Сербские диалекты

В сербских диалектах такие очаги эксклюзивов локализируются чаще всего в косовско-ресавских говорах (особенно в пп. 70, 79–80, 82–83), зетско-сенинских (особенно в п. 73–75, 78) и в призренско-тимокских говорах (особенно в пп. 86–87), ср. распространение следующих лексем: *klju-v-ьn-ic-a* (*kľu'nica*) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *morv-in-jak-ь* (*mraviñ:ak*) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *vil-in-ь konj-ic-ь* (*'vi:lin 'koñ:c*) к. 47 'стрекоза' т. 1 «Животный мир»; *šat-an-ь* (*šotâ:n*) к. 13 'самец утки' т. 2 «Животноводство»; *gur-ę* (*'gure*) к. 31 Nsg 'porse' т. 2 «Животноводство»; *plov-ьč-ę* (*plò:vče*) к. 34 'птенец утки' т. 2

«Животноводство»; *čap-on-ь=-ak-ъ* (*čapoňak*) к. 47 ‘копыто коровы’ т. 2 «Животноводство»; *kyš-a* (*kí:ša*) к. 49 ‘то, чем свинья роет землю, рыло’ т. 2 «Животноводство»; *jъz-paš-a* (*ispaša*) к. 53 ‘неогороженное место, на котором пасется скот’ т. 2 «Животноводство»; *paš-a-(luk)-ъ* (*paša'lak*) к. 53 ‘неогороженное место, на котором пасется скот’ т. 2 «Животноводство»; *reb-et-j-e-ть* (*re'beće*) к. 60 ‘ржет’ (лошадь) т. 2 «Животноводство»; *pap-on-ь=-ak-ъ* (*papoňak*) к. 47 ‘копыто коровы’ т. 2 «Животноводство»; *čuk-a-j-e-ть* (*čuka:*) к. 57 ‘клюет’ (о курице) т. 2 «Животноводство»; *съ-//-agn-a* (*zbjàgna*) к. 71 ‘суягная, котная’ т. 2 «Животноводство»; *съ-//-agn-j-est-a* (*s'jagnasta*) к. 71 ‘суягная, котная’ т. 2 «Животноводство»; *omold-i-l-a <se>* (*omla:'dila se*) к. 72 ‘родила детенышей’ (овца) т. 2 «Животноводство»; *(kolomboč)-ь* (*ko'kolomboč*) к. 54 ‘кукуруза’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *(krtol)-a* (*kř'to:la*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *molt-ač-ь* (*mlatà:č*) к. 74 ‘цеп, орудие для ручной молотьбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *čъbъr-ъn-j-ak-ъ* (*čabŕňak*) к. 2 ‘кормысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-volk-a* (*pàvlaka*) к. 36 ‘сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žъlt-ъc-e, žъlt-ъc-ь* (*žù:jce, žu'tac*) к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-ub-a* (*korùba*) к. 41 ‘скорлупа яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *perd-rqč-ъk-ъ* (*pred'ručak*) к. 58 ‘завтрак’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-éd-ь* (*o'bet*) к. 61 ‘полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lěp-Ъ* (*liěp*) к. 65 ‘вкусный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *dъrv-o-děl-j-a* (*dŕvóde'la*) к. 4 ‘человек, который строит деревянный дом’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gor-o-sěč-a* (*gorošěča*) к. 5 ‘человек, который рубит лес’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pros=-j-ač-ic-a* (*prosjáčica*) к. 60 ‘женщина, которая просит милостыню’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *въr-ač-ar-ic-a* (*vra'čarica*) к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи»; *(doboš)-ь* (*dò:boš*) к. 25 ‘барабан’ т. 10 «Народные обычаи»; *(pop)-ic-a* (*po:pica*) к. 37 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; *ko-бъl-j-a-j-e-ть se* (*kobŕlâ: se*) к. 40 ‘катится’ т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ov-ъj-e* (*gro'bo:vl'e*) к. 50 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи».

Из других диалектов можно выделить восточно-герцеговинские и смедеревско-вершакские говоры, в которых также довольно часто встречаются эксклюзивные лексемы, ср. распространение следующих лексем: *trav-ъn-ь=-ak-ъ* (*trà:vna:k*) к. 53 ‘неогороженное место, на котором пасется скот’ т. 2 «Животноводство»; *bir-ę* (*'bire*) к. 33 ‘птенец гуся’ т. 2 «Животноводство»; *kreč-i-ть* (*kré:či:*) к. 65 ‘гогочет’ (гусь) т. 2 «Животноводство»; *съ-//-agn-j-en-a* (*sjàgñena*) к. 71 ‘суягная, котная’ т. 2 «Животноводство»; *per-or-ic-a* (*préorica*) к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *stъrn-ik-ъ k.* (*stŕňik*) 43 ‘поле, с которого убрана пшеница’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *mot-ъk-a* (*mòtk-a*) к. 74 ‘цеп, орудие для ручной молотьбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *къrm-ęt-in-a* (*kŕmetina*) к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-volk-a* (*pàvlaka*) к. 37 ‘сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *(komš)-in-ъk-a* (*kómš'i.nka*) к. 3 ‘женщина, живущая в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Особенностью сербских диалектов является то, что в них довольно много представлено микроареалов эксклюзивных лексем, особенно в косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах, что говорит о динамичности процессов, протекающих в этих диалектах и сегодня, ср. распространение следующих лексем: *rovьс-ь* (*ró:vac*) к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *det-ьl-a* (*'della*) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *morv-in-j-adl-o* (*brobi'halo*) к. 42 'муравейник' т. 1 «Животный мир»; *za-bil-ь* (*za:'bio*) к. 53 'неогороженное место, на котором пасется скот' т. 2 «Животноводство»; *u-bi-va-j-e-ть <se>* (*ubi:va*) к. 56 'бодает' (о корове) т. 2 «Животноводство»; *per-vod-i-ть <se>* (*pre'vodi se*) к. 67 'находится в состоянии течки' (о корове) т. 2 «Животноводство».

Македонские диалекты

В македонских диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в западной группе говоров (особенно в пп. 90, 92, 99, 101), в юго-западной и в центральной (особенно в пп. 94, 97, 100), а также в говорах Эгейской Македонии (особенно в пп. 107–109), ср. распространение следующих лексем: *gluš-ьс-ь*, *golēm-ь gluš-ьс-ь* (*g'lušec*) к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *rip-un-ьс-ь* (*pu'punec*) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *rip-un-ьс-ь* (*pu'punec*) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *perl-ic-a* (*'přlica*) к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; *čur-i-dl-o* (*čurilo*), *čur-i-dl-ьk-a* (*čurilka*) к. 49 'рыло' т. 2 «Животноводство»; *buc-a-j-e-ть <se>* (*buca*) к. 56 'бодается' т. 2 «Животноводство»; *čest-ak-ь* (*čestak*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *teg-av-ьс-ь* (*tegavec*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *meš-un-ьk-a* (*'mešunka*) к. 15 'стручок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kop-a-j-e-ть*, *kop-ač-i-ть* (*'kopa, ko'pačī*) к. 25 'корчует' (корни деревьев) т. 4 «Сельское хозяйство»; *čuk-a-dl-o*, *čuk-a-dl-ьk-a* (*ču'kało, čukalka*) к. 74 'орудие для ручной молотьбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *or-dl-ic-i* (*'ralici*) к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; *terb-i-t-ь* (*t'rebe*) к. 25 'корчует' (корни деревьев) т. 4 «Сельское хозяйство»; (*tekn*)-*e* (*tekme*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *jьz-peč-i-ть* (*ispeče*) к. 15 '3sg praes asp perf 'печет' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *tron-ьk-y* к. 19 (*'ronki*) 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podь-kvas-ь* (*potkvas*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *po-rqč-ьk-ь* (*poruček*) к. 58 'завтрак' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *broj-e-ть* (*b'roe*) к. 50 'считает' (деньги) т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gat-ьč-ьk-a* (*gačka*) к. 77 'сказка' т. 9 «Человек»; (*bendi*)-(s)-*u-j-e-ть <se>* (*bendisue*) к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *bac-u-j-e-ть* (*bačuet*) к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *сь-vьrš-en-ik-ь* (*svršenik*) (*armas*)-*an-ь* (*ar'masan*), (*armas*)-*ьn-ik* (*ar'masnik*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *сь-vьrš-en-ic-a* (*svršenica*), (*armas*)-*an-a* (*arma'sana*), (*armas*)-*ьn-ic-a* (*ar'masnica*) к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *brak-ь* (*brak*) к. 16 'свадьба' т. 10 «Народные обычаи»; *prost-u-j-e-ть se* (*se prostujet*), *prost-uv-a-j-e-ть se* (*se prostuva*) к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»;

věšt-j-er-ъk-a (*vešterka*) к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи»; (*hor*)-*o-ži-j-a* (*ora'žia*) к. 30 ‘человек, который хорошо танцует’ т. 10 «Народные обычаи»; *za-kop-ъ* (*zakup*) к. 47 ‘похороны’ т. 10 «Народные обычаи».

Из других диалектов можно выделить северную и восточную группы македонских говоров, где реже, но также встречаются эксклюзивы, ср. распространение следующих лексем: *terb-i-t-ъ* (*t'rebit*) к. 25 ‘корчует’ (корни деревьев) т. 4 «Сельское хозяйство»; *tron-ъk-y* (*ronki*) к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sb-//rě/et-j-n-e-tъ* (*st'retna*) к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; (*bendi*)-(s)-*a-j-e-tъ* <se> (*se bendisa*) к. 2 ‘нравится’ т. 10 «Народные обычаи»; *prost-j-e-v-a-j-e-tъ* <se> (*se proškeva*) к. 18 ‘прощается’ т. 10 «Народные обычаи»; *věšt-j-er-ic-a* (*vešterica*) к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи»; *poj-ač-ъ* (*po'jač*), *pě-sn-ar-(ij)-a* (*pesnə'riə*) к. 32 ‘человек, который хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи»; *u-mъr-ež-ъ* (*umrəš*) к. 44 ‘смерть’ т. 10 «Народные обычаи».

Болгарские диалекты

В болгарских диалектах высокая концентрация эксклюзивов наблюдается в юго-восточной группе говоров (особенно в пп. 140–145), в некоторых пунктах северо-восточной группы (пп. 124, 127, 129–131, 135–138), а также в переселенческих говорах на территории Турции (пп. 852, 853), ср. распространение следующих лексем: *skak-al-ъ* (*skaka'lec*) к. 43 ‘кузнечик’ т. 1 «Животный мир»; *sinigyr-in-ъ*, *sinigyr-ъč-ę* (*se'nig'erin*, *si'nigerčī*) к. 26 ‘синица’ т. 1 «Животный мир»; *sin-ъc-ъ* (*si'nec*), *sin-ъč-ъc-ъ* (*sin-čec*) к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; *kor-en-itъ*, *jъz-kor-en-čv-a-j-e-tъ* (*koreni*, *iskur'ə'n'avə*) к. 25 ‘корчует’ (корни деревьев) т. 4 «Сельское хозяйство»; (*vrakčij*)-ъ, (*vrakčij*)-a (*vrač'cij*, *vrač'čij*) к. 68 ‘мужчина, который жнет серпом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*tizek*)-ъ (*ti'zek*) к. 34 ‘валик земли, откладываемый плугом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *sb-dorv-ъ* (*zdrav*) к. 72 ‘крепкий’ (например о перевясле) т. 4 «Сельское хозяйство»; (*kartof*)-ъ (*kər'tof*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pat-ъk-isk-j-E* (subst) (*patiško*) к. 25 ‘мясо гуся’; т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*dermenži*)-j-a (*dermen'žij*) к. 19 ‘человек, который мелет зерно на мельнице’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sb-rět-j-n-e-tъ* (*s'rešne*) к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; *bac-ъk-a-j-e-tъ* (*backə*) к. 4 ‘целует’ т. 10 «Народные обычаи»; (*d'uk'an*)-ъ (*d'uk'an*) к. 18 ‘корчма’ т. 10 «Народные обычаи»; *věn-ъč-a-v-a-j-e-tъ* <se> (*ven'čavΛsΛ*) к. 12 ‘выходит замуж’ т. 10 «Народные обычаи»; *tъrk-ul-čst-Ъ* (*t'kules*), *val-ъč-est-Ъ* (*val-čes*) к. 39 ‘круглый’ т. 10 «Народные обычаи»; *vъr-ač-ъk-a* (*v'račka*) к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи»; [*cig*]-*ul-ar-ъ* (*cigu'lar*) к. 24 ‘музыкант’ т. 10 «Народные обычаи»; *dorg-ost-ъ* (*d'ragus*) к. 28 ‘радость’ т. 10 «Народные обычаи»; (*hor*)-*o-bi-j-a* (*huru'biję*) к. 30 ‘плясун’ т. 10 «Народные обычаи»; (*hor*)-*o-bi-j-ъk-a* (*huru'bijkΛ*) к. 31 ‘плясунья’ т. 10 «Народные обычаи»; *pě-sn-ъ=о-poj-ъka* (*p'əsn'Λ'pojka*) к. 33 ‘певица’ т. 10 «Народные обычаи»; [*tъrk*]-*ul-j-a-j-e-tъ* se (*t'kol'a*), *vъg-al-j-a-j-e-tъ* se (*v'gal'a_sə*) к. 40 ‘катится’ т. 10 «Народные обычаи»; *u-mir-a-l-ъk-a* (*umi'ratkə*) к. 44 ‘смерть’ т. 10 «Народные обычаи»; *po-greb-va-j-e-tъ* (*pog'rebva*), *za-ryv-a-j-e-tъ*

(*za'riva*), *za-rav-j-a-j-e-tь* (*zə'ra'v'ə*), *za-kop-a-va-j-e-tь* (*zə'kupavə*) к. 46 'похоронит' т. 10 «Народные обычаи».

Кроме того, эксклюзивы встречаются довольно часто в западной и северо-западной группе болгарских диалектов (особенно в пп. 114, 116, 120), ср.: *klju-v-ač-ь* (*kl'u'vač*) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *šum-a* (*šuma*) к. 8 'лист' (coll) т. 3 «Растительный мир»; *or-ьn-ic-a* (*ornica*) к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *bux-a-dl-ьk-a* (*bu'valkə*) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотьбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*geran*)-ь (*ge'ran*) к. 1 'колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gqs-ьj-e* (subst) (*gəšo*) к. 25 'мясо гуся'; т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; [*cuk*]-*n-e-tь* (*cukne*) к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; *mld-o-žen-j-ak-ь* (*mladožen'ak*) к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *jьz-pě-va-j-e-tь* (*is'peva*) к. 35 'поет' т. 10 «Народные обычаи».

Чешские диалекты

В чешских диалектах очаги эксклюзивов находятся, как правило, на западе, в собственно чешских говорах (особенно выделяются пп. 179–180, 186), ср. распространение следующих лексем: *glem-yzs-jь* (*hlemi:št*) к. 34 'улитка с раковиной' т. 1 «Животный мир»; (*šnek*)-ь (*šnek*) к. 35 'улитка без раковины' т. 1 «Животный мир»; (*roc*)-ьn-a (*rocna*) к. 13 крыса т. 1 «Животный мир»; *žuž-alj-a* (*ži:žala*) к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; *kax-ьn-a* (*kaxna*) к. 22 'утка' т. 2 «Животноводство»; *grьb-ьl-ьk-o* (*hřbi:lko*) к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство»; *žьv-yk-a-j-e-tь* (*žvejka*) к. 55 'жуёт жвачку' т. 2 «Животноводство»; *po-kljud-j-i-tь, po-kljud-j-a-j-e-tь* (*pokli:zi:, poklouza:*) к. 58 'ухаживает за скотом' т. 2 «Животноводство»; *bor-ov-ьč-ьj-e* (*borofči:*) к. 43 'черника' т. 3 «Растительный мир»; *brus-in-a, brus-in-ьk-a* (*brusina, brusinjka*) к. 48 'один плод брусники' т. 3 «Растительный мир»; (*pampel*)-уш-ьk-a (*pampeliška*) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир»; *сěl-ьn-ik-ь* (*celník*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *porš-iv-ьk-a, porš-iv-in-a* (*prašifka, prašivina*) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *dqbr-av-ьn-ik-ь* (*doqbravník*) к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; (*kadl*)-et-ьk-o, (*kadl*)-et-ьk-a, (*švest*)-ьk-a (*kadla:tko, kadla:tka, šveska*) к. 6 'слива' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*plex*)-ь (*plex*) к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žьn-e-tь* (*žne*) к. 67 'косит' (траву косой) т. 4 «Сельское хозяйство»; (*brambor*)-a, (*brambor*)-ь, (*ertepl*)-j-a (*brambor, brambora, erteple*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *stud-ьn-ic-a* (*studnice*) к. 1 'колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stьkl-ěn-ic-a* (*skleňice*) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *xlěb-ov-A mqk-a* (*xlebova: moqka*) к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ньkt-ič-ьk-y* (*necki*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *drob-ьč-ьk-y* (*drobečki*) к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *сь-doj-ьk-y* (*zdojke*) к. 32 'молоко коровы сразу после отела' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

svač-ъn-j-a (svačńe) к. 61 ‘полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *derv-o-rob-ъc-ъ, lěs-ak-ъ (dřevorubec, lesa:k)* к. 5 ‘человек, который рубит лес’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *zid-ъn-ik-ъ, pekt-j-ak-ъ, pekt-j-ъn-ar-ъ (zedńi:k, peca:k, pecař)* к. 7 ‘человек, который делает печи’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *skot-ač-ъk-a, pas-ъk-a (skotačka, paska)* к. 24 ‘женщина, которая пасет скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ovъč-ak-ъ (vořča:k)* к. 25 ‘овчар’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *do-pis-ъ (dopis)* к. 38 ‘письмо’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *(kantor)-ъ (kantor)* к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *strěl-ъc-ъ (střelec)* к. 56 ‘человек, который охотится’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *na-měst-ъj-e (na:mjestí:)* к. 47 ‘рынок’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *snub-en-ъc-ъ (snoубenec)* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *snub-en-ъk-a (snoубenka)* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; *vesel-ъk-a (veselka), vesel-ost-ъ (veselost)* к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *gъd-ъb-ъn-ik-ъ (hudebńi:k)* к. 24 ‘музыкант’ т. 10 «Народные обычаи»; *gъran-in-ъk-a (paniňka)* к. 37 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; *meč-ud-a (mičuda), (balon)-ъk-ъ (balo:nek)* к. 38 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи»; *(ork)-y (rakef)* к. 48 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; *(vánoč)-ъn-i světъ-k-y (va:nočńi: sva:tki)* к. 52 ‘Рождество’ т. 10 «Народные обычаи»; *čъrv-en-i světъk-y (červení: sva:tki)* к. 53 ‘Пасха’ т. 10 «Народные обычаи»; *tořdl-u-j-e-tъ (třdluje)* к. 27 ‘танцует’ т. 10 «Народные обычаи».

Из других диалектных групп заметно выделяются ганацкие говоры (особенно п. 195), в которых также достаточно часто встречаются эксклюзивы, ср. распространение следующих лексем: *něm-ъk-a (němka)* к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; *grъb-ъl-ъc-e (hřebeľco)* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *tur-ъk-yn-j-ъ (turkiňa)* к. 54 ‘кукуруза’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *gol-ъk-a (huľka)* к. 84 ‘палка грабель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *kys-an-ъ (kesane:)* к. 44 ‘кислый, квашеный’ (о капусте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъn-jъd-e-tъ <se> (zende se)* к. 1 ‘встретит’ т. 10 «Народные обычаи»; *kur-ъl-j-ak-ъ (kuřla:k)* к. 22 ‘курильщик’ т. 10 «Народные обычаи»; *po-děl-ъ (podíl)* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи».

Словацкие диалекты

В словацких диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в западнословацких говорах (их высокая концентрация отмечена в пп. 211–212, 221), а также в среднесловацких говорах (особенно в пп. 217–220, 224), ср. распространение следующих лексем: *(gol)-a (go:l’a)* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *ko=č-е (koča)* к. 25 ‘котенок’ т. 2 «Животноводство»; *top-ъn-j-a (tjoňa)* к. 6 ‘тень’ т. 3 «Растительный мир»; *bor-in-a (borina)* к. 18 ‘хвойный лес’ т. 3 «Растительный мир»; *bor-ov-ъk-a (boroуka)* к. 38 ‘можжевельник’ т. 3 «Растительный мир»; *čičor-ěd-ъk-a (čičorie:tka)* к. 43 ‘черника’ т. 3 «Растительный мир»; *skor-o-cěl-ъ (skorocel)* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *dъb-ak-ъ (duba:k)* к. 55 ‘боровик’ т. 3 «Растительный мир»; *vin-ič-ъ (vińič)* к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *raj-ъč-in-a (rajčina)* к. 18 ‘помидор’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *žig-ъl-j-av-a, pъlg-ъl-j-av-a*

(*ži:hľava, pr:hľava*) к. 22 ‘крапива’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *per-nog-y, plug-ov-ič-ě (pre:nohi, pluhovice)* к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ne-veď-j-a (ňeveža)* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*krumpl)-j-a (krumpla)* к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-mŕv-in-y, ob-mŕv-in-ŕk-y, ob-mel-in-ŕk-y (omŕvini, omŕvinky, omelinky)* к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lyž-ic-a (ližica)* к. 52 ‘ложка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*pohar)-ik-ŕ (poha:rik)* к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ran-ŕ=a-j-ŕk-y (raňajke)* к. 58 ‘завтрак’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *derŕv-o-rŕb-ač-ŕ, rŕb-ar-ŕ (šlog)-ar-ŕ, (šajt)-ar-ŕ (drevorubač, ru:ba:r, šloga:r, šajta:r)* к. 5 ‘человек, который рубит лес’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*ceruz)-ŕk-a (ceruska)* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*rat)-a-j-e-tŕ, (rat)-j-e-tŕ (ra:ta, ra:ce)* к. 50 ‘считает деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *běd-ar-ŕk-a (beda:rka)* к. 65 ‘бедная женщина’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sŕ-ljub-en-ŕc-ŕ (slu:benec), vŕ-en-ŕc-ŕ (vereňec), oť-da-n-ŕc-ŕ (oddanec), (braldigan)-ŕ (braldigan)* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; *mŕld-o-žen-ix-ŕ (mladoženi:x)* к. 9 ‘мужчина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *sŕ-rŕk-ov-an-a (zrukovana), sŕ-ljub-en-ŕk-a (slu:beňka)* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; (*bralt)-a (bralta)* к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; *kot-ul-ŕk-a (kotu:lka), (karič)-ŕk-a (garička)* к. 15 ‘обручальное кольцо’ т. 10 «Народные обычаи»; *ŕz-lŕč-i-tŕ <se> (rozluči še)* к. 18 ‘прощается’ т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc)-ul-j-a (tancuľa)* к. 31 ‘плясунья’ т. 10 «Народные обычаи»; *bab-ik-a (ba:bika), gŕpan-ič-ŕk-a (paňička)* к. 37 ‘кукла’ т. 10 «Народные обычаи»; (*cinterin)-ŕ (ciníeri:n)* к. 50 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи».

Значительно реже эксклюзивы локализируются в восточнорусских говорах, здесь, пожалуй, самыми заметными являются пп. 225, 230 в которых чаще всего встречаются эксклюзивные лексемы, ср. распространение следующих лексем: *ŕtŕniš-ŕk-u-j-e-tŕ (vimiškuje)* к. 59 ‘кастрирует’ т. 2 «Животноводство»; *sŕ-běs-ŕn-ě-tŕ (zběšneti)* к. 73 ‘бешеный’ (о собаке) т. 2 «Животноводство»; *kon-ar-ŕ (kona:r)* к. 4 ‘ветка хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»; *modr-ač-ŕk-a (modračka)* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ŕ-ač-ŕ (košač)* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *mŕlt-j-ač-ŕ (mlacač)* к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*bandur)-ŕk-a (bandurka)* к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*valal)-ŕ (valal)* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sŕ-ljub-en-ic-a (slu:beňica)* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; (*štafirung)-ŕ (štafirunŕk)* к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; *vŕž-ŕk-yn-j-a (vraškiňa)* к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи».

Лужицкие диалекты

В лужицких диалектах очаги эксклюзивов отмечены в отдельных пунктах как верхелужицких (чаще всего в п. 236), так и нижелужицких диалектов (особенно в п. 234), ср. распространение следующих лексем: *ux-ač-ŕ (uxac, цухас)* к. 11

‘заяц’ т. 1 «Животный мир»; *bog-ov-ъ konj-ik-ъ* (*'bogoуу 'ken'ik*) к. 47 ‘стрекоза’ т. 1 «Животный мир»; (*hon*)-*ък-ъ*, (*hon*)-*ак-ъ* (*honak*), (*hon*)-*ащ-ъ* (*honac*) к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *kot-j-er* (*kocor*) к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство»; (*šar*)-*it-ъ* (*ušar'ic*) к. 12 ‘пугает, внушает страх’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pust-o* (*puste*) (subst) к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*nojlant*)-*ъ* (*nojlant*) к. 26 ‘поле, вспаханное и засеянное впервые’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *pri-nož-ič-ě* (*pšinožyce*) к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *kostr-j-an-ъс-ъ*, *kostr-j-an-ък-ъ* (*kostr'anjк, koster'janc*) к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *krqt-ъ* (*kruty*) к. 72 ‘крепкий’ (например о перевясле) т. 4 «Сельское хозяйство»; (*kul*)-*ък-а* (*kul'ka*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*mьlin*)-*ик-ъ* (*mujik*) к. 19 ‘человек, который мелет зерно на мельнице’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ljub-j-ъ* ‘обещать’ к. 4 Sm 2195 *Isg praes ljubjo, ljubimь* т. 10 «Народные обычаи»; *съ-bož-ъj-e* (*zbožě*), (*gluk*)-*а* (*gl'uka*) к. 7 ‘счастье’ т. 10 «Народные обычаи»; *kvas-ъ* (*kuas*) к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *χод-от-а* (*χодота*) к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи»; (*frejđ*)-*а* (*frejđa*) к. 28 ‘радость’ т. 10 «Народные обычаи»; (*rej*)-*ов-ар-ък-а* (*rejoуarka*) к. 32 ‘плясунья’ т. 10 «Народные обычаи»; (*bal*)-*о* (*balъ*) к. 38 ‘мяч’ т. 10 «Народные обычаи».

Польские диалекты

В польских диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в великопольских (высокая концентрация их отмечена в пп. 260, 270) и в кашубских говорах (особенно в пп. 242, 249), ср. распространение следующих лексем: *stьkl-arj-ъ* (*šklaš*) к. 47 ‘стрекоза’ т. 1 «Животный мир»; *tryk-ъ* (*tryk*) к. 4 ‘баран’ т. 2 «Животноводство»; (*kater*)-*ъ* (*k#oter*) к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство»; *kur-ak-ъ* (*kurak*) к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *пъс-ъ=ак-ъ* (*pšak*) к. 26 ‘щенок’ т. 2 «Животноводство»; *кащ-ъ=ак-ъ* (*kačak*) к. 34 ‘гусенок’ т. 2 «Животноводство»; *съ-тъrv-ъ* (*šćerf*) к. 51 ‘падаль’ т. 2 «Животноводство»; *pas-ъn-ик-ъ* (*pašnik*) к. 53 ‘пастбище’ т. 2 «Животноводство»; *о-прет-а-j-e-ть* (*opšonta*) к. 58 ‘ухаживает за скотом’ т. 2 «Животноводство»; *мъniš-i-ть* (*mniši*) к. 59 ‘кастрирует’ т. 2 «Животноводство»; *kur-ъ* (*kur*) к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *съ-дъх-ъл-изн-а* (*zdexlizna*) к. 51 ‘падаль’ т. 2 «Животноводство»; *bor-ъ* (*bor*) к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; *xvoj-ak-ъ* (*хоjak*) к. 17 ‘хвоя’ т. 3 «Растительный мир»; *бъd-ъл-ък-а* (*betka*) к. 54 ‘съедобный гриб’ т. 3 «Растительный мир»; *sox-у* (*soxi*) к. 30 ‘ручки плуга’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *хъrp-ъ* (*xaber*) к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *do-sta-va-j-e-ть* <*se*> (*dostaja še*) к. 63 ‘зреет, спел’ (о хлебах) т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ъn-ик-ъ* (*košnik*) к. 70 ‘мужчина который косит кося’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*draš*)-*у-j-e-ть* (*drašuje*) к. 73 ‘молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство» *molт-j-ar-ъ* (*m#očoš*) к. 77 ‘мужчина, который молотит цепом’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*pyr*)-*ък-а* (*pyrka*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ot-klad-ъn-ic-а* (*otkudnica*) к. 32 ‘часть плуга, которая откладывает землю на бок’ т. 4 «Сельское хозяйство»; (*šand*)-*у*, (*ped*)-*у* (*šunđi, peđi*) к. 2 ‘кормысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prag-ъn-ещ-ък-а*

(*pragńónčka*) к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-an-j-ь* (*koron*) к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žn-e-tь* (*žne*) к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ber-ьk-a, pri-lěr-ьk-a* (*цeб'eřka, pšilepka*) к. 18 ‘горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kruš-in-y, ob-kruš-ьk-y* (*krušyny, okruški*) к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skop-ov-in-a* (*skopov'ina*) к. 24 ‘мясо барана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-kras-a* (*okrasa*) к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kuš-en-ь* (*k'išono*) к. 44 ‘кислый, квашеный’ (о капусте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vьr-ęt-ьk-ь* (*vžuntek*) к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ber-ьk-y, ob-ber-in-y, struž-in-y* (*ob'erk'i, ob'ežyny, stružyny*) к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šьv-ьc-ьk-a* (*šefčka*) к. 14 ‘жена сапожника’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*mьlinar*)-*ьč-ik-ь* (*mьlynarcyk*) к. 21 ‘сын мельника’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pas-t-ur-ьk-a, pas-t-or-ьk-a* (*pasturka, pastorka*) к. 24 ‘женщина, которая пасет скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *bor-ar-ь, (klaft)-j-ar-ь* (*boraš, klafčaš*) к. 5 ‘человек, который рубит лес’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*škol*)-*ьn-ь* (*školni*) к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*jaχt*)-*a* (*jaχta*) к. 57 ‘охота на диких зверей, птиц’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *prьja-j-e-tь* (*pšaje*) к. 3 ‘любит’ (мать) т. 10 «Народные обычаи»; *mьž-at-ьk-a* (*měžatka*) к. 13 ‘молодая женщина, недавно вышедшая замуж’ т. 10 «Народные обычаи»; *jьm-a-jęt-ьk-ь* (*majontek*) к. 17 ‘приданое’ т. 10 «Народные обычаи»; *otь-vit-a-j-e-tь* <se> (*odv'ita še*), *sь-ręt-a-j-e-tь* <se> (*srato ša*) к. 18 ‘прощается’ т. 10 «Народные обычаи»; *kop-ьt-i-tь* (*kopci*) к. 21 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи»; *tet-a* (*č'eta*) к. 23 ‘колдунья’ т. 10 «Народные обычаи»; *sь-pě-v-ьk-a* (*šp'yfka*) к. 34 ‘песня’ т. 10 «Народные обычаи»; [*tul*]-*a-j-e-tь* se (*tuloše*) к. 40 ‘катится’ т. 10 «Народные обычаи»; (*zark*)-*ь* (*zark*) к. 48 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; *god-ьn-y svęt-ь* (*godny šf'anta*) к. 52 ‘Рождество’ т. 10 «Народные обычаи»; *jьz mьrtv-y vьz-st-an-ьj-e* (*zmartvyxfstaňe*) к. 53 ‘Пасха’ т. 10 «Народные обычаи».

Из других польских диалектов заметно выделяются мазовецкие (особенно пп. 251, 262, 263, 271, 274, 283, 285, 295) и малопольские говоры, в которых также довольно часто встречаются эксклюзивы (особенно в п. 291), ср. распространение следующих лексем: *berg-ь* (*bžyk*) к. 18 ‘горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krьž-ьč-in-y* (*kščyny*) к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skrob-in-y, ob-skrob-in-y* (*skrob'iny, ьošskrob'iny*) к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *сус-ьk-a* (*суска*) к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šьv-ьc-ul-j-a* (*sefcula*) к. 14 ‘жена сапожника’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pas-t-ux-a* (*pastuxa*) к. 24 ‘женщина, которая пасет скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

(*brut*)-*ъk-a* (*b'rutka*) к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *pal-ęt-j-ъ* (*palač*) к. 22 'курильщик' т. 10 «Народные обычаи»; *ъgraj-ъk-ъ* (*grajek*) к. 24 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; (*x*)*vij-uk-a-ть* (*fjuka*) к. 36 'свистит' т. 10 «Народные обычаи».

Белорусские диалекты

Ситуация в белорусских диалектах интересна тем, что здесь зафиксировано меньше всего эксклюзивных лексем. Они, как правило, не имеют обширных ареалов и локализуются чаще всего в среднебелорусских (особенно часто в пп. 331, 338, 346, 367), в северо-восточных (особенно в пп. 332, 340, 348, 358, 368, 378) и в юго-западных (особенно в пп. 345, 355) говорах, ср. распространение следующих лексем: *mur-av-ъj-ъ* (*mura'v'ej*) к. 42 'муравейник' т. 1 «Животный мир»; *koz-ъл-ъ* (*ka'z'ol*) к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *žerb-ъk-ъ* (*žara'bok*) к. 1 'жеребец' т. 2 «Животноводство»; *kot-en-ъ=о* (*kač'a'n'o*) к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *po-klad-a-j-e-ть* (*pakla'daja*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *jal-ъc-ъ, podъ-jal-ov-ъc-ъ* к. 38 'можжевельник' т. 3 «Растительный мир»; *съjb-al-in-у* к. 41 'ежевика' т. 3 «Растительный мир»; *въjč-ъ=-ak-ъ* к. 56 'ядовитый гриб' т. «Растительный мир»; *or-at-ъ* (*a'raty*) к. 27 'человек, который пашет' т. 4 «Сельское хозяйство»; *na-rog-ъ* (*na'rox*) к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *тъšč-Б, нѣ-съ-čet-ьн-Б* (*toščyj, n'iš'čymnyj*) к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тъlst-ost-ъ, съ-dor-ъ* (*t'lustas'c', zdor*) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-mel-ъšč-ik-ъ* (*pad'm'el'ščyk*) к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pol-j-ov-ьn-ič-ъ* (*pəl'aŭ'n'ičy*) к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *съ-po-tyk-n-e-ть* <*se*> (*spatyk'n'e*), *per-ъm-e-ть* (*p'a'rejm'a*), *sq-dos-i-ть* (*su'dosyt*) к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *dol-j-a* (*'dol'a*) к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи»; *žen-ъ=-uk-ъ* (*ž'a'n'uk*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *mold-en-ъ* (*mala'z'on*) к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; (*bond*)-*a* (*'bonda*) к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-j-un-ъ* (*p'a'jun*) к. 32 'человек, который хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-j-ux-a* (*p'a'juxa*), *pě-j-ul-j-a* (*p'a'jul':a*) к. 33 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *po-xov-a-n-ъj-e* (*paħa'van':a*) к. 47 'похороны' т. 10 «Народные обычаи»; *klad-ov-ъj-e* (*k'ladaŭ'jo*), *klad-ov-ъj-a* (*k'lodaŭ'ja*) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи».

Украинские диалекты

В украинских диалектах эксклюзивных лексем представлено довольно много, однако плотность их ареалов невысока. Основные очаги их находятся в юго-западных (особенно часто они встречаются в пп. 466–468, 471, 485) и в юго-восточных говорах (особенно в пп. 492–493, 501–502), ср. распространение следующих лексем: (*ravl*)-*ik-ъ* (*'raŭlyk*) к. 35 'улитка без раковины' т. 1 «Животный мир»; *pa-ъ=uk-ъ* (*pa'c'uk*) к. 8 'боров' т. 2 «Животноводство»; *кус-ъk-a* (*'кус'ka*) к. 16 'кошка'

т. 2 «Животноводство»; *pac-ε* (*pa'c'a*) к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *rak-ot-ic-a* (*'rakotyc'a*) к. 47 'копыто' т. 2 «Животноводство»; *сѣ-дѣх-ѣл-ѣ=ак-а*, *сѣ-дѣх-ѣл-ѣ=ак-ѣ* (*zdox'l'aka, zdox'l'ek*) к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *greb-ѣl-ic-a* (*hrab'lyc'a*) к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство»; *pas-ov-išč-e* (*pasovyšč'e*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *tolk-a* (*to'loka*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; (*jimaš*)-ѣ (*ji'maš*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *por-a-j-e-ть* (*'poraje*) к. 58 'ухаживает за скотом' т. 2 «Животноводство»; *do-zir-a-j-e-ть* (*dozy'raje*) к. 58 'ухаживает за скотом' т. 2 «Животноводство»; (*xoroš*)-а-*j-e-ть*, (*xoroš*)-ѣ-*j-e-ть*, (*xoroš*)-е-*j-e-ть* (*xorošat, harašaje*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *vy-čičš-a-j-e-ть* (*vyčyš'čaje*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *gelg-oč-e-ть*, *gelg-ot-i-ть* (*gel'goče*) к. 65 'гогочет' т. 2 «Животноводство»; *kaxk-a-j-e-ть* (*'kaxkaje*) к. 66 'крякает' т. 2 «Животноводство»; *kaxk-ot-i-ть* (*kax'kotyt'*) к. 66 'крякает' т. 2 «Животноводство»; *gost-j-ak-ѣ* (*hušč'ak*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *xvost-j-a*, *xvost-j-ѣ* (*xasč'i*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *mod-r-in-a* (*mod'ryna*) к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; (*kedr*)-а (*'kedra*) к. 33 'лиственница' т. 3 «Растительный мир»; (*kert*)-ѣ (*kert*) к. 10 'огороженное место, где растут овощи' т. 4 «Сельское хозяйство»; *plug-(ator)-ѣ* (*plu'hator*) к. 27 'человек, который пашет' т. 4 «Сельское хозяйство»; *жѣн-ѣ-ix-a* (*žyn'čuxa*) к. 69 'женщина, которая жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *bi-dl-en-ѣ* (*'bylyn*) к. 76 'часть цепа, которым бьют по колосьям' т. 4 «Сельское хозяйство»; *сѣ-молт-j-ak-ѣ* (*zm'loc'ok*) к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*barabol*)-*j-a* (*bara'bol'a*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žag-a*, *сѣ-prag-a* (*žaha, sp'raha*) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *roб-a-j-e-ть* (*ru'baje*) к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *лѣб-ѣк-ѣ* (*l'obok*) к. 18 'горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *star-ѣк-a* (*s'tarka*) к. 31 'пенка' (на молоке); т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *вѣрш-ѣк-у* (*vērš'ku*) к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kraš-en-ѣк-a* (*k'rašanka*) к. 39 'яйцо' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skor-up-aj-ѣк-a* (*škorupajka*) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *куп-ѣт-j-ѣ* (*kup'jač'*) к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *лушп-in-ѣ-j-e* (*luš'pin'e*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *лѣк-ar-ѣš-a* (*'l'ikarša*) к. 29 'женщина-врач' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pol-j-ov-an-ѣ-j-a* (*pol'u'van'a*) к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *zѣл-y-dѣn-i*, *xud-ob-ѣstv-o* (*z'lydn'i, xu'dopstvo*) к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *сѣ-dѣb-a-j-e-ть* <*se*> (*z'debaje*), *сѣ-dѣb-i-ть* (*z'dыbyt'*) к. 1 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *сѣl-j-u-j-e-ть* (*čil'uje*) к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; (*serenč*)-а (*sy'ryn'č'a*) к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи»; *za-roč-en-ѣ* (*za'ručany*), *pa-orb-ѣк-ѣ* (*'par'ibok*), *ход-ѣк-ѣ* (*xo'dak*), *svat-ač-ѣ* (*sva'tač*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *mol-d-ic-a* (*molod'yc'a*), *dѣv-ѣč-in-a* (*d'ičyna*) к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-vѣst-ѣк-a* (*ne'w'istka*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»;

o-druž-u-j-e-tь <se> (*od'ružujɛs':e*), *po-druž-u-j-e-tь* <se> (*pod'ružujɛs'a*) к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-věst-ъk-a* (*ny'vistka*), *žen-ъk-a* (*žynka*) к. 13 'молодая женщина, недавно вышедшая замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *ob-vod-ьс-ь* (*ob'i'dec*), *ka-=b-lqč-ъk-a* (*kab'lučka*) к. 14 'кольцо с камнем' т. 10 «Народные обычаи»; *ka-=b-lqč-ъk-a* (*kab'lučka*) к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; *pri-da-n-ъj-e* (*p'rydan':e*), *po-dar-ъk-y* (*po'dark'i*), *pri-gon-ъ* (*pryh'in*), *postel-ъ* (*postel'*), *čest-ъ* (*č'as'c*) к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *ot-klan-j-u-j-e-tь* <se> (*otk'lan'ujes'a*) к. 18 'прощается' т. 10 «Народные обычаи»; (*muzik*)-у (*mu'zuku*) к. 24 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; *bqb-ъn-a* (*bubna*), *bux-a-dl-o* (*buxalo*) к. 23 'барабан' т. 10 «Народные обычаи»; *bqb-ъn-o* (*bubno*), *bqb-ъn-a* (*bubna*), *bqb-ъn-ъk-a* (*bubonka*) к. 26 'бубен' т. 10 «Народные обычаи»; (*tanc*)-*ur-ist-a* (*tanc'urista*) к. 30 'плясун' т. 10 «Народные обычаи»; *pleš-un-ъk-a* (*pl'a'sunka*), (*tanc*)-*ur-ist-a* (*tanc'u'rysta*) к. 31 'плясунья' т. 10 «Народные обычаи»; *сь-pě-v-ьс-ь* (*sp'i'vec*) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; (*babouk*)-*a* (*ba'bouka*) к. 37 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; (*bomb*)-*a* (*bomba*), (*mindž*)-*a* (*m'in'ž'a*) к. 38 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *kot-j-a-j-e-tь se* (*ku'c'ajic'a*, *ko'č'ejesə*), *kat-j-a-j-e-tь se* (*ka'čejec':a*), *kat-ul-j-a-j-e-tь se* (*katul'ejis'i*) к. 40 'катится' (о мяче) т. 10 «Народные обычаи»; *сь-pręt-e-tь* (*sp'r'ače*) к. 42 'похоронит' т. 10 «Народные обычаи»; *ob-pro-vod-ъ* (*upro'wnt*), *po-xov-ъk-ъ* (*po'xovok*) к. 47 'похороны' т. 10 «Народные обычаи»; *deřv-išč-e* (*dere'vyšče*), (*koporsul*)-ъ (*pokor'suц*) к. 48 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-in-a* (*domo'vyna*) к. 49 'могила' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ъk-y* (*hrob'k'i*), *grob-y* (*hro'by*) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»; *rod-j-ьstv-ьn-y svęt-ъ* (*ryzd'van'i s'v'ata*) к. 52 'Рождество' т. 10 «Народные обычаи»; *svęt-y vel-ik-ъ-dъn-j-i* (*vš'lykodn'i s'v'ita*) к. 53 'Пасха' т. 10 «Народные обычаи».

Русские диалекты

В русских диалектах очаги эксклюзивных лексем локализируются в основном в севернорусских архангельских (особенно часто в пп. 542–543, 549) и вологодских говорах (особенно в пп. 602–603), значительно реже они встречаются в среднерусских новгородских (п. 631, 637), псковских (п. 652) и тверских (п. 694) говорах, кроме того, высокая концентрация их отмечена в русских старожильческих говорах в Эстонии (п. 527), ср. распространение следующих лексем: (*veks*)-*a* (*v'ekša*) к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир»; *kur-o-pъt-ъ* (*kuro-pot*) к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *mur-aš-ъ* (*mu'raš*) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *ry-t-ik-ъ* (*ryt'ik*) к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *kočet-ъ* (*'koč'et*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *klux-a*, *klus-a*, *klus-ъk-a* (*'kluxa*, *'klus-a*, *'kluska*) к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *po-skot-in-a* (*po'skot'ina*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *pět-un-ъ* (*p'i'tun*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *par-un-j-a* (*pa'run'ja*) к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *par-ux-a* (*pa'ruxa*) к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *sam-o-sěd-ъk-a* (*samo's'etka*) к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *xrjak-ъ* (*xr'ak*) к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; *na-sěd-ux-a* (*nas'e'duxa*)

к. 18 'курица, которая высидывает яйца' т. 2 «Животноводство»; *žyv-ač-i-tь* (*žvačit*) к. 55 'жует жвачку' т. 2 «Животноводство»; *klad-e-tь* (*kla'd'ot*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *lož-i-tь* (*ložyt*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *pogan-uš-ь* (*po'ganuš*) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *pogan-ьс-ь* (*po'gan'ec*) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *na-zem-ь* (*na'z'om*) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ot-réz-ь, nos-ь, nos-ьк-ь* (*ot'r'ez, nos, no'sok*) к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žn-i-tv-in-a* (*žn'itv'ina*) к. 38 'поле, с которого убраны хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ov-išč-e, kos-ov-ьj-e* (*koso'v'išč'e, koso'v'jo*) к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ak-ь* (*ko'sak*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vez-ьк-a, съ-vez-ьк-a* (*v'aska, sv'aska*) к. 71 'соломенный жгут, которым перевязывают снопы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *molt-i-dl-o, pri-oz-a, pri-oz-ьj-e* (*molot'ilo, pr'i'vuz'je, pr'ivaxa*) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *po-kos-ь* (*pa'kos*) к. 83 'время, когда косят траву на сено' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ključ-ь* (*kl'uč'*) к. 1 'колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vod-o-nos-ь* (*vado'nos*) к. 2 'кормысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-ь* (*prostoj*) к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kol'd-a, kvaš-ьn-j-a, želb-ь* (*ko'loda, kvaš'n'a, žolop*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gьrb-ьк-ь, gьrb-uš-ьк-ь, krom-ьč-ьк-a* (*gor'bok, gar'bušak k'romočka*) к. 18 'горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krъx-y, krъš-on-ьк-a* (*k'rox'i, kro'šonka*) к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korv-in-a, korv-ьt-in-a* (*ko'rov'ina, koro'v'at'ina*) к. 22 'мясо коровы или вола' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-švar-ьк-y, ob-šur-ьк-y, vy-top-ьк-y, ob-top-ьк-y* (*ašk'vark'i, o'šurk'i, vьtapk'i, o'topk'i*) к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-o-kuš-a, kys-ьl-ux-a* (*prasto'k'iša, k'is'luxa*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ь* (*u'stoj*) к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skor-ьк-a* (*skorka*) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *běl-yš-ьк-o* (*b'elьiško*) к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žьlt-yš-ьк-o* (*žoц-tyško*) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *streп-a-j-e-tь* (*st'r'apait*) к. 45 'варит, готовит' (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-ьк-a, kož-ur-a* (*korka, kožu'ra*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-in-ь, pa-už-ьn-a* (*paužyn, paužna*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *už-ьn-a, už-in-a* (*užna, užyna*) к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *po-gost-ь* (*pogos*) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *šьv-ьč-i-x-a* (*šv'e'c'ixa*) к. 18 'женщина, которая шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-bir-a-x-a, po-bir-aš-ьк-a, po-bir-uš-ьк-a, съ-bir-un-ь* (*pob'i'raxa, pob'i'raška, pob'i'ruška, zb'i'run*) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии

и общественная жизнь»; *po-bir-uḡ-a*, *po-mir-uš-ьk-a* (*pob'i'ruḡa*, *pəm'i'ruškə*) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kad-ьč-ьп-ик-ь*, *kad-uš-ьč-ьп-ик-ь* (*'kadošn'ik*, *ka'dušəšn'ik*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-mel-ьšč-ик-ь*, *mḡk-o-mol-ь* (*po'm'el'š.ыk*, *muka'mol*) к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *brjuš-in-a* (*br'u'sыna*) к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *brjuḡ-ov-in-a* (*br'uxo'v'ina*) к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *plet-ьп-ь* (*p'l'et'en'*) к. 26 'коса, заплетенные волосы у женщины' т. 9 «Человек»; *xol-ьk-a* (*'xolka*) к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *lap-ost-ь* (*'lapos'*) к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *gḡed-n-e-ть <seḡ>* (*g'l'en'ec':a*), *kaž-e-ть seḡ* (*'kažoc':a*) к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *tabač-ьп-ик-ь* (*ta'bac'n'ik*) к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-sn-o-(xor)-ь* (*p'esno'xor*) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-sn-o-(xor)-ьk-a* (*p'esno'xorka*) к. 33 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-išč-e* (*domo'v'iš':o*) к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»; *ži-r-a* (*'žыra*) к. 43 'жизнь' т. 10 «Народные обычаи».

Из других русских диалектов можно выделить южнорусские тульские (особенно п. 778) и орловские (п. 825) говоры, ср. распространение следующих лесем: *сѣр-ин-ьk-a* (*сы'p'inka*) к. 76 'часть цепа, которым бьют колосья' т. 4 «Сельское хозяйство»; *lotok-ь* (*la'tok*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kys-ьl-uš-ьk-a* (*k'is'luška*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glin-ьп-ьп-ь* (*γ'l'in:əj*) к. 50 'сделанный из глины' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *melz-ьj-e* (*ma'loz'ja*) к. 32 'молоко коровы сразу после отела' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svěž-in-a* (*s'v'i'ž'ina*) к. 21 'мясо свиньи' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *бьč-ar-ь*, *бьč-ar-ьп-ик-ь* (*ba'č'ar*, *ba'č'arn'ik*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *žul-ик-ь* (*'žul'ik*) к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-bir-aš-ьk-a* *po-bir-uš-ьk-a* (*pob'i'raška*, *pob'i'ruška*) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *buld-уž-ьk-a* (*bul'dыška*) к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *mḡld-aj-ьk-a* (*mḡla'dajka*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *ьjgr-un-ь* (*iy'run*), *pě-v-ьč-B* (subst) (*p'efč'ij*) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *ьjgr-un-ьj-a* (*ig'run'ja*), *ьjgr-ux-a* (*iy'ruḡə*) к. 33 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи».

Анализ эксклюзивных лексем, представленных в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа», показал, что эксклюзивы характерны для всех славянских диалектов, однако самая высокая концентрация их наблюдается в южно- и западнославянских диалектах, особенно в словенских, болгарских, чешских и словацких.

Причем во всех славянских диалектах можно и сегодня наблюдать процесс образования эксклюзивных лексем, о чем свидетельствуют их **микроареалы**, ср., например, распространение следующих эксклюзивных лексем в **словенских** диалектах *moč-ъn-ik-ъ* ('mrač'ni:k) к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *vin-ik-a* (veni:ka) к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; *modr-uš-ъ* (mōd'ri:s) к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vъx-ъj-e, masl-o* ('vъxje, mɑ:slo) к. 37 'сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *děl-av-ъc-a* ('dēlaveca) к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gost-(ij)-a* (gos'teija), *gost-iv-a-n-ъj-e* (gōs'tu:vaje) к. 16 'свадьба' т. 10 «Народные обычаи»; *vesel-i-ть sę* (vəsəli:m se), *sę vesel-i-ть* (sə vəsə'li:m) к. 25 *1sg praes radujq* (sę) т. 10 «Народные обычаи»; *plęs-a-l-ъc-ъ* (pl'e'sa:lǽc) к. 28 'человек, который хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *(punc)-a* (pù:nca), *ljub-a* (lǔba), к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *ob-žen-i-ть <сę>* (až'i:žnę sę) к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; в **сербских**: *rov-ъc-ъ* (rō:vac) к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *dęt-ъл-a* ('deta) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *mor-v-in-j-adl-o* (brobi'ňalo) к. 42 'муравейник' т. 1 «Животный мир»; *za-bil-ъ* (za:'bio) к. 53 'неогороженное место, на котором пасется скот' т. 2 «Животноводство»; *u-bi-va-j-e-ть <сę>* (ubi:va) к. 56 'бодает' (о корове) т. 2 «Животноводство»; *per-vod-i-ть <сę>* (pre'vodi se) к. 67 'находится в состоянии течки' (о корове) т. 2 «Животноводство»; в **македонских**: *na-jd-e-ть* к. 1 ('najde) 'встретит' т. 10 «Народные обычаи»; *sv-vъrš-en-ъ* (sv'ršēn) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *sv-vъrš-en-a* (svəršēna) к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; *da-v-a-j-e-ть <сę>* (se davat) к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *(hor)-o-bъr-ъk-a*, (oro'berka), *(hor)-o-ži-j-a* (xoro'žia), *(hor)-o-ži-j-ъk-a* (xoro'žijka) к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»; *u-mъrt-ъ* ('umorot) к. 41 'смерть' т. 10 «Народные обычаи»; или в **польских**: *u-zbr-i-ть <сę>* (uźry še) к. 1 'встретит'; *o-dob-u-j-e-ть <сę>* (podobuje še) к. 2 'нравится'; *ljub-ъk-a-j-e-ть* (lupka), *kox-a-j-e-ть* (koxa) к. 4 'целует'; *kox-an-ъk-ъ* (koxanek), *za-let-ъn-ik-ъ* (zqulytnik) к. 8 'жених'; *nO//o-žen-j-ъ* ('naćežēn) к. 9 'мужчина в день свадьбы'; *(brut)-ъk-a* (brutka) к. 11 'женщина в день свадьбы'; *vy-ręd-a* (vyžēnda) к. 17 'приданое'; *(knaјpa)* к. 18 'корчма'; *тъm-i-ть* (čm'i) к. 21 'курит'; *kur-j-av-a* (kuřava), *(faj)-ъk-ar-ъ* (fajkař) к. 22 'курильщик'; *u-těx-a* ('ućexa) к. 28 'радость'; *gul-j-ъc-ъ* (yuloc) к. 30 'плясун'; *toč-ъk-a* (točka) к. 37 'кукла'; *let-i-ть* (leci) к. 40 'катится'; *svęt-a* (f) (šv'enta) к. 40 'праздник'; *ost-ux-a* (kostuqa), *kost-o-trup-ic-a* (košćotrup'ica) к. 44 'смерть' и т. д.

Микроареалы всех этих лексем являются величинами позднего времени. Это говорит о том, что в диалектах идет процесс постоянного обновления их лексического состава.

С чем связано появление эксклюзивов?

Основная причина появления эксклюзивов связана с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира, с той номинативной логикой, в соответствии с которой происходила его лексическая параметризация.

Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий и, соответственно, разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира проходило по тем языковым моделям, которые были актуальными для данных диалектов.

Это своеобразное видение внешнего мира особенно ярко проявляется в мотивационных признаках, лежащих в основании эксклюзивных лексем.

Так, например, на карте на к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' в русских диалектах представлены эксклюзивные названия *kvaš-ьn-j-a*, *kvaš-en-ьk-a* (*kvaš'n'a*, *kvaš'onka*): в их мотивационных признаках отражена **прагматическая составляющая**, т. е. предназначение этого корыта; в то же время в хорватских, македонских, болгарских и польских диалектах распространены названия, в которых актуализируется признак «результативности» (ср.: хрв.-мак.-блг. *kop-an-j-a*; мак.-плс. *kop-an-ьk-a*).

На к. 30 'пережаренные кусочки сала' в эксклюзивных лексемах *ob-top-ьk-y*, *vy-top-ьk-y* (*o'topk'i*, *'vytəpk'i*, *'vytopk'i*), характерных для русских диалектов, актуализируется **идея результативности**, в то время как в большинстве славянских диалектов в этих названиях передаются особенности звукового восприятия процесса жарки кусочков сала, ср.: в польских и белорусских диалектах *skvar-ьk-a*, *skvar-ьk-ь* (плс. *skvark'i*, *skvarek*; блр. *skvar'k'i*, *sk'varka*), в чешских и словацких — лексема *ob-škvar-ьk-y* (чеш. *oškvarke*; слц. *oškvarki*); в хорватских и сербских — лексема *čvar-ьc-i* (хрв. *č'vq:rci*, *č'vqa:rci*; серб. *č'vá:rci*); в словенских и хорватских *ob-cvir-ьk-y* (слн. *ocví:rki*; хрв. *oc'virki*) и т. д.); та же **идея результативности** лежит в основе названий сливок в эксклюзивных лексемах *u-stoj-ь*, *u-stoj-ьk-ь*, *sъn-jьm-ьk-ь*, *sъn-jьm-ьk-y* на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (*us'toj*, *us'tojək*, *s'n'imək*, *'sytək*, *s'n'imk'i*), в то время как в других славянских диалектах в этих названиях актуализируется признак **пространственной локализации**: ср. лексемы с корнем *vъrx-/vъrš-* в словенских (*vъrx-ьj-e* слн.: *'vrxje*, *'va:rxje*), хорватских (*vъrx-ьn-ьj-e*, *vъrx-ьn-j-a* хрв.: *'vr̩na*, *'vr̩ne*), македонских (*vъrx-ь*: мак. *vřf*), украинских (*vъrx-ь vъrš-ьk-ь*, *vъrš-ьk-y*, *vъrx-ьn-in-a*: укр. *verx*, *vyr'sok*, *verxny'na*), белорусских (*vъrx-ь*, *vъrš-ьk-ь* блр. *v'erx*, *v'ar'sok*) диалектах.

Нередко, однако, наблюдается ситуация, когда мотивационный признак может быть один и тот же, но в его лексической реализации прослеживаются расхождения, например, на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' ведущим является акторный признак (предмет как результат действия), однако он осмысливается по-разному: в русских диалектах отчетливо просматривается обширный ареал эксклюзивной лексемы с корнем **-čist-** (*ob-čist-ьk-y*), в словенских, сербских, македонских, болгарских, словацких, польских, украинских, белорусских диалектах — с корнем **lup-**: (*lup-ь*, *lup-a*, *lup-ьk-ь*, *lup-ьk-a*, *lup-in-a*, *lup-aj-ьk-a* и др.); в польских — с корнями **ber-** (*ob-ber-ьk-a*, *ob-ber-in-a*), **struž-** (*struž-in-a*, *ob-struž-in-y*), **skrob-** (*skrob-in-y*, *ob-skrob-in-y* и т. д.).

Другая причина появления эксклюзивных лексем связана нередко с культурно-историческим влиянием других языков. Причем в западнославянских и словенских диалектах особенно часто немецкого языка, а в южнославянских — турецкого. Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов нередко приводило к образованию эксклюзивной лексемы. Так, в частности, именно **немецкому влиянию** обязано существование многочисленных эксклюзивов в лужицких, словенских, словацких, чешских и польских диалектах, ср., например, следующие эксклюзивные лексемы:

в лужицких диалектах

(šar)-en-bj-e (šaren'e) к. 11 'чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц' т. 4 «Сельское хозяйство» из ср.-в.-нем. schërn; (kal)-ъ (kau) к. 13 'капуста' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Kohl; (trajd)-a (trajda) к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Getreide; (šar)-it-ъ (šer'i) к. 12 'пугает, внушает страх' т. 4 «Сельское хозяйство» из ср.-в.-нем. schërn; (nojlant)-ъ (nojlant) к. 26 'поле, вспаханное и засеянное впервые' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Neuland;

в словенских диалектах

(pies)-a (pejsa) к. 14 'свекла' т. 4 «Сельское хозяйство» из др.-в.-нем. bieza; (pungart)-ъ (po:ŋgrat) к. 1 'сад' т. 4 «Сельское хозяйство» из ср.-в.-нем. bûngarte; (murk)-a (mu:rka) к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» из австр. диал. murke; (dil)-j-a (di:lâ) к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Diele; (malc)-a (ma:lca) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от нем. Mahlzeit; (glaz)-ъ (gwaž) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из ср.-в.-нем. Glas; (raigrat)-ъ (re:γrat) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир» из нем. диал. бавар. rajgrat; (žnid)-ar-ъ (žni:dar) к. 16 'портной' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от ср.-в.-нем. snider (Schneider); (rěv)-ъšć-in-a (re:ušćina) к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из нем. диал. бавар. geuwe; (šol)-ar-ъ (šo:lar) к. 33 'мальчик, который учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от ср.-в.-нем. schuole;

в чешских диалектах

(brambor)-a, (brambor)-ъ (brambor, brambora) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от нем. Brandenburg; (plex)-ъ (plex) к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Blech; (fen)-a (fena) к. 15 'сука' т. 2 «Животноводство» из нем. fenn < лат. femina; (pampel)-uš-ъk-a (pampeliška) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир» из нем. Pampelblume;

в словацких диалектах

(krumpl)-j-a (krumpla) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Grundbirne; (olovrant)-ъ (olovrant) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из нем. Halberabend; (rat)-a-j-e-ть (ra:ta) к. 50 'считает деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из нем. Rate;

в польских диалектах

(kater)-ъ (koter) к. 10 'кот' т. 2 «Животноводство» из нем. Kater; (draš)-u-j-e-ть (drašuje) к. 73 'молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. dreschen;

(*pyr*)-*ъk-a* (*pyrka*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. Birne; (*šand*)-*y*, (*ped*)-*y* (*šunđi*, *šonđy*, *pedy*) к. 2 ‘коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из нем диал. schande; из нем. диал. pette; (*šmak*)-*ov-it-ъ* (*smakov'ity*) к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от в.-нем. устар. schmack; (*jaχt*)-*a* (*jaxta*) к. 57 ‘охота на диких зверей, птиц’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от нем. диал. jaχt.

В других славянских диалектах это немецкое влияние при образовании эксклюзивов выражено значительно слабее. Причем интересно, что оно наблюдается в основном в названии картофеля, ср.:

в сербских диалектах

(*krtol*)-*a* (*kr'to:la*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство» из/от нем. Kartoffel;

в болгарских диалектах

(*kartof*)-*ъ* (*kar'tof*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство» из/от нем. Kartoffel; (*maur*)-*ъ* (*'maur*) к. 6 ‘человек, который строит каменные дома’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из нем. Maurer, диал. Maure; (*plajvaz*)-*ъ* (*p'lavus*) к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из нем. Bleiweiss, бав. австр. blīwīz;

в украинских диалектах

(*barabol*)-*j-a* (*bara'bol'a*) к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство» от чеш. brambor (< нем. Brandenburg).

В южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских) к образованию эксклюзивов нередко ведет **итальянское культурно-языковое влияние**, однако в языке оно выражено слабее немецкого, ср.:

в словенских диалектах

(*kaštron*)-*ъ* (*kaštrù:n*) к. 5 ‘кастрированный баран’ т. 2 «Животноводство» из итал. castrone; (*štrigel*)-*j-ъ* (*štri:γəl*) к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство» из итал. striglia; (*čebul*)-*ъ*, (*čebul*)-*j-a* (*če'boц*, *čə'bu:la*) к. 19 ‘лук’ т. 4 «Сельское хозяйство» из итал. Cipolla; (*brajd*)-*a* (*b'ra:jda*) к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство» из фриул. braide;

в хорватских диалектах

(*žmul*)-*ъ* (*žmu:j*) к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из далмат.-ром. muzul; (*meštar*)-*ъ* (*'meštor*) к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из итал. maestro;

в македонских диалектах

(*biš*)-*е*, (*biš*)-*ur-е* (*biše*, *bi'sure*) к. 31 ‘поросенок’ т. 2 «Животноводство» из итал. Biscia через посредство алб. bishë.

Из других романских языков можно отметить **румынское влияние**, причем оно характерно в основном для **болгарских диалектов** (особенно ярко оно выражено в переселенческих говорах в Банате, п. 167), ср.: (*markul*)-*ъ* (*'markuļ*) к. 5

‘медведь’ (о.н.) т. 1 «Животный мир» из рум. диал. *mârcul*; (*patka*)-ъ (*pat'ka*) к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир» из рум. диал. *potcan*; (*pitp̄lak*)-ъ (*pitp̄lak*) к. 22 ‘перепелка’ т. 1 «Животный мир» из рум. *pitpalaca*, *pipalac*; (*picigoj*)-ъ (*picigoj*) к. 26 ‘синица’ т. 1 «Животный мир» из рум. *piṭigói*; (*beşik*)-у (*be'siki*) к. 40 ‘жабры рыбы’ т. 1 «Животный мир» из рум. *beşikă*; (*r̄coj*)-ъ (*r̄coj*) к. 13 ‘самец утки’ т. 2 «Животноводство» из рум. *găṭoi*; (*marv*)-а (*'marvə*) к. 24 ‘скот’ т. 2 «Животноводство» из рум. диал. *marvă* (< *marfă*, диал. *marhă* < венг. *márha*); (*bot*)-ъ (*bot*) к. 49 ‘рыло’ т. 2 «Животноводство» из рум. *bot*; (*t̄r̄šal*)-а (*t̄r̄šalə*) к. 9 ‘куст’ т. 3 «Растительный мир» из рум. диал. *târșală*; (*tuf*)-а (*'tufa*) к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир» из рум. *tufă*; (*t̄r̄šal*)-а (*t̄r̄šalə*) к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир» из рум. диал. *târșală*; (*brad*)-ъ (*brad*) к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир» из рум. *brad*; (*kavtor*)-(ži)-j-а (*kavtor'žija*) к. 7 ‘человек, который делает печи’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от рум. *soptor*, *cuptor*; (*karuc*)-ar-ъ (*k̄aru'car*) к. 9 ‘человек, который делает колеса для телег’ от рум. *săruṭă*; (*v̄n̄tor*)-ъ (*v̄n̄tor*) к. 56 ‘человек, который охотится’ из рум. *vînător*.

В словенских и польских диалектах (реже — в чешских) в образовании эксклюзивов прослеживается влияние **латинского языка**, как правило, опосредованное другими языками, ср.:

в словенских диалектах

(*kogumar*)-ъ, (*kumar*)-а (*kə'yu:m̄ar*; *'kumara*) к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство» из/от лат. *cucumer*; (*trt*)-а (*'tarta*) к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство» из лат. *torta*; (*dokt*)-ar-ic-а (*'du:xtarca*) к. 29 ‘женщина-врач’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от лат. *doctor*;

в польских диалектах

(*kolacij*)-а (*kolacyja*) к. 62 ‘ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от лат. *collation*; (*škol*)-ъn-ъ (*školni*) к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от лат. *scola*; (*m̄linar*)-ъč-ik-ъ (*m̄ynarcyk*) к. 21 ‘сын мельника’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из лат. *molīnārius*;

в чешских диалектах

(*kantor*)-ъ (*kantor*) к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из лат. *cantor*.

Из других культурно-языковых традиций, оставивших заметный след в эксклюзивных лексемах, можно выделить турецкое, албанское и венгерское влияние.

Турецкое языковое влияние оказалось самым сильным в болгарских диалектах, здесь больше всего отмечено эксклюзивов, имеющих в своей основе турцизмы, причем основной очаг их локализации находится в **юго-восточных болгарских говорах** (пп. 140–142, 852–853) ср.: (*geljunžuk*)-ъ (*'gel'unžuk*) к. 9 ‘ласка’ т. 1 «Животный мир» из тур. *gelincik*; (*bursuk*)-ъ (*bur'suk*) к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный мир» из тур. *rogşuk*; (*gag*)-а (*'gag*) к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир» из тур.

gaga; (*kak*)-*a* (*kə'ka*) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир» из тур. диал. *kaka*; (*čič*)-*o-pěj-ь* (*čičorej*) к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир» от тур. *çiçe*; (*karabakal*)-*ь* (*kl'rablkał*) к. 27 'скворец' т. 1 «Животный мир» из тур. диал. *karabakal*; (*koj*)-*ь* (*koj*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» из тур. *koğu*; (*kembelek*)-*ь* (*kembelek*) к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир» из тур. *kelebek*; (*dingang*)-*a* (*dinganga*) к. 46 'гусеница' т. 1 «Животный мир» из тур. диал. *göngalak*, *gongalak*; (*bug*)-*a* (*bu'ga*) к. 3 'бык' т. 2 «Животноводство» из тур. *boğa*; (*burm*)-*a* (*bur'mə*) к. 5 'кастрированный баран' т. 2 «Животноводство» из тур. диал. *Burma*; (*tik*)-*e* (*ti'ke*) к. 6 'козел' т. 2 «Животноводство» из тур. *teke*; (*jurdek*)-*ь* (*jur'dek*) к. 13 'самец утки' т. 2 «Животноводство» из тур. *ördek*; (*kanž*)-*a* (*kanžə*) к. 15 'сука' т. 2 «Животноводство» из тур. *kancık*; (*jurdeč*)-*ьk-a* (*jur'dečka*) к. 22 'утка' т. 2 «Животноводство» от тур. *ördek*; (*jurdek*)-*yn-j-a* (*jurde'kyn'a*) к. 22 'утка' т. 2 «Животноводство» от тур. *ördek*; (*xajgьr*)-*ьč-ę* (*haj'gərči*) к. 27 'жеребенок' т. 2 «Животноводство» от тур. *aygır*; (*taj*)-*ьč-ę* (*tajči*) к. 27 'жеребенок' т. 2 «Животноводство» от тур. *taу*; (*tьrnak*)-*ь* (*tər'nak*) к. 47 'копыто' т. 2 «Животноводство» из тур. *tırnak*; (*leš*)-*ь* (*leš*) к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство» из тур. *leş*; (*mer*)-*a* (*mə'ra*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» из тур. *mera*; (*čeir*)-*ь* (*či'ir*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» из тур. *çayır*; (*bair*)-*ь* (*ba'ir*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» из тур. *bayır*; (*sovat*)-*ь* (*so'vat*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» из тур. *suvat*; (*dal*)-*ь* (*dalə*) к. 4 'ветвь хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; (*daj*)-*a* (*da'ja*) к. 4 'ветвь хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир» из тур. *dal*; (*filiz*)-*ь* (*fi'liz*) к. 9 'куст' т. 3 «Растительный мир» из тур. *filiz*; (*fьškьn*)-*ь* (*fəš'kən*) к. 9 'куст' т. 3 «Растительный мир» из тур. *fişkin*; (*gьr'luk*)-*ь* (*g'ur'l'uk*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир» из тур. *gürlük*; (*bair*)-*ь* (*ba'ir*) к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» из тур. *bayır*; (*burun*)-*ь* (*bu'run*) к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» из тур. *burun*; (*meš*)-*ę* (*me'se*) к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир» из тур. *meşe*; (*kituč*)-*en-ьk-y* (*ki'tučęnki*) к. 57 'гриб-паразит, живущий на деревьях' т. 3 «Растительный мир» от тур. *kütük*; (*kavak*)-*ь* (*ka'vak*) к. 35 'тополь' т. 3 «Растительный мир» из тур. *kavak*; (*ardьč*)-*ь* (*ar'dəč*) к. 38 'можжевельник' т. 3 «Растительный мир» из тур. *ardıç*; (*buruk*)-*ь* (*bu'ruk*) к. 43 'черника' т. 3 «Растительный мир» из тур. диал. *buruk*; (*saxat*)-*ьč-ę* (*sə'xat-čę*) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир» от тур. *saat*, *sahat*; (*keleml*)-*e* (*kele'me*) к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство» из турец. диал. *keleme*; (*tizek*)-*ь* (*ti'zek*) к. 34 'валик земли, откладываемый плугом' т. 4 «Сельское хозяйство» из тур. *tizäk*; (*vrakčij*)-*ь*, (*vrakčij*)-*a* (*vrak'či:j*, *vrak'čijə*) к. 68 'мужчина, который жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство» из тур. *orakçı*; (*sap*)-*ь* (*sap*) к. 84 'палка грабель' т. 4 «Сельское хозяйство» из/от тур. *sap*; (*ikindi*)-*-j-a* (*ikin'dija*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от тур. *ikindi*; (*dulger*)-*in-ь* (*d'ul'g'erin*) к. 6 'человек, который строит каменные дома' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *dülger*; (*kumbe*)-(*ži*)-*j-a* (*k'um-be'žiję*) к. 7 'человек который делает печи' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от/из тур. диал. *kümbe*; (*fučęž*)-*i-j-a* (*fuče'žijə*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *fıçıcı*; (*nalbant*)-*in-ь* (*nal'batın*) к. 10 'кузнец' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от тур.

nalbant; (*dermenž*)-*j-a* (*dermen'žij*) к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *değirmenci*; (*kad*)-*i-j-a* (*kə'di-jə*) к. 30 'человек, который судит в суде' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *kadı*; (*kalem*)-*ь* (*ka'lem*) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *kalem*; (*rabaž*)-*i-j-in-ь* (*rəbə'žijn*) к. 40 'человек, который работает на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от тур. *arabacı*; (*čarš*)-*i-j-a* (*čar'sia*) к. 47 'рынок' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *çarşı*; (*avž*)-*i-j-a* (*av'žija*) к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *avcı*; (*avžilьk*)-*ь* (*avži'lək*) к. 57 'охота' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *avcılık*; (*bozgun*)-*ь* (*buz'gun*) к. 67 'война' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *bozgun*.

В других южнославянских диалектах это влияние выражено довольно слабо, так как эксклюзивы турецкого происхождения в них встречаются редко, ср. единичные примеры:

в хорватских диалектах

(*bělež*)-*ьn-ic-a* (*'bilježnica*) к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от тур. *beleg*;

в македонских диалектах

(*tekn*)-*e* (*'tekme*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из тур. *tekne*; (*komš*)-*iv-ьk-a* (*komšifka*) к. 3 'женщина, живущая в соседнем доме' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от тур. *komşu, komşı*. (*xaram*)-*i-j-a* (*aramija*) к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из тур. *harami*.

Албанское языковое влияние отмечено в единичных эксклюзивах сербских диалектов, ср.: (*kolomboč*)-*ь* (*kəlm'tbəč*) к. 54 'кукуруза' т. 4 «Сельское хозяйство» из алб. *kollomoqi*.

Венгерское языковое влияние обнаруживается в эксклюзивных образованиях чаще всего в **украинских, чешских и словацких диалектах**, ср.:

в украинских диалектах

(*xoroš*)-*a-j-e-ть* (*xo'rošaje*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство» из венг. *heresz*; (*kert*)-*ь* (*kert*) к. 10 'огороженное место, где растут овощи' т. 4 «Сельское хозяйство» из венг. *kert*;

в словацких диалектах

(*pohar*)-*ik-ь* (*poha:rek*) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от венг. *pohár*; (*ceruz*)-*a*, (*ceruz*)-*ьk-a* (*ceruza, ce:ruska*) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из венг. *ceruza* < лат. *cerusa*; (*valal*)-*ь* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из венг. *valál*.

Интересно, что **греческое языковое влияние**, которое, как известно, в целом было довольно сильным в славянских языках, не оставило какого-либо серьезного следа при образовании эксклюзивных лексем. Показательно, что они характерны

в основном для **болгарских диалектов**, ср. распространение следующих болгарских эксклюзивов греческого происхождения:

muš-ъk-yn-ъ (*kaltat*)-a (*miškin kʌl'tatʌ*) к. 9 'ласка' т. 1 «Животный мир» из греч. диал. καλή τάττα; (*kaljman*)-ъk-a (*kal'manka*) к. 9 'ласка' т. 1 «Животный мир» от греч. καλή μάν(v)α; (*skrapl*)-j-a (*sk'rapl'a*) к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир» из ср.-греч. екорπίος; (*mucun*)-a (*mu'cunʌ*) к. 49 'рыло' т. 2 «Животноводство» из греч. μουτσοῦνα; (*valt*)-a (*'valtʌ*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» из греч. βάλτη, βάλτον; (*timjan*)-ъ (*ti'm'an*) к. 3 'смола' т. 3 «Растительный мир» из греч. Θυμίαμα; (*pъrnar*)-ъ (*pъr'nar*) к. 9 'куст' т. 3 «Растительный мир» из греч. πουρνάρι, привάρι; (*kakal*)-j-až-ъk-a (*kaka'l'aškʌ*) к. 12 'шишка' т. 3 «Растительный мир» от греч. κόκκαλο(v); (*kukumar*)-ъk-a (*kuku'markʌ*) к. 56 'несъедобный гриб' т. 3 «Растительный мир» от греч. κουκουμάρι(ον) или κουκουμάρα; (*geran*)-ъ (*ge'ran*) к. 1 'колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из греч. γερανός; (*paruc*)-ar-ъ (*pari'car*) к. 13 'человек, который шьет и чинит обувь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от греч. παλούτσι; (*mager*)-ъk-a (*'magerkʌ*) к. 22 'женщина, которая готовит еду' от греч. μάγερας; (*majers*)-a (*'majersʌ*) к. 22 'женщина, которая готовит еду' из греч. μαγείρισσα;

в македонских диалектах

(*mic*)-ъk-a (*'mucka*) к. 49 'рыло' т. 2 «Животноводство» из греч. μουτσουνα; (*miruš*)-a-j-e-ть (*mi'riši*) к. 16 'пахнет' т. 3 «Растительный мир» из греч. μυρίζω;

в русских диалектах

(*ogur*)-ъc-ъ (*ogu'r'ec*) к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» от ср.-греч. ὄγυρος.

Объяснить такую ситуацию можно, по-видимому, тем, что это влияние шло в основном через посредство других славянских языков, что, соответственно, снижало уровень эксклюзивности.

Интересным примером культурно-языкового влияния, отразившегося на образовании эксклюзивов в славянских диалектах, являются названия денег. На к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» практически отсутствуют славянские лексемы. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *nov-ъc-i* (первая фиксация в 1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novobradski pjenez*, где был когда-то монетный двор [Skok II: 526].

В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (*denъg*)-у (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* [Шапошников 1: 217] и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв.), в украинских и белорусских диалектах — лексема (*groš*)-i, восходящая к лат. *grossus*; в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских — лексема (*pъnez*)-e, (*pъnez*)-i германского происхождения (герм. *pfenning*); в сербских, македонских и болгарских диалектах — лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *parā*); в словенских диалектах — лексема (*dbnar*)-ъj-e, имеющая латинские

корни (лат. *dēnārius*), наконец, в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-*i*, (*šold*)-*i*, которая восходит к итальянскому *soldo*.

Когда возникли эксклюзивы?

Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно, так как практически каждая эксклюзивная лексема имеет свою историю, особенно когда речь идет о взаимодействии культур. Вместе с тем возможность пространственной визуализации ареалов эксклюзивных лексем делает реальной их **относительную хронологию**.

И здесь чрезвычайно важную роль играют топографические признаки лексем, в частности степень плотности ее ареала (является ли он сплошным, размытым или разрушенным, островным или даже мерцающим, точечным)? Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить **закономерности** в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах.

Ареалогический анализ эксклюзивных лексем позволил выявить следующие особенности в распределении их ареалов.

Как уже отмечалось выше, ареал **эксклюзивной** лексем может характеризоваться иногда высокой плотностью ее распространения, при этом контуры его оказываются практически ровными, часто совпадающими с государственными границами. Именно такой тип ареала имеют лексемы *gъrb-uš-ъk-a* (*gor'buška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-čist-ъk-y* (*o'č'istk'i*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *//už-in-ъ* (*'užyn*) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*denъg*)-*y* (*'d'en'g'i*) к. 49 т. 8 «Профессии и общественная жизнь» **в русских диалектах**; *čар-ъ* (*ča:p*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» **в чешских диалектах**; *jask-ol-ъk-a* (*jaskulka, jaskouka*) к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир» — **в польских**; (*pantegan*)-*a* (*podgá:na*) к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *štrk-l-j-a, štrk-l-j-e* (*štó:rkla, štó:rkle*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *sěn-ъc-a* (*'se:nca*) к. 6 'тень под деревом' т. 3 «Растительный мир»; *sěn-ъc-a* (*'si:nca*) к. 7 'тень человека' т. 3 «Растительный мир»; (*štrigel*)-*j-ъ* (*št'ri:gəl*) к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство» — **в словенских**.

Такой тип ареала, несмотря на то что он может быть довольно обширным, является свидетельством, скорее всего, позднего происхождения данной лексем.

Эти наблюдения подтверждаются данными исторических и этимологических словарей. Так, например, **чешский** эксклюзив *čар-ъ* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» В. Махек рассматривает как новообразование от ст.-чеш. *čар-a* < *čapla* (ESJČ: 94; то же Sławski 2: 112); ЭССЯ как отглагольное производное от *čapati* 4: 20; появление **польского** эксклюзива *jask-ol-ъk-a* к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир» А. Брюкнер и В. Борысь (Brückner: 200 и Boryś: 206) относят к XV в., связывая его с народной этимологией; **русский** эксклюзив *//už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда'

т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» впервые фиксируется в XVII в. (Черных II: 285) и получает широкое распространение в XVIII в. (Шапошников 2: 450); эксклюзивная лексема *bab-ъč-ьk-a* к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир» в русском языке появляется лишь в нач. XVIII в. (Шапошников 1: 40); **словенскую** эксклюзивную лексему *štrk-l-j-a, štrk-l-j-e* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» Ф. Безлай относит к XVI в. (Bezljaj: 117).

Кроме топографических признаков при определении относительной хронологии эксклюзивных лексем чрезвычайно важное значение имеют и собственно лингвистические критерии. Так, в частности, если обратить внимание на словообразовательную структуру эксклюзивов, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены производными лексемами, причем не только второй, но и третьей ступени производности, что само по себе свидетельствует об их позднем образовании, ср.: **русские эксклюзивы** *gъrb-ьk-ь, gъrb-ьč-ьk-ь* (*gor'bok, gor'boč'ek*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žьlt-уš-ь, žьlt-уš-ьk-ь, žьlt-уš-ьk-o* (*žol'tyš, žol'tyšak, žol'tyšok, žol'tyško*) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; ср. также *pět-un-ь* (*p'e'tun*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *po-skot-in-a* (*po'skot'ina*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *na-zem-ь* (*na'z'om*) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ko'rv-in-a, ko'rv-ęt-in-a* (*ko'rov'ina, koro'v'at'ina*) к. 22 'мясо коровы или вола' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kur-o-pъt-ь* (*kuropat*) к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *na-sěd-ux-a* (*nas'e'duxa*), *sam-o-sěd-ьk-a* (*samo's'etka*) к. 18 'курица, которая высидивает яйца' т. 2 «Животноводство»; *kos-ov-išč-e, kos-ov-ьj-e* (*kas-av'iš:э, kas-av'j-o*) к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *сь-klad-ьn-ьč-ьk-ь* (*sk'ladn'ič'ek*) к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kvaš-en-ьk-a* (*kvašonka*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ьk-ь, съn-ьm-ьk-у* (*us'tojek, s'n'imk'i*) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kraj-ux-a* (*kra'juxa*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-in-a* (*ko'r'ina*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *per-xvat-ьk-a* (*p'er'ex'vatka*) к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mold-aj-ьk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *ьvgr-un-ь, пě-sn-o-(xor)-ь, пě-v-ьč-ь* (subst) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-išč-e* к. 48 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» и т. д.

Примечательно, что многие из этих эксклюзивов образуются по продуктивным словообразовательным моделям, сложившимся в процессе эволюции словообразовательной системы того или иного языка (ср., например, **польские** эксклюзивы, обозначающие детенышей животных, все они образуются с помощью суф. =*ak-ь*, ср. *kot-ь*=*ak-ь* (*koćak*) к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *ščen-ь*=*ak-ь* (*ščeňak*)

к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *tel-ь=-ak-ъ (čelak)* к. 28 'теленок' т. 2 «Животноводство»; // *agn-ь=-ak-ъ (jagňak)* к. 29 'ягненок' т. 2 «Животноводство»; *pors-ь=-ak-ъ (prošak)* к. 31 'поросенок' т. 2 «Животноводство»; *kur-ъč-ь=-ak-ъ (kurčak)* к. 32 'цыпленок' т. 2 «Животноводство»; *gqs-ь=-ak-ъ (gqšak)* к. 33 'гусенок' т. 2 «Животноводство» и т. д.).

Такие эксклюзивные лексемы являются по сути дела вторичными новообразованиями от праславянских основ, ср., например, обширный арел лексемы // *ež-ak-ъ* к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир» в **украинских диалектах** (как производное от *//*ež-ь* ЕСУМ 2: 323); или *sěk-ac-ь* к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство» — в **чешских диалектах**; эксклюзивную лексему *sěň-ьс-а ('se:nca)* к. 6 'тень под деревом' т. 3 «Растительный мир»; *sěň-ьс-а ('si:nca)* к. 7 'тень человека' т. 3 «Растительный мир» в **словенских диалектах** Ф. Безлай рассматривает как вторичное табуистическое деминутивное образование от праславянского **sěň* (Bezljaj: 227); ср. также собственно русское новообразование с суф. = *их-ь*: *pod-sěňn-их-ъ (pat'solnux)* к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство» от усеченной основы предложно-падежного словосочетания [Шапошников 2: 153] в **русских диалектах**.

Будучи производными от праславянских основ, эти эксклюзивы, как правило, не имеют прямых индоевропейских соответствий, что также свидетельствует об их позднем происхождении.

О позднем образовании многих эксклюзивов говорит и вторичный характер их значения (ср., например, польский эксклюзив *mysl-iv-ъ (mysl'ivy)* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», который появляется в польском языке не ранее XVI в.; значение 'охотник' является у него вторичным, развитие этого значения происходило в направлении 'мыслящий, разумный' > 'охотник' [Boryś: 345]. Вторичный характер значения отмечен и у русского эксклюзива // *už-in-ъ ('užyn)* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», первоначальное, более древнее его значение 'еда после полудня' (Черных II: 285; Шапошников 2: 450). Значение словенской эксклюзивной лексемы *věj-a ('ve:ja)* к. 4 'ветка хвойного дерева' т. 3 «Растительный мир»; *věj-a (vè:ja)* к. 5 'ветка лиственного дерева' т. 3 «Растительный мир» также является вторичным, развившимся на базе праславянского **vějъ, věja* 'лист' [Bezljaj: 291].

Нередко семантическая структура того или иного эксклюзива является результатом семантического развития слова и, в частности, метафоризации, что само по себе свидетельствует о вторичности его значения, ср.: *nos-ъ, nos-ьк-ъ (nos, no'sok)* к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gъrb-uš-a, gъrb-uš-ьк-a (gor'buša, gor'buška)* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; блр. *koz-ьl-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *dol-j-a* к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи» и т. д.

О позднем образовании эксклюзивной лексемы нередко говорит и значение слова, отсылающее нас к реалиям современной жизни, ср.: **слн.** *děl-av-ьк-a (de:'laŭka)* к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии

и общественная жизнь»; *sv-vez//-ъk-ъ* (*z've:zək*) к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *svin-ьč-ьп-ик-ъ* (*s'vi:nčnik*) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *čyt-ě-j-e-ть* (*š'tə:je*) к. 50 'считает деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *(šol)-ar-ь* (*šo:lar*) к. 33 'мальчик, который учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *(šol)-ar-ic-a*, *(šol)-ar-ъk-a* (*šo:larca*, *šu:larka*) к. 34 'девочка, которая учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *(rink)-a* к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; *(bal)-a* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»; *(fajf)-a-j-e-ть* к. 21 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; *(pavk)-a* к. 25 'барабан' т. 10 «Народные обычаи»; *(punč)-ъk-a* к. 37 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; *(žog)-a* к. 38 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *(vinaxt)-i* к. 52 'Рождество' т. 10 «Народные обычаи»;

чеш. *děl-ьп-ик-ъ* (*dělník*) к. 40 'человек, который работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *val-ъk-a* (*va:lka*) к. 67 'война' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

слц. *(ceruz)-a* (*ceruza*) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kur-ьl-j-ak-ъ* к. 22 'курильщик' т. 10 «Народные обычаи»; *god-ьb-ьп-ик-ъ* к. 24 'музыкант' т. 10 «Народные обычаи»; *(karič)-ъk-a* к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; *gъpan-in-ъk-a*, *gъpan-ič-ъk-a* к. 37 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; *pic-ъk-a*, *(balon)-ъk-ъ* к. 38 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *vellk-o-nokt-ě*, *čъrv-en-i svetъk-y* к. 53 'Пасха' т. 10 «Народные обычаи»; *(faj)-ьč-ar-ь* к. 22 'курильщик' т. 10 «Народные обычаи»;

укр. *olov-ьc-ь* (*oly'vec'*) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *ka-=b-lqč-ъk-a* к. 15 'обручальное кольцо' т. 10 «Народные обычаи»; *bqб-ьп-a*, *bux-a-dl-o* к. 25 'барабан' т. 10 «Народные обычаи»; *(babolk)-a* к. 37 'кукла' т. 10 «Народные обычаи»; *(bomb)-a*, *(mindž)-a* к. 38 'мяч' т. 10 «Народные обычаи»; *rod-j-ьstv-ьп-y svet-ъ* к. 52 'Рождество' т. 10 «Народные обычаи»; *svet-y vel-ik-ъ-dьп-j-i* к. 53 'Пасха' т. 10 «Народные обычаи»;

рус. *(tabač)-ьп-ик-ъ* к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; и т. д.

Наконец, об этом говорит и тот факт, что очень часто появление эксклюзивных лексем связано с культурно-историческим влиянием других языков. Не случайно среди них так **много заимствований** из немецкого, латинского, греческого, турецкого, венгерского и др. языков (ср. **польские** эксклюзивы: *(škol)-ьп-ъ* (*školny*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: этот эксклюзив возник в XIV в. на базе лат. *scola*; позднее от него образовались производные типа *szkolny* → *szkolnictwo* [Boryś: 604]; или *(mъlinar)-ьč-ик-ъ* (*mъlnarcyk*) к. 21 'сын мельника' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: в основе этого польского эксклюзива лежит лат. *molīnāgius*; слав. **mъlinъ* 'водяная мельница' является заимствованием из лат., через посредство др.-в.-нем. (в XIV в.). От него образовалось *mъlnarz* → *mъlnarka*, *mъlnarstwo* (Boryś: 333); *(kolacij)-a* к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от лат. *collation* появляется в XVI в. [Brukner: 244] или **русские**: *(aist)-ъ* к. 29 'аист' т. 1 «Животный

мир» слово известно с XVII в., вероятно из нем. диал. Heister [Шапошников I: 19]; (*ogur*)-*ьс-ь* к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство» в русском языке слово появляется в XVI-XVII в., заимствовано из позднереческого *áγγουρος* [Шапошников II: 59]; (*denʹg*)-*у* к. 49 т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: слово вошло в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв., заимствовано из тюрк. диал. *dengā* [Шапошников I: 217]; **словенские**: (*pantegan*)-*а* к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»: слово появляется в XVIII в. в результате заимствования из итал. *pantegana* [Bezljaj: 68]; (*štrigel*)-*ј-ь* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство» слово было заимствовано в XVI в. из ср.-в.-нем. *strigel* < лат. *strigilis* [Bezljaj: 120]; (*žnid*)-*ар-ь* к. 16 ‘портной’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» слово было заимствовано в XVI в. из ср.-в.-нем. *snider* [Bezljaj: 473] и т. д.).

Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является свидетельством позднего культурного заимствования.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что многие из эксклюзивных лексем, имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также свидетельствует о том, что их утверждение в данном языке относится к национальному периоду его развития.

Вместе с тем нельзя исключить и тот факт, что некоторые эксклюзивные лексемы имеют достаточно древнюю историю, т. е. восходят к праславянскому или, точнее, позднераславянскому периоду, ср., например, русские эксклюзивные лексемы, которые обладают обширными ареалами и имеют фиксацию в древнерусских памятниках письменности: *čest-j-a* (č’*aš*’*a*) к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир», производное с суф. -*j-* от прилагательного *čestъ*, известно с 1097 г. [ЭССЯ 4: 109; Шапошников 2: 515]; *češ-uj-a* (č’*ešu*’*j**a*) к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»: deverbative от глагола **česati*, *češu*, известно с 1096 г. [ЭССЯ 4: 91; Шапошников 2: 525].

Практически все эти аргументы являются актуальными и при хронологической стратификации эксклюзивных лексем, имеющих ограниченные ареалы.

О позднем происхождении лексем говорят и ограниченные ареалы, особенно так называемые мерцающие ареалы. Эти микроареалы, существующие в рамках диалектов лишь одного языка, являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм.

Напомню, что по теории волн И. Шмидта, каждое языковое нововведение является сначала в виде маленького пятна, которое постепенно расплывается во все стороны и становится настоящей площадью, пока оно не охватит целую территорию данного языка. «Естественно, что явление более древнее занимает большую площадь, чем явление позднее, ибо оно начало распространяться уже раньше» [Теньер 1966: 118].

Так, в частности, большинство из приведенных выше русских эксклюзивных лексем, имеющих ограниченные ареалы, появляются в памятниках письменности довольно поздно, в XVI–XVII вв. (ср. *na-zem-ъ* (*na'z'om*) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»: слово появляется в XVI в.: **И тѣмъ назмом землю назмят** [СРЯ XI–XVII 10: 90]; *po-bir-aḡ-a* (*pəb'i'raxa*) к. 59 'человек, который просит милостыню' — в XVII в. [СРЯ XI–XVII 15: 127]; *bъč-ar-ь*, *bъč-ar-ьн-ик-ь* (*ba'č'ar*, *ba'č'arn'ik*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в XVII в. [СРЯ XI–XVII 1: 304]; *brjuš-in-a* (*br'ušyna*) к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек» — в XVII в. [СРЯ XI–XVII 1: 342]; *par-un-j-a* (*pa'run'ja*) к. 18 'кураца, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство» — в XVII в. [СРЯ XI–XVII 14: 157]; *mol't-i-dl-o* (*məlo't'ilo*) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство» — в XVII в. [СРЯ XI–XVII 9: 252]; *mur-aš-ь* (*mu'raš*) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир» — в XVII в. [СРЯ XI–XVII 9: 309]; а некоторые — даже позже (ср. *žul-ik-ь* (*žul'ik*) к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в сер. XIX в. из офенского жаргона [Шапошников 1: 276]; и лишь немногие — ранее (ср. *po-gost-ь* (*po'gost*) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в XIV в. [СРЯ XI–XVII 15: 196]; *po-skot-in-a* (*pos'kot'ina*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» — в XV в.: **А в тѹ поскотинѹ скота не пущати, поскотина ѹ нѹ своя** [СРЯ XI–XVII 17: 170].

Кроме того, многие из них **либо отсутствуют в памятниках письменности** (ср., например, такие русские эксклюзивные лексемы, как *klux-a*, *kluš-a*, *kluš-ьk-a* (*k'luxa*, *'kluša*, *'kluška*) к. 18 'кураца, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *pět-un-ь* (*p'e'tun*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *par-ux-a* (*pa'ruxa*) к. 18 'кураца, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *pogan-уш-ь*, *pogan-ьс-ь* (*po'ganyš*, *po'gan'ec*) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *žьn-i-tv-in-a* (*ž'n'itv'ina*) к. 38 'поле, с которого убраны хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-ьj-e* (*kəsa'v'iš':e*, *kəsa'v'jo*) к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ak-ь* (*ko'sak*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pri-qz-ь*, *pri-qz-a*, *pri-qz-ьj-e* (*p'r'ius*, *p'r'iuza*, *pr'i'uz'je*) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *svěž-in-a* (*sve'žyna*) к. 21 'мясо свиньи' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *škar-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ь* (*us'toj*) к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-ьн-a* (*pa'užna*) к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-a* (*pa-už'a*) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kvaš-ьн-j-a* (*kvaš'n'a*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-top-ьk-у* (*o'topk'i*) к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ь*, *сьн-ьм-ьk-у* (*us'toj*, *s'n'imk'i*) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kraj-uš-ьk-ь*, *kraj-uš-ьk-a* (*'krajušək*, *kra'juška*)

к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *měz-ьj-e* (*mo'lož'je*), *mold-ьj-e* (*ma'lod'ijo*) к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-o-kyš-a* (*prəsta'k'iša*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kys-ьl-ux-a*, *kys-ьl-uš-ьk-a* (*k'is'lu-xa*, *k'is'luška*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъ-sěd-уш-ь* (*s'edyš*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skor-ьk-a* (*s'orka*) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žьlt-уш-ь*, *žьlt-уш-ьk-o* (*žol'tyš*, *žol'tyško*) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-lup-ьk-u* (*ob'lupk'i*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-in-ь*, *pa-už-in-a*, *pa-už-in-ьk-a*, *pa-už-in-ьk-ь*, *pa-už-ьn-a* (*paužyn*, *paužyna*, *paužynka*, *paužynak*, *paužna*) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-ob-ěd-ь*, *pa-ob-ěd-a*, *pa-ob-ěd-ьk-ь* (*paob'et*, *paob'eda*, *paob'edok*) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *zem-j-an-ьk-a* (*z'em'l'anka*) к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *gul-j-a-j-e-ть* <*se*> (*gu'l'ajet'*) к. 69 'бьется' (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *pas-t-uš-iх-a* (*pəstu'sыxa*) к. 24 'женщина, которая пасет скот' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gос-ix-a* (*gu's'ixa*) к. 19 'гусыня' т. 2 «Животноводство»; *ьg-ьč-i-ть* (*l'ek'č'it'*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *buld-уž-ьk-a* (*bul'dыška*) к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *kad-ьč-ьn-ik-ь*, *kad-uš-ьč-ьn-ik-ь* (*kadəč'n'ik*, *ka'dušeč'n'ik*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *plet-ьn-ь* (*pl'et'en*) к. 26 'коса, заплетенные волосы у женщины' т. 9 «Человек»; *lap-ost-ь* (*lapəs'*) к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *po-mir-uš-ьk-a*, *po-bir-aš-ьk-a*, *po-bir-uš-ьk-a* (*pət'iruška*, *pəb'iraška*, *pəb'iruška*) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sъ-bir-un-ь* (*zb'irun*) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.), **либо фиксируется, но в ином значении** (ср., например, лексемы *ključ-ь* (*kl'uč'*) к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **ключь** 'источник, родник' [Срезн. I: 1233; СРЯ XI–XVII 7: 187]; *vod-o-nos-ь* (*vədo'nos*) к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **водонось** 'ведро' [Срезн. I: 278]; *žьlb-ь* к. 12 (*žolop*) 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **желобъ** 'желоб' [Срезн. I: 849]; *skot-ьn-ic-a* (*skotn'ica*) к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **скотъница** 'казнохранилище' [Срезн. III: 388]; *вьrš-ьk-ь* (*v'er'sok*) к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **вьршькъ** 'верх, верхушка' [Срезн. I: 468]; *kold-a* (*ko'toda*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **колода** 'толстое бревно'

[Срезн. I: 1255]; *žir-ъ* (*žyr*) к. 27 'подкожный слой жира в свинине' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **жиръ** 'богатство' [Срезн. I: 875]; *syр-ъ* (*syр*) к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **сыръ** 'творог, сыр' [Срезн. III: 876]; *smol-a* (*smo'la*) к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **смола** 'древесный сок' [Срезн. III: 445]; *χορῆ-ъ* (*χο'rošyij*) к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **хорошини** 'красивый, прибранный' [Срезн. III: 1388]; *séra* (*'s'era*) 'смола (сок) хвойных деревьев' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; и др.-рус. **сѣра** 'жир' [Срезн. III: 899]; *podъ-dorž-ъn-ik-ъ* (*pаd:a'rožn'ik*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир» и др.-рус. **поддорожникъ** 'грабитель на дорогах, разбойник' [СРЯ XI–XVII вв. 15: 252] и др.).

Нередко их семантическая структура является результатом семантического разветвления слова, и в частности, метафоризации, что само по себе говорит о том, что оно является поздним, ср.:

серб. *lěp-ъ* (*lĭep*) к. 65 'вкусный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» [Skok: 297]

плс. *berg-ъ* (*bžyk*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

блр. *koz-ъl-ъ* (*ka'z'ol*) к. 43 'кузнецик' т. 1 «Животный мир»;

укр. *lьb-ъk-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

рус. *nos-ъ, nos-ъk-ъ* (*nos, no'sok*) к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gъrb-uš-a, gъrb-uš-ъk-a* (*gor'buša, gor'buška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Кроме того, значение их нередко отсылает к реалиям современной жизни, что также указывает на позднее происхождение многих эксклюзивов, имеющих ограниченные ареалы, ср.:

слн. *sv-dogъ-ъn-ic-a* (*zdrav'nica*) к. 29 'женщина-врач' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *uč-en-ik-ъ* (*wăčə'nĭk*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *děl-av-ъc-a* (*'dĕlaveca*) к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на фабрике' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*dnъnar-ъ*) (*dná:r*) к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

хрв. (*meštar-ъ*) (*'mešta:r*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*bĕlĕž-ъn-ic-a*) (*'bil'ežn'ica*) к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

серб. *dъrv-o-děl-j-a* (*dъrv'o'dĕla*) к. 4 'человек, который строит деревянный дом' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gor-o-sĕč-a* (*gorošĕč'a*) к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pros=-j-ač-ic-a* (*prosjačica*) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

мак. *broj-e-tь* (*b'roə*) к. 50 'считает' (деньги) т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

слц. (*rat*)-*a-j-e-tь*, (*rat*)-*j-e-tь* (*ra:ta*) к. 50 'считает деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; (*ceruz*)-*ьk-a* (*ceruska*) к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

плс. *šьv-ьč-ьk-a*, *šьv-ьč-ul-j-a* (*šefcka*, *šefcula*) к. 14 'жена сапожника' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

укр. *lěk-ar-ьš-a* (*l'ikarša*) к. 29 'женщина-врач' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Об этом говорит и **словообразовательная структура** этих эксклюзивов, поскольку в большинстве своем они являются производными, причем не только второй, но и третьей ступени производности, что само по себе свидетельствует о вторичности их образования, ср.:

слн. *koz-ьl-ič-ьk-ь* (*kozli:čk*) к. 30 'козленок' т. 2 «Животноводство»; (*mic*)-*ьk-ь*, (*mic*)-*ьk-a* (*mù:ck*, *'mu:cka*) к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *сь-ro-min-ьč-ic-a* (*spo'mi:nčic-a*) к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *žę-tv-ь* (*žę:toу*) к. 65 'время, когда жнут и убирают хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *solm-ic-a* (*s'la:mca*) к. 78 'один стебель соломы' т. 4 «Сельское хозяйство»;

хрв. *kuk-ov-ač-a* (*kuku'vača*) к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; *pors-ьč-itj-ь* (*praščit*) к. 31 Nsg 'porse' т. 2 «Животноводство»; *cuc-ьk-ь* (*'cu:cek*) к. 9 'собака' т. 2 «Животноводство»; *žьn-j-ač-ь* (*žnà:č*) к. 68 'мужчина, который жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žьlt-j-an-ьk-ь* (*žutq:j'nek*) к. 43 'желток' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

серб. *plov-ьč-ę* к. 34 'птенец утки' т. 2 «Животноводство»; *trav-ьn-ь=ak-ь* к. 53 'неогороженное место, на котором пасется скот' т. 2 «Животноводство»; *klju-v-ьn-ic-a* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *morv-in-j-ak-ь* к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *vьr-ač-ar-ic-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»; *grob-ov-ьj-e* к. 46 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи»;

мак. *rip-un-ьс-ь* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *čur-i-dl-ьk-a* к. 49 'рыло' т. 2 «Животноводство»; *teg-av-ьс-ь* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *čuk-a-dl-ьk-a* к. 74 'орудие для ручной молотьбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *сь-vьdš-en-ik-ь* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; *věšt-j-er-ьk-a* к. 21 'женщина, которая занимается колдовством' т. 10 «Народные обычаи»;

блг. *sin-ьč-ьс-ь* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *bux-a-dl-ьk-a* к. 74 'цеп, орудие для ручной молотьбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *or-ьn-ic-a* к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *рě-sn-ь=о-poj-ьka* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *u-mir-a-l-ьk-a* к. 41 'смерть' т. 10 «Народные обычаи»;

чеш. *сěl-ьn-ik-ь* к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *grьb-ьl-ьk-o* к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство»; *bor-ov-ьč-ьj-e* к. 43 'черника' т. 3 «Растительный мир»; *pođ-iv-ьk-a*, *pođ-iv-in-a* к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *stьkl-ěn-ic-a* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *deгv-o-гоb-ьс-ь* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»;

слц. *skor-o-cěl-ъ* (*skoroceľ*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; *dob-ak-ъ* (*duba:k*) к. 55 'боровик' т. 3 «Растительный мир»; *bor-in-a* (*borina*) к. 18 'хвойный лес' т. 3 «Растительный мир»; *šičor-ěd-ъk-a* к. 43 'черника' т. 3 «Растительный мир»; *modr-ač-ъk-a* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; *raj-ъč-in-a* к. 18 'помидор' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žig-ъl-j-av-a*, *ryg-ъl-j-av-a* к. 22 'крапива' т. 4 «Сельское хозяйство»; *plug-ov-ič-ě* к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-tyl-in-ъk-y*, *ob-mel-in-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

плс. *vyr-ęt-ъk-ъ* (*vřoňtek*) к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ber-ъk-y*, *ob-ber-in-y* (*ѡob'yrk'i*, *ѡob'ežynu*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *bor-ar-ъ* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pas-ъn-ik-ъ* (*pašník*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *съ-dъx-ъl-izn-a* к. 51 'падаль' т. 2 «Животноводство»; *ot-klad-ъn-ic-a* к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' т. 4 «Сельское хозяйство»; *prag-ъn-ěč-ъk-a* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pri-lěp-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mōž-at-ъk-a* к. 13 'молодая женщина, недавно вышедшая замуж' т. 10 «Народные обычаи»;

луж. *pri-nož-ič-ě* к. 30 'ручки плуга' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kostr-j-an-ъc-ъ*, *kostr-j-an-ъk-ъ* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; (*rei*)-*ov-ar-ъk-a* к. 29 'женщина, которая хорошо танцует, пляшет' т. 10 «Народные обычаи»;

блр. *or-at-ъ* (*ha'raty*) к. 27 'человек, который пашет' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kot-en-ъ=о* (*kaс'a'n'o*) к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»; *žerb-ъk-ъ* (*žyра'bok*) к. 1 'жеребец' т. 2 «Животноводство»; *podъ-jal-ov-ъc-ъ* к. 38 'можевельник' т. 3 «Растительный мир»; *ně-sъ-čem-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-mel-ъšč-ik-ъ* к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *pol-j-ov-ъn-ič-ъ* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kot-en-ъ=о* к. 25 'котенок' т. 2 «Животноводство»;

укр. *bi-dl-en-ъ* (*bylyn'*) к. 76 'часть цепа, которым бьют по колосьям' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žъn-ъč-ix-a* (*žyn'čuxa*) к. 69 'женщина, которая жнет серпом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *съ-mołt-j-ak-ъ* (*zm'loc'ok*) к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pas-ov-išč-e* (*paсo'vyšče*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *kraš-en-ъk-a* к. 39 'яйцо' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pri-da-n-bj-e* к. 17 'приданое' т. 10 «Народные обычаи»;

рус. *pět-un-ъ* (*p'e'tun*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *po-skot-in-a* (*po'skot'ina*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; *na-zem-ъ* (*na'z'om*) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; *korv-in-a*, *korv-ęt-in-a* (*ko'rov'ina*, *koro'v'at'ina*) к. 22 'мясо коровы или вола' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kur-оръt-ъ* (*kuropat*) к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *na-sěd-ux-a* (*nas'e'duxa*), *sam-o-sěd-ъk-a* (*samo's'etka*) к. 18 'курица, которая высидживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-bj-e* (*kaс-av'iš:э*, *kaс-av'j-o*) к. 66 'палка, на которую

насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *po-bir-aš-ьk-a, po-bir-uš-ьk-a* к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kad-uš-ьč-ьn-ik-ь* к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *brjux-ov-in-a* к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *pě-sn-o-(xor)-ьk-a* к. 31 'женщина, которая хорошо поет' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-išč-e* к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи».

Наконец, об этом говорит и тот факт, что многие из них являются свидетельством культурно-исторического влияния соседних языков, ср., например, следующие эксклюзивные лексемы, появившиеся в результате освоения иноязычного слова:

слн. (*pungart*)-ь (*'po:ŋgrat*) к. 1 'сад' т. 4 «Сельское хозяйство» из ср.-в.-нем. *bûngarte*; (*brajd*)-a (*b'ra:jda*) к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство» из фриул. *braide*; (*murk*)-a к. (*'mu:rka*) 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» из австр. диал. *murke*; (*malc*)-a (*mà:lca*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от нем. *Mahlzeit*;

хрв. (*žmul*)-ь (*žmu:l*) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из далмат.-ром. *muzul*; (*jag*)-an-ьj-e (*'jo:gañe*) к. 57 'охота на диких зверей или птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из нем. *Jagt*;

серб. (*kolomboč*)-ь (*ko'loboč*) к. 54 'кукуруза' т. 4 «Сельское хозяйство» из алб. *kollomoqi* 'кукурузный стебель'; (*krtol*)-a (*kɽ'to:la*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из/от нем. *Kartoffel*;

чеш. (*brambor*)-a, (*brambor*)-ь, (*ertepl*)-j-a (*brambor, brambora, erteple*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от нем. *Brandenburg*; из нем. *Erdäpfel*; (*kantor*)-ь (*kantor*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из лат. *cantor*; (*pampel*)-uš-ьk-a (*pampeluška*) к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир» из нем. *Pampelblum*;

слц. (*krumpl*)-j-a (*krumpla*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *Grundbirne*; (*pohar*)-ik-ь (*poha:rik*) к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от венг. *rohár*; (*valal*)-ь (*valal*) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из венг. *valál*; (*šajt*)-ar-ь (*šajta:r*) к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от нем. *scheiten*;

луж. (*kul*)-ьk-a (*kulka*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от ср.-в.-нем. *kûle*; (*nojlant*)-ь (*nojlant*) к. 26 'поле, вспаханное и засеянное впервые' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *Neuland*;

плс. (*draš*)-u-j-e-ть (*drašuje*) к. 73 'молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *dreschen*; (*pyr*)-ьk-a (*pyrka*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *Birne*; (*škol*)-ьn-ь (*školni*) к. 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от лат. *scola*; (*jaxt*)-a (*jaxta*) к. 57 'охота на диких зверей, птиц' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от нем. диал. *jaxt*;

укр. (*kert*)-ь (*kert*) к. 10 'огороженное место, где растут овощи' т. 4 «Сельское хозяйство» из венг. *kert*; (*barabol*)-j-a (*bara'bol'a*) к. 85 'картофель' т. 4 «Сельское хозяйство» от чеш. *brambor* (< нем. *Brandenburg*);

рус. (*veks*)-а (*v'ekša*) к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир» из финно-угорс. [Фасмер I: 287].

Таким образом, несмотря на различный характер ареалов эксклюзивных лексем, как обширные, так и ограниченные ареалы являются чаще всего величинами позднего времени, т.е. фактом собственной истории каждого славянского языка в отдельности. Как видно из приведенных материалов, большинство эксклюзивных лексем сформировалось в период становления национального самосознания и оформления государственности. Процесс созревания этнополитического самосознания, осознание своей общности и вместе с ней исключительности, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику обретали в этих именах дополнительный стимул.

Не опровергая родства славянских языков, эти эксклюзивные образования свидетельствуют о своеобразии каждого языка в систематизации форм человеческого мышления при помощи лексико-словообразовательных средств. Поэтому в каждом томе Атласа можно найти обширный материал, говорящий о лексическом своеобразии практически всех славянских диалектов.

Литература

- Куркина 2012 — Куркина Л. В. К проблеме интерпретации лексических изоглосс // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana, 2012.
- Срезн. — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
- Теньер 1966 — Теньер Л. По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // *Вопросы языкознания*. 1966. № 5.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Черных 1994 — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.
- Шапошников 2010 — Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М., 2010. Т. 1–2.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. 1–.
- Bezljaj — Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Т. 1–5. Ljubljana, 1977–2007.
- Boryś — Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
- Brückner — Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1985.
- Machek — Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1968.
- Skok — Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1971. Т. I–III.
- Słownik prasłowiański* (red. *Ślawski F.*) Т. 1–. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1974–.

Tatiana Vendina

Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

vendit@rambler.ru

THE EXCLUSIVE LEXEMES AND THEIR AREAS IN SLAVIA

The article deals with the spatial and temporal characteristics of exclusive lexemes, presented on the maps of The Slavic Linguistic Atlas.

Key words: The Slavic Linguistic Atlas, dialectology, lingvogeography, lexis.

References

Kurkina L. V. *K probleme interpretacii leksicheskikh isogloss. Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana, 2012.

Sreznevskij I. I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Dictionary of the Old Russian language]. T. I–III. M., 2003.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of XI–XVII cent.]. T. 1–. M., 1975–.

Tesnière L. Po voprosu o dialektologicheskom atlase russkogo yazyka [On the problem of dialectological atlas of the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija*. 1966. № 5.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. M., 1964–1973. T. I–IV.

Chernyh P. Y. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical-etymological dictionary of modern Russian language]. T. I–II. M., 1994.

Shaposhnikov A. K. *Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological dictionary of modern Russian language]. M., 2010. T. 1–2.

Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. M., 1974–. T. 1–.

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika. T. 1–5*. Ljubljana, 1977–2007.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1985.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1968.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. T. I–III. Zagreb, 1971.

Słownik prasłowiański (red. Sławski F.) T. 1–. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1974–.

Павол Жиго

Университет имени Коменского в Братиславе
Философский факультет, кафедра словацкого языка
(Словакия, Братислава)

pavol.zigo@fphil.uniba.sk

СООТНОШЕНИЕ «ГОРОД–ДЕРЕВНЯ» В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАКИИ

В статье исследуются дифференциационные процессы развития языка городов и деревень в связи со специфическим изменением социальных условий за последнее столетие. Развитие языка в городах было в зависимости от территориальных условий обусловлено традициями и развивающимися контактами с населением чешского, немецкого и венгерского происхождения. Речь города в первой половине XX в. отличалась высшей степенью интернационализации и интеллектуализации, обусловленной развитием техники, ремесл, учреждений широкого значения и созданием новых образовательных и научных центров. Развитие языка деревень (а также городов) происходило в сложных условиях взаимодействия традиционных форм — словацких диалектов, словацкого литературного языка и традиционных форм чешского, немецкого и венгерского языкового происхождения. Эти сложные процессы до настоящего времени проявляются в различной степени в языковом сознании носителей словацкого языка в различных ареалах его употребления.

Ключевые слова: языковая интерференция, динамика узуса, диалектология, словацкий язык.

0. Город и деревня — естественные элементы человеческой деятельности, и для каждой из них характерны знаки, служащие для ориентации в пространстве и вместе с тем различающие пространства города и деревни. Речь идет о дифференциальных признаках, которые являются результатом функционирования содержания, составляющего сущность понятия «ойконим». В случае различий между городом и деревней речь идет не только о дифференциации пространственных единств, их элементов, но о различной функциональности отдельных объектов и вытекающей отсюда архитектуры, дополненной художественными артефактами, общими и общественными пространствами, но прежде

всего речь идет о заметной социальной иерархизации населения, которое своей деятельностью связано с данным пространством. Множество таких феноменов вербально и невербально формирует социальное пространство деревни и города и придает ему специфический характер, который обусловлен функцией, типом развития и в конечном счете также преобладанием элементов урбанного или рурального характера. Важным элементом, идентифицирующим и дифференцирующим городское и сельское пространство с синхронной и диахронной точек зрения, является его язык. С его помощью создается физическая и духовная связь во времени, в котором проявляется динамика цивилизационных изменений. Город и деревня всегда находятся в определенном более широком социальном и культурном контексте, в отношении к обществу, к государственным структурам, идеологиям, ценностным и эстетическим ориентирам. Благодаря последним человек может классифицировать информацию, закодированную в отдельных объектах и идентифицировать ее по отношению к духовным ценностям. И в незнакомом месте, о котором человек не обязан много знать, его объекты, культура и архитектура свидетельствуют о деятельности знаменитых родов, богатстве и положении городского патрициата. Объекты ремесленников и словарный состав, связанный с их деятельностью, являются свидетельством о хозяйственной ориентации населения города. Религиозные объекты являются свидетельством о присутствии конфессий и о положении церкви, их архитектурное решение и урбанистическое устройство являются средством идентификации духовной жизни в определенный период.

Начало дифференциации языка на территории современной Словакии, как и на других территориях, восходит ко времени упадка раннего феодализма. В этот период создавались предпосылки для развития живой местной речи. Важным стимулом для этого послужили, в первую очередь, новые формы труда, связанные с ними новые элементы хозяйства, общественной жизни и культуры¹. Характерным признаком древнего периода является в первую очередь развитие языка устной речи. О развитии устных жанров до XII в. свидетельствует запрет использовать народное песенное творчество в костелах, изданный в XII в., и запрет для клира слушать эти жанры. Развитию языка в большой степени способствовало в то время развитие городов, потому что в них были сосредоточены светские и церковные юридические, административные и образовательные институты. С развитием городов, однако, помимо концентрации в них юриспруденции, администрации и образования, была связана и двойственная социальная дифференциация городского населения. Во-первых, это была дифференциация города и деревни, выделение ремесел и связанные с этим различия в образе жизни. Во-вторых, это была активизация различных языковых средств, которая отражала не только различия городского и сельского образа жизни, но и внутреннюю дифференциацию городского населения.

¹ Жиго П. Общеславянский лингвистический атлас: Взаимосвязь языка и общественно-исторических феноменов с позиции ареальной лингвистики // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2009–2011. М., 2011. С. 52–62.

В то время как в жизни сельского населения активизировался словарный запас, связанный с его образом жизни (полевые работы, переработка сельскохозяйственных продуктов, выпас скота), и в большой мере жанры, связанные с устной народной словесностью, городской образ жизни своей многоформностью активизировал значительно более широкие пласты лексики. Помимо основной коммуникативной функции в местной среде начали возникать новые жанры с более высокой общественной функцией. Элементы формирующихся культурных дописьменных образований сначала в значительной степени отражали социальное расслоение и профессиональную ориентацию городского населения. В городской среде, собственно, уже с XIV в. начал формироваться специфический вид языка — городская речь². Доклады о проблематике языка города в историческом и современном аспекте прозвучали на научной конференции «Город и его язык», которая состоялась в Братиславе 22–23 сентября 1998 г., и были опубликованы в отдельном сборнике³.

1. Типичным примером различного языкового развития города и деревни с точки зрения социальной структуры и функции единицы, а также с точки зрения географической, культурной, исторической и общественной функции, является современная столица Словакии Братислава. Перед Первой мировой войной Братислава была трехязычным немецко-словацко-венгерским городом, и этот характер сохранился также в межвоенный период (1918–1938 гг.). В то время здесь жили вместе три нации, каждая из которых имела свои общества, свою печать и культурные институты. Определенную картину культурной деятельности и языковых отношений нам предоставляет статистика периодики, выходившей в Братиславе в то время. В 1927 г. в городе выходило 6 словацких ежедневных газет, 2 немецкие и 4 венгерские; 6 словацких еженедельников, 3 немецких и 2 венгерских; 3 словацких издания, выходившие дважды в месяц. Среди изданий, не поддерживающих никакое политическое движение, выходило 3 словацких, 2 немецких и 4 венгерских еженедельника. Издавались и трехязычные словацко-немецко-венгерские журналы, в том числе 2 еженедельника, 6 ежемесячных изданий и 4 журнала, выходящих дважды в месяц⁴. Братиславцы в межвоенный период (а также много десятилетий и даже столетий прежде) жили бок о бок с немцами и венграми, контактировали с сельским населением, которое было носителем загорской диалектной базы — с *загораками*, а также с хорватами, эмигрировавшими в связи с турецкой экспансией и основавшими в западной Словакии множество поселений. Братислава отличалась многоязычием: почти каждый горожанин мог говорить на трех языках. Эти языки оставили в речи словаков в городе значительные следы: более всего — немецкий язык, меньше — венгерский, в основном в разговорной лексике, названиях кварталов и окрестностей города. Помимо многоязычия население Братиславы отличалось принадлежностью

² Žigo P. Podiel mesta na formovaní kultúrnych predispoვნých útvarov // Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 118–124.

³ Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava, 2000.

⁴ Palkovič K. Reč staršej Bratislavy // Slovenská reč. 1992. 57. S. 351–360.

ко множеству вероисповеданий (римско-католическому, еврейскому, евангелическому, в небольшой степени также кальвинистскому, православному и греко-католическому). Несмотря на такую национальную и конфессиональную гетерогенность, языковой основой речи старой Братиславы был западнословацкий ареал трнавского типа, а ряд признаков в западной части сближает его с ареалом загорского диалекта⁵. Важным признаком, интегрирующим город в западнословацкий диалектный ландшафт (поселения Рача, Вайноры, Ламач, Дубравка, Девинска Нова Вес, Загорска Быстрица), является отсутствие дифтонгов. Типичным признаком многоязычности являются, прежде всего, лексические заимствования из немецкого языка: *durchhauz* (пассаж), *cviling* (близнецы), *mélšpajz* (пирог), *miskibel* (мусорное ведро), *pigelbret* (гладильная доска), меньше слов — из венгерского: *óvoda* (детский сад), *omama* (бабушка), *hazamešter* (домоуправляющий). Помимо разговорной лексики эти заимствования касаются также ряда профессиональных и любительских областей. Области рыболовства: *angle* (крючки на удочке), *kédre* (живец), *necka* (рыболовная сеть), названия частей тела, многие из которых экспрессивные, например ноги: *haksne* (большие), *ikshaksne* («иксом»), *ohaksne* (ноги колесом), голова: *glocna* (лысая), *kotrba*, *gebula* (большая), *šiška* (большая); губы: *gambi* (и *pery*), *huba*, *drška*, *papula*, *čuňa*; другие слова: *ksicht* (лицо), *bajcheles* (бакенбарды), *faldi* (фалды на одежде), *muškle* (мышцы), *pajšle* (легкие), некоторые старые слова из области гардероба, исправления недостатков и украшения тела: *brusenhahe* (бюстгальтер), *cugofki* (туфли с резинкой сбоку), *cvikle* (обычные карманные часы), *kapric* (1. подушка, 2. наволочка), *lajntúch* (простыня и скатерть), *pinč* (вид шляпы), *slamenák* (соломенная шляпа), *šircla* (фартук), названия еды, выпечки: *štaupcuker* (сахарная пудра), *kajzerki* (булочки), *kiflik* (рожок), *štridla* (продолговатый хлебец), *vekla* (большая булка); *buršla* (маленькая колбаска), *hurka* (кровяная колбаса), *prezvuršt* (зельц), *šmalc* (смалец), *špek* (шпик), *viršle* (сосиски), *calta* (рождественский пирог), *monnudle* (лапша с маком), *šunkafleki* (квадратики (макаронные изделия) с ветчиной), *krumpliguláš* (картофельный гуляш), *doboški* (пирожное с кремом, политое шоколадом), *pajgel i bajgel* (братиславский рожок), *monpajgel* (маковый рожок), *nuspajgel* (ореховый рожок), *pocheraj* (пирожное), *šamróla* (трубочка с белковым кремом); названия напитков и виноградарская лексика: *špricer* (вино с минеральной водой), *krachla* (газировка в бутылках), *ajršlóg* (сера для бочек), *ajršlógovat* aj *sirkovat* (дезинфицировать серой бочки), *hever* (сифон для вина), *hajriger* (розлив вина в винном погребе), *firtl* (четверть, мера вина при розливе), *ochtl* (восьмушка, мера вина при розливе), *šiler* (смесь белого и красного вина), *pančovat* («крестить» вино, разбавлять его водой), *štupliger* (штопор). Из области кулинарии и домашнего хозяйства это следующие слова: *randlik* (кастрюля), *škridla* и *dekel* (крышка для сковородки), *vajdling* (большая миска для теста), *slížná deska* aj *núdlbret* (доска для раскатывания теста), *boks* и *erdelpasta* и *viks* или *šuviks* (крем для обуви), *bríle* (очки), *cilindrofki* (обычные карманные часы), *korbel* (корзина), *kochlík*

⁵ Palkovič K. Op. cit. S. 352.

(цветочный горшок), *kuker* (бинокль), *piksla* (жестянка), *štokerlik* (подставка под корыто), *veker* (будильник); из области транспорта это: *áčka*, *béčka*, *céčka* (старые названия трамвайных маршрутов А, В, С), *cúg* или *mašina* (поезд), *glajzna* (рельсы), *konduktér* (кондуктор), *rudla* (двухколесная тележка), *špricauto* (поливальная машина), *štácija* (железнодорожный вокзал), *tragač* (тачка), *vochter* (железнодорожный охранник). Из области торговли и ремесел это слова: *krajzleraj* (торговля различным товаром), *kšeft* и *sklep* (магазин), *saklik* (бумажный мешочек), *škarnicla* (рожок, свернутый из газеты), *šohtla* (коробка), *cins* (арендная плата), *centimeter* (портняжный метр), *cukeršpagát* (бумажный шпагат); *drajfúz* (тренога башмачника), *pop* (обувной клей); *hóblponk* alebo *ponk* (столярный верстак), *holčstangla* (деревянная жердь), *šraupštok* (тиски), *korba* (кузов грузовика), *kalfas* (емкость для раствора), *šalunk* (опалубка), *šit* (строительный мусор), *vercajg* (инструмент), *majzlik* (зубило); виды мяса: *flaksne* (куски низкокачественного мяса), *móčing* (части ноги), *perečko* (плечевая часть), *opšnicle* и *apšnicle* (1. обрезки мяса, 2. куски торта), *rosprátr* и *rosprátn* (филейное мясо), *solsnicle* (ложная вырезка), *svinské maso* (свинина), *šál* (задняя часть), *šlus* (остаток мяса: *ze šlusu*). Братиславская городская речь выделялась также названиями типичных городских реалий: *auzlág* (витрина), *dijáter* (театр), *drotóár* (тротуар), *droška* (дроги, повозка в одну упряжку), *gáz* (газ), *gázlampa* (газовая лампа), *fijáker* (карета для передвижения в городе), *fijáker ajnšpaner* (карета, запряженная одним конем), *markhala* (крытый рынок), *kaféhauz* (кафе), *pajzel* (трактир), *pelendrek* (полицейская палка), *plac* и *ring* или *rínek* (базар), *pučeraj* (чистка), *randel* и *rantel* (край тротуара, бордюр), *propelér* (тип судна, перевозившего пассажиров из Братиславы в Петржалку — с левого берега Дуная на правый), *ringišpíl* (карусель), *ródle* (санки); из области общественных развлечений и игр это были названия карточных игр: *blat* (*hrát z blatu*, играть с руки), *šnapser* и *šnopser* (игра в 24 карты), *šnopserki* (карты для «шнопсера»), *mariáški* (карты для игры в «мариаш»). Из названий специальностей, качеств и профессий можно привести слова: *fizel* и *hekač* (полицейский), *hofer* (субарендатор), *kiberák* (агент тайной полиции), *megero* (пузан), *šamster* (любовник), *šrác* (мальчик, парень), *hajzlbaba* (работница общественного туалета), *erdegbaba* (злая женщина), *handlérka* (торговка), *šohtla* (ругательство на непорядочную женщину), *špata* (уродливая женщина)⁶.

Контакты городской речи с чужими языками проявились прежде всего в лексике. Однако языковой ареал был в соприкосновении и со словацкой языковой основой южного типа. Доказательством тому служат притяжательные местоимения типа *jehov*, *jehová*, *jehové* ‘его’, родственные таким формам, как *njegov*, *njegova*, *njegovo*, например в хорватском, причем речь здесь идет не об общих явлениях генетического характера, а о позднем контактном явлении.

2. Историческое и цивилизационное развитие приносит изменение в символику города, в язык. Значение рынка и связанная с ним торговля, инвестиции и объем финансового капитала являются свидетельством развития общества, его

⁶ Там же. С. 353 и след.

экономической ориентации, отношения города к остальной части страны. Пространственная организация или анархия, возможное загрязнение и истощение или попытки соблюдения экологических требований — всё это тоже язык, которым городская среда изъясняется, представляет себя, общество и общественность в широком понимании. Символическим языком новой, постиндустриальной эпохи в городах становятся торговые и финансовые центры с храмами финансового процветания — небоскребами из стекла и бетона, сконцентрированными на малом пространстве новых центров. Окончательный вид языку современного города придает информационный статус торговой рекламы, электронных и информационных табло. Статичные или мобильные информационные артефакты на общественном транспорте в настоящее время часто вызывают практически информационный хаос или граничат с информационной агрессией. Художественные артефакты городского пространства укрепляют историческую память и становятся символом знаменитых событий и людей, действовавших в городе.

Интересно отражение трансформационного процесса в речи или языке города. То, с помощью чего город, его улицы или площади разговаривали с населением, очень быстро изменилось. Речь идет не только о названиях, но о смене всего «партера» вместе с его обстановкой, связанной с новым разделением пространства и новыми отношениями собственности: исчезли старые магазины, услуги и учреждения, которые сохранились лишь как культурная память населения. Возникли новые, которые в наше время также быстро меняются, особенно в связи со «стабилизацией» экономических отношений в новой торговой экономике. Центральные городские территории часто становятся рынками базарного пригородного типа и лишь потом постепенно приобретают более возвышенное качество первоначальной функции, отвечающей городской территориальной иерархии. Множество изменений, отражающихся в городской среде, способствует тому, что немалая часть населения города теряет в нем предыдущую ориентацию. Только последующая стабилизация пространства начинает обновлять взаимные коммуникационные отношения пространства и его пользователя.

3. О специфических социальных изменениях языка в словацкой деревне можно говорить в ситуации, обусловленной исторически, территориально и социально. Историческая обусловленность этих явлений коренится в средневековой немецкой колонизации в связи с возникновением шахтерских городов в области Средней Словакии и Спиша. Средством общения немецкого населения до сих пор являются первоначальные немецкие диалекты, в словацкой языковой среде называемые *мантацкими* (*mantácke*), которые находились в контакте, с одной стороны, с исконно славянской диалектной базой спишского типа, с другой стороны, оказались под воздействием образования, культуры и средств массовой информации на современном этапе; как и сами спишские диалекты — под воздействием письменного словацкого языка. Этот процесс, однако, не так прост и прямолинеен. Взаимоотношения отдельных языковых образований с точки зрения интенсивности на различных этапах исторического развития менялись. Многие пласты этого

взаимодействия в различные исторические периоды и результаты неоднородных процессов обработала в своих работах Г. Мучкова⁷.

Типичным примером меняющихся языковых отношений в сельских поселках с многоязычным населением являются — с точки зрения диахронии — отношения языковых субсистем в восточнословацком городке Гелница, который находится на пограничье трех ареалов генетически родственных диалектов — юго-восточного Спиша, центрального Спиша, гнилецких диалектов. Этот городок с древними городскими привилегиями, дарованными Белой IV и подтвержденными королем Ладиславом IV, основали в 1276 г. немецкие шахтеры-колонисты на месте исконного славянского поселения. На общей территории города, однако, с самого начала предполагалось сосуществование двуязычного населения — местного, славянского, и пришлого, немецкого. В древний период влияли друг на друга лишь два коммуникационных образования — спишские наречия и немецкие мантацкие наречия. На это соотношение, особенно в период увеличивающейся образованности, параллельно влияли другие языковые образования: спишские диалекты оказались в интенсивном контакте со словацким письменным языком, мантацкие диалекты немецкого происхождения, в свою очередь — с письменным немецким языком. Отношения упомянутых языковых систем в конце XX в. охарактеризовала Г. Мучкова⁸:

Самый древний период	спишский диалект	литературный словацкий
	↕	
I пол. XX в.	мантацкий диалект	литературный немецкий
	спишский диалект ↔	литературный словацкий
	↕	
	мантацкий диалект ↔	литературный немецкий
Конец XX в.	спишский диалект ↔	литературный словацкий
	мантацкий диалект	литературный немецкий

Отношения между городом и деревней в Словакии в современности характеризуются важными дифференциальными процессами, которые обусловлены социально и территориально. После политических, общественных и экономических изменений начались значительные социальные изменения, которые были связаны с сокращением рабочих мест, изменением формы собственности на сельскохозяйственные земли и самих трудовых отношений в растениеводстве и животноводстве (от преимущественно государственной, коллективной собственности к частной и групповой). С этими общественными и экономическими изменениями, которые коснулись в основном Средней и Восточной Словакии, связаны и изменения

⁷ Múcsková G. Mesto Gelnica a jeho jazyk. Poznámka k bilingválnej diglosnej jazykovej situácii starého baníckeho mesta // Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 184–193; Táže: K otázke explanácie variantnosti a interferencie jazykových systémov nárečia a spisovného jazyka v komunikácii // Jazyk a komunikácia v súvislostiach. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 24. a 25. júna 2004 na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave / Zostavil J. Dolník. Bratislava: Univerzita Komenského, 2005. S. 225–235.

⁸ Múcsková 2000: 192–193.

социальной структуры городского и сельского населения и его зависимости от экономики. Закрытие множества шахт как сырьевой основы тяжелой промышленности и машиностроения, замена металлов синтетическими материалами, трансформация сельского хозяйства, приводящая иногда к деформации, стали общественными и экономическими факторами высокой безработицы и оттока значительной части экономически активного населения в поисках работы за границу. Эти общественные феномены отражаются и на социальном положении населения, и на языковых изменениях, особенно на внутриязыковом взаимном влиянии и развитии местных диалектов. Измененная экономическая и общественная ситуация привела к проникновению в словацкий язык множества новых слов иностранного происхождения. Речь идет не только о специальных профессиональных терминах, связанных с интеграционными процессами в европейские структуры, но также о словах, которые в словацком языке адаптируются и становятся лексикой ежедневной коммуникации. Это внешнее давление воздействует не только на язык города, но не менее значительно — и на речь деревни, которая под этим воздействием свой язык также «интеллектуализирует». Это связано не только с внешним давлением экономического характера, но и со значительным изменением социального статуса села, с уходом в прошлое классических, традиционных деревенских сельскохозяйственных трудовых процессов. Опорой для сохранения классических элементов языка деревни является сохранение деревенских традиций, которые воспринимаются как составная часть духовного культурного наследия.

4. Упомянутые общественные изменения, различная языковая ситуация города и деревни в прошлом и настоящем вызвала также потребность уважать эти социальные изменения при диалектологических исследованиях. Диалектология как бы расширила свое классическое измерение до потребности учитывать новый социальный аспект. Речь идет не об уровне классически понимаемой синхронной социолингвистики, а о необходимости исследовать и описывать территориальный диалект как средство фиксации культурной памяти: ареальная обработка явлений служит демонстрацией силы языка в его прошлом. Это проявление языковой памяти заключается в том, что каждая единица языковой системы обозначена воображаемым следом прошлого и говорит о способе существования языкового прошлого, фиксирует языковой опыт поколений в воображаемом временном продолжении коммуникации. Это объективное коллективное знание, которое закодировано посредством знаков в памяти языка, и эти знаки переходят из памяти языка одного поколения в память следующих поколений и становятся свидетельством процесса, в котором человек при освоении языка принимает как бы генетически закодированные элементы и конкретные формы и переносит их из одного поколения на другое. Такое симуляционное видение «передачи» языковых кодов указывает на социобиологическую основу эволюции культуры. Аналогичное восприятие биологической и культурной эволюции продемонстрировал биолог Р. Докинс⁹, который к слову *ген* из области

⁹ Dawkins R. Subject(s) Evolutionary Biology. Oxford: Publisher Oxford University Press, 1976. S. 78.

биологии добавил аналогичное слово *мем*, которое с точки зрения нашей проблематики является носителем языковой памяти, виртуальной и повторяющейся частицей культурной информации, основным элементом, наследуемым негенетическим путем. Презентация этих элементов в письменных, кодифицированных видах языка и их неписьменных формах — в форме диалектов, а также в различной языковой среде села и города — диаметрально противоположна. Речь идет о совершенно естественном явлении, на основе которого язык презентует себя не только как диалект, но как многоаспектный социальный феномен.

Перевод со словацкого М. Валенцовой

Литература

Dawkins R. Subject(s) Evolutionary Biology. Oxford: Publisher Oxford University Press, 1976.

Múcsková G. Mesto Gelnica a jeho jazyk. Poznámka k bilingválnej diglosnej jazykovej situácii starého baníckeho mesta // Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 184–193.

Múcsková G. K otázke explanácie variantnosti a interferencie jazykových systémov nárečia a spisovného jazyka v komunikácii // Jazyk a komunikácia v súvislostiach. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 24. a 25. júna 2004 na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave / Zostavil J. Dolník. Bratislava: Univerzita Komenského, 2005. S. 225–235.

Palkovič K. Reč staršej Bratislavy // Slovenská reč. 1992. 57. S. 351–360.

Žigo P. Podiel mesta na formovaní kultúrnych predpisovných útvarov // Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 118–124.

Žigo P. Общеславянский лингвистический атлас — взаимосвязь языка и общественно-исторических феноменов с позиции ареальной лингвистики // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2009–2011. М., 2011. С. 52–62.

Pavol Žigo

Comenius University in Bratislava

(Slovakia, Bratislava)

pavol.zigo@fphil.uniba.sk

THE RELATION «VILLAGE–TOWN» IN SLOVAKIA TODAY

At present the relationship between towns and villages in Slovakia is characterised by considerable differentiation processes which are conditioned both socially and territorially. Following the changes concerning the spheres of policy, society and economy there

have also occurred distinctive social changes connected with the reduction of jobs as well as the changes of ownership of agricultural land and production technology. These social and economic changes which have had their impact above all upon the central and eastern regions of Slovakia, are also related to changes in the social structure of the inhabitants in towns and villages and their economic dependence. Increased unemployment and going abroad in search of work are also reflected in the social situation of the inhabitants and in the linguistic changes — the language-internal mutual influence of the original areas of dialects and the cross-linguistic influence — the penetration of words of foreign origin into the Slovak language, which is also connected with the processes of integration into European structures.

Key words: cross-linguistic influence, dialectology, the Slovak language.

References

Dawkins R. *Subject(s) Evolutionary Biology*. Oxford: Publisher Oxford University Press, 1976.

Múcsková G. *Mesto Gelnica a jeho jazyk. Poznámka k bilingválnej diglosnej jazykovej situácii starého baníckeho mesta*. In: *Sociolinguistica Slovaca*. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 184–193.

Múcsková G. *K otázke explanácie variantnosti a interferencie jazykových systémov nárečia a spisovného jazyka v komunikácii*. In: *Jazyk a komunikácia v súvislostiach*. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 24. a 25. júna 2004 na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave / Zostavil J. Dolník. Bratislava: Univerzita Komenského, 2005. S. 225–235.

Palkovič K. *Reč staršej Bratislavy*. In: *Slovenská reč*. 1992. 57. S. 351–360.

Žigo P. *Podiel mesta na formovaní kultúrnych predpisovných útvarov*. In: *Sociolinguistica Slovaca*. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk / Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 118–124.

Žigo P. *Obschslavyansky lingvistichesky atlas — vzaimosvyaz yazyka i obschestvennoistoricheskikh fenomenov s pozitsii arealnoy lingvistiki*. *Obschslavyansky lingvistichesky atlas. Materialy i issledovaniya 2009–2011*. [The Slavic Linguistic Atlas]. M., 2011. S. 52–62.

Дорота Кристина Рембишевска
Институт славистики Польской академии наук
(Варшава, Польша)
dorota.rembiszewska@wp.pl

Януш Сятковски
Варшавский университет
(Варшава, Польша)
janusz.siatkowski@wp.pl

ХАРАКТЕРНАЯ ДЛЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА ЛЕКСИКА В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

В статье отмечается существенное различие украинских диалектов между собой: на лексическом уровне одни лексемы связаны с остальной восточнославянской территорией, тогда как другие — с территорией западнославянской, главным образом с польской и словацкой, а иногда образуют компактный ареал в пределах Украины.

На основе анализа 486 лексических карт ОЛА, отражающих диалектный материал, собранный на всей территории Славии в 50-е — 60-е гг. XX в., выделяется около 40 слов и словоформ, свойственных только украинскому языку и характеризующихся ограниченной локализацией: в основном юго-запад Украины и особенно Закарпатье, на юге в этой роли часто выступают заимствования из румынского и венгерского языков.

Ключевые слова: лингвогеография, диалектология, славянские языки, украинский язык, лексика, заимствования, словоформа.

Целью нашей работы было выбрать из вышедших к настоящему времени лексических томов ОЛА слова и словоформы, характерные для украинского языка, выступающие на картах ОЛА на всей территории Украины или, по крайней мере, на значительной ее части. Иногда они образуют разреженные ареалы, которые противопоставляют украинские говоры остальным славянским диалектам.

Тщательный анализ опубликованных на данный момент 486 лексических карт ОЛА показывает, что таких слов и их форм, присущих исключительно украинским говорам, сравнительно немного, гораздо меньше, чем эксклюзивных польских, чешских, словацких или русских элементов. Украинские диалекты значительно

дифференцированы между собой и часто одни лексемы объединяются с остальной восточнославянской территорией, а другие — с западнославянской, преимущественно польской и словацкой, а вот сплошной ареал, ограниченный лишь территорией Украины, они образуют не слишком часто.

Кроме того, оказывается, что неоднократно выступающие исключительно на Украине по данным ОЛА слова и формы имеют более широкие ареалы согласно имеющимся в нашем распоряжении диалектологическим исследованиям и историческим источникам. Например, в ОЛА (ОЛА VIII: к. 22) только на территории Украины выступает **kuχ-o-var-ъk-a* ‘кухарка’, в то время как в материалах вне Атласа эта форма известна также на широкой территории юга России (СРНГ XVI: 183–184). В ОЛА (ОЛА II: к. 27), очевидно, украинский характер носит название **loš-ε* (*to'sa, to's'e, hu'sa, hu's'e* и подобные) ‘жеребенок’, записанное почти во всех пунктах на Украине, в украинских пунктах на юге России, а кроме того в Польше на украинском пограничье под Билгораем (также *loszătko*) и Грубешовом, а также в переселенческих пунктах в Нижней Силезии (ср. также MAGP I к. 40 и SGPK II 86 и другие многочисленные материалы). В целом, это слово является старым общерусским тюркским заимствованием из чувашского *laša* и крым.-татар. *alaša* (Sławski SE V 214–215, ESUM III 296, ESBM V 267), впрочем, ареал самой формы **loš-ε* в настоящее время ограничен территорией Украины и ближайших соседних областей.

Для украинских говоров могут быть характерными отдельные лексемы или только их морфологические формы, в основном словообразовательные, кроме того — семантические сдвиги.

Рассмотрим сначала самые редкие семантические сдвиги.

На значительной территории Украины (кроме северо-западной ее части) в ОЛА II к. 53 имеет разреженный ареал общеславянская лексема **tolk-a* (*to'lo'ka, to'lo'ka*) в переносном значении ‘пастбище’. В славянских языках она обычно означает ‘старинный обычай добровольной соседской помощи в работах на лугу и в поле, оплачиваемой угощением’ (Brückner SE 571–572, Vasmer ESRJ IV 73, ESUM V 594). Здесь мы имеем дело с очевидным семантическим переносом с ‘совместный выпас скота в рамках соседской помощи’ на ‘место, где производится совместный выпас’. Интересно, что в ОЛА этот семантический сдвиг не отмечен нигде за границами украинской территории. Более точный ареал распространения укр. *толока* в этом значении дает AUM II к. 314, а также монографии, посвященные небольшим диалектным территориям (например Gwary huculskie 1997: 186, Szyło 2008: 254). Также в различных польских говорах на Украине достаточно часто встречается *tłoka* в значении ‘пастбище’ (Cechosz-Felczyk 2004: 221, Greń, Krasowska 2008: 224). Эта лексема также проникла и в польские и украинские говоры на территории Румынии (Greń, Krasowska l.c, Horbacz 2000: 347), а также была заимствована в этом значении как *toloačă* в румынский язык (Tiktin III 1621 и однокоренные слова), впрочем, в говорах она, по-видимому, имеет ареал, ограниченный окрестностями Сучавы (ALR sn II к. 317 *toloka* и *toluqca*, также ALRM sn I к. 317).

Характерным для украинских диалектов является прилагательное **sъ-kaž-en-ъ* (*ska'ženyj, ska'ženy, ska'ženij, ska'ženi*) в значении ‘бешеный’ (о собаке). В ОЛА II

к. 73 оно зафиксировано практически на всей территории Украины, а также в украинских населенных пунктах на юге России (836, 843, 847, 849). Прилагательное *скажѣнный* ‘бешеный’ (о собаке и волке) встречается только у Даля IV 189, с пометой «южное», в то время как СРНГ XXXVIII 363, опуская упоминание о собаке и волке, относит диал. *скажѣнный* главным образом к человеку, приводя значение ‘такой, который утратил разум, рассудок’. Точно такое же значение прилагательного **sz-kaž-en-ъ* ‘бешеный’ (о собаке) отмечено и на юге Моравии: старое *skažene:*, *skažele:* наряду с новым *ščekly* (п. 198) и в Лужице: *skaž'eny* (п. 237). На севере Украины выступают, прежде всего, известные также белорусским диалектам прилагательные **kroč-en-ъ* (*k'ručanyj*, *k'ručany*, *k'ručenyj*, *k'ručeny*) и **dur-ъn-ъ* (*dur'nyj*, *dur'ny*), а в Закарпатье абсолютно обособленное **sz-běs-ъn-ъ* (*zb'is'nyj*, *zbiš'nyj*).

Ярко характеризует украинские диалекты название **krin-ic-a*, **krъn-ic-a* (*kry'nyc'a*, *krъnyc'a*, *k're'nyc'a*, *kry'nyc'a*, *kъr'nyc'a*) в значении ‘колодец’. В ОЛА VI к. 1 оно отмечено практически по всей Украине. Кроме Украины оно встречается в ОЛА только в двух переселенческих пунктах в Польше, в Силезии (*kernica* 257, *kirnica* 276). Czyżewski 1986: к. 167 приводит *kryn'yc'a* ‘колодец’ только однажды в Збереже под Влодавской как украинское название. Эта лексема в значении ‘источник’ имеет в славянских языках гораздо более широкое распространение. В ОЛА на западном пограничье она отсутствует более чем в десяти пунктах, где выступает относящаяся к территории Польши и Словакии **stud-ъn-j-a* (*studn'a*, *stud'n'a*). На севере и в востоке Украины появляются параллельно, а иногда даже самостоятельно, свойственные белорусским и русским диалектам формы **kold-ęz-ъ* (*ko'lod'az'*, *ko'lod'az*, *ko'lodez'*, *ko'lodez'*, *ko'lod'iz'*, *ko'lodiz* и подобные). Представляется, что более широкая, чем обычно, фиксация аканья на белорусско-русском пограничье (ср. карту из фонетической серии ОЛА V к. 55) указывает на то, что в ряде случаев **kold-ęz-ъ* имеет здесь вторичное распространение. На всей территории, очевидно, имеет место также влияние литературного языка, что касается прежде всего Закарпатской Украины. В качестве литературных названий для ‘колодца’ Украинская национальная комиссия дает два слова: *криниця* и *колодязь*, что также подтверждается лексикографическими источниками.

Украинских лексических особенностей также сравнительно мало.

Весьма характерным для Украины следует считать название ‘улитки’ с раковиной (ОЛА I к. 34) и без раковины (ОЛА I к. 35) **ravl-ik-ъ*, производное от имени *Лавро* (ESUM V 10 s.v. *rávlik*). Этот эпоним имеет разреженный ареал (*raуlyk*, *'raуlyk*, *'raфlyk*, *лаурык* и т. п.) на всей территории Украины, преимущественно в ее южной и восточной областях. Чаще он был отмечен применительно к ‘улитке без раковины’, реже — к ‘улитке с раковиной’. Название *равлик* ‘улитка’ из южно-гуцульских говоров в Румынии приводит Horbacz 2000: 330. В ОЛА как единичные выступили также другие производные от антропонимов названия этих улиток: *'paуlyk*, *'petryk* и *i'vanuk*.

Форма **stъlb-ur-ъ* возникла в результате контаминации гипотетического **stъlbъrъ* и **stъlbъ//*stъlpъ* ‘столб’ (Vasmer ESRJ III 762–763, ESUM V 421–422, ESBM XII

297). Она выступает только в украинском и белорусском языках, а в ОЛА III к. 2 в значении ‘пень дерева’ (*s'toʊbur*, единичное *s'toʊbur*) она встречается практически на всей украинской территории. На Украине она не отмечена только в Закарпатье и в некоторых отдельных пунктах в центре. Впрочем, в нескольких украинских пунктах в значении ‘пень дерева’ отмечено именно **stʲɔpʲ* // **stʲɔbʲ* (*stoup* — 403, 438, 521, *stoub* — 436), и в одном случае **stʲɔbʲ-ur-išč-e* (*stoubu'ryšče* — 480). Белорус. *стаўбу́р* в значении ‘пень дерева’, по всей вероятности, абсолютно единичное (его приводит как регионализм только TSBM V/1, 316–317), оно повсеместно распространено на этой территории в других значениях, таких как ‘дерево, сломанное ветром’, ‘цветоносный стебель’, ‘столб пыли, дыма’, ‘высокий предмет с закругленным верхом’ (ESBM 1c).

Ярко характеризует Украину название ‘одуванчика’ (*Taraxacum*) **kul-ь-bab-a* (ОЛА III к. 51). Оно зафиксировано практически на всей территории Украины (отсутствует частично в Закарпатье) — *kul'bab-a*, реже *'kul'bab-a*, а также в одном украинском пункте на юге России (843). Подтверждение этому в литературе можно найти в [Pastusiak 2007: 226]. На юге центральной части Украины, на территории от Терновля и северных районов г. Хмельницкого и до украинских пунктов в Молдавии, в нескольких пунктах записана форма с расширением **kul-ь-ba-bab-a* (*kul'babab-a*). Кроме того, совершенно спорадически возникли на востоке Украины формы с метатезой **bab-a-kul-j-a* под Харьковом (*'baba kul'a* — 505) и **bab-a-kul-ь* в том же самом пункте под Харьковом (*'baba kul'*) и южнее Кировограда (ранее Зиновьевск) (*baba'kul'*, *baba'kulj* — 517). Украинский этимологический словарь дает в качестве первоначальной форму **kulьbava* (*květka*) от **kuliti* ‘сгинуть’, что связано с детской игрой (стебель вкладывали в рот и произносили формулу: «*кульбабо розвернися*», после чего его конец разделялся на несколько частей), и приводит еще несколько дальнейших диалектных трансформаций этого названия, таких как *кульба́бка*, *кульба́бок*, *кульба́вка*, *кульвака*, *кульваха*, *ску́льба* (ESUM III 136). Материалы из других источников несомненно подтверждают украинский характер данного названия. SGPK II 525 приводит *kulbaba* в этом значении только из окрестностей Дрогобича (Paŋylak 1999: 354) и Каменец-Подольского (Kremer 1999: 291), а русский диалектный словарь слово *кульба́ба* (*Leontodon Taraxacum*), ссылаясь на Даля (II 217), относит к южнорусским территориям, где было возможно влияние украинских говоров.

Среди многочисленных названий ‘первого куска хлеба’ на Украине (ОЛА VI к. 18) особенно характерным является **čěl-uš-ьk-a* (*c'i'huška*, *c'i'luška*), которое можно связать с глаголом **čěl-ov-a-ti* ‘целовать’ (благодаря старинному обычаю давать поцеловать первый отрезанный кусок хлеба самому главному члену семьи), или с прилагательным **čěl-ь* ‘целый’, т. е. отрезанный от целого хлеба (ESUM VI 258). Оно образует сплошной ареал в центральной и западной Украине. Кроме того, оно отмечено и в Польше: на границе с Украиной в Вишнёве под Грубешовом (*pšylepka*, *cehuška* — 324) и в трех пунктах в Силезии от переселенцев из-под Львова (*cahuška* 268, *cyhuška* 276) и Тернополя (*cahuška* 257). SGPA III 330, вероятно, приводит запись из Вишнёва под Грубешовом (*pšylepka*, *čehuška*), а также от переселенцев с Украины: из-под Тернополя, Станиславова и Каменец-Подольского

(ср. в Kremer 1999: 293 *lebek* ‘горбушка хлеба’). Cechosz-Felczyk 2004: 138 дает *celuszka* ‘горбушка’ со ссылкой на польский говор в Олешковцах на Подолье. Географическое распределение украинских названий, особенно их распространение на широкой периферии на севере и востоке, а также юго-западе Украины **ob-kraj-ьс-ь* (*ok'rajec*’, *okra'jyc*’, *ok'rajic*’ и т. п.), может свидетельствовать о том, что, по крайней мере частично, они были вытеснены принятым в качестве литературного названием *цілушка*.

Характерный для украинских диалектов **ob-krop-ь* ‘кипяток’ (ОЛЯ VI к. 49) был отмечен практически на всей территории Украины (*ok'r'ip*, *ok'rup*, *wok'r'ip*, *hok'r'ip*), часто параллельно или перемежаясь с широко известным во всех восточнославянских языках **кyp-J-ет-ьк-ь* (*'k'ipja'tok*, *кypja'tok*, *кypл' a'tok*, *'кypл' a'tok*), а на востоке Украины также с **кyp-j-ет-ь* (*кyp'jač*). На всем севере Украины и в Закарпатье **ob-krop-ь* встречается относительно редко. Однако он отмечен в двух украинских пунктах на юге России (847 и 849), а также в Польше, в переселенческом пункте в Силезии (*okrup* 257). Cechosz-Felczyk 2004: 138 приводит *okrop* ‘кипяток’, отмеченный в польском говоре в Олешковцах на Подолье.

Практически исключительно территорией Украины ограничены многочисленные названия ‘очисток (картофеля)’, представляющие собой суффиксальные дериваты от корня **lušp-*. Очень четко это демонстрирует синтетическая карта 51а в VI томе ОЛЯ. Ведь здесь выступают такие формы, как **lušp-in-a* (*luš'pyna*) **lušp-in-ьк-у* (*luš'pynku* 501, *luš'pynku* 836), **lušp-aj-a* (*luš'paja* 357, 417, 453), чаще **lušp-aj-ьк-a*, мн. **lušp-aj-ьк-у* (*luš'pajka*, *luš'pajky*), **lušp-in-j-a* (*luš'pyn'a*), единичные **lušp-at-a* (*lušpa'ta* 430), **lušp-ad-a* (*luš'pada* 406) и **lušp-aχ-у* (*luš'paχ'i* 416). Несколько таких форм записано также в Белоруссии: *luš'paji* 357, *luš'pynu* 372, *luš'p'iny* 377 и *luš'pajk'i* 385, 396.

Cechosz-Felczyk приводит со ссылкой на польские говоры на Подолье в качестве названий ‘горбушки’ *huszpa* из Олешковцев и *huszrajka* из Гречан (2004: 107, 316).

Кроме того, у южных славян в македонских и болгарских диалектах выступает основная форма, представленная различными фонетическими вариантами, а именно: *'lušpa*, *'luspa*, *'lušpa*, *'luspa*, *'l'uspa*.

На Украине, преимущественно на юго-востоке, значительный ареал образует заимствование из немецкого **šlun-ьк-ь* ‘желудок’ ОЛЯ IX к. 52 из ср.-в.-нем. **geslinge*, нов.-в.-нем. *Geschlinge*, ср. Vasmer ESRJ IV 455. Оно отмечено как параллельное с **želqd-ьк-ь*, так и в качестве единственного названия. Примеры у Гринченко показывают, что ареал распространения этой лексемы был еще более широким, а именно, он приводит ее с территории северо-восточнее Киева (Гринченко IV 53). В настоящее время укр. *шлунок* ‘желудок’ является литературным названием (SUM XI 491), впрочем, оно появляется в украинском языке достаточно поздно (не упоминает его еще картотека SUM XVI–XVII). Диахронические данные, а также территориальное распределение названий **želqd-ьк-ь* и **šlun-ьк-ь* демонстрируют, что **šlun-ьк-ь* появился на этой территории позднее и частично вытеснил более раннее **želqd-ьк-ь*.

Наиболее частотными, впрочем, являются словообразовательные особенности. Их вычленение является особенно трудным, потому что существует возможность образования потенциальных аналогичных форм на различных территориях.

Разреженный ареал на всей территории Украины, включая один украинский пункт на юге России (ОЛА VIII 2) образует оканчивающаяся на *-a* форма **sQ-sěd-a* (*su's'ida*) в значении ‘сосед’, которая зафиксирована в 10–20 пунктах. Автономно такая же форма появляется также в трех пунктах на Русском Севере.

Особенно характерной для украинских говоров является словообразовательная форма наименования ‘ежа’ (ОЛА I к. 10) — **/ež-ak-ъ* с суффиксом *-ak-ъ*, которая противопоставляется имеющей широкое распространение в славянских диалектах коренной форме **/ež-ь* и выступающей в белорусских и русских диалектах форме **/ež-ik-ъ* с суффиксом *-ik-ъ* (*vožyk, 'jožыk, 'jožak*). Украинская форма **/ež-ak-ъ* (фонетически *j'žak, jy'žak*, в литературном языке *їжак*) выступает практически на всей территории Украины (как *ižak* она перешла также в польские говоры на Буковине, ср. Greń, Krasowska 2008: 93), она отсутствует только в более десяти пунктах на западной периферии, где фигурирует форма **/ež-ik-ъ* с суффиксом *-ik-ъ*. Форма **/ež-ak-ъ* отмечена также в четырех украинских пунктах на территории юга России: 836 — Борисполье, 843 — Великая Халань, 847 — Новоосиновка, 89 — Шапошниковка. СРНГ VIII 326 приводит русскую форму *ежак*, записанную вблизи Курска и Тулы, в то время как в ЛАВ I к. 83, с. 55 такая форма полностью отсутствует.

В качестве характерного для Украины следует признать означавшее ‘бабочку’ деминутивное по форме **met-el-ik-ъ, *mot-yl-ik-ъ* с суффиксом *-ik-ъ* (ОЛА I к. 45). Оно встречается почти на всей территории Украины, кроме того, в украинском пункте в Белоруссии (361 — Сечы) и в украинских пунктах на юге России (836, 843, 847, 849), а также в пограничном русском пункте 841 — Русская Березовка. СРНГ XVIII 136 отмечает спорадическое *метелік* также под Ростовом (на север от Москвы) и на юге России, кроме того, в новых переселенческих русских говорах на Кавказе. На Украине оно отсутствует в основном в юго-западной части страны и в нескольких центральных пунктах, где выступает связанная с западнославянскими языками форма **mot-yl-ь*. На Украине отмечены формы *my'telyk, my'telyk, me'telyk, me'tel'ik, mo'telyk, mu'telyk* и т. п. На карте ОЛА таким же самым знаком обозначены также формы, выступающие на севере Белоруссии. Однако, следует обратить внимание, что там зафиксирована, по-видимому, другая формальная разновидность, а именно *'m'atl'ik*, которую, вероятно, стоит возводить к другой праформе, т. е. из некоего вторичного **mełl-ik-ъ*. Стоит добавить, что как единичные выступают в ОЛА также формы с суффиксом *-ik-ъ* на севере Чехии (*motejlík* — 181) и в польском переселенческом пункте в Нижней Силезии (*mętal'ik* — 268).

Весьма характерной для Украины является формально деминутивная форма **kur-ъk-a*, которая выступает как общее название ‘домашней курицы’ (ОЛА II к. 17). Эта форма по данным ОЛА присутствует практически на всей территории Украины. Она не зафиксирована только в нескольких пунктах в Закарпатье и в нескольких пунктах в восточной части Украины, особенно к северу от Киева, где имеет место

свойственная для белорусских и русских диалектов разновидность **kur-ic-a*. Форма **kur-ъk-a* записана также в украинских пунктах на юге России (836, 843, 847, 849 и в близлежащем русском пункте 846 — Прилепы), а также в украинском пункте на востоке Словакии (233). Вдобавок, всегда параллельно с другими формами, была отмечена форма **kur-ъk-a* в одном белорусском (388) и в одном русском пункте (812) и в трех пунктах на территории Польши: в переселенческом пункте близ Кентшина (253), на восточном пограничье возле Бялой-Подляски (307) и в сомнительном в плане аутентичности записи пункте под Пишем (264 — этой записи нет в словаре SOWM, содержащем полные материалы с территории Варминско-Мазурского воеводства). Впрочем, в русском языке XVII в. лексема *курка* выступала как нейтральное название ‘курицы’ (SRJ XI–XVII, t. VIII 135).

Характерной для украинских диалектов является форма **gost-j-av-in-a* (известная с XVI в., ср. *гущавина* в SUM XVI–XVII, t. VII 124), означающая ‘густые заросли в лесу’. Ее нет в русском языке, а HSBM VII 206 приводит *гуцявина* исключительно со ссылкой на словарь Берынды. В ОЛА III к. 10 она зафиксирована (*huš'čavyna*, реже *huš'čavy'na* и *huš'čav'yna*) на разреженном ареале, покрывающем значительную часть Украины, кроме достаточно широкого пояса украинско-русского пограничья, где фигурирует **gost-in-J-a* (*huš'čyna*, *huš'čyn'a*) и центральной части украинско-белорусского пограничья с различными единичными названиями, которая граничит в основном с белорус. **gost-j-ar-ъ* (*yuš'čar*). С запада же соседствуют образования: пол. **gost-ъv-in-a* (*gestv'ina*, *gešt'ina*, *gystv'ina* и т.п.) и слц. **gost-j-av-a* (*huš'čava*, *huš'čava*, *hu:št'ava*). Спорадически на Украине появляются особые формы: **gost-j-ov-ina* (*huš'čovyna* — 407, 434, *huš'čovina* — 437) и, частично на юго-западе Белоруссии, **gost-j-ev-in-a* (*huš'čev'ina* — 363, *huš'čev'yna* — 374, 460). На территории юго-западной Белоруссии выступают проблематичные для обобщения формы, которые возможно было бы возвести к праформе **gost-j-e/v-ina*; // > le: *huš'čyl'ev'yna* (361), *yuš'čel'ev'yna* (372) и *hustyl'av'yna* (373). Трудности в интерпретации некоторых записей привели к тому, что на упомянутой карте ОЛА одна форма в п. 460 оказалась без оснований представлена сразу двумя значками.

Особенно интересными являются украинские названия ‘человека, который пашет’ (ОЛА IV к. 27). Исключительно в украинских диалектах для ‘пахаря’ зафиксированы словообразовательные формы, производные от названия орудия, т.е. ‘плуга’. В целом, однако, в украинских диалектах практически на всей территории преобладает форма **or-ač-ь*, а локально выступает также **or-taj-ь* и **pač-ar-ь*. Формы, образованные от основы **plug-ь* ‘плуг’, выступают в основном на юго-западе Украины, реже также на востоке, севернее Днепра. Они представлены множеством словообразовательных вариантов. Их интерпретация несколько отличается от той, что дана в IV лексическом томе ОЛА.

Итак, были отмечены формы:

**plug-ar-ь* в четырех пунктах: *plu'har* в Закарпатье (466, 468) и в украинском пункте в Восточной Словакии (233), а также *plu'har* на территории Молдавии (524) — впрочем, это образование является довольно частотным в украинском анклаве между Черным морем и Молдавией (ср. Грищенко 1984: 70);

**plug-ator-ъ* (*pluha'tor*, *pluha'tor*) с суффиксом латинского происхождения *-ator* в 9 пунктах: под Львовом (412, 428, 429), Тернополем (451), Станиславовом (450, 486) и в Закарпатье (484, 485);

две трансформации этой формы под влиянием украинских форм с суффиксом *-arъ*: **plug-atar-ъ* (*pluha'tar'*, *pluha'tar*, *pluha'tar'*) в 9 пунктах: под Львовом (427), Хмельницким (452), Черновцами (497, 498), на территории Румынии (171), на территории Молдавии (524), под Полтавой (493, 498) и на севере в окрестностях Конотопа (464), а также **plug-ot-ar-ъ* в 2 пунктах: *plu'hotar'* под Львовом (449) и *plu'hotar'* в Закарпатье (466);

одна трансформация под влиянием родных дериватов с суффиксом *-urъ*: *plu'hatər'* под Полтавой (502);

и, наконец, **pluž-ъn-ik-ъ* — *p'lužnyk* в Закарпатье (468).

Ареалы распространения более частотных на юго-западной Украине форм *plu'gatar*, *plu'gator* и боле редких *plu'gatur*, *plu'gar'* отражены во II томе АУМ на к. 312.

В материалах вне ОЛА мы встречаем еще укр. *плу́гач* в бойковском словаре Онышкевича (ESUM IV 455 и Дзендзелевский l.c., а также в АУМ II на к. 312 в нескольких пунктах) и **pluž-an-in-ъ* — *плу́жанін* в словаре Желиховского (1886) (ESUM l.c.).

В украинском языке они имеют, иногда довольно старые, подтверждения в письменных источниках. Название *плу́гарь* отметил Hrinč III 197–198, а словарь современного языка приводит *плу́гар* с пометой «редкое» (SUM IX 595), *плу́гатор* встречается в картотеке SUM XVI–XVII со ссылкой на Дзендзелевского 1989: 30 дважды с датировкой XVI в. (1571 и 1576), а ESUM IV 455 отмечает из словаря Желиховского (1886) появляющийся еще в XVI в. (картотека SUM XVI–XVII — за Дзендзелевским l.c.) *плу́гатар*, ср. также Тутченко II 111 и Hrynč III 197–198, до сих пор эта лексема используется в украинском языке (SUM VI 595), хотя украинская национальная комиссия ОЛА в качестве литературного названия указала только *орач*, *плу́готар* подтверждает это ESUM l.c. из бойковского словаря Онышкевича, и, наконец, *плу́гатур* Hrinč l.c. дает как записанное под Харьковом, а SUM l. c. определяет как диалектное.

Из материалов вне ОЛА известно, что подобные формы для 'пахаря', мотивированные названием 'плуга', появляются спорадически в других славянских языках, иногда автономно, иногда в результате различных влияний. В связи с этим следует сначала отметить, что также в румынском языке распространилось название *plugár* в значении 'пахарь' и вообще 'земледелец', как в литературном языке (с XVII в., ср. Tiktin III 1192), так и в большинстве румынских диалектов (ср. ALR sn I, к. 14, ALRM sn I, к. 8; дальнейшие детали дают румынские региональные атласы). Оно может быть здесь непосредственным заимствованием из украинского языка или, скорее, родной инновацией от заимствованного славянского слова **plug-ъ* (Tiktin l. c.).

Кроме украинского языка, достаточно богато представлены названия 'пахаря', мотивированные существительным 'плуг', только в русском языке. Слово *плу́гарь*

в значении ‘пахарь’ было записано уже в Пандектах Никона Черногорца XIV в. (SrezMat II 971). Это значение подвергает сомнению Dzendzelewski l.c., предполагая значение ‘изготовитель плугов’, ср., однако, точно такую же интерпретацию в SDRJ VI 433 и в SRJ XI–XVII, т. XV 110. В этом значении оно долго удерживается в русском языке (SSRLJ IX 1454), Ожегов 2008: 700 отмечает его как устаревшее, но в говорах оно отмечено только однажды в окрестностях Твери в 1936 г. (СРНГ XXVII 163). Форму *плу́гатор* приводит Даль III 130, определяя ее как малорусскую, а СРНГ XXVII 164, кроме того — с Дона и из новых диалектов на востоке. К тому же спорадически появляется форма **plug-ar-ьšč-ik-ь* — *плу́гари́чик* на Дону (СРНГ XXVII 164), у Даля III 130 **plug-ov-ьšč-ik-ь* — *полугови́чик* в значении ‘пахарь’, без указания места, и с Подолья в значении ‘богатый земледелец’, наконец, вероятно, *плу́гатер*, который, наверное, стоит видеть в приведенном у Даля «малорусском» деформированном *плу́гáлтер*, и, наконец, **pluž-až-ьšč-ik-ь* — *плу́жа́чик* с территории Карелии (СРНГ XXVII 164).

В белорусском языке дериваты данного типа сравнительно редки. Можно привести здесь только обычно отмечаемое спорадически *плу́гар* из-под Гомеля и на восток от Бобруйска, а также с самого севера около Браслава (SIPogr IV 16, ESBM IX 214–215), из Белорусского атласа LAB III к. 227, с. 86 из-под Мозыря **plug-atar-ь* (*плу́гатар*) и **plug-at-ьn-ik-ь* — *плу́гáтник*, кроме того — из-под Могилева **plug-atar-ь* (*плу́гáтар*) и из ближайших пунктов **plug-at-yr-ь* — *плу́гáтыр* и **plug-av-ik-ь* — *плу́гáвик*. Кроме того, известна еще форма *плу́гатар* из-под Лоева на юг от Гомеля и упомянутый Дзензелевским 1989: 31 *плу́гаўш'чык* под Петриковым на запад от Мозыря (Człowiek 2006 za: Materiały 1975–1982).

В польском языке, очевидно, существуют заимствования, такие как *plugarz* ‘пахарь’ наряду с более редким *oras*, который отметил Chitimia 1965: 259 из польского говора в Румынии под Сучавой, справедливо предполагая здесь заимствование рум. *plugar*, отмеченный М. Лесевым 1957: 152 *pluhator* ‘пахарь’ из польского гутнянского говора под Бучачем, представляющий собой заимствование из украинского языка, а также встретившийся в «Домашней войне» (1681) Самуэля Твардовского *pluhater*, которое является результатом переноса рус. *pluhatyр* (Linde IV 166) — это заимствование приводит также SWil II 1033 и дающий две формы: *pluhater* и ошибочную *pluchatyр* — SW IV 269. Зато автономно образуется пол. *pluźnik* ‘пахарь’ в поморских люстрациях XVI в. (SP XVI, т. XXIV 441). В качестве вымышленного в художественных целях следует признать выступающее в рассказе С. Домбровской «Как народ представлял себе сверхъестественных персонажей» из Жабна в красноставском повете название *plugotacz*: «Raz poszeł se w pole wielkolud i znalazł plugotacza (orzającego) i dwóch poganiaczy... [Однажды пошел великан в поле и нашел пахаря (пашущего) и двух погонщиков...]» (Wisła XVII 95).

В чешском языке независимо возникли: ст.-чеш. *pluhař* ‘пахарь’, ‘земледелец’, а также ‘ремесленник, делающий плуги’, засвидетельствованный уже в словаре Кларета (Stěsl 269, Jg III 129), который, однако, не получил широкого распространения (SSJČ II 621), а также ст.-чеш. *plužník* ‘ремесленник, делающий плуги’ (Stěsl 273, Jg III 130, Kott II 601).

В словацком языке, несмотря на Дзездзелевского 1989: 29, дающего слц. диал. *pluhar*, дериватов от **plug-ъ*, означающих ‘пахаря’, нет.

Несомненно, независимым является словенское *plugar* в значении ‘ремесленник, делающий плуги’ (Plet II 65).

Ответ на вопрос, поставленный в заглавии статьи, непрост. Лексические особенности, свойственные украинскому языку, находятся на многих славянских территориях. Мы рассмотрели лишь те, которые характеризуют сами украинские говоры.

На картах ОЛА, кроме того, содержится много (около 40) слов, свойственных только украинскому языку, характеризующихся ограниченной локализацией, представленных в основном на юго-западе Украины и особенно в Закарпатье. На юге это часто румынские и венгерские заимствования. Они заслуживают отдельного обсуждения.

Литература

ALR sn 1956–1972 — Atlasul lingvistic roman. Serie nouă. Vol. 1–7. Cluj.

ALRm sn 1956–1982 — Micul atlas lingvistic român. Serie nouă. Vol. 1–4. Cluj.

AUM — Атлас української мови, 1984–2001, т. 1–3. Київ.

Brückner SE — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Cechosz-Felczyk 2004 — *Cechosz-Felczyk I.* Słownictwo gwary Oleszkowiec i Hreczan (Greczan) na Podolu. Kraków.

Chițimia 1965 — *Chițimia I. C.* Niektóre cechy gwary Polaków we wsi Bulaj pod Suczawą (na Mołdawii), “*Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*” t. V. S. 255–259.

Człowiek 2006 — Чалавек: Тэматычны слоўнік. Мінск; wersja internetowa: <http://slownik.org/calaviek/> [dostęp 11.08.2013].

Czyżewski 1986 — *Czyżewski F.* Atlas gwar polskich i ukraińskich okolic Włodawy. Lublin.

Dal — *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка, I–IV. М., 1955–1956.

Dzendzelewski 1989 — *Дзездзелевский И. А.* Названия пахаря в говорах славянских языков // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1985–1987. М. С. 17–36.

ESBM — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–

ESUM — Етимологічний словник української мови / Ред. О. С. Мельничук, I–VI. Київ, 1982–2012.

Greń, Krasowska 2008 — *Greń Z., Krasowska H.* Słownik górali polskich na Bukowinie. Warszawa.

Gwary huculskie 1997 — Гуцульські говірки. Короткий словник / Ред. Я. Закревська. Львів.

Horbacz 2000 — *Горбач О.* Словник говірки села Бродина, повіту Радівці (Румунія) // *Гуцульські говірки. Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження* / Ред. Я. Закревська. Львів. С. 245–364.

- Hrinč — Гринченко Б. Словарь української мови, I–IV. Київ, 1907–1909.
- Hrucenko 1984 — Гриценко П. Ю. Моделивання системи діалектної лексики. Київ.
- HSBM — Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Рэд. А. Жураўскі. Мінск, 1982–.
- Jg — Jungmann J. Slovník česko-německý, I–V. Praha, 1835–1839.
- Kott — Kott F. Š. Česko-německý slovník, zvláště gramaticko-frazeologický, I–VII. Praha, 1878–1893.
- Kremer 1999 — Kremer A. Słowniczek prowincjonalizmów podolskich // Język polski dawnych Kresów wschodnich. T. 2: Studia i materiały / Pod. red. J. Riegera. Warszawa. S. 259–340.
- LAB — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / Рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1993–1998.
- Linde M.S.B. — Linde M. S.B., 1854–1860, Słownik języka polskiego, I–VI, Lwów, wyd. 3. fotooffsetowe. Warszawa, 1951.
- Lesiów 1957 — Lesiów M. System fonetyczny gwary hutniańskiej / Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, t. V. S. 126–129.
- MAGP — Mały atlas gwar polskich, 1957–1970, opr. Przez Pracownię Atlasu i Słownika Gwar Polskich Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie pod. kier. K. Nitscha, od t. III pod kier. M. Karasia i Z. Stamirowskiej, od t. IX pod kier. M. Karasia, I–XIII. Wrocław.
- Materiały 1975–1982 — Матэрыялы да дыялектнага слоўніка Госельшчыны, «Белоруская мова і мовазнаўства». Вып. 3–10. Мінск.
- ОЛА 1 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / Ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. М., 1988.
- ОЛА 2 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 2: Животноводство. Ogólnosłowiański atlas językowy. Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 2. Hodowla zwierząt / Red. B. Falińska, J. Siatkowski, A. Kowalska. Warszawa, 2000.
- ОЛА 3 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир / Ред. А. А. Падлужны, А. А. Крывіцкі. Мінск, 2000.
- ОЛА 4 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 4. Сельское хозяйство. Slovanský jazykový atlas. Lexikálno-slovotvorná séria. zv. 4. Poľnohospodárstvo / Red. A. Ferenciková (vedecká redaktorka), M. Chochol, H. Jenč, E. Králik, J. Siatkowski, Ž. Varbot, P. Žigo. Bratislava, 2012.
- ОЛА 5 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 5: Транспорт и строительство / Ред. П. Гриценко, Київ. [рукопись].
- ОЛА 8 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 8: Профессии и общественная жизнь. Ogólnosłowiański atlas językowy. Seria leksykalno-słowotwórcza. T. 8: Zawody i życie społeczne / Red. J. Basara, J. Siatkowski, A. Basara. Warszawa, 2003.
- ОЛА 9 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9. Человек. Ogólnosłowiański atlas językowy. Seria

leksykalno-słowotwórcza. T. 8. Człowiek / Red. J. Siatkowski, J. Waniakowa. Kraków, 2009.

Ožegov 2008 — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 25-е изд. / Под. ред. Л.И. Скворцова. М.

Parylak 1999 — *Parylak P.* Prowincjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach // *Język polski dawnych Kresów wschodnich*. T. 2: Studia i materiały / Pod red. J. Riegera. Warszawa. S. 341–363.

Pastusiak 2007 — *Pastusiak K.* Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin. Warszawa.

Plet — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I–II. Ljubljana, 1894–1895.

SGPA — Słownik gwar polskich, opr. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie pod kier. M. Karasia, od t. II pod red. J. Reichana, od t. VI pod kier. J. Okoniowej. Wrocław, 1977–.

SGPK — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich, I–VI. Kraków, 1900–1911.

Sławski SE — *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, I–V. Kraków, 1952–1982.

SłPogr — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча у пяці тамах, I–V / Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.

SOWM — Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur, opr. Przez Pracownię SGOWM Zakładu Językoznawstwa PAN w Warszawie, pod red. Z. Stamirowskiej i H. Perzowej. Wrocław–Kraków, 1987–.

SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku / Red. M.R. Mayenowa (F. Peplowski, K. Mrowcewicz). Wrocław, 1966–.

SrezMat — *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка, I–III. СПб., 1893–1912.

SRJ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С.Г. Бархударов (Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько, Р.Н. Кривко). М.: Наука. 1975–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Сост. (с II т. гл. ред.) Ф.П. Филин (Ф.П. Сороколетов). М.; Л.; СПб., 1965–.

SSRLJ — Словарь современного русского литературного языка, I–XVII / Ред. Ф.П. Филин. М.; Л., 1950–1965.

Stčsl — *Staročeský slovník* / Red. V. Havránek, F. Ryšánek, I. Němec. Praha, 1977–.

SUM — Словник української мови XVI — першої половини XVII ст. / Ред. Д. Гринчишин. Львів, 1994–.

SW — Słownik języka polskiego / Ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. I–VIII. Warszawa (tzw. Słownik warszawski), 1908–1927.

SWil — Słownik języka polskiego / Wypracowany przez A. Zdanowicza, M. Bohusza Szyszkę i innych. I–II. Wilno, 1861.

Szyló 2008 — *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів — Нью-Йорк.

Tiktin 1903–1925 — *H. Tiktin.* Rumänisch-deutsches Wörterbuch, I–III. Bukarest.

Тумченко 2003 — *Тимченко С.* Матеріали до видання В. В. Німчук та Г. І. Лиса. Київ — Нью-Йорк.

Vasmer ESRJ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. I–IV. Москва, 1964–1973.

Wisła — “Wisła”. *Miesięcznik z rysunkami, poświęcony krajoznawstwu i ludoznawstwu.* Warszawa, 1903. T. 17.

Dorota Krystyna Rembiszewska

The Slavic Institute of PAS

(Warsaw, Poland)

dorota.rembiszewska@wp.pl

Janusz Siatkowski

The University of Warsaw

(Warsaw, Poland)

janusz.siatkowski@wp.pl

VOCABULARY CHARACTERISTIC OF THE UKRAINIAN LANGUAGE IN THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS

The Slavic Linguistic Atlas provides the rich dialectal material from the entire Slavia. Due to the fact that it transcribes the condition of Slavic dialects in 1950s' and 1960s', it is perceived historical today. A perusal of the 486 hitherto published SLA lexical maps shows that there are relatively not many words and their forms characteristic solely of the Ukrainian language. The Ukrainian dialects vary significantly inside and frequently certain words unite with the remaining the East Slavic area, and other with the West Slavic area, mainly with the Polish and the Slovak areas, whereas those dialects not frequently constitute consistent acreage confined to Ukraine.

On the SLA maps there are only circa 40 words characteristic of the Ukrainian language, with a limited local ranges, grouping mainly in the South-Western Ukraine, especially in the Transcarpathia. In the south there are often Romanian and Hungarian loan-words.

Key words: linguistic geography, Slavic languages, Ukrainian language, language influences, lexis.

References

Atlasul lingvistic roman. Serie nouă. Vol. 1–7. Cluj, 1956–1972.

Micul atlas lingvistic român. Serie nouă. Vol. 1–4. Cluj, 1956–1982.

Atlas ukraïn'skoï movy. Vol. 1–3. Kyïv, 1984–2001.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Warszawa, 1957.

Cechosz-Felczyk I. *Słownictwo gwary Oleszkowiec i Hreczan (Greczan) na Podolu*. Kraków, 2004.

Chitiția I. C. *Niektóre cechy gwary Polaków we wsi Bulaj pod Suczawą (na Moldawii)*, «*Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*» t. V. 1965. S. 255–259.

Chalavek: *Temanichny slovník*. Minsk: <http://slounik.org/calaviek/> [dostęp 11.08.2013].

Czyżewski F. *Atlas gwar polskich i ukraińskich okolic Włodawy*. Lublin, 1986.

Dahl VI. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka, I–IV*. [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moskva.

Dzendzelewski I. A. *Nazvanija paharja v govorah slavyanskih yazykov. Obscheslavyansky lingvistichesky atlas. Materialy i issledovaniya*. 1985–1987. Moskva, 1987. S. 17–36.

Etymalahichny slovník belaruskaj movy. Eds. V. U. Matrynow, G. A. Cyhun. Minsk, 1978–.

Etymalahichny slovník ukraińskoï movy. Ed. O. S. Mel' nichuk. I–VI / Kyïv, 1982–2012.

Z. Greń, H. Krasowska. *Słownik górali polskich na Bukowinie*. Warszawa.

Hucul'ski hovirki. Korotkij slovník. Ed. Y. Zakrevs'ka. L'viv, 1997.

Horbach O. *Slovník hovirki sela Brodina, povitu Radivci (Romania). Hucul'ski hovirki. Lingvistichni ta etnolingvistichni doslidzhenn'a*. Ed. Zakrevs'ka Y. L'viv. S. 245–364.

Grinchenko B. *Slovar' ukraińskoï movy. I–IV*. Kyïv, 1907–1909.

Hrycenko P. Y. *Modeljuvann'a systemi dialektnoï leksiki*. Kyïv, 1984.

Histrychny slovník belaruskaj movy. Ed. A. Zhurawski. Minsk, 1982–.

Jungmann J. *Slovník česko-německý, I–V*. Praha, 1835–1839.

Kott, F. Š. *Česko-německý slovník, zvláště gramaticko-frazeologický, I–VII*. Praha, 1878–1893.

Kremer A. *Słowniczek prowincjonalizmów podolskich. Język polski dawnych Kresów wschodnich. Tom 2: Studia i materiały*. Pod. red. J. Riegera. Warszawa, 1999. S. 259–340.

Leksichny atlas belaruskich narodnyh hevorak u pjatsi tamah. Ed. M. V. Biryła, Y. F. Matskevich. Minsk, 1993–1998.

Linde M. S. B. *Słownik języka polskiego, I–VI*. Lwów, wyd. 3. fotooffsetowe, 1854–1860. Warszawa, 1951.

Łesiów M. *System fonetyczny gwary hutniańskiej. Rozprawy Komisji Językowej ŁTN t. V*. 1957. S. 126–129.

Mały atlas gwar polskich, opr. Przez Pracownię Atlasu i Słownika Gwar Polskich Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie. Pod. kier. K. Nitscha, od t. III pod kier. M. Karasia i Z. Stamirowskiej, od t. IX pod kier. M. Karasia, I–XIII, Wrocław, 1957–1970.

Materyjaly da dyalektnaga slovníka Gosel'shchyny, Vyp. 3–10. Minsk, 1975–1982.

Obscheslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 1. Zhivotnyj mir. Eds. R. I. Avanesov, V. V. Ivanov. Moskva, 1988.

Obschleslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 2. Zhivotnovodstvo. Eds. B. Falińska, J. Siatkowski, A. Kowalska. Warszawa, 2000.

Obschleslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 3. Rastitel'nyj mir. Eds. A. A. Padluzhny, A. A. Kryvicki. Minsk, 2000.

Obschleslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 4. Sel'skoje hoz'ajstvo. Eds. A. Ferenčíková; M. Chochol, H. Jenč, L. Králik, J. Siatkowski, Ž. Varbot, P. Žigo. Bratislava, 2012.

Obschleslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 5. Transport i stroitel'stvo. Ed. P. Hrycenko. Kyïv. [in progress].

Obschleslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 8. Professii i obschestvennaja zhyzn'. Eds. J. Basara, J. Siatkowski, A. Basara. Warszawa, 2003.

Obschleslavyansky lingvistichesky atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja, Vyp. 9. Chelovek. Eds. J. Siatkowski, J. Waniakowa. Kraków, 2009.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of The Russian Language]. 25th edition. Ed. L. I. Skvortsov. M., 2008.

Parylak P. *Prowincjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach. Język polski dawnych Kresów wschodnich. T. 2: Studia i materiały.* Pod red. J. Riegera. Warszawa, 1999. S. 341–363.

Pastusiak K. *Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin.* Warszawa, 2007.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar, I–II.* Ljubljana, 1894–1895.

Słownik gwar polskich. Opr. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie pod kier. M. Karasia, od t. II pod red. J. Reichana, od t. VI pod kier. J. Okoniowej. Wrocław, 1977–.

Karłowicz J. *Słownik gwar polskich, I–VI.* Kraków, 1900–1911.

Stawski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego, I–V.* Kraków, 1952–1982.

Słownik belaruskich gavorak pawnochna-zahodn'aj Belarusi i jaje pagranich'a u p'a-ci tamah. I–V. Ed. Y. F. Matskevich. Minsk, 1979–1986.

Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur. Opr. Przez Pracownię SGOWM Zakładu Językoznawstwa PAN w Warszawie. Pod red. Z. Stamirowskiej i H. Perzowej. Wrocław–Kraków.

Słownik polszczyzny XVI wieku. Red. M. R. Mayenowa (F. Pełowski, K. Mrowcewicz). Wrocław, 1987–.

Sreznevskij I. I. *Materialy dlja Slovarja drevnerusskogo yazyka, I–III.* [The Old Russian Dictionary]. Sankt-Peterburg, 1893–1912.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Eds. S. G. Barhudarov (F. P. Filin, D. N. Shmelev, G. A. Bogatova, V. B. Krys'ko, R. N. Krivko). Moskva, 1975–.

Slovar' russkikh narodnyx govorov. Eds. F. P. Filin (F. P. Sorokoletov). Moskva–Leningrad–Sankt-Petersburg. 1965–.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, I–XVII. Ed. F. P. Filin. Moskva–Leningrad. 1950–1965.

Staročeský slovník. Eds. B. Havránek, F. Ryšánek, I. Němec. Praha, 1977–.

Slovník ukraïns'koï movy XVI — pershoï polovyny XVII st. Ed. D. Grinchishin. L'viv, 1994.

Słownik języka polskiego, I–VIII. Ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. Warszawa, 1908–1927. (Tzw. Słownik warszawski).

Słownik języka polskiego, I–II. Wypracowany przez A. Zdanowicza, M. Bohusza Szyszkę i innych. Wilno, 1861.

Shylo G. *Naddnistransky regional'ny slovník.* L'viv — New-York, 2008.

Tiktin H. *Rumänisch-deutsches Wörterbuch, I–III.* Bukarest, 1903–1925.

Tymchenko E. *Materialy do vidann'a V. V. Nimchuk ta G. I. Lysa.* Kyïv–New-York, 2003.

Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka, I–IV.* Ed. O.N. Trubacheva. Moskva, 1964–1973.

Wisła. Miesięcznik z rysunkami, poświęcony krajoznawstwu i ludoznawstwu, t. 17. Warszawa, 1903.

Л. Э. Калнынь
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
lekalnyn@yandex.ru

ГЛАСНЫЙ *o* ПОСЛЕ ПАЛАТАЛЬНЫХ / ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ СОГЛАСНЫХ В УКРАИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В украинских диалектах имел место фонетический процесс изменения $e > o$ после палатализованных согласных в той мере, насколько этому способствовало сохранение мягкости согласного перед **e*. В закрытом слоге мягкость присутствовала последовательно, а гласный *o* в этой позиции отражает диалектное различие, состоящее в особенности артикуляции заменительного удлинения гласного *e*. В открытом слоге мягкость согласного перед *e* сохранялась на уровне отдельных слов, где и происходило изменение $e > o$. Особенность употребления гласного *o* после палатализованных / палатальных согласных в украинских диалектах указывает на то, что украинские диалекты по своей фонетике отличались от других древнерусских уже в достаточно ранний период.

Ключевые слова: украинские диалекты, мягкие согласные, лабиализация гласного *e*.

Одной из особенностей динамики вокализма восточнославянских диалектов является передвижение по направлению к заднему ряду и лабиализация гласного *e*, т. е. изменение $e > o$. Закономерности этого явления неодинаковы в белорусских и русских диалектах, с одной стороны, и в украинских с другой. Различия касаются позиции (т. е. синтагматической мотивированности) изменения гласного *e*, этимологии гласного, последовательности / частоты изменения.

На этом фоне заслуживает обсуждения вопрос об отношении украинских диалектов к указанному изменению гласного *e*, а именно — включались ли эти диалекты в общевосточнославянский процесс или имели свое индивидуальное развитие в названном фрагменте вокализма.

В *белорусских* и *русских* диалектах изменение $e > o$ является реакцией на тот контраст между согласными слева и справа от *e*, который возник вследствие формирования консонантной корреляции палатализованности и допустимости закрытых слогов после падения слабых редуцированных. При наличии закрытых слогов перестала

быть обязательной присущая пространству открытого слога синтагматическая связь гласного с предшествующим согласным, при которой, в частности, передний гласный определял повышение тона (полумягкость / мягкость) предшествующего согласного. Допустимость закрытого слога при наличии мягких/полумягких согласных изменила направление синтагматических решений и обусловила антиципацию следующего согласного при выборе вокальной артикуляции — синтагматические решения перестали быть ограниченными сегментом [t'e], но стали актуальными в сегментах [t'et, t'et'].

Мягкий согласный после гласного *e* поддерживал переднее и нелабиализованное образование гласного. Антиципация твердого (веляризованного) согласного обусловила изменение *e > o*. Изменению подвергся гласный *e*, восходящий к **e* и **ь*.

В украинских диалектах особенности изменения *e > o* принципиально отличны от изложенных выше. И прежде всего это связано с отсутствием мягкости согласного перед *e* из **e* и **ь*.

В трудах по истории русского языка для изменения *e > o* в украинских диалектах предлагается объяснение, основанное на представлении о древнерусском единстве, продолжавшемся до XIV в. По мнению А. А. Шахматова, изменение *e > o* было явлением общим для восточнославянских диалектов и осуществлялось в два этапа.

Первый этап состоял в изменении *e > o* после исконно палатальных согласных, что эксплицировало прогрессивную диссимиляцию переднего гласного предшествующему палатальному согласному и происходило перед согласным, за которым следовали непередние гласные (регрессивная ассимиляция сочетания несмягченного согласного с непередним гласным) — это слова *чоловік, жона, чоло, жолудь*. Изменению в *o* подвергался континуант **e* [Шахматов 1915: 133, 135]. Ф. Т. Жилко констатирует последовательное украинское изменение *e > o* после палатальных согласных перед твердыми, т. е. вне связи с гласным следующего слога [Жилко 1963: 116]. Общим для восточнославянских диалектов считает этап изменения *e > o* после исконно палатальных согласных [Якубинский 1953: 150].

В этой связи можно отметить, что иное объяснение дается произношению *o* вместо *e* в сходных примерах в словацких диалектах — в словах *tacocha, čort, čolo*. Там это называется «диспалатализация *e > o*», вызванная отвердением предшествующего палатального согласного, и констатируется ассимиляция гласного согласному [Pauliny 1963: 47]. В обоих случаях стимул изменения гласного приписывается предшествующему согласному, но качество согласного и направление вокального изменения разные — палатальный согласный и диссимиляция гласного у Шахматова, отвердевший согласный и ассимиляция у Паулини.

Отдельный сюжет в украинских диалектах представляет гласный *o* после палатальных согласных в составе континуантов интерконсонантных сочетаний **e*l, **ь*l — *жолоб, човен, жоўтий*. Веляризация латерального сонанта перед согласным (*l > ʎ*) вызывала передвижение гласных **e*, **ь* в задний ряд, что в дальнейшем дало гласный *o* [Калнынь 1995: 18]. В этом случае имеет место другой, в сравнении с изменением *e > o* после палатальных согласных, процесс.

Второй этап изменения *e > o*, по А. А. Шахматову, происходил после смягчения полумягких согласных и отражен в русском и белорусском языках. При этом А. А. Шахматов считает, что смягчение полумягких согласных перед *e*, являющимся континуантом **e*, **ь*, происходило и в праукраинском, но в дальнейшем мягкие согласные перед *e* отвердели и предпосылки к изменению *e > o* были утрачены. Таким образом, реконструируется процесс типа [t'e > t'e > te]. В то же время А. А. Шахматов пишет: «В известных случаях согласная мягкая, поддержанная аналогией со стороны родственных образований, не отвердевала; в этих случаях находим сочетание согласная мягкая + *o*, т. е. то же, что в великор. и белор.» [Шахматов 1915: 127, 135].

В. В. Иванов относит твердость согласных перед гласным *e* в украинском языке к еще более позднему времени. Он считает, что в украинском отсутствие результатов изменения *e > o* не после исконно палатальных согласных (т. е. после палатализованных губных и переднеязычных) является следствием вторичной делабиализации гласного *o*, т. е. реконструируется процесс [t'e > t'o > t'e > te] [Иванов 1990: 185]. Такое развитие кажется маловероятным.

Другая точка зрения состоит в том, что новые палатализованные согласные (т. е. «смягченные полумягкие») вообще не появлялись перед гласным *e* из **e*, **ь*. Так считают многие лингвисты (ср. [Житецкий 1875: 223, 254; Смаль-Стоцкий 1929: 833; Нимчинов 1926: 253; Синявский 1927: 271; Ossowski 1935: 250]). Этой точки зрения придерживается и Ю. Шевельов — твердость согласных перед рефлексами **e*, **ь* продолжает их праславянский статус, который не был прерван периодом смягчения [Шевельов 2002: 245]. Позиция после твердого согласного не создавала предпосылок для изменения *e > o*. В то же время этот же автор, анализируя все-таки существующие факты употребления гласного *o* на месте *e* после мягких согласных, допускает существование (или «сохранение») мягкости согласного перед *e* в украинских диалектах. При этом отмечено, что «сохранение мягкости характеризуется широким варьированием в разных говорах» [Ibid: 829].

Украинский язык и часть южнобелорусских говоров выделяются в восточнославянской среде тем, что в них на артикуляцию континуанта **e* влияет закрытость слога, ставшая возможной после падения слабых редуцированных (синтагматическое значение закрытости слога). Одним из проявлений этого является сочетание мягкого согласного с лабиализованным гласным (монофтонгом, дифтонгом).

Имеющиеся в украинских диалектах примеры употребления гласного среднего подъема *o* не после исконно палатальных, т. е. после палатализованных губных, переднеязычных согласных, обычно рассматриваются как нефонетические по своему происхождению — констатируется морфологическая аналогия, иноязычное влияние (русское, белорусское).

В этой связи стоит отметить, что понятие «влияние одного языка на другой» неопределенно по своему содержанию. Это может быть заимствование какого-либо явления и замена им существующего в идиоме аналога. Но в фонетике это можно констатировать только в том случае, если исключено совпадение линии развития гласного — в этом случае то, что кажется заимствованием, в действительности

оказывается результатом одинаковой линии развития в соприкасающихся языках. Возможно, результатом именно такого сходства с соседними русскими и белорусскими диалектами является гласный *o* после мягкого согласного в украинских диалектах в открытом слоге. Тем более, что замена *te* > *t'o* в ходе заимствования для говорящих представляет определенную сложность, поскольку изменению должно подвергнуться синтагматическое правило, связанное с качеством обоих компонентов сочетания.

Далее мы рассмотрим употребление гласного *o* после палатализованных / палатальных согласных в украинских диалектах в том виде, как это отражено в материале Общеславянского лингвистического атласа. Зафиксированные в этом материале факты сопоставимы, поскольку собраны на территории украинских диалектов по единой программе [Вопросник ОЛА 1965]. Регион украинских диалектов, материал которых рассматривается в статье, показан на прилагаемом фрагменте карты ОЛА¹.

Вопросник ОЛА содержит праформы с гласным **e*, континуант которого в дальнейшем оказался как в открытом, так и закрытом слоге. Рассмотрим рефлексацию **e* с точки зрения изменения *e* > *o* в каждой из приведенных в материале ОЛА праформ.

В позиции после исконно палатальных согласных (современные *š, ž, č*) в открытом слоге зафиксированы гласные *o* и *e*.

Всегда с гласным *o* под ударением произносится континуант **želqǫdъ* [ОЛА 6: К. 60]. Всегда с *e* под ударением — **češetъ*, **večerja*, **ženitъ se*; без ударения **ščenę*, **rešetо* [ОЛА 6: К. 62, 63, 59, 58, 64, 54], **želězo* [ОЛА 1: К. 27]. В этом списке правилу А. А. Шахматова противоречит сохранение *e* в **rešetо* (перед слогом с непременным гласным).

С предударным гласным *o* произносится континуант праформы **bъčela*. Отступление от этого представлено в виде гласного *a* (*pč'a'la*) в группе говоров на северо-востоке украинской территории (в Черниговской, Сумской, Киевской обл. — пп. 437–439, 441, 442, 444–447) [ОЛА 6. К. 61].

Варьирование гласных *e* и *o* в континуанте одной словоформы имеет следующий вид.

***čelo** — гласный *o* в предударном слоге представлен практически во всех говорах и может сужаться в *o*, *u* (*č'o'lo*, *č'ɔ'lo*, *č'u'lo*). Палатализованность аффрикаты перед *o* сохраняется в части карпатских говоров (пп. 483–485, 493, 494) и некоторых юго-восточных (пп. 502, 504, 514, 519, 522).

Гласный *e* (*č'e'lo*) отмечен в небольшой группе северо-восточных говоров (в Киевской, Черниговской обл.). В этом же регионе (пп. 438, 444, 447, 462) в предударном слоге произносится *a* (*č'a'lo*) как и в соседних русских акающих говорах. [ОЛА 6: К. 61].

¹ Материал для статьи взят из: Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Рефлексы **e*. Вып. 6. М., 2012; Рефлексы **ь*, **ь*. Вып. 4а. Загреб, 2006; Рефлексы **ь*, **ь*. Вторичные гласные. Вып. 4б. Скопје, 2003; Рефлексы *ě*. Вып. 1. Белград, 1988.

***šestʲjъ** — гласный *o* представлен под ударением (*šostʲj*) во всех диалектах кроме части юго-западных. Гласный *e* занимает компактную территорию, состоящую из Закарпатской области, частей Львовской, Ивано-Франковской, Черновицкой, Тернопольской, Хмельницкой, Винницкой областей. В п. 497 (Черновицкая обл.) континуантом **e* является гласный *a* (*šastʲj*), что отражает исходную локализацию гласного **e* на ступени ниже среднего подъема [ОЛА 6: К. 55].

***žena** — в тех говорах, где употребляется континуант этой праформы (а не суффиксальный дериват), рефлекс гласного **e* находится в предупредном слоге и изменяется в *o* (*žo'na*). Такие говоры компактно расположены на юго-западе в Закарпатской, Львовской, Ивано-Франковской обл. Единичные говоры, имеющие *o* в *žena, отмечены в восточных областях (Черниговская, п. 463; Полтавская, пп. 502, 503; Харьковская, п. 514).

Отсутствие лабиализации (*že'na*) отмечено в разных точках украинского континуума, но чаще в западной части. Это — пп. 402, 431, 436, 451; предупредный гласный *e* может изменяться в *y* (*žy'na* пп. 429, 447, 514, 524), *ɣ* (*žɣ'na* п. 415) (ОЛА 6. К. 57).

Приведенные примеры показывают, что изменение *e* > *o* после палатальных согласных осуществлялось не так последовательно, как это принято считать.

В *закрытом* слоге после исконно палатальных согласных рефлекс гласного **e* показаны в *šestʲ, *ščetʲka, *ženʲka. Рефлексы **e* в этих словах прошли через стадию удлинения и повышения напряженности (повышения подъема) и всегда находятся под ударением. Специальный интерес в этом случае представляет употребление гласного *o*, а не более распространенных гласных повышенного подъема *o*, *u*. Гласный *o* может являться результатом того, что хронологически предшествующий ему *e* не имел такой степени продления и напряженности в новом закрытом слоге, которые ассоциируются с повышением подъема гласного. Явление напоминает рассмотренное выше изменение *e* > *o* в открытом слоге тем, что *o* появляется только перед твердым согласным.

***šestʲ** — перед мягким согласным представлены только нелабиализованные рефлексы *i*, *y*, *i*, *ie*, *iy*, *ye*. Отсутствие эффекта закрытого слога, т. е. сохранение гласного *e* (*šes'tʲ*, *šes'cʲ*), показано в пп. 405, 411, 445–447, как вариант в пп. 493, 495 (ОЛА 6: К. 26).

***ženʲka** — последовательно представлено изменение в закрытом слоге как в нелабиализованной (*i*, *l*, *y*, *ɣ*), так и лабиализованной (*o*, *uo*, *ui*, *uy*) гласный. Только в п. 411 рефлекс **e* не несет следов повышения подъема и произносится как *o* — *žonka* (ОЛА 6. К. 57).

***ščetʲka** — рефлексами **e* являются гласные нелабиализованные (*i*, *y*) и лабиализованные (*o*, *u*, *u*, *uo*). Гласный *o*, т. е. лабиализация *e* без эффекта повышения его подъема (*š'četka*), представлен в группе говоров к востоку от Днестра (пп. 445–447, 462, 477, 482, 494, 504, 512, 514, 515) и немногих более западных говорах (пп. 411, 457, 510, 517, 518) (ОЛА 6. К. 27).

Согласные, не относящиеся к классу исконно палатальных согласных, т. е. палатализованные губные и переднеязычные, имеют разную синтагматическую реакцию на гласный *e* (< **e*) в открытом и закрытом слогах.

В *открытом* слоге в сегменте типа *tet*, тем более *tet'*, не было предпосылок для лабиализации гласного — в *tet* согласные не имели контраста по лабиовеляризованности, а в *tet'* мягкий согласный поддерживал нелабиализованность *e*.

В *закрытом* слоге в программе фонетического слова гласный *e* получал долготу как компенсацию утраты гласного **ь*, **ъ* в следующем слоге. Долгота сопровождалась повышением напряженности артикуляции гласного, что способствовало мягкости (повышению тона) согласного перед гласным.

Но в украинских диалектах есть примеры, когда мягкий согласный выступает перед рефлексом **e* в *открытом* слоге, и в этом случае гласный *e* под ударением перед твердым согласным изменяется в *o*, т. е. происходит то же, что и после исконно палатальных согласных.

Так, разные континуанты праформы **sedmъjъ* в украинских диалектах образуют два ареала. Произношение '*setuj*' представлено в юго-западных говорах — граница ареала проходит по Львовской (п. 415), Тернопольской (п. 432), Хмельницкой (п. 472), Винницкой (пп. 489, 499) областям. К северо-востоку от этой границы расположен массив говоров, где зафиксировано произношение '*s'omej*' (ОЛА 6: К. 46). Существует мнение, что такое произношение является результатом влияния русского языка. Однако подобному объяснению противоречит размер территории произношения '*s'omej*' — влияние одного языка на другой не может захватывать большую часть последнего. В данном случае речь должна идти о сохранении в определенном украинском ареале мягкости согласного перед *e* и *o* последующем изменении его в *o* под ударением перед твердым согласным. В данном случае имеет место факт собственно украинского развития *e*.

Изменение по модели, совпадающей с соседними говорами, проявляется в отдельных примерах произношения гласного *o* после мягкого согласного под ударением в открытом слоге. Это — *da'l'oka* (п. 445), как в русских говорах (ОЛА 6: К. 49); *ve's'oly* (пп. 401, 410–412), как в белорусских и польских (ОЛА 6: К. 45).

Изменение гласного *e* в *закрытом* слоге происходило после палатализованного согласного. Отмечаемая твердость согласного перед *i*, *u* является результатом вторичного отвердения.

Изменение гласного в закрытом слоге не происходит при наличии твердого согласного перед *e*. Это показывают следующие примеры сохранения *e* после твердого согласного.

**ledъ* — произношение *led* в юго-западных говорах (пп. 465, 466, 469//*l'ud*, 472, 489, 523) (ОЛА 6: К. 23).

**medъ* — *med* в говорах к востоку от Днепра, в большей части говоров к западу от Днепра, а также в регионе Карпат в пп. 448, 465, 466. Произношение *med* локализуется к западу от границы, которая проходит через Волынскую (пп. 402, 407), Тернопольскую (пп. 422, 432), Хмельницкую (пп. 472, 488), Винницкую (пп. 474, 489, 499, 507) области. Произношение *mat* (п. 403), *mat* (п. 406) отражает исконно более широкое образование гласного **e* (ОЛА 6: К. 12).

В закрытом слоге после мягкого согласного перед твердым гласный *e* может изменяться в лабиализованный монофтонг или дифтонг. Лабиализация происходит

через стадию повышения подъема гласного (*o*, *u*, *y*, и др.). Но в украинских говорах фиксируется лабиализация гласного *e* а в закрытом слоге без повышения подъема, т. е. произношение гласного среднего подъема *o* на месте **e*.

***tetʲka** — произношение *tʲotka* представлено в говорах к востоку от Днепра, с одной стороны, и в западных говорах на границе с Польшей, преимущественно в Львовской, Волынской областях, а в отдельных пунктах — в Тернопольской (п. 451), Хмельницкой (п. 472) (ОЛА 6: К. 16).

***ledʲ** — произношение *lʲod* локализовано в говорах к востоку от Днепра; в более западной зоне отмечено такое произношение в говоре в Винницкой обл. (п. 499) (ОЛА 6: К. 23).

Произношение *o* после мягкого согласного в закрытом слоге перед твердым согласным повторяется в нескольких говорах на границе с белорусским и русским языками. В пп. 411, 445, 446 — *tʲok*, *pʲok*, *pʲok*, *vʲoʲu*, *wʲoʲu*, *nʲos*; в п. 445 *mʲod*.

Когда гласный *o* после мягкого согласного перед твердым фиксируется в диалектах, близких к русскоязычной среде (диалекты к востоку от Днепра), можно предполагать, что в этом случае имеет место результат того же фонетического процесса, какой был свойственен русским диалектам. Но когда то же явление появляется в западноукраинских диалектах, то, вероятно, в этом случае зафиксирована начальная стадия лабиализации гласного *e* в закрытом слоге, т. е. без повышения уровня подъема гласного. Явление лексикализовано, поэтому слова, произносимые с *o* после мягких согласных, сосуществуют с результатами дальнейшего изменения *o* из **e* в закрытом слоге.

В украинских диалектах после палатализованного согласного перед твердым изменению в *o* подвержен и гласный *e* из **ь*. Это следующим образом проявляется в конкретных словах.

***slʲza** — произношение *slʲoʲza* с предупредительным *o* распространено по всей украинской территории. Нелабиализованные гласные *i*, *e* (после мягкого и твердого согласного), *y* (после твердого) представлены в небольших группах говоров на северо-востоке (граница с белорус. и рус. говорами) и на юго-западе в регионе Карпат (ОЛА 46: К. 30).

Gpl ***slʲzʲ** — в большей части украинских говоров гласный *e* из ʲ* изменяется по правилу закрытого слога (*i*, *o*, *uo*). Как на западе, так и на востоке имеются говоры, в которых в закрытом слоге не происходит сужения *o*, т. е. произносится *slʲoz*. В Gpl гласный *o* после мягкого согласного под ударением выступает и в открытом слоге в отдельных юго-западных говорах — *sʲlʲozʲiu* (пп. 420, 427, 429, 455, 471, 488, 523) (ОЛА 46: К. 31).

***lʲnʲ** — произношение *lʲon* свойственно большей части украинских говоров. Гласный *e* после твердого согласного (*len*) — особенность юго-западных говоров региона Карпат (ОЛА 46: К. 22).

Gsg ***lʲna** — гласный *o* (*lʲonu*) присущ многим говорам к востоку и западу от Днепра. Нелабиализованный гласный фиксируется в небольшой группе говоров на северо-востоке (*lʲonu*) и на юго-западе (*lʲenu*) (ОЛА 46: К. 23).

***оцѣть** — в соответствии с *e* из *ѣ произносится безударный гласный *o* после *c* и *c'* (п. 401) в северной части говоров на границе с белорусским языком. Под ударением *o* отмечен в двух пунктах — *o'cot* (418), *o'sot* (519). На остальной территории рефлексом редуцированного является гласный *e* под ударением и без ударения; в безударном слоге часто изменение гласного *e* по правилам безударного слога (*e* > *y*, 9) (ОЛА 4а: К. 25).

Показателем того, насколько может быть различной на украинской территории локализация гласного *o* на месте *e* < *ѣ, являются континуанты однотипных праформ **kočьlь*, **kozьlь*, **očьlь* (ОЛА 4б: К. 40, 41, 42).

***kočьlь** — большая часть украинских диалектов показывает произношение *ko't'ol*. Гласный *e* после твердого согласного (*ko'tel*) образует однородный массив к юго-западу от Киева и Днепра до Карпат.

***kozьlь** — здесь, напротив, по всей территории преобладает гласный *e* после твердого согласного (*ko'zel*, *ko'z'el*). Лишь в небольшой группе говоров на северо-западе на границе с белорус. и в отдельных более южных пунктах представлен гласный *o* после мягкого согласного (*ko'z'ol*).

***očьlь** — практически только *e* после *r* (*o'rel*). Произношение *o'rol*, *o'r'ol* отмечено в небольшой группе говоров (пп. 403–405, 409–411) на северо-западе на границе с белорус. и на юге в пп. 522–524.

Есть и примеры единичного появления гласного *o* на месте редуцированного. Так, праформа **čьmьjь* имеет континуант *t'omnyj* только в пп. 439, 445, 446 (ОЛА 4а: К. 15). А произношение *t'ohk'i* < **lьgьkьjь* только в п. 411 (ОЛА 4б: К. 25).

Гласный *o* после палатализованных согласных в украинских диалектах имеет в литературе разное объяснение.

Н. Н. Дурново видит в этом фонетическое изменение после согласных, сохранивших мягкость перед *e*, благодаря аналогии с формами, содержащими мягкий согласный не перед *e* [Дурново 1924: 230].

Ю. Шевельов придерживается сходной точки зрения, считая, что «новый звук *o* развился на месте *e* в тех словах, где было чередование *e* с нулем». Но, в отличие от Н. Н. Дурново, он относит лабиализацию *e* к более позднему времени. Предложенная Ю. Шевельовым линия аналогии выглядит следующим образом (*len* : *l'nu* > *l'on* : *l'nu* > *l'on* : *l'onu*), (*slbza* : *slbzy* > *sl'za* : *slez* > *sl'za* : *sl'ez* > *sl'za* : *sl'oz*, позднее *sl'oza* : *sl'oz*); «количество слов, охваченных фонетически обусловленной меной *e* > *o* в говорах, зависит от мягкости согласного и от переноса этой мягкости на родственные слова с гласным *e* в основе» — так появились (*semyj* : *s'im* > *s'omyj* : *s'im*); (*ledu* : *l'id* > *l'edu* : *l'id* > *l'odu* : *l'id*) и т. п. [Шевельов 2002: 827 и след.]. В этом случае констатируется фонетический процесс изменения *e*, ставший актуальным после реализации аналогии. Однако столь позднее проявление мягкости согласного перед гласным *e* в украинских диалектах и пролонгированное изменение *e* > *o* представляется маловероятным. Более правдоподобным кажется мнение, согласно которому твердость согласных перед гласным *e* из **e*, *ѣ не была в украинских диалектах безысключительным явлением, а там, где имела место мягкость, могла происходить лабиализация гласного *e*.

Сходные процессы могли происходить в континуанте праформы *trъхъ [Шевельов 2002: 828]. Однако в (ОЛА 4а: К. 30) в комментарии к карте для этой праформы вообще исключен фонетический процесс — констатируется только аналогия с *dвохъ, а на карте дается знак нефонетического развития.

В (ОЛА 4а) в материале к Карте 10 в украинских говорах отмечен гласный *o* на месте *е в континуанте праформы *sego — *s'ohodn'e/a* (пп. 402, 407, 433, 435, 501, 518), *s'odn'a* (435). Рассеянность этих пунктов по украинской территории, отсутствие контактов с говорами, имеющими безударный гласный *o* после мягких согласных (такое возможно только в севернорусских говорах), достаточно определенно указывает на то, что гласный *o* в приведенных примерах — фонетического происхождения.

Рассмотренные факты показывают, что некоторые правила, принятые в украинистике / русистике для украинской фонетики, реализуются непоследовательно.

Это проявляется уже на архаической стадии изменения *e* в *o* после исконно палатальных согласных. На это указывают, хотя и единичные, примеры сохранения гласного *e* после этих согласных перед слогом с непредним гласным.

В некоторых говорах губные и передязычные согласные получали мягкость перед *e* < *е, *ѣ в открытом слоге и всегда были мягкими перед *e* < *е в закрытом слоге.

В открытом слоге после мягкого согласного перед твердым происходила замена *e* > *o* так же, как это было после исконно палатальных (*l'odu, s'omyj, šostyj*).

В закрытом слоге гласный *e* < *е должен получить повышение напряженности и долготу. Перед твердым согласным это способствовало повышению подъема и лабиализации гласного *e* (*o, u*, лабиализованные дифтонги). Но, как показывают приведенные выше примеры, гласному *e* в закрытом слоге после исконно палатальных и палатализованных согласных может соответствовать гласный среднего подъема *o* (*l'od, t'otka, ščotka*).

На *e* из ѣ* закрытость слога не должна влиять — в любом типе слога, если перед рефлексом ѣ* сохранялась мягкость согласного, может произноситься гласный *o* перед твердым согласным (*l'on, ko't'ol, l'onu*). Но в континуанте *slъzъ кроме *o* представлены гласные, обусловленные закрытостью слога (*i, o, uo, ui*). Вероятно, в этой форме редуцированный изменился в *e* в более раннюю эпоху.

Произношение гласного *o* на месте *е в закрытом слоге можно объяснить более низкой напряженностью гласного в сравнении с той, которая способствовала не только лабиализации, но и повышению подъема гласного. В данном случае гласный *o* в закрытом слоге после палатального / палатализованного согласного можно расценивать как задержавшуюся начальную ступень лабиализации *e*.

Особенность изменения гласного *e* разного происхождения в *o* состоит в том, что реализация этого изменения в отдельных украинских говорах индивидуализирована как по составу словоформ, так и по частоте реализации. Это могут быть единичные примеры, существующие в достаточно отдаленных друг от друга говорах. Но имеет место и такая ситуация, когда различие (*t'ot ~ tet*) в континуанте

одной праформы имеет определенную ареальную локализацию. Ср. *'s'omyj ~ 'semyj*, *'šostyj ~ 'šestyj*, *l'on ~ len*, *ko't'ol ~ ko'tel*.

В литературе по истории украинской фонетики специфика распределения гласного *o* после палатализованных согласных в украинских говорах являлась поводом для того, чтобы считать это явление не фонетическим, а вызванным аналогией в пределах изменения одного корня, с одной стороны, и влиянием других восточнославянских диалектов, с другой. Однако редкость и территориальная рассредоточенность явления не представляется достаточным поводом для того, чтобы считать явление нефонетическим по своей природе. Это вполне относится к употреблению гласного *o* после мягких согласных в украинских диалектах. В этих диалектах происходило изменение *e* в *o* в той мере, в какой этому способствовало наличие мягкости согласного перед **e*, *ь**. Для одних праформ мягкость была представлена на довольно больших территориях, для других носила единичный характер. В любом случае следует признать, что процесс изменения *e > o*, характерный для Северной Славии, имел в украинских диалектах свое, хотя и фрагментарное, отражение. Закономерно возникает вопрос о причине такой фрагментарности. По-видимому, это связано с тем, что правило сочетания твердого согласного с *e* (<**e*, *ь**) не реализовывалось в отдельных словах, а появившееся сочетание *t'et* провоцировало реакцию гласного *e* на контраст согласных (палатализованность ~ веляризованность).

При этом совершенно на иных синтагматических основаниях появлялся гласный *o* после мягкого согласного в *закрытом* слоге: если продление гласного *e* сопровождалось низким уровнем напряженности, это позволяло ему оставаться на средней ступени подъема. Этому явлению также свойственна фрагментарность в украинских диалектах.

Термин «фрагментарность» по отношению к *e > o* в украинских говорах используется для того, чтобы явление украинской фонетики не отождествлялось с «непоследовательностью» реализации того же фонетического изменения. Непоследовательность позиционно обусловленного изменения *e > o* присутствует в диалектах Северной Славии и выражается в сохранении гласного *e* вопреки позиции, требующей *e > o*. Так, В. Г. Орлова на основе материала Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) показала, что практически во всех русских говорах (пунктах), включенных в территорию карт ДАРЯ, на фоне многих примеров с гласным *o* из **e*, *ь** существуют единичные слова с сохранением гласного *e* в позиции *t'-t* [Орлова 1970: 22]. Непоследовательность изменения *e > o* характерна для нижнелужицких диалектов. В частности, это проявляется в том, что в пределах частной диалектной системы одна и та же морфема в составе разных слов имеет неодинаковый звуковой состав — с *o* и «не *o*» в тождественной фонетической позиции. Гласный *e*, не изменившийся в *o*, в дальнейшем включился в процесс *e > a* (*p'jakar*, *kl'apas*) [Калнынь 1970: 11, 33].

В украинских же диалектах при наличии (хотя и редком) позиции *t'-t* изменение *e > o* в открытом слоге не имеет отклонений. В закрытом слоге *o* на месте **e* отражает свойственную отдельным говорам фонетическую особенность преобразования гласного *e* в этой позиции. Если употреблять в связи с украинским изменением

e > *o* определение «непоследовательность», то только в отношении твердости согласного перед гласным *e*.

Из сказанного можно сделать вывод, что в украинских диалектах имел место фонетический процесс изменения *e* в *o* после палатализованных согласных в той мере, насколько этому способствовало сохранение мягкости согласного перед *e*. В закрытом слове мягкость присутствовала последовательно, а гласный *o* в этой позиции отражает диалектное различие, состоящее в особенности артикуляции заменительного удлинения гласного *e*. В открытом слове мягкость согласного перед *e* проявлялась на уровне отдельных слов, где и происходило изменение *e* в *o*.

Особенность употребления гласного *o* после палатальных/палатализованных согласных является одним из существенных отличий фонетики украинских диалектов от других восточнославянских. Возникновение этих отличий относится к достаточно раннему периоду.

Фрагмент карты ОЛА, охватывающий украинские диалекты

Литература

Вопросник ОЛА — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М.: Наука, 1965.

Дурново 1924 — Дурново Н. Очерк истории русского языка. М.–Л.: Государственное изд-во.

Иванов 1990 — Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение.

Жилко 1963 — *Жилко Ф. Т.* Возникновение дифтонгов в украинском языке // Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л. С. 110–116.

Житецкий 1875 — *Житецкий П. И.* Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев.

Калнынь 1970 — *Калнынь Л. Э.* Из истории нижнелужицкого вокализма // Исследования по серболужицким языкам. М.: Наука. С. 3–43.

Калнынь 1995 — *Калнынь Л. Э.* Рефлексація праславянського латерального сонанта // Восточнославянские изоглоссы 1995 / Отв. ред. Т. В. Попова. М.: Наука. С. 14–20.

Німчинов 1926 — *Німчинов К.* Диспалаталізація приголосних перед у, и // Записки історично-філологічного відділу УАН, т. X. Київ. С. 250–255.

ОЛА 1 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Рефлексы *ѣ. Вып. 1. Белград, 1988.

ОЛА 4а — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Рефлексы *ъ, *ь. Загреб, 2006.

ОЛА 4б — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Рефлексы *ъ, *ь. Вторичные гласные. Вып. 4б. Скопје, 2003.

ОЛА 6 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Рефлексы *е. Вып. 6. М., 2011.

Орлова 1970 — *Орлова В. Г.* Изменение /е/ в /о/ // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука. С. 22–29.

Синявський 1927 — *Синявський О. Н.* Фонетична контрверса // Записки історично-філологічного відділу УАН, т. XIII—XIV. Київ.

Смаль-Стоцький 1929 — *Смаль-Стоцький Ст.* «Мягкі» і «тверді» голосівки // Slavia, roč. VII, sv. 4. Praha. S. 270–275.

Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.

Шевельов 2002 — *Шевельов Ю.* Історична фонологія української мови. Харків: Акта.

Якубинский 1953 — *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

Ossowski 1935 — *Ossowski L.* Jak powstaje małoruska twarda wymowa prasłow. połączeń: spółgłaska + i, e // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii umiejętności, t. 40, № 8. Kraków. S. 240–250.

Pauliny 1963 — *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Vydavateľ'stvo Slovenskej Akadémie vied v Bratislave.

Lyudmila Kalnyn

Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

inslavjaz@yandex.ru

VOWEL O AFTER PALATAL / PALATALIZED CONSONANTS IN UKRAINIAN DIALECTS

In Ukrainian dialects there's observed a vowel shift from $e > o$ in dependence on the degree the consonant before *e retained its palatalization. It is shown to be consistent in closed syllables while vowel o in this position reflects dialectal difference, namely articulation peculiarities concerning substitute prolongation of the vowel e . In open syllables the consonant retained its palatalization on word-by-word basis, in which case there's observed the $e > o$ shift. Vowel o usage after palatal / palatalized consonants peculiar to the Ukrainian dialects attests to the fact that Ukrainian dialects differentiated phonetically from other Old Russian dialects relatively early on.

Key words: dialectology, Ukrainian dialects, palatalized consonants, labialization of e .

References

- Voprosnik Obshcheshlavyanskogo lingvisticheskogo atlasa.* M.: Nauka, 1965.
- Durnovo N. N. *Ocherk istorii russkogo yazyka.* M.–L.: Gosudarstvennoe izd-vo. 1924.
- Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka.* M.: Prosveshchenie, 1990.
- Zhilko F. T. *Vozniknovenie diftongov v ukrainskom yazyke.* Voprosy teorii i istorii yazyka. Sbornik v chest' prof. B. A. Larina. L., 1963. S. 110–116.
- Zhiteckij P. I. *Ocherk zvukovoj istorii malorusskogo narechiya.* Kiev, 1875.
- Kalnyn L. E. *Iz istorii nizhneluzhickogo vokalizma. Issledovaniya po serboluzhickim yazykam.* M.: Nauka, 1970. S. 3–43.
- Kalnyn L. E. *Refleksaciya praslavyanskogo lateral'nogo sonanta. Vostochnoslavjanskie izoglossy 1995.* Otv. red. T. V. Popova. M.: Nauka, 1995. S. 14–20.
- Nimchinov K. *Dispalatalizaciya prigolosnih pered u, i.* Zapiski istorichno-filologichnogo viddilu UAN, t. X. Kiïv, 1926. S. 250–255.
- Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Seriya fonetiko-grammaticheskaya. Refleksy *ě.* Vyp. 1. Belgrad, 1988.
- Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Seriya fonetiko-grammaticheskaya. Refleksy *b, *b.* Zagreb, 2006.
- Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Seriya fonetiko-grammaticheskaya. Refleksy *b, *b.* Vtorichnye glasnye. Vyp. 4b. Skopje, 2003.
- Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Seriya fonetiko-grammaticheskaya. Refleksy *e.* Vyp. 6. M., 2011.
- Orlova V. G. *Izmenenie /e/ v /o/. Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskih govorov.* M.: Nauka, 1970. S. 22–29.

Sinyavs'kij O. N. *Fonetichna kontroversa. Zapiski istorichno-filologichnogo viddilu UAN, t. XIII—XIV*. Kiïv, 1927.

Smal'-Stoc'kij St. «Myagki» i «tverdi» golosivki. *Slavia, roč. VII, sv. 4*. Praha, 1929. S. 270–275.

Shahmatov A. A. *Ocherk drevnejshego perioda istorii russkogo yazyka*. Pg., 1915.

Shevel'ov Y. *Istorichna fonologiya ukraïns'koï movi*. Harkiv: Akta. 2002.

Yakubinskij L. P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka*. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1953.

Ossowski L. *Jak powstaje małoruska twarda wymowa prasłow. połączeń: spółgłaska + i, e. Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademje umiejętności, t. 40, № 8*. Kraków, 1935. S. 240–250.

Pauliny E. *Fonologický vývin slovenčiny*. Vydavateľ'stvo Slovenskej Akadémie vied v Bratislave, 1963.

Мира Менац-Михалич
Философский факультет Загребского университета
(Загреб, Хорватия)

Анита Целинич
Институт хорватского языка и лингвистики
(Загреб, Хорватия)

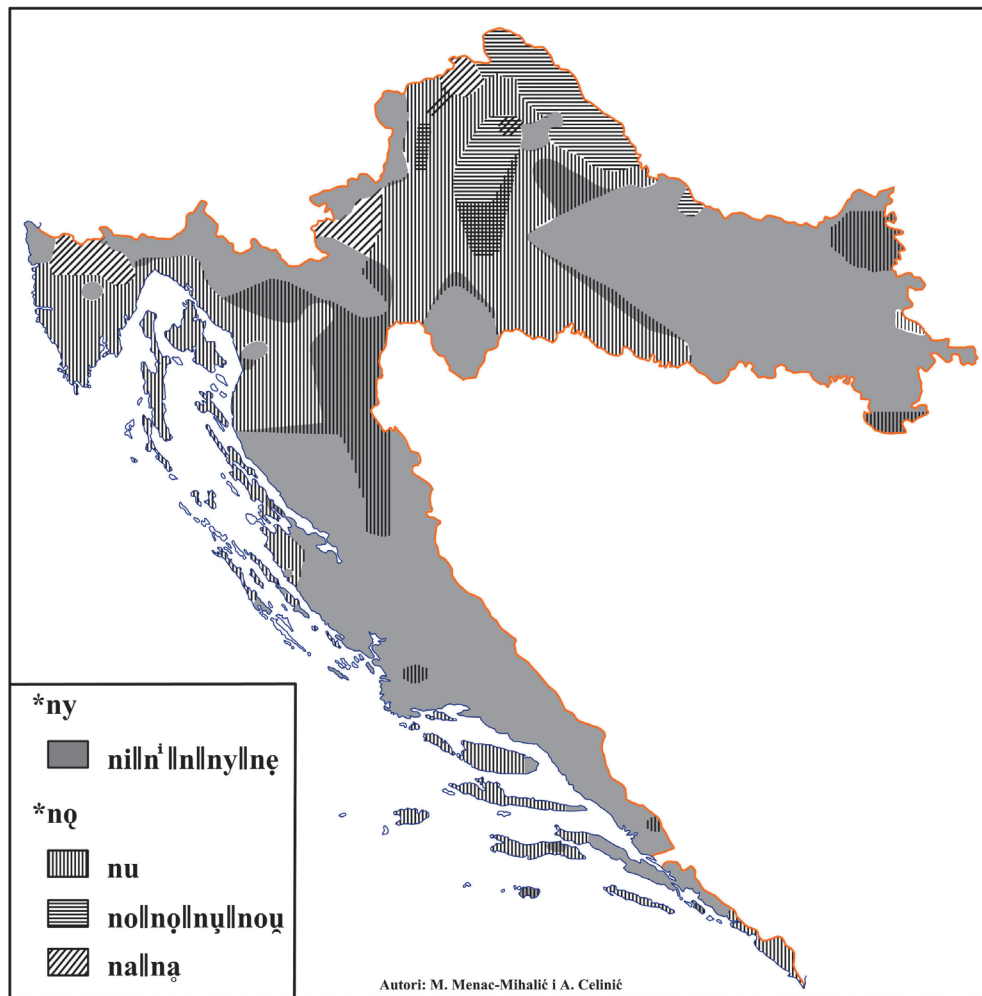
ГЛАГОЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ **nǫ/*ny* В ХОРВАТИИ

В работе и на прилагаемой карте представлено ареальное распространение глагольных суффиксов **nǫ/*ny* и их фонетические рефлексы на территории Хорватии. Предполагается, что речь идет о двух рефлексах праславянского периода, т. е. их сосуществование является позднеславянским диалектным явлением. Статья опирается на ранние славистические работы по данной проблематике, приводятся новые, более детальные данные о распространении приведенных типов суффиксов в Хорватии.

Ключевые слова: диалектология, лингвогеография, фонетика, хорватский язык, глагольные суффиксы.

1. Введение

В большинстве славянских языков в глаголах II класса (**dvignǫti*, **gybnǫti*, **šьpnǫti*, **šćь(p)nǫti*, **sьxnǫti*) содержится псл. суффикс **nǫ*. Однако в некоторых западнославянских и западных южнославянских языках (верхнелужицкий, полабский, польский, словенский, хорватский, сербский, боснийский) в этих глаголах появляется также суффикс **ny*; в одних языках он более распространен по диалектам (и присутствует также в литературных языках: словенский, верхнелужицкий), а в других — реже. В современном литературном хорватском языке представлен суффикс *ni*. Распространение суффикса **ny* на территории хорватского языка в научной литературе уже частично освещалось. Этот суффикс в хорватских говорах присутствует достаточно широко, но неравномерно, появляется он во всех трех наречиях хорватского языка — в чакавском, кайкавском и штокавском. В данной работе мы более подробно рассматриваем распределение суффиксов **nǫ/*ny* в Хорватии, чем это представлено в существующей научной литературе, охватывая в меньшей степени нехорватские славянские говоры (некоторые говоры сербского языка, один черногорский говор); источником нам служили материалы для будущего Атласа хорватского языка и для

Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), как и материалы для других исследований. Результаты исследования показаны на прилагаемой карте.

Когда суффикс **ny* рассматривался отдельно внутри каждого языка, его пытались трактовать или с помощью аналогии (по глаголам IV класса), или как регулярное фонетическое развитие **q*. Однако, при использовании сопоставительного подхода, когда суффикс **ny* анализировался в рамках приведенных языков, пришли к заключению, что речь, вероятно, идет о суффиксе **ny*, который существовал еще в позднем праславянском периоде, т. е. речь идет о праславянской диалектизации, на основании чего делаются выводы о диалектной структуре позднего праславянского языка эпохи, предшествовавшей переселению славян. Из этого предположения мы и исходим в данной работе. Это положение, мы уверены, подтверждает и хорватский материал.

Помимо географического распространения суффиксов *ny и *nɔ на хорватской территории в работе исследуется проблема рефлексов гласных *ɔ и *y в составе суффиксов. Эта проблематика, которая, в отличие от упомянутой выше, не играет роли в установлении западнославянско-южнославянских параллелей, но которая важна в контексте кроатистики и в южнославянском контексте, особенно в отношении рефлексов *ɔ.

При приведении примеров мы пользуемся транскрипцией ОЛА.

2. Методология исследования

Данные о суффиксах *nɔ/*ny на хорватской территории мы получаем прежде всего на основе материалов, собранных для Атласа хорватского языка (АХЯ) (Hrvatski jezični atlas — НЈА) и для Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА). Поскольку, с одной стороны, полевые исследования для АХЯ еще не завершены (на сегодняшний день исследовано примерно три четверти пунктов), а с другой стороны, в Хорватии находится 26 пунктов ОЛА — что сравнительно немного, материал был дополнен данными полевых исследований, проведенных вне рамок упомянутых языковых атласов¹, а также данными диалектных словарей и других диалектологических работ. Анализ охватывает около трехсот пунктов.

В исследовании проанализированы формы с инфинитивной основой. Глаголы с указанными суффиксами в материалах были представлены в основном в форме инфинитива, рассматривались также и другие формы, например формы действительного (*l-ptc.*) и страдательного причастий (*ptc. praet. pass.*), образованных от инфинитивной основы².

Если говорить в общем, глаголов II класса, т. е. их форм, которые бы удовлетворяли поставленным критериям, в вопросниках для АХЯ и ОЛА — немного. В материале для конкретного говора их количество может варьироваться, например из-за использования другой лексемы (отсутствие лексемы **minɔti*) или из-за того, что развилась другая форма (*dići* для **dvignɔti*). В принципе, отмечены примеры, которых достаточно для релевантных выводов о типе суффиксов, что и демонстрируется в большинстве пунктов. Всё же в некоторых пунктах ситуация более сложная. Так, например, существуют пункты, в которых представлены оба суффикса.

¹ Благодарим коллег, сотрудников и информантов.

² Вне рассмотрения остались те формы, которые потенциально являются общими для обоих суффиксов, например настоящее время с *ne* (в отличие от настоящего времени с *ni*, что может указывать на *ni* в инфинитиве), повелительное наклонение. Таким образом, при представлении ареального распространения не принимаются во внимание предположения, из которых на основе современного состояния, т. е. существования суффиксов *ny или *nɔ в определенных глагольных формах, делается вывод о присутствии другого суффикса в инфинитиве в более ранних фазах развития языка (например предположение, что в некоторых пунктах страдательное причастие на *-njen* указывает на более ранний инфинитив **-nyti* (современный **-nɔti*) или страдательное причастие на *-nut* — на более ранний инфинитив **-nɔti* (современный **-nyti*)).

Если суффикс, отличающийся от остального материала, в одном из говоров подтвержден только в единственном глаголе, тогда мы его не приводим в работе и на карте (подобный случай, например, в Вргаде и еще кое-где с *toniti* или в северной части Хорватии с *šarputi*). Для более детальных выводов о дистрибуции вариативных суффиксов (идет ли речь о свободной вариации во всех лексемах, о вариации в отдельной форме — свободной или зависимой, например от ударения, от привязки определенного суффикса к определенным лексемам или от сосуществования двух речевых типов в одном и том же пункте) необходимо иметь больше данных, т. е. более серьезный материал, поэтому подобный более обширный анализ происходит из данной работы, как и вопрос потенциального влияния литературного языка в городской среде с зафиксированными дублетами *ni||nu* (Огулин). Примеры с редуцией типа *brinət se, brint se* «заботиться» ‘*brinuti se*’ мы реконструировали как суффиксы типа **ny* — хотя в научной литературе существуют и другие мнения (ср. Petrović 1978: 116).

3. Из литературы

В славистической литературе, в большинстве работ, особенно в работах, изданных в 50-х гг. XX в., писали о существовании суффикса **ny* при географически гораздо более распространенном суффиксе **no*. Попытки толкования этого явления вначале были ограничены отдельными языками — всё объяснялось языковым развитием внутри каждого языка в отдельности. Позднейшие сопоставительные исследования, которые объединили данные первых работ по этой теме и расширили представления о географическом распространении суффикса **ni*, позволили более полно рассмотреть данную проблематику и привели к сегодняшним, вероятнее всего, правильным предположениям, что возникновение данного явления относится к позднему праславянскому периоду, т. е. что данное явление в разных южнославянских и западнославянских языках объясняется его общим происхождением в период, предшествовавший переселению славян. Эти предположения одновременно предоставляют новые данные для рассмотрения диалектного членения праславянского языка и о географическом распределении, т. е. о контакте отдельных диалектных единиц в прародине, а также о направлении распространения славянских языков и культуры в Европе.

Ф. Рамовш для словенского языка, в котором *ni* более широко распространен, чем *no* (появляется он и в литературном языке), это явление объясняет как замену суффикса *no* суффиксом *ni* под влиянием глаголов IV класса [Ramovš 1936: 179]. Подобное утверждение встречается и у Р. Нахтигала, который отмечает, что в словенском языке на востоке представлен также суффикс *no* [Nahtigal 1952: 279–280].

П. Ивич пишет, что для территории распространения сербского, боснийского и штокавского наречия хорватского языка суффикс **ny* представлен во многих говорах, особенно на западе и северо-западе, а также в некоторых частях Воеводины, где, по его предположению, он был более распространен до переселенческих волн

с юга, а также среди галипольских сербов [Ivić 1957: 275]. Из того факта, что этот суффикс распространен неравномерно на многих территориях, которые не связаны между собой (он упоминает также Словению, острова в Далмации и верхнелужицкий язык), Ивич делает вывод, что данное явление не может быть объяснено таким образом, что оно распространилось из одного центра, образовалось же оно в результате независимого параллельного развития, чему способствовало стремление к морфологическо-акцентуационному выравниванию [ibid: 276].

В противовес этому О. Н. Трубачев отметил возраст данного суффикса. Сравнив верхнелужицкий и словенский языки, он писал, что суффикс *ny в этих языках не может быть реконструирован ни из псл. *nǫ, ни из *ni, который ему предшествовал, а только из псл. *ny, развившегося из более раннего *nī. Он отвергает попытки словенской трактовки как перехода из одного класса глаголов в другой и подчеркивает необходимость реконструкции сравнения словенского и верхнелужицкого языков [Трубачев 1968: 374].

После того как были получены данные о существовании суффикса *ny также в польских говорах в Силезии [Bělič 1972: 113, J. Basara 1975: 14 по H. Schuster-Šewc 1977], X. Шустер-Шевц описывает состояние в верхнелужицких говорах. В них в одной части распространен суффикс *ny (в истории литературного языка с самого начала был представлен и в его католическом варианте), а в другой части — суффикс *nǫ (представлен также в более поздних периодах протестантского варианта литературного языка как ni, реже no, с XVIII в. его вытеснил ny). Сегодня имеются суффиксы -ńc (inf.), -nol, nyli (l-ptc.) (-nyć, -nyl, -nyli в говорах с исходным ny). Он показывает, что в говорах с *nǫ из-за верхнелужицкой редукции гласных в результате внутриязыкового фонологического развития возможно возвести -ńc, -nol, -nyli к более старому -nuć, -nul, -nuli, что могло спровоцировать расширение исходных форм на ny. Всё же, сравнивая совпадения в верхнелужицком, полабском, польском и словенском языках, Шустер-Шевц вслед за Трубачевым приходит к выводу, что, вероятнее всего, речь идет о праславянском диалектном явлении, и возводит псл. *ny к более раннему *nī. Кроме того, на основе параллелей в славянских языках он пытается реконструировать диалектную структуру, т. е. расположение и контакт диалектных единиц позднего праславянского периода [Schuster-Šewc 1977: 437–438].

В небольшой обобщающей работе на явление ni на территории распространения хорватского и сербского языков указывает А. Пецо, находя его во многих хорватских, боснийских и сербских икавских, а также иекавских штокавских говорах Боснии и Хорватии, частично в Сербии (запад Воеводины); упоминает он об этом явлении и в некоторых чакавских хорватских говорах, которые, как считает Пецо, могли бы быть результатом влияния штокавцев-икавцев³. Он полагает, что ni развился в результате аналогии, отвергает трактовки о его более старом

³ Он находит его и в произведениях древней хорватской литературы (Шишко Менчетич (XV–XVI вв.), Динко Ранина (XVI в.), Франьо Главинич (XVI–XVII вв.), Матия Антун Релькович (XVIII в.), в языке славонских писателей.

происхождении, поскольку тогда бы, по его мнению, этот суффикс был бы представлен гораздо шире [Ресо 1982, 2007: 233–240].

Р. Л. Ленцек при отборе материала из очень большого количества работ по диалектологии с целью определить распространение суффикса *ni* на южнославянском западе начертил изоглоссу (изоморф) [ibid: 396–398], которая идет в направлении север–юг. Как видно из его работы, изоглоссу нужно понимать условно, поскольку она не показывает точного распределения суффиксов **nu* и **no* в исследуемой области. А именно, на восток от изоглоссы расположены говоры, в которых встречаем только **no*, на запад от нее неравномерно встречаются также **nu* и **no*. Другими словами, изоглосса Ленцека представляет восточную границу области, на которой на южнославянской территории вперемешку с **no* появляется **nu*, и на картах не показывается реальная территориальная неравномерность при распределении этих суффиксов. Он показал, как в области, где распространен суффикс **nu*, варьируются отдельные формы глаголов II класса, т. е. присутствие форманта *ni* в этих глаголах (например в инфинитиве, императиве и действительном причастии всегда находим *ni*, в настоящем времени находим *ni* и *ne*, а в страдательном причастии *-nit*, *-nut* и *-nen*). На основе всего вышесказанного Ленцек приходит к выводу, что **nu* не происходит из одного центра, он высказывает предположение о существовании трех таких центров (в Восточных Альпах, на запад от реки Неретва, а также на северо-востоке), из которых позже при смешении говоров **nu* распространилось на гораздо большую территорию. Ленцек считает, что появление суффиксов типа **nu* спровоцировало перестройку страдательного причастия по аналогии с глаголами IV класса [Lencek 1984, 1985: 395–403].

Х. Андерсен исходит из исследований Ленцека по территориальному распределению суффикса *ni* на южнославянском западе, но на основе этих данных он приходит к другим, противоположным, в отличие от Ленцека, выводам. Он отвергает тезис об аналогии с IV классом глаголов, а также вслед за Трубачевым и Шустер-Шевцем, утверждает, что речь идет о праславянском диалектном явлении. В отличие от ранних работ, в которых суффикс **nu* считали вторичным и возводили его к **no*, Андерсен трактует ситуацию по-другому. Исходя из общего мнения, что назализация в позднеславянском *no* является вторичным явлением и что позднеславянское **o* является результатом соединения различных носовых дифтонгов (UN, ŪN, AN, ĀN), он считает, что речь идет о позднеславянских диалектных **nu* и **no*, образованных от раннепраславянских диалектных **nū* и **nū-n*, причем более ранний вариант (**nu*) напрямую представляет праславянское **nū*, а более поздний (**no*) демонстрирует изменение, обусловленное вторичной назализацией, которая могла возникнуть или в результате расширения инфинитивной основы с *-n*- из основы настоящего времени II класса, или в результате прогрессивной назализации гласных раннепраславянского **nū* в [**nū*], за которой последовала реинтерпретация носового гласного как эквивалента раннепраславянского *īn*. Суффикс **nu* не должен быть инновацией, возникшей в различных зонах, а является единым архаизмом: раннепраславянское **nū*, т. е. позднепраславянское **nu* из периода, предшествовавшего миграциям, в результате миграций переносилось в различные западнославянские и западноюжнославянские

области. Свой тезис Андерсен подкрепляет сравнением лингвистических данных о распространении суффикса **ny* с археологическими данными старой системы дорог и распространения славянских типов домов, на основе чего намечает направления расширения славянской культуры в Европе [Andersen 1999: 47–62].

Работу Андерсена продолжает Т. Пронк. Он принимает тезис Андерсена о праславянском возникновении **ny*. Пронк обращается к отсутствию или присутствию суффикса *ni* в отдельных формах глаголов II класса на западноюжнославянской территории, как это уже частично сделал Ленцек. Пронк предполагает, что словенские прекурские и хорватские кайкавские говоры, в которых есть страдательное причастие на **-njen*, а инфинитив и действительное причастие по происхождению из **-nqti*, **-nql*, ранее должны были иметь инфинитив на **-nyti* > *-niti* (что дало основу для **-njen* по аналогии с глаголами с **-iti*, **-jen*), который затем был заменен на **-nqti* [Pronk 2013: 126–128].

Хорватскую диалектную ситуацию, как видно, детальнее, чем упомянутые исследователи, пытались описать только А. Пецо и в особенности Р. Л. Ленцек, на чьи работы опираются позже Х. Андерсен и Т. Пронк. Всё же обзор Ленцека, возникший на основе анализа внушительного числа работ по диалектологии, не дает полной картины состояния данной проблемы на хорватской языковой территории. Исследования для будущего Атласа хорватского языка, хотя они еще и не закончены, позволяют нарисовать новую, более детальную картину, а где-то и подкорректировать существующую. Кроме того, упомянутые авторы говорят об ареальном распространении **ny* на южнославянском западе и не рассматривают суффикс **nq*, что в хорватской диалектной ситуации также является важной темой.

В литературе по кroatистике суффиксами **nq/*ny* как самостоятельной темой до сих пор никто не занимался. Эта проблематика иногда включается в работы, в которых говорится о других проблемах диалектологии. Речь идет о работах, в которых анализируется отдельный говор или обобщаются данные отдельных диалектов и наречий, при этом приводятся сведения о распространении или о фонетических рефлексах этих суффиксов на рассматриваемой территории.

4. Рефлексы **nq/*ny* в Хорватии

Проблематика фонетических рефлексов **nq/*ny*, т. е. их вариаций, связана с развитием **q* или **y* на хорватской территории. В большинстве говоров развитие **q* и **y* в рамках суффиксов **nq/*ny* совпадает с общим, регулярным развитием этих звуков в хорватском языке. Всё же существуют и отступления, а именно — в суффиксах типа **nq*.

4.1. Рефлексы **ny*

4.1.1. **ny* > *ni||n'||n*. В соответствии с общим развитием **y* > *i* < **i* в южнославянских языках регулярным является развитие суффикса **ny* > *ni*. Его возможное дальнейшее развитие совпадает с развитием гласного *i* вне этого суффикса. Самое

распространенное изменение, связанное с гласным *i* на хорватской территории, это его редукция в безударном положении. В большинстве говоров, в которых она происходит, речь идет о факультативном явлении⁴.

Редукция безударного гласного *i* проводится в нескольких ступенях редукции гласных. Первый уровень — ослабленная артикуляция, при которой этот гласный сохраняет черты гласного типа *i*, что обычно отмечается надстрочным символом: **ny > ni > nⁱ*, например в Грубишном Поле *šápnⁱt*. На втором уровне редукции теряются артикуляционные характеристики гласного *i* и на его месте появляется гласный нейтральной артикуляции типа *ə*: **ny > ni > nə*, например Генерация Стол: *brinət, ugìnəla, prìgnəl*. В части говоров *ə* изменяет место и находится перед *n*: **ny > ni > ən*, например Равна Гора: *uz'digənt*. Обе приведенные ситуации в материалах часто обозначены слоговым *ŋ*: **ny > ni > ŋ [nəllən]*, например Горня Гарешница: *mètŋt, ščəkŋl, kàpŋt*; Бьеловар: *mètŋt, šápŋt*; Шимляник: *kàpŋt*; Хум на Сутле: *pre'pògŋti sɛ*. Хотя в этом случае не является ясным расположение гласного *ə*, из зафиксированных вариантов типа *brinit||brinət* можно сделать вывод, что тип редукции *nə* охватывает большую часть территории с суффиксом **ny*, а именно — большинство штокавских и восточных кайкавских говоров, а тип редукции *ən* — западные кайкавские говоры. Третьим уровнем редукции является потеря гласного, т. е. слога, что может быть обусловлено фонетической структурой слова: **ny > ni > n*, например Осиек Войковачки, Горня Гарешница: *brìnt*.

4.1.2. **ny > ny||nɛ*. Помимо упомянутой редукции в части западных кайкавских говоров регулярным является развитие неударного *i* в *y* или *e*, и соответственно **ny > ni > ny||nɛ*, например Делнице: *šəpnyt, l-ptc. šəpnycə, 'dignyt*; Герово: *l-ptc. š'ci:pnyu, 'vəgnyu*; Тршче: *pa'čīnɛt, z'digɛt*.

4.2. Рефлексы **nɔ*

Рефлексы **nɔ* в большинстве говоров происходят из регулярного развития **ɔ*. От этого имеются отступления только в небольшом количестве говоров. С учетом того, что развитие *ɔ* на хорватской этнической территории является более сложным, чем развитие **y*, что по некоторым классификациям является одним из критериев для разделения хорватского языка на наречия (более конкретно — для выделения кайкавского наречия), территорию, на которой представлен суффикс **nɔ*, характеризует большая дифференциация по отношению к территории с суффиксом **ny*. Ситуацию осложняет еще и то, что развитие **ɔ* в части говоров зависит от того, появляется ли он в долгом или кратком, а также в ударном или безударном слоге.

4.2.1. **nɔ > nu*. Поскольку развитие **ɔ > u < *u, *l* характерно для всех штокавских и большей части чакавских, а также для некоторых кайкавских

⁴ Поскольку это явление является факультативным, в материалах оно отмечено по-разному. Из-за этого варианты суффикса с редуцированным *i*, говорах, в которых присутствует редукция, на карте отдельно не обозначались.

говоров, в них регулярным является также развитие **nq* > *ni* в тех областях, в которых этот суффикс представлен, например Сусак: *d'vyunut*, *b'rynut*; Бринье: *l*-ptc. *sprignù:l*, *ude'nula*; Орубица: *šápnut*, *métnut*; Писаровина: *l*-ptc. *'pugnul se*, *š'čėknul*. Здесь всё же необходимо остановиться на некоторых пунктах. Суффикс *ni* в Бедне возник в результате регулярного развития **nq* > *nq* > *ni* (*'meknuti*, *'šej:p'nuti* 'ущипнуть', *děj:gnuti* 'поднять', *pevà:nuti* 'завянуть'), причем *и* возникло из **q*, но не из **u*, поскольку в том говоре **u* > *ü* (*vüd'riti*, *plü'voti* 'плевать', Nsg. *vüsnico*). Суффикс *ni* возникает в тех кайкавских говорах, в которых **q* > *и* в безударном положении, в отличие от ударного, в котором **q* дает гласный типа *o*, т. е. в котором не совпали **q* и **u* (например Лаз Бистрички: *'šėpnula* и *šėpnoū:ti*). Также *ni* представлен и в тех северночакавских говорах Истрии, в которых вместо **q* в большинстве случаев находим гласный *o*, например Жминь / 22/: *'dignut*, *'kapnut*.

4.2.2. **nq* > *nollnq*/*nollnu*/*nou*. Рефлексы *nollnq*/*nollnu*/*nou* появляются в говорах, где произошло развитие **q* > *ollq*/*ollu*/*o* в ударном и безударном положении, причем они не должны, но могут быть результатом развития **o* или **l*. Речь идет о говорах кайкавского наречия, например Вашка: *'šapnot*, *b'rinot*, *l*-ptc. *'sagnol*; Петеранец: *'šėpnoūti*, *l*-ptc. *p'rignol*; Брчевец: *šėp'nūti*, *bri'nūti se*. Рефлекс *noū* подтвержден только в ударной позиции, например Новаки Бистрански: *vŷ'noūti*, Лаз Бистрички: *prignou:li se*. Гласный *u* в четырехфонемной системе безударных гласных в некоторых говорах проявляется как рефлекс исходных **o*, **u*, **q* и **l* (например Прелог OLA 31/, Свети Джурдж).

Как уже упоминалось в пункте 4.2.1, хотя в некоторых чакавских говорах в Истрии фиксируется развитие **q* > *o*, суффикс *nollnq* не отмечен ни в одном говоре данного типа.

4.2.3. **nq* > *nallnq*. Хотя он реже всего представлен, а именно — в ареальном дисконтинуитете (в четырех отделенных друг от друга областях), суффикс *na* является наиболее специфичным из суффиксов типа **nq*. Регулярное развитие **q* > *a* < **a* характеризует только небольшую территорию на севере Истрии, около Бузета⁵ (хотя даже там не во всех примерах), например Нугла: *pu'sa:da* 'посудина', Asg. *'a:ka* 'руку', и *tak'nat*, *z'dinat*. В говоре Горней Вочи рефлекс *q* обусловлен позицией: при носовом **q* > *a* (*mā:š* 'muž', *'nqtri* 'внутри'), в другой позиции **q*: > *uo*.; **q* > *o* (*rūo:p* 'край', *k'lorku* 'клубок'), регулярным является также **nq* > *nq* — *vmik'nqti* 'двинуть', *vug'nqti* 'вогнуть'⁶. В остальных говорах с суффиксом *na* гласный *a* на месте **q* является исключительным явлением, присутствующим там в данном глагольном суффиксе, например Болюн: *z'dignat*, *'kapnat*; Пожун: *šəp'nati*, *l*-ptc. *'məknal*, *'šipnal* 'ущипнул'; Домагович (OLA 27): *po'ginati*, *z'dignati*; Калник: *p'rignal*; Марушевец: *šəp'nati*, *'vugnaū*, *f'čėgnaū* 'ущипнул'.

⁵ Похожее развитие — **q* > *au*, но при этом *au* не является рефлексом **a* — характеризует также говор Хума на Сутле, но эта территория с суффиксом *ni*.

⁶ В говоре Горней Вочи подобным образом окружение из носовых обусловило развитие **l* — *'vqna* 'шерсть', *mā'čqti* 'молчать'.

5. Ареальное распространение суффиксов **nɔ/*nu* в Хорватии

Распространение суффиксов мы показываем по отдельности, ситуация внутри этого распространения описывается с севера и запада по направлению к югу и востоку. Говоры, которые отмечены в скобках, приводятся для иллюстрации, а не в качестве исчерпывающего списка пунктов с определенным набором характеристик.

5.1. Суффикс **nu*

Суффикс **nu* представлен на западе Хорватии практически непрерывно. Эта область на севере начинается вдоль реки Сутлы и продолжается вплоть до Истрии. Вдоль Сутлы находим два типа говоров: в ее верхнем течении расположены хорватские кайкавские говоры с прогрессивным передвижением старого псл. циркумфлекса (например Хум на Сутле, Племенщина, Кумровец); в нижнем течении Сутлы располагаются кайкавцы икавцы — перешедшие на кайкавское наречие чакавцы с консервативной трехакцентной системой без метатонических ударений (Мария Горица, Брдовец).

Этот суффикс далее распространяется на юг вдоль западной границы Хорватии, у кайкавцев икавцев в самоборских горах (Норшич-Село, Ярушье), а также в Жупане у чакавцев (Кале, Юрково Село) и штокавцев (Сошице, Радатовичи), на западе области, около Карловца — в кайкавских говорах вдоль реки Купа, вверх по течению от Карловца (Виводина, Стативе)⁷, а также у чакавцев в Карловце (Вукова Горица, Генералски Стол). На запад от этой области суффикс *ni* появляется в большей части Горского котара, местами как дублет *ni* (кайкавский Чабар, Мочила (OLA 26), штокавский Мркопаль; в штокавском Гомирье и чаковском Огулине наряду с *ni* появляется также *ni*), далее он распространен на более обширной территории, расположенной на северо-запад от города Риека (чакавская икавская Студена). Далее *ni* появляется на территории Вуцаре⁸ на севере Истрии. Кроме как в Вуцаре, *ni* в Истрии появляется еще в нескольких отдельных областях: в центральной части возле Пазина, на северо-западе (Матерада). Как дублет *ni* подтвержден в пункте Рукавац (OLA 25) на запад от Риеки.

Суффикс *ni* появляется также на небольшой территории между городами Крижевци и Копривница — речь идет о штокавском острове в области Калника и Билогоры и о говоре кайкавской Реки.

На территории Карловца, кроме упомянутой западной части, суффикс *ni* местами прерывается или смешивается с *ni*, появляется он и на юго-востоке этой территории — в штокавском Кордуне (Слунь — дублет *nillnu*), в Бановине (Двор) на восток по направлению к Петрине и городу Сисак.

⁷ Но не Пожун около Сутлы см. 5.2.3.

⁸ Ленцек эту область называет кайкавской, как это и было распространено частично в древней литературе, однако речь идет о чакавских говорах, в которых имеется вопросительно-относительное местоимение *kaj*.

На восток от этой территории *ni* распространяется на большой и достаточно компактной области, которая простирается до восточной границы этой части Хорватии, охватывая Славонию, Бараню и западный Срем. Эта область на западе ограничена кайкавско-штокавскими (нижнелоньскими) говорами на юге области, около Бьеловара, расположенной на восток от Чазмы (Горня Гарешница, Шимляник), а также горанским говором Горней Еленски. Изоглосса *ni* на северо-западе охватывает новоштокавские говоры около Бьеловара (с дублетом *ni||nu*) и Вировитицы, на юго-западе — новоштокавский говор Липика (с дублетом *ni||nu*), а также староштокавские посавские говоры от пункта Славонски Кобаш. Далее она простирается на восток, охватывая штокавские говоры. Речь идет о Вировитице, Слатине, Пожеге, Славонском Броде, Осиеке, Джакове, Вуковаре, Винковцах и Жупане (Ораховица, Подравски Подгайци, Шаптиновци, Даль, Гарчин, Иванково, Трнава, Церна, Гундинци, Стризивойна (OLA 40), Градиште (OLA 52), Оток, Штитар, Врбана, Гуня — с дублетом *ni||nu*). В Баране *ni* и *nu* сосуществуют как дублеты (Бели Манастир, Дарда), на севере (Батина) подтверждено только *ni*.

На юго-западной и южной части Хорватии суффикс *ni* присутствует в некоторых чакавских и в большинстве штокавских говорах.

На территории Лики суффикс появляется в штокавских говорах (Госпич, Трновац (OLA 33), Доне Пазариште), в восточной Лике с дублетом *ni||nu* (Кореница, Грацац) (у чакавцев Лики — *nu*). Присутствует этот суффикс и в говоре икавских штокавцев в окрестностях города Сень. Появляется он также в штокавской континентальной Далмации, между реками Крка и Неретва (Бискупия, Синь, Оток (OLA 45), Перкович — дублет *nullni*, Ловреч, Добринче, Рунович, Рашчане, Опужен, Вид — дублет *nullni*).

На прибрежной территории (без учета Истрии) самым северным пунктом с *ni* является чакавский Сень, где дистрибуция *ni* связана с ограниченным набором лексем, у всех присутствуют дублеты с суффиксом *nu*, в то время как в большинстве остальных глаголов появляется только *nu* (Moguš, 1966: 90). Следуя по суше на юг, *ni* появляется в подвелебитском канале в штокавском Карлобаге (*nu* в штокавском Св. Юрье, расположенном несколько на юг от Сеня) и Ражанце. Расположенная неподалеку штокавская Динишка на острове Паг имеет и *ni*, и *nu*, этот пункт является в то же время самым северным островным пунктом с зафиксированным *ni*. На задарских островах, почти везде на их южной части, *ni* представлен в нескольких чакавских говорах — Сали (OLA 37) на юге острова Дуги оток, Ждрелац на севере и Ткон — на юге острова Пашмана, дублетный *ni* в Куклице на юге острова Углян, где, как и в городе Сень, *ni* ограничивается малым количеством лексем (в которых его дистрибуция, возможно, обусловлена также ударением), *nu* находим в остальных чакавских говорах и в части задарской чакавской прибрежной зоны. На юге задарской материковой территории *ni* отмечен в чакавском Св. Филипе и Якове. В чакавском районе Шибеника, как в материковой части, так и на островах, *ni* преобладает: данный суффикс появляется на островах Зларин и Жирье, а также в Трибунье

и Примоштене⁹. Дублет *nillni* появляется в штокавском Перковиче в окрестностях Шибеника. Далее *ni* распространен в сплитской чакавской и штокавской прибрежной зоне (Трогир (OLA 43), Себет Дони, Каштел Камбеловац, Сплит), появляется он также в штокавских островных пунктах (Сумарин на Браче, Су-чурай на Хваре), *ni* доминирует во всех остальных чакавских говорах островов вокруг Сплита¹⁰. Самыми южными пунктами с *ni* являются Ластово (OLA 56) и Лука на Шипане в составе Элафитских островов около Дубровника, где *ni* существует с дублетом *ni*.

На юг от Сплита *ni* регулярно встречается во всех материковых говорах почти до Дубровника: Крило Есенице, Полица около Омиша (Чишла), Макарска, Заострог, бóльшая (центральная и восточная) часть полуострова Пелешац (Бриеста, Стон) (за исключением его крайнего запада), Рожат на запад от Дубровника. Дублет *nillni* подтвержден также в штокавском говоре Рачишча на острове Корчула, расположенном напротив полуострова Пелешац.

Как видно, суффикс *ni* представлен во всех трех наречиях хорватского языка.

5.2. Суффиксы типа **nɔ*

Суффиксы типа **nɔ* можно в зависимости от рефлексов поделить на три группы (см. выше), их распространение мы подчиняем этому критерию.

5.2.1. **nɔ* > *ni*. Суффикс *ni* на севере представлен в кайкавских говорах. Самым северным пунктом с суффиксом *ni* является Бедня на севере Хорватского загорья. Территория с *ni* продолжается на юг, в центральной и восточной части Хорватского загорья (Крапина, Св. Криж Зачретье (OLA 29) — с дублетом *nillno*¹¹, Велико Трговишче, Мария Бистрица, Лобор, Заезда), а также в окрестностях Загреба (Шестине, Горне Врпаче, Св. Неделя). На северо-восток от Загреба *ni* появляется между Врбовцем и Крижевцами (Тополовец, Цубинец (OLA 30)) и в части вараждинско-лудбергской области (Туховец, Апатовец), присутствует на северо-востоке кайкавской территории в кайкавско-штокавских говорах в окрестностях Вировитицы (Питомача, Стари Градац), а дублет с *ni* — в Бьеловаре.

На юге от Загреба *ni* находится в кайкавских вукомерицко-покупских (Доня Зденчина, Писаровина), туропольско-посавских говорах (Мрацлин, Лекеник; Посавски Бреги и Требарьево Десно (OLA 35) с дублетом *nillni*), в мославацких

⁹ В чакавской Вргаде, населенном пункте на одноименном острове, расположенном между Пашманом и Мургером, регулярным суффиксом является *ni*; *ni* подтвержден только в одном глаголе и в его приставочных вариантах (*to'niti*, *poto'niti*, *uto'niti*). Поскольку в описании говора этот глагол выделен [Jurčić с. 93], но не как представитель глаголов своего класса, а как исключение, в некоторых позднейших работах из этого сделан не соответствующий реальности вывод, что в Вргаде обобщенным является *ni*. Также см. Вис (сноска 10).

¹⁰ В Висе, так же как и в Вргаде (см. сноска 9), *ni* отмечен только в глаголе *'tonit* и производных от него, *ni* — в остальных глаголах II класса.

¹¹ В новейших исследованиях подтверждено только *ni*.

говорах около Чазмы, на юге Мославины по направлению к Кутине (Репушница, Осеково, Речица Кришка) и далее на юго-востоке в Крапье, около Ясеновца.

Вниз по течению Савы *ni* продолжается в штокавских говорах: в юго-западной части Славонии, на западе бродской Посавины, в окрестностях Новской, Новой Градишки и Новой Капелы (Окучани, Магича-Мала (OLA 39), Орубица, Давор), а также на севере в Липике (где есть дублет *ni*). В Гу на крайнем востоке Посавины, в Хорватии отмечен дублет *nillni*.

На северо-востоке Хорватии *ni* с дублетом *ni* появляется в Баране (Бели Манастир, Дарда). На востоке Хорватии в Вуковаре — *ni*.

Ареально смешанное с *ni*, *ni* появляется между Карловцем и городом Сисак, в Бановине (Кнез-Горица — дублеты *nullni*, Топуско). Самостоятельно или как дублет с *ni*, *ni* появляется на территории Огулина (Огулин, Оштарие, Гомирье) и Кордуна (Слунь).

В Лике *ni* отмечен на чакавской территории Оточца и Бриня (Комполе, Личко Лешче, Прозор), а также на востоке этой области, где появляется дублет с *ni* (штокавские говоры Кореницы, Грачаца).

В юго-западной и южной частях Хорватии суффикс *ni* представлен в большей части чакавских говоров: в Истрии, Хорватском приморье, Кварнере, на большинстве далматинских островов, а также на части материковой Далмации, в основном около Задара.

В Истрии *ni* появляется в ее центральной, восточной и местами западной частях (Вабрига, Грдосело, Жминь (OLA 22), Кршан, Главани, Медулин, Ракаль, Рабац Горни, Брсеч, Медвея), а также в черногорском говоре Пероя.

Представлен он и на компактной территории, которая охватывает Риеку и ее окрестности (Кастав, Гробник), материковые приморские говоры (Красица, Кралевица, Нови Винодолски) до Сеня (с дублетом *nillni*), все кварнерские острова: Крк, Црес, Лошинь, Сусак, Раб.

Эта территория затем охватывает задарские острова: Паг (где в штокавском говоре представлен дублет *nullni*), Силба, Олиб, Дуги оток (кроме Сали (OLA 37) на юге, с *ni*), Углян (с дублетом *ni* в Кук), Пашман (кроме Ждрелца на севере и Ткона на юге острова, где находим *ni*), Гивань, Вели Иж. Представлен *ni* также в некоторых задарских прибрежных говорах (Петрчани, Станови, Сукошан). Зафиксирован он также на острове Вргаде¹². В районе Шибеника этот суффикс отмечается на острове Муртер. Здесь вышеприведенная череда говоров с *ni* прерывается.

На сплитской территории *ni* характерен для всех островов: Шолта, Чиово, Дрвеник, Брач (кроме штокавского Сумартина), Хвар (кроме штокавского Сучурья), Вис.

На островах дубровницко-неретванской области *ni* появляется на Корчуле (в Рачишче дублет с *ni*), Ластове (OLA 56) и Шипане (в обоих — дублеты с *ni*), а также на Млете. В прибрежной части он подтвержден на западе полуострова Пелешач в Кучиште, а также на территории от Дубровника до крайнего юго-востока хорватской территории (Конавле). В Виде, на север от Метковича, появляется *nullni*.

Как и суффикс *ni*, *ni* также представлен во всех трех хорватских наречиях.

¹² См. сноску 9.

5.2.2. *nq > nollnollnollnoу. Рефлексы *nollnollnollnoу* присутствуют только на части кайкавской территории.

Эти рефлексы охватывают всё Междурье, часть вараждинско-лудбурского края (Свети Джордж), некоторые говоры Калника (Хижановец и Калник с дублетом *nollna*), а также на восток большинство подравских говоров около Копаницы и Джорджевца (Хлебине, Гола, Петеранец, Ягнедовац, Вирье (OLA 32)). Самым восточным подтвержденным пунктом с этим рефлексом является Вашка на востоке от Вировитицы.

Далее рефлексы появляются в некоторых загорских говорах (Св. Криж Зачретье — дублиты *nollni* (OLA 29), Лаз Бистрички, Новаки Бистрански), в пригорских (Зелина, Брчевец около Врбовца, Дуго Село) и в посавских говорах, в которых есть дублет *nollni* (Посавски Бреги, Требарьево Десно (OLA 35)).

Суффиксы *nollnollnollnoу* представлены, таким образом, на севере Хорватии, исключительно в кайкавских говорах, и охватывают значительную их часть.

5.2.3. *nq > nallna. Суффикс *na* распространен в нескольких связанных между собой небольших областях на западе и севере Хорватии, в трех кайкавских областях и одной чакавской области.

Самая северная область, где распространен *na*, находится на севере Хорватского загорья около Иванца (Марушевец, Воча) и Крапины (Радобой — при доминантном *ni*). Несколько восточнее *na* зафиксировано в области Калника (Калник, Хижановец) с дублетом *no*. На юго-западе от Загреба *na* появляется на плешевицком пригорье, в Ястребарском и Озале (Продин-Дол, Домагович (OLA 27), Цветкович, Лазина, Пожун около Озаля).

На крайнем западе Хорватии *na* появляется на севере Истрии: в западной, центральной и восточной частях (Каштелир, Калдир, окрестности Бузета — Нугла, Св. Мартин, Лупоглав, Болюн).

Суффикс *na* представлен, таким образом, в относительно небольшом числе кайкавских и чакавских говоров.

6. Заключение

С точки зрения распределения суффиксов **nq/*ny* хорватская территория оказывается весьма дифференцированной. Оба суффикса присутствуют во всех трех наречиях хорватского языка, ни в одном из наречий не может быть выделен один из них. Только в отдельных диалектах можно было бы определить, какой из суффиксов в них преобладает. Похожая ситуация складывается, когда рассматривается вопрос отношения переселенческих говоров к непереселенческим. Так, в достаточно сложной с точки зрения диалектной ситуации Хорватии суффиксы **nq/*ny* являются элементом, который эту картину делает еще более сложной. Каждый из этих двух суффиксов может быть рассмотрен и может быть связан с состоянием южнославянской и в целом — славянской территории. Суффикс **ny*, притом, что он зафиксирован в большей части хорватских говоров, представлен в той или

иной степени в словенских, боснийских, сербских, верхнелужицких, полабских и польских говорах. Суффикс **nq* также представлен в хорватских говорах, он присутствует и гораздо шире, в большей части славянских говоров, чаще всего как рефлекс *ni*. Рефлексы *nollnq*, широко распространенные в хорватских кайкавских говорах, присутствуют в небольшой северо-восточной части словенских говоров. Рефлексы *nallnq* являются редкими в хорватских говорах, зафиксированы они и в небольшом количестве словенских говоров, эти рефлексы характерны также для македонских и болгарских говоров.

Перевод с хорватского Г. П. Пилипенко

Литература¹³

Andersen, Henning: The Western South Slavic Contrast Sn. *sah-ni-ti* || SC *sah-nu-ti*, *Slovenski jezik — Slovene Linguistic Studies*, 2; 47–62.

Baničević, Božo: *Rječnik starinskih riječi u Smokvici na Korčuli*. Župni ured Žrnovo, 2000.

Basara, Jerzy: *Słownictwo polskich gwar Śląska na terenie Czechosłowacji* (Polska Akademia Nauk. Prace Instytutu Języka Polskiego 1). Wrocław 1975.

Bělič, Jaromír: *Nástin české dialektologie*. Praha 1972.

Belić, Aleksandar: Zamětki po čakavskimъ govoramъ, *Izvestija otdelenija russkago jazyka i slovesnosti imperatorskoj Akademii naukъ*, tom 14, sv. 2. Petrograd 1909; 181–266.

Belić, Aleksandar: *O rečeničnom akcentu u kastavskom govoru*, *Južnoslovenski filolog*, sv. 14, str. 151–158 i sv. 15, 1935 i 1936, 165–169.

Brozović, Dalibor: Narječja hrvatskoga jezika, *Hrvatski leksikon*, 2, Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Zagreb 1997, 155–156.

Čuljat, Marko: *Ričnik ličke ikavice*, Lik@ press, Gospić 2004.

Dybo, Vladimir A. — Zamjatina, Galina I. — Nikolaev, Sergej L.: *Osnovy slavjanskoj akcentologii*, Akademija nauk SSSR, Moskva 1990.

Finka, Božidar: Čakavako narječje, *Čakavska rič*, 1, Split 1971, 41–71.

Finka, Božidar: Štokavski govori u Gorskom kotaru, *Zbornik za filologiju i lingvistiku*, XX/2. Novi Sad 1977.

Finka, Božidar, Šojat, Antun: Govor otoka Žirja, *Rasprave Instituta za jezik*, 1. Zagreb 1968. 121–220.

Halilović, Senahid: Govorni tipovi u međurječju Neretve i Rijeke dubrovačke, *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*, 7. Sarajevo, 1996.

Houtzagers, Hubrecht Peter: *The Čakavian Dialect of Orlec on the Island of Cres*, Rodopi. Amsterdam 1985.

¹³ Данные мы брали из Атласа хорватского языка, Общеславянского лингвистического атласа, а также из курсовых и дипломных работ студентов кафедры диалектологии и истории хорватского языка Философского факультета Университета в Загребе, из непосредственных бесед с носителями говоров.

Hraste, Mate: O štokavskim govorima na Braču, *Brački zbornik*, I, Split, 1940, 43–46.

Hraste, Mate: Osobine govora otoka Šolte, Čiova, Drvenika i susjedne obale, *Rad JAZU*, 272. Zagreb 1948. 123–156.

Hraste, Mate: O štokavskim govorima na Hvaru i Braču, *Zbornik Filozofskog fakulteta*, I, Zagreb, 379–395.

Hraste, Mate: Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika, *Hrvatski dijalektološki zbornik*, knjiga 1. Zagreb 1956.

Hraste, Mate: Govori jugozapadne Istre (Predavanja održana u JAZU 6. V 1964), *Hrvatski dijalektološki zbornik*, II. Zagreb 1966. 5–28.

Hraste, Mate: Ikavski govori sjeverozapadne Istre, *Filologija*, 5, Zagreb 1967, 61–74.

Ivić, Pavle: O govoru Galipoljskih Srba, *Srpski dijalektološki zbornik*, XII. Beograd 1957.

Ivić, Pavle: *O govoru Galipoljskih Srba*. Sremski Karlovci — Novi Sad, 1994.

Kalsbeek, Janneke: *The Čakavian Dialect of Orbanici near Žminj in Istria*. Rodopi, Amsterdam — Atlanta, GA 1998.

Lencek, Rado L.: Is there a *-ni-:-ne-* isogloss in the South Slavic speech area?, *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. Novi Sad, 1984–1985. 395–403.

Lisac, Josip: *Hrvatski dijalekti i jezična povijest*, Zagreb 1996.

Lisac, Josip: Hrvatska dijalektologija 1, *Hrvatski dijalekti i govori štokavskoga narječja i hrvatski govori torlačkog narječja*, Golden marketing — Tehnička knjiga. Zagreb 2004.

Lukežić, Iva: *Čakavski ikavsko-ekavski dijalekt*. Rijeka 1990.

Lukežić, Iva — Zubčić, Sanja: *Grobnički govor XX. stoljeća (gramatika i rječnik)*, Katedra Čakavskog sabora Grobnišćine. Rijeka 2007.

Malecki, Mieczysław: Slavenski govori u Istri, *Jadranski kalendar*. 1935.

Maričić Kukljičanin, Tomislav: *Rječnik govora mjesta Kukljica na otoku Ugljanu*. Matica Hrvatska, 2000.

Menac-Mihalić, Mira: Glagolski oblici u čakavskom narječju i u hrvatskom književnom jeziku, *Filologija* 17, HAZU — Razred za filološke znanosti. Zagreb 1991. 81–109.

Menac-Mihalić, Mira: Odnos prezentske i infinitivne osnove u čakavskom (s kartom *Sufiksi nu/ni u infinitivnoj osnovi II. vrste u čakavskom*), *Filologija* 20–21, HAZU. Zagreb 1993. 299–312.

Menac-Mihalić, Mira: Glagolski pridjev radni u Murteru, *Suvremena lingvistika* 23, svezak 1–2, broj 43/44. Zagreb 1999. 185–190.

Moguš, Milan: *Čakavsko narječje*, *Fonologija*, Školska knjiga. Zagreb 1977.

Moguš, Milan: *Današnji senjski govor*, *Senjski zbornik*, knj. 2. 1966. 5–152.

Moguš, Milan: Akcenat glagola u ličkih čakavaca, *Makedonski jezik*, XXXII–XXXI-II. Skopje 1982 (1984). 527–531.

Nahtigal, Rajko: *Slovanski jeziki*. Ljubljana 1952.

Okuka, Miloš: *Srpski dijalekti*. Zagreb: SKD Prosvjeta, 2008.

Peco, Asim: *Ikavsko-ekavski govori zapadne Bosne u Izabrana djela*, Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2007.

- Petrović, Dragoljub: *Govor Banije i Korduna*. Novi Sad — Zagreb. 1978.
- Pronk, Tijmen: On the Development of *in, *im, *un and *um in Slavic, *Miklošičeva monografija*. Ljutomer 2013, 117–140.
- Ramovš, Fran: *Kratka zgodovina slovenskega jezika I*, Ljubljana 1995 (pretisak, fototipsko izdanje).
- Schuster-Šewc, Hinc: Zur Bedeutung des Sorbischen und Slowenischen für die slawische historisch-vergleichende Sprachforschung, *Slovansko jezikoslovje, Nahtigalov zbornik*. Ljubljana 1977. 433–451.
- Šimunović, Petar: Toponimijsko-dijalekatski prinosi s Mljeta (prilog rješavanju supstrata dubrovačkog otočja), *Filologija* 6. Zagreb 1970. 237–245.
- Tičić Ante, *Rječnik govora mjesta Povljane na otoku Pagu*. Zadar 2004.
- Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты), *Славянское языкознание*. Прага 1968. С. 366–378.
- Turina, Zvonimir i Šepić-Tomin, Anton: *Rječnik čakavskih izraza, Područje Bakarca i Škrljeva*. Rijeka 1977.
- Vranić, Silvana: Općehrvatska jednadžba /q/ > V < /l/ u govorima ekavskoga dijalekta čakavskoga narječja, *Riječki filološki dani* (zbornik). Rijeka 2002. 555–570.
- Vranić, Silvana: Glagolski oblici u govoru Metajne na otoku Pagu, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje*, knj. 30, 2004, 203–241.
- Vranić, Silvana: *Čakavski ekavski dijalekt: sustav i podsustavi*, Filozofski fakultet u Rijeci. Rijeka 2005.

Mira Menac-Mihalić

The University of Zagreb

(Zagreb, Croatia)

mmenac@ffzg.hr

Anita Celinić

The Institute of the Croatian Language and Linguistics

(Zagreb, Croatia)

acelinic@ihjj.hr

VERBAL SUFFIXES *nq y IN CROATIA

This study (see the map attached) shows areas of distribution of the verbal suffixes *nq/*ny and their phonetic reflexes in Croatia. Based on earlier studies of the subject, the authors put forth the assumption that these reflexes originate back to the Proto-Slavic period, therefore their present co-existence can be viewed as a late Slavic dialectal phenomenon. There are adduced new more detailed data concerning distribution of these suffixes in Croatia.

Key words: dialectology, lingvogeography, phonetics, Croatian language, verbal suffixes.

References

Andersen, Henning. *The Western South Slavic Contrast Sn. sah-ni-ti || SC sah-nu-ti, Slovenski jezik — Slovene Linguistic Studies*, 2. S. 47–62.

Baničević, Božo. *Rječnik starinskih riječi u Smokvici na Korčuli*, Župni ured Žrnovo. 2000.

Basara, Jerzy. *Ślownictwo polskich gwar Śląska na terenie Czechosłowacji* (Polska Akademia Nauk. Prace Instytutu Języka Polskiego 1). Wrocław, 1975.

Bělič, Jaromír. *Nástin české dialektologie*. Praha, 1972.

Belić, Aleksandar. *Zamětki po čakavskimъ govoramъ*, *Izvestija otdelenija ruskago jazyka i slovesnosti imperatorskoj Akademii naukъ*, tom 14, sv. 2, Petrograd, 1909. S. 181–266.

Belić, Aleksandar. *O rečeničnom akcentu u kastavskom govoru*, *Južnoslovenski filolog*, sv. 14, str. 151–158 i sv. 15, 1935 i 1936. S. 165–169.

Brozović, Dalibor. *Narječja hrvatskoga jezika*, *Hrvatski leksikon*, 2, Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Zagreb, 1997. S. 155–156.

Čuljat, Marko. *Ričnik ličke ikavice*, Lik@ press. Gospić, 2004.

Dybo, Vladimir A., Zamjatina, Galina I., Nikolaev, Sergej L. *Osnovy slavjanskoj akcentologii*, Akademija nauk SSSR. Moskva, 1990.

Finka, Božidar. *Čakavako narječje*, *Čakavska rič*, 1. Split, 1971. S. 41–71.

Finka, Božidar. *Štokavski govori u Gorskom kotaru*, *Zbornik za filologiju i lingvistiku*, XX/2. Novi Sad, 1977.

Finka, Božidar, Šojat, Antun. *Govor otoka Žirja*, *Rasprave Instituta za jezik*, 1. Zagreb, 1968. S. 121–220.

Halilović, Senahid. *Govorni tipovi u međurječju Neretve i Rijeke dubrovačke*, *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*, 7. Sarajevo, 1996.

Houtzagers, Hubrecht Peter. *The Čakavian Dialect of Orlec on the Island of Cres*, Rodopi. Amsterdam, 1985.

Hraste, Mate. *O štokavskim govorima na Braču*, *Brački zbornik*, I, Split, 1940. S. 43–46.

Hraste, Mate. *Osobine govora otoka Šolte, Čiova, Drvenika i susjedne obale*, *Rad JAZU*, 272, Zagreb, 1948. S. 123–156.

Hraste, Mate. *O štokavskim govorima na Hvaru i Braču*, *Zbornik Filozofskog fakulteta*, I. Zagreb. S. 379–395.

Hraste, Mate. *Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika*. *Hrvatski dijalektološki zbornik*, knjiga 1. Zagreb, 1956.

Hraste, Mate. *Govori jugozapadne Istre (Predavanja održana u JAZU 6. V 1964)*. *Hrvatski dijalektološki zbornik*, II, Zagreb, 1966. S. 5–28.

Hraste, Mate. *Ikavski govori sjeverozapadne Istre*, *Filologija*, 5. Zagreb, 1967. S. 61–74.

Ivić, Pavle. *O govoru Galipoljskih Srba*, *Srpski dijalektološki zbornik*, XII. Beograd, 1957.

Ivić, Pavle. *O govoru Galipoljskih Srba*. Sremski Karlovci — Novi Sad, 1994.

Kalsbeek, Janneke. *The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria*. Rodopi, Amsterdam — Atlanta, GA, 1998.

Lencek, Rado L. Is there a *-ni-/-ne-* isogloss in the South Slavic speech area?, *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. Novi Sad, 1984, 1985. S. 395–403.

Lisac, Josip. *Hrvatski dijalekti i jezična povijest*. Zagreb, 1996.

Lisac, Josip. *Hrvatska dijalektologija 1, Hrvatski dijalekti i govori štokavskoga narječja i hrvatski govori torlačkog narječja*, Golden marketing — Tehnička knjiga. Zagreb, 2004.

Lukežić, Iva. *Čakavski ikavsko-ekavski dijalekt*. Rijeka, 1990.

Lukežić, Iva — Zubčić, Sanja. *Grobnički govor XX. stoljeća (gramatika i rječnik)*, Katedra Čakavskog sabora Grobnišćine. Rijeka, 2007.

Malecki, Mieczysław. *Slavenski govori u Istri, Jadranski kalendar*, 1935.

Maričić Kukljičanin, Tomislav. *Rječnik govora mjesta Kukljica na otoku Ugljanu*. Matica Hrvatska, 2000.

Menac-Mihalić, Mira. Glagolski oblici u čakavskom narječju i u hrvatskom književnom jeziku, *Filologija* 17, HAZU — Razred za filološke znanosti. Zagreb, 1991. S. 81–109.

Menac-Mihalić, Mira. Odnos prezentske i infinitivne osnove u čakavskom (s kartom *Sufiksi nu/ni u infinitivnoj osnovi II. vrste u čakavskom*), *Filologija* 20–21, HAZU. Zagreb, 1993. S. 299–312.

Menac-Mihalić, Mira. Glagolski pridjev radni u Murteru, *Suvremena lingvistika* 23, svezak 1–2, broj 43/44. Zagreb, 1999. S. 185–190.

Moguš, Milan. *Čakavsko narječje, Fonologija*, Školska knjiga. Zagreb, 1977.

Moguš, Milan. *Današnji senjski govor*, Senjski zbornik, knj. 2. 1966. S. 5–152.

Moguš, Milan. Akcenat glagola u ličkih čakavaca, *Makedonski jezik*, XXXII–XXXI-II. Skopje, 1982 (1984). S. 527–531.

Nahtigal, Rajko. *Slovanski jeziki*, Ljubljana, 1952.

Okuka, Miloš. *Srpski dijalekti*. Zagreb: SKD Prosvjeta, 2008.

Peco, Asim. *Ikavskoolžakavski govori zapadne Bosne u Izabrana djela*. Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2007.

Petrović, Dragoljub. *Govor Banije i Korduna*. Novi Sad. — Zagreb, 1978.

Pronk, Tijmen. On the Development of **in*, **im*, **un* and **um* in Slavic, *Miklošičeva monografija*. Ljutomer, 2013. S. 117–140.

Ramovš, Fran. *Kratka zgodovina slovenskega jezika* I. Ljubljana, 1995 (pretisak, fototipsko izdanje).

Schuster-Šewc, Hinc. Zur Bedeutung des Sorbischen und Slowenischen für die slawische historisch-vergleichende Sprachforschung, *Slovansko jezikoslovje, Nahtigalov zbornik*. Ljubljana, 1977. S. 433–451.

Šimunović, Petar. Toponimijsko-dijalekatski prinosi s Mljeta (prilog rješavanju supstrata dubrovačkog otočja), *Filologija* 6. Zagreb, 1970. S. 237–245.

Tičić Ante. *Rječnik govora mjesta Poveljane na otoku Pagu*. Zadar, 2004.

Trubachev O.N. *O sostave praslavyanskogo slovarya (problemy i rezul'taty)*. *Slavyanskoe yazykoznanie*. Praga, 1968. S. 366–378.

Turina, Zvonimir i Šepić-Tomin, Anton. *Rječnik čakavskih izraza, Područje Bakarca i Škrljeva*. Rijeka, 1977.

Vranić, Silvana. Općehrvatska jednadžba /q/ > V < /j/ u govorima ekavskoga dijalekta čakavskoga narječja, *Riječki filološki dani* (zbornik). Rijeka, 2002. S. 555–570.

Vranić, Silvana. Glagolski oblici u govoru Metajne na otoku Pagu, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, knj. 30. 2004. S. 203–241.

Vranić, Silvana. *Čakavski ekavski dijalekt: sustav i podsustavi*, Filozofski fakultet u Rijeci. Rijeka, 2005.

Славка Керемидчиева
Институт болгарского языка Болгарской академии наук
(София, Болгария)
slavka_ker@abv.bg

**БОЛГАРСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ**

(Т. 1. «Животный мир». Т. 2. «Животноводство».

Т. 3. «Растительный мир». Т. 8. «Профессии и общественная жизнь»)

На основе опубликованных в данном издании лексических материалов представлена проекция говоров болгарской сетки ОЛА в славянском диалектном континууме — определяются их связи с остальными диалектами славянской языковой группы; показаны самобытные лексемы, присущие только диалектам болгарского языка и определяющие его специфику на лексическом уровне.

Ключевые слова: диалектология, лингвогеография, болгарские диалектные материалы, лексика, словообразование.

В преддверии XV Международного съезда славистов в Минске, Беларусь, летом 2013 г. совместными усилиями русской и болгарской национальных комиссий были опубликованы болгарские материалы к четырем томам лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа: т. 1. «Животный мир» (Москва, 1988), т. 2. «Животноводство» (Warszawa, 2000), т. 3. «Растительный мир» (Мінск, 2000) и т. 8. «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003). На 236 страницах работа содержит: Систему фонетической транскрипции ОЛА (14–25), Систему обобщающей транскрипции ОЛА (26–27), Список болгарских населенных пунктов (с. 31) и лексический болгарский материал (32–236).

На лингвогеографических картах этих четырех томов ОЛА, вышедших за период 1982–2005 гг., за исключением части карт и индексов восьмого тома, отсутствуют болгарские материалы; не опубликованы также индексы к ним, так как в то время Болгарская комиссия прекратила свое участие в ОЛА.

Издание болгарских материалов в настоящее время представляет исключительную важность, так как заполняет белые пятна на славянской языковой территории, представляя аутентичные болгарские диалекты с богатой лексикой указанных четырех лексико-тематических групп. Данные бесценны для мировой

индоевропеистики, славистики и балканистики, так как помогут раскрыть до конца сходства и различия между славянскими диалектами в области лексики и словообразования на синхронном и диахронном уровнях.

Они предоставляют возможность дальнейших научных исследований, которые дополняют, конкретизируют и пересматривают имеющуюся к настоящему моменту лингвистическую информацию о прародине славян и членении современных славянских языков на диалектном уровне. Совершенное и в полиграфическом отношении издание, выпущенное издательством «Нестор-История», представляет собой коллективный труд, отмеченный как научное достижение Института болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина Болгарской академии наук за 2013 г. Участники с болгарской стороны: доц. д-р Л. Василева, Ел. Вълчева, гл. ас. д-р Хр. Дейкова, доц. д-р Сл. Керемидчиева и гл. ас. д-р К. Първанов. Морфонологические легенды составлены проф. Т. И. Вендиной (Россия) и гл. ас. д-р Хр. Дейковой (Болгария). Ответственный редактор издания — проф. Т. И. Вендина. Публикация осуществлена на средства русской национальной комиссии ОЛА.

В настоящей работе мы попытаемся на основе опубликованных в данном издании лексических материалов очертить проекцию говоров болгарской сетки ОЛА в славянском диалектном континууме — а именно, постараемся определить их связи с южнославянскими, западнославянскими и восточнославянскими диалектами, обнаружим самобытные лексемы, присущие только диалектам болгарского языка и определяющие его специфику на лексическом уровне. Тут, к сожалению, из-за ограниченного объема мы не сможем выполнить всё это в многостороннем и пространном плане, как это сделала Т. И. Вендина, чье известное исследование посвящено месту русских диалектов в общеславянском языковом контексте [Вендина 2009] и чьих теоретико-методологических установок мы придерживаемся. В сущности, в ее интересной работе, основанной на материале т. 6 ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), приводится и анализируется и болгарский материал, впервые публикуемый в Атласе. Мы полностью согласны с аргументированным утверждением автора, что «именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей» [Вендина 2009: 7], и поэтому считаем, что богатый материал этих опубликованных четырех томов станет хорошей основой для целей нашей работы, для представления в пространственном плане и, насколько это возможно, в хронологическом аспекте лексико-словообразовательных параллелей между болгарскими и остальными диалектами славянской языковой группы. Для достижения этих целей разнообразный и большой в количественном отношении материал необходимо организовать в соответствии с несколькими основными критериями, основной из которых — лингвистический: в первую очередь выделяются лексемы с непроемной основой, так как хорошо известно, что при хронологической стратификации материала «более поздними... оказываются лексемы, строение которых в плане словообразовательной структуры является прозрачным» [Климов 1990: 122]. При описании материала мы принимаем в расчет отсутствие или наличие конкурентной лексики в конкретном ареале, что является

индикатором стабильности/нестабильности языкового явления в нем, т. е. определяем так называемый «фактор системных отношений» (подробнее см. [Вендина 2009: 29]). Например, на карте 8.256¹ ‘пастух коров’ лексема *koγ-ar-ь*, имеющая большой ареал в Болгарии в конкуренции с другой лексемой *goV-Ed-ar-ь VE → ø*, спорадически встречается во всех южнославянских диалектах, но также очерчивает плотный ареал в Словакии и разреженный в Чехии и Польше.

Другой важный критерий, которого мы придерживаемся, — определение вида и конфигурации ареала на карте — континуальный или нет, контактный или дистантный, плотный, монолитный, разорванный, островной и пр., ибо этот критерий определяет тип диалектного противопоставления, так как принято считать, что «двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные» [Вендина 2009: 30]. При поиске языковых связей между различными группами славянских языков мы постараемся вывести на передний план лексемы, которые хорошо иллюстрируют прежде всего сходства, но также и различия между ними и чьи изоглоссы очерчивают компактные и континуальные ареалы, но в то же время мы будем отмечать языковые сходства и в микроареалах или даже в единичных пунктах. Специально будет отмечен и тип ареала лексико-словообразовательных параллелей, т. е. является ли он общеславянским или включает одну или две группы славянских языков. Количественно-статистический критерий не имеет существенного значения, так как «ценность фактов — не в их количестве, а в их организации и взаимосвязях» [Вендина 2011: 63].

Тенденция к сокращению ареала праславянских лексем за счет расширения региональных диалектизмов [Вендина 2009: 70] выглядит еще более отчетливой после публикации болгарского материала. Так, теперь ясно, что в болгарских диалектах полностью отсутствует считавшаяся до настоящего момента общеславянской лексема *las-ic-a* ‘ласка’ — см. к. 1.9. ‘ласка’ (*Mustela nivalis*), которая замещена свыше чем 22 специфичными табуирующими названиями (по данному вопросу см. также [Гура 1997; Китанова 2013; Попов 2008] и др.). Общий корень *nevěst-*, от которого образованы названия *Mustela nivalis*, связывает болгарские диалекты, в которых ареал *nevěst-ul-ьk-a* является доминирующим, с небольшими ареалами в других южнославянских диалектах (за исключением словенских и хорватских), но остальные многочисленные названия определяют оригинальность болгарского диалектоносителя при выборе мотивационных признаков, положенных в основу названий: *(bul)-ьk-a*, *(bul)-ьč-ic-a*, *xubav-ič-ьk-a*, *xubav-A nevěst-ьk-a*, *rad-ov-an-ьk-a*, *rad-ev-a (bul)-ьk-a*, *rad-ev-a (bul)-ьč-ic-a*, *rad-ev-o (bul)-ьč-e*, *ba=j-ьn-ov-a (bul)-ьk-a*, *ba=j-ьn-ov-ič-ьk-a*, *(ioan)-ov-a (bul)-ьk-a*, *(ioan)-ov-a (bul)-ьč-ic-a*, *(gramatik)-ov-a (bul)-ьk-a*, *(pop)-ov-o kot-e*, *muš-ьk-yn-ь (kaltat)-a* из греч. диал. *καλή τάττα*, *(kaljman)-ьk-a* от греч. *καλή μάν(ν)α*, *(geljunžuk)-ь* из тур. *gelincik*. Наличие и конфигурация макро- и микроареалов многочисленных названий ласки в диалектах болгарской

¹ Здесь и далее первая цифра в нумерации карты обозначает номер тома ОЛА, а вторая — номер соответствующей карты. Название карты приводится в соответствии с формулировкой вопроса в Вопроснике ОЛА.

сетки ОЛА и их анализ в общеславянском плане представляют очередное доказательство утверждения, что «диалектные названия, возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенными названиями на широком ареале» [Дзензелевский 1963: 97].

Если придерживаться только опубликованных в ОЛА материалов болгарской сетки, то следовало бы исключить из виртуальной карты общеславянских лексем еще одну лексему — *dětljъ* // *děteljъ* // *dětlъ*, представленную на карте 1.20. о названии дятла. Во включенных в болгарскую сетку говорах (37 населенных пунктов) это ‘птица, которая клюет или стучит по дереву’: *klъv-ačъ*, *klъv-očъ*, *klъv-akъ*, *klju-v-ačъ*, *klju-v-i-drъv-o*, *klъV-O//-drъv-ъk-a V→ø*, *O→a*, // *→n*, *klъv-O//-drъV-ъčъ* *O→a*, *V→ø*, // *→n*, *čuk-ačъ*, // *ug-ov-ic-a*. Но объективная справка в Архиве Болгарского диалектного словаря Института болгарского языка показывает, что лексемы, в основу которых положен общий для всех славян мотивационный признак ‘птица, которая долбит дерево’ [Фасмер 1986: 562], существуют в ряде болгарских диалектов: *d’etel*, *d’atел*, *d’etле*, *d’etлич* и др. (Подробнее о названиях дятла в болгарских диалектах см. [Василева 2009: 281–290]). Подобные случаи иллюстрируют относительную релевантность языковой картины на картах ОЛА касательно характера и репрезентативности сетки населенных пунктов, с помощью которой не всегда удается «выловить» важные для лингвистики факты.

Не такова, однако, судьба праславянской лексемы **medvěďъ*, которая в болгарском языке, несмотря на то что она зарегистрирована в народных песнях Софийского и Пазарджикского регионов, т. е. как фольклоризм [БЕР III: 710], к сегодняшнему дню полностью замещена созданной в целях табуирования гипокористикой ‘мечка’ (*mečъ-k-a*) [БЕР III: 778]. Это хорошо прослеживается в индексе к. 1.6. ‘самка медведя’, в котором следы когда-то общеславянской лексемы можно открыть в архаичной форме *med-unъ*, зарегистрированной в одном пункте болгарской сетки (120 — Търнак, Белослатинско). Впрочем, независимо от этого посредством лексемы *mečъ-k-a* болгарские диалекты корреспондируют с частью южнославянской группы (за исключением словенских и хорватских диалектов) и оформляют в южнославянском контексте монолитный однолексемный ареал на славянском юго-востоке и части юго-запада.

После включения болгарских материалов в указанные четыре тома общеславянская языковая территория уже может приблизительно быть покрыта (но далеко не всюду равномерно и плотно) следующими лексемами: 1.10. (j) // *ěžъ* (например ареал лексемы // *ěžъ* наиболее плотен и непрерывен во всех южнославянских говорах, в польских, лужицких, словацких, среднерусских и севернорусском наречии, в то время как наиболее ограничен он в чешских, украинских и белорусских говорах, где приобретает островной и даже точечный характер (например в белорусских говорах); 1.12. *Nsg* *krъtъ*//-*ica* *krъtъ* (точечный характер ареала в южнославянских говорах за исключением словенских, где ареал плотный), в чешских, более оформленный в словацких и большие плотные ареалы в лужицких и восточнославянских диалектах); 1.31. ‘лягушка’ (*Rana*) *žab-a* (спорадически в южнорусских

говорах); 2.3. 'некастрированный самец коровы' *byk-ъ*; 2.14. Nsg овьса *ov-ъc-a* (1 пункт в белорусских и без северноукраинских говоров); 2.28. Nsg *teļę tel-ę* (спорадически в русских диалектах — 4 п.); 2.29. Nsg (j)agnę //agn-ę (4 пункта в наиболее южных русских диалектах); 2.31. Nsg *porę pors-ę* (5 п. в России); 2.56. 'бодает' (о корове) *bod-et-ъ* (спорадически в чешских и словацких говорах); 3.8. *coll* 'листва' *list-ъj-e*; 3.40. 'один плод малины' *mal-in-a*; 8.23. 'пастух, человек, пасущий скот' *pas-t-yr-ъ* (спорадически в восточнославянских диалектах). На карте 3.26. 'дуб' *Quercus* хорошо видно, как общеславянская лексема *dob-ъ* сегодня обнаруживается спорадически в словенских и хорватских говорах, где чаще употребляется конкурентная лексема *xvǫrst-ъ*.

Более многочисленны сохранившиеся праславянские корни на славянском языковом ландшафте — это подтверждает утверждение Т. И. Вендиной, что с синхронной точки зрения сохранившиеся **общеславянские лексемы** в принципе не составляют большой процент и общность между славянскими языками скорее нужно искать на морфологическом уровне (в основном в корнях) (Вендина 2009: 24; 74): 1.1. 'дикое животное, зверь' корень *zvĕr-*; 1.3. общее название лисицы и название самки лисы Sl 15 'лиса' (*Vulpes vulpes*, о. н.) и Sl 17 'лисица-самка' корень *lis-*; 2.20. 'самка голубя' корень *golǫb-*; 3.10. 'густые заросли в лесу' корень *gost-*; 3.14. 'цветок' корень *kvĕt-*; 8.28. 'человек, который лечит' корень *lĕk-*; 8.25a. 'овчар' корень *ovbĕ-*; 8.27. 'человек, который разводит пчел' корень *VbĕCel-*; 8.30. 'человек, который судит в суде' корень *sod-*; 8.38. 'письмо' корень *-pis-* и др.

Число лексем, которые встречаются одновременно в **болгарских и всех остальных южнославянских** диалектах, но не в западно- и восточнославянских, превосходит 20 в указанных четырех томах: 1.14. Nsg мишь (*genus*) *myš-ъ* (m) (почти монолитный южный ареал и только 3–4 п. в русских); 1.18. 'клюв птицы' *klju-n-ъ N* → *m* (плотный и континуальный в целой группе ареал, который в юго-восточной части включает и много конкурентных лексем); 1.24. 'jaskol-// lastav-//lastov(-ica//ъk' *Last-av-ic-a*); 1.29. 'аист' *Střrk-ъ* (более компактный на юго-востоке с конкурентными лексемами, точечный в юго-западных говорах); 1.30. 'ящерица' *gušč-er-ъ* (континуальный, хорошо оформленный ареал); 1.42. 'муравейник' *mQRV-un-j-ak-ъ V* → *m*, *QR* → *ara* (точечный характер); 2.4. 'некастрированный самец овцы' *pořz-ъ* и 2.5. 'кастрированный самец овцы' *ov-ъn-ъ* (спорадически в словенских говорах); 2.6. 'некастрированный самец козы' *pъřĕ-ъ* (спорадически в словенских диалектах); 2.15. 'собака-самка' [*kuč-ъk-a*] (с юго-востока на северо-запад монолитность ареала уменьшается и в словенских диалектах зарегистрирован только 1 п.); 2.39. Nsg *dem teļę tel-en-ъc-ę* (1 п. в словенских говорах); 2.55. 'жует жвачку' (о корове и овце) *peř-živ-j-a-j-e-tъ* (1 п. в словенском говоре в Венгрии); 2.68. 'находится в состоянии течки' (об овце) *тыrk-a-j-e-tъ se* (плотность ареала постепенно уменьшается от болгарских диалектов на юге к северо-западу — так, в словенских диалектах находим уже только 4 п.); 3.9. 'куст' *gъt-ъ*; 3.11. 'лес' *šum-a* (ареал имеет более выраженный характер в юго-восточных и хорватских говорах и точечный — в словенских); 3.41. 'ежевика' (*Rubus caesius*) *kop-in-a* (плотный ареал); 3.49. 'лесной орех' (*Corylus avellana*) *lešč-ъk-ik-ъ*; 8.6. 'человек, который строит каменные

дома' *zid-ar-ь* (монолитный южный ареал); 8.57. 'охота на диких зверей и птиц' *lov-ь* (плотный южный ареал и даже 1 п. в лужицких говорах); 8.59. 'человек, который просит милостыню' *pros=-j-ak-ь*; 8.66. 'богатый человек' *bog-at-aš-ь* (точечное распространение).

От общего корня *рѣѣ-*, но с многочисленными дериватами в различных южнославянских говорах, так же как и в болгарских, создается ряд лексем со значением 'улитка с раковиной' (карта 1.34. 'улитка с раковиной'). Корень *sir-om-* в к. 8.63. 'бедный, неимущий' также является общим для всего славянского юга.

В очерченной нами проекции болгарских диалектов в южнославянском контексте производит впечатление общее только для всех южных славян слово [*kuč*]-*ьk-a*, о происхождении которого есть три основных предположения: посредством редупликации междометий; родственное др.-инд. и, вероятно, иранское заимствование, широко распространенное во всей Восточной Европе; для болгарского слова допускается протоболгарское происхождение [БЕР III: 170–171].

Анализ южнославянских ареалов приводит к выводу о том, что лексемы, общие только для славянского юга, постепенно сокращают свое распространение чаще всего в словенских диалектах, где их изоглоссы очерчивают микро- или даже точечные ареалы.

В сущности, наличие множества карт, в которых южнославянские диалекты объединяются в лексическом отношении в общеславянском контексте, уже может навести на мысль, что их праюжнославянское единство, быть может, не следует категорично отрицать (подробнее о мнениях по данному вопросу см. [Вендина 2009: 78]), так как «параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка» [Степанов 1975: 27].

Далее в настоящей работе мы рассмотрим важные карты, на которых все южнославянские говоры образуют монолитный блок с некоторыми (или всеми) западнославянскими и с некоторыми (или всеми) восточнославянскими говорами.

К общим для **всех южнославянских и всех западнославянских**, но отсутствующим в восточнославянских диалектах относятся немногочисленные единичные лексемы, которые, тем не менее, очерчивают плотные однородные континуальные ареалы в обеих группах: 2.20. 'самка голубя' *golqb-ic-a*; 3.23. 'пихта' (*Abies*) // *edl-a* (плотный континуальный ареал от юго-востока до всех западнославянских диалектах, который снова сокращается в словенских диалектах).

Общими для **всех южнославянских и части западнославянских говоров** являются лексемы: 1.7. 'белка' /*Sciurus vulgaris*/ *věver-ic-a* (из диалектов болг. сетки в ОЛА в данный ареал включается только говор д. Винга в Румынии, а из западнославянских — только словацкие говоры); 2.73. 'бешеный' (о собаке) *běš-ьn-O* (со словацкими диалектами); 3.11. 'лес' (о. н.) *gor-a* (с плотным ареалом в словацких говорах); 3.13. 'шип, колючка' (например у розы) *tyt-ь* (с чешскими и словацкими диалектами); 3.17. 'сосна' (*Pinus silvestris*) *bor-ь* (за исключением польских и лужицких говоров); 8.9. 'человек, который делает колеса для телег' *kol-ar-ь* (с чешскими, словацкими и частью лужицких говоров); 8.256. 'пастух коров' *koḡv-ar-ь*

(плотный ареал в Болгарии параллельно с другой лексемой *goV-Ed-ar-ь VE* → \emptyset , sporadически во всех южных диалектах, плотный ареал в Словакии, разреженный в Чехии и Польше).

Общими для **всех южнославянских и всех восточнославянских говоров** являются следующие лексемы: 1.3. общее название лисицы и название самки лисы Sl 15 'лиса' (*Vulpes vulpes*, о. н.) и Sl 17 'лисица-самка' *liS-ic-a S* → \check{s} (плотный одноклассный южный ареал, разорванный в украинских и точечный в белорусских и русских говорах); 1.16. *рътахъ // рѣтакъ // рѣtica рѣt-ic-a* (точечный ареал в болгарских², словенских, белорусских параллельно с другой лексемой, разорванный ареал в украинских и большой, почти однородный ареал в русских говорах); 2.21. *Nsg gqsъ* (о. н., *genus*) *gqs-ъk-a* (обширный ареал на Украине, в Беларуси по границе с Литвой и в нескольких самых южных русских говорах, а также sporadически в Восточной Словакии до украинской границы); 2.45. *Nsg dem pero per-ьc-ę* (sporadически в Беларуси и России).

К общим лексемам для **всех южных, всех восточных и части западных славянских диалектов** относятся: 1.46. *qsenica // qšenica // qosenica // qošenica // qS-en-ic-a* (плотный южнославянский ареал разрушается в словенских диалектах, но дистантно связывается с компактными ареалами в словацких, лужицких, с островными в украинских и белорусских и с большим, но не монолитным ареалом в русских диалектах); 2.2. 'кастрированный самец лошади' *ko//nj-ь* (со словацкими говорами, разорванный ареал в польских и в русских с параллельной лексемой); 2.62. 'лает' *la-j-e-tъ* (за исключением чешских и словацких говоров, 3 пп. в польских, sporadически в украинских и белорусских диалектах, но с большим монолитным русским ареалом карта представляет наглядный пример лексических корреспонденций между славянским югом и славянским севером как в пространственном, так и в хронологическом аспектах); 2.50. 'чувство обоняния у собаки' *njix-ь* (sporadически и за исключением чешских); 2.60. 'осина' (*Populus tremula*) *os-ik-a* (кроме лужицких, 1 п. в белорусских и 4 п. в русских диалектах); 3.35. *Nsg topol(j)a// -ль (genus) topol-a* (монолитный южный ареал связывается через отдельные словацкие говоры с восточнопольскими и с плотным ареалом в украинских, белорусских и точечным в русских говорах); 3.50. *Nsg тынь// -нъ тѣт-ь* (за исключением польских диалектов); 8.25а. 'овчар' *OVьč-ar-ь O* → \emptyset , *V* → *s*, \check{s} (плотный польский ареал, за исключением чешских (только 1 п.) и лужицких говоров, а в Словакии — единичные говоры; в южнославянских (кроме словенских говоров) и в восточнославянских говорах лексема конкурирует с проникшим через тур., крым.-тат. посредничество персидским заимствованием (Фасмер 1987: 308) (*čoban*)-ь из тур. *çoban*); 8.25в. 'пастух свиней' *svin-J-ar-ь J* → \emptyset (в польских диалектах плотный ареал и в 2 словацких говорах, а в восточных диалектах лексема конкурирует с другой лексемой, в отличие от южнославянского ареала, который является однородным); 8.31. 'человек, который учит в школе' *uč-i-tel-ь* (за исключением польских и лужицких говоров); 8.38. 'письмо' *pis-ьт-o* (кроме чешских

² См. и к. Л 49 БДА. ОТ.

диалектов, единичные говоры в северных польских диалектах, с микроареалом в словацких и плотными ареалами во всех восточных диалектах, в украинских говорах конкурирует с другой лексемой); 8.46. ‘место’ *měst-o* (без польских диалектов; вариативная зона в украинских говорах и плотные, почти однородные ареалы в русских и белорусских диалектах); 8.61. ‘просит милостыню’ *pros-i-tь* (2 пп. в Словакии на границе с Польшей).

Общие лексемы для **всех южных, всех западных и части восточных диалектов**: 2.9. ‘собака’ *rys-ь* (в болгарских говорах встречается спорадически; без белорусских диалектов); 2.14. *Nsg* овьса *ov-ьc-a* (2 пп. в белорусских диалектах и без северноукраинских говоров); 2.27. *Nsg* *žerbę ž//erb-ę // → d* (в белорусских говорах); 3.49. ‘лесной орех’ (*Corylus avellana*) *lěsk-a* (точечный ареал и 4 пп. в западноукраинских диалектах); 8.27. ‘человек, который разводит пчел’ *ВьЇel-ar-ь B → ø, Ć → š* (плотные южные и западные ареалы, микро-юго-западный ареал в украинских говорах, дискретный в белорусских по южной границе; без русских диалектов). На общеславянском фоне производит впечатление почти неизменное присутствие украинских говоров как своеобразного моста между совокупностью южнославянских и западнославянских говоров, с одной стороны, и восточнославянских говоров — с другой.

Общими для **всех южных, части западных и части восточных диалектов** являются лексемы: 1.19. *dem* ‘крылышко’ *kri-dl-ьc-e* (плотный юго-восточный ареал постепенно разрывается на северо-западе, но, проходя через несколько словацких говоров, снова плотно «заливает» украинскую и белорусскую территорию); 2.16. ‘кошка-самка’³ *[mač]-ьk-a* (в словацких и в юго-западноукраинских 5 говорах); 2.19. ‘самка гуся’ *gьs-ьk-a* (разреженно в польских, в западнословацких и в украинских диалектах); 2.72. ‘родила детенышей’ (овца) *oB-//agn-i-l-a <se> // → j, B → ø* (с чешскими, польскими и русскими говорами); 3.20. ‘ель’ (*Picea excelsa*) *smERk-a* (без польских, лужицких, русских и белорусских диалектов); 3.45. ‘земляника’ (*Fragaria*) *jag-od-a* (плотный словацкий ареал, спорадически в польских и чешских диалектах, несколько пп. в Южной Украине и несколько пунктов с вариантами в России); 3.46. ‘один плод земляники’ *jag-od-a* (чешские и словацкие говоры, часть украинских диалектов и точно в русских говорах); 8.10. ‘человек, который работает в кузнице’ *kov-ač-ь* (плотный южный однородный ареал резко прерывается в польских, русских и белорусских диалектах); 8.52. ‘сколько’ *kol-ьk-o* (немного в словацких и больше в юго-западноукраинских говорах); 8.58. ‘человек, который ловит рыбу’ *ryb-ar-ь* (без польских диалектов и с юго-западноукраинскими говорами).

Анализ лингвогеографических карт ОЛА в указанных четырех томах приводит к выводу о наибольшей лексической близости южнославянских со словацкими диалектами западнославянской группы. Особенно хорошо иллюстрирует

³ О дихотомии в болгарских диалектах при распространении названий котка–мачка (свидетельство архаичности ареалов) см. к. Л 40 БДА. ОТ.

соединяющую роль словацких диалектов как моста между югом и севером, например, лексема *kri-dl-ъс-е* на к. 1.19. *dem* ‘крылышко’, чьи плотные южные ареалы постепенно сокращаются на словенской территории, но через несколько пунктов на словацкой территории снова захватывают украинскую и белорусскую территории, в то время как в России остается южный микроареал из нескольких пунктов. На к. 1.25. *vorbъljъ* // *vorbъсь* // *vorbъjъ* ареал лексемы *Vorb-ъс-ъ* занимает территорию всего славянского юга и всей Словакии, соединяющей Восточную Чехию с Западной Украиной. Через словацкие диалекты — к. 1.23. ‘куропатка’ (*Perdix perdix*) — однолексемный континуальный южный ареал (*//ěřeb-ic-a*) перекидывается и на территорию Западной Украины (6 пп.) и др.

На основе имеющихся к настоящему моменту данных можно также сделать обобщение, что из восточнославянских диалектов чаще всего украинские (в основном южноукраинские) осуществляют связь славянского юга со славянским севером. Тогда как русские диалекты связаны с южнославянскими не крупными, а точечными ареалами, это преимущественно несколько южнорусских говоров, а иногда и наиболее северные, которые считаются наиболее архаичными [Вендина 2009: 231].

В славянских языках чужие по происхождению слова, а точнее ориентализмы, оформляющие компактные и континуальные или прерывающиеся ареалы, представляют надежное языковое свидетельство исторической судьбы населения, в чьих диалектах обнаруживаются, например: в 2.1. ‘некастрированный самец лошади’ лексема (*ajgъr*)-ъ (см. ниже) или лексема (*čoban*)-ъ в к. 8.25а. ‘овчар’.

Диалекты болгарской сетки ОЛА с частью южнославянских корреспондируют со всеми западно- и восточнославянскими диалектами посредством лексем: 2.26. ‘детеныш собаки’ *ščen-ę* (без п. македонской сетки, а в русской только 3 пп.); 8.28. ‘человек, который лечит’ (*doktor*)-ъ и *lěk-ar-ъ* (без словенских говоров); 8.67. ‘война’ *voj-ъn-a* (хорошо очерченный ареал на территории Болгарии плавно переходит на территорию Македонии, прерывается на остальном славянском юге, но снова плотно объединяет южную и восточную славянские территории и доказывает, что не всегда юго-восток нарушает общеславянское единство). Проведенный анализ, как и вышесказанное, подтверждают и наблюдения Т. И. Вендиной, что при определении временного статуса русско-славянских языковых связей, помимо общеславянских, важной диагностирующей силой будут обладать «восточно-южнославянские и собственно русско-южнославянские связи, которые сформировались... в достаточно древний период, когда южнославянские диалекты еще не были оторваны от севернославянских» [Вендина 2009: 254].

Болгарские диалекты, а также часть южных и все западнославянские диалекты включаются с единичными проявлениями в ареал лексемы к. 2.30. ‘детеныш козы’ *koz-ъl-ę* (без хорватских диалектов).

Болгарские диалекты с частью южных и всеми восточными славянскими говорами оформляют крупные и малые ареалы распространения лексем: 1.28. *solvъjъ* (и производные) *solъv-ъj-ъ* и 1.36. ‘дождевой червь’ (*Lumbricus terrestris*)

Ѓьѣѣ=-ак-ѣ (наглядная иллюстрация лексических связей и бывшего единства между славянским юго-востоком — островной характер — и славянским востоком — монолитный); 8.1. ‘небольшой сельский населенный пункт’ *sel-o* (без словенских говоров, а в русских диалектах — в вариативном употреблении с другой лексемой); 8.33. ‘мальчик, который учится в школе’ *иѣ-en-ik-ѣ* (плотный однолексемный юго-восточный ареал постепенно свертывается на северо-западе и полностью прерывается в словенских диалектах, разреженный в украинских, большей частью на юге, и контактные ареалы в белорусских и русских диалектах в конкуренции с другой лексемой); 8.45. ‘город’ *gord-ѣ* (снова без словенских диалектов, по украинским говорам — с параллельной лексемой *město* и плотные однолексемные ареалы в русских и белорусских говорах).

В общем, по материалам в указанных четырех томах ОЛА хорошо заметно, что, как отметила и Т. И. Вендина на материале шестого тома Атласа, «в русских и болгарских диалектах корреспондирующие лексемы имеют как обширные, так и ограниченные ареалы» [Вендина 2009: 156]. И снова производит впечатление тот факт, что чаще всего в южнославянском диалектном континууме отсутствуют словенские диалекты.

Болгарские с частью южных и частью западных славянских диалектов:

1.2. *divъ(-jъ) || divъ(-jъ) || dikъ(-jъ) div-ѣ* (плотные однородные юго-восточные ареалы, включая и говоры в Эгейской Македонии, в лужицких и во всех словацких, включая говоры на территории Венгрии); 1.41. ‘муравей’ (*Formica*) *morv-ѣ* (спорадически болгарские пункты; без македонских пунктов; плотный ареал в сербских и почти во всех хорватских и лужицких говорах); 2.17. ‘курица’ *Kokoš-ѣk-a* (плотный однородный ареал в болгарской сетке, исчезающий в словенских, хорватских и лужицких диалектах; дискретный в польских говорах); 2.37. *Nsg dem korv-ič-ѣk-a* (плотный почти однородный ареал в болгарских диалектах, без сербских, словенских и польских говоров); 2.51. ‘падаль, дохлое животное’ *ты-с-in-a* (спорадически в болгарских говорах, но ареал приобретает большую плотность в сербских, хорватских, чешских и словацких диалектах); 2.54. ‘место, где стоят улы’ *ВЪѢl-ar-ѣn-ik-ѣ* (в болгарских диалектах ареал находится в конкуренции с ареалами других лексем; без словенских и хорватских говоров, 1 п. в Польше); 2.67. ‘находится в состоянии течки’ (о корове) *gon-i-тѣ se* (юго-восточный ареал в границах болгарских диалектов, прерываясь, продолжается в словенских, чешских и польских); 2.67. ‘находится в состоянии течки’ (о корове) *vod-i-тѣ se* (разорванный южный ареал снова исчезает в словенских, но «перепрыгивает» в польские диалекты); 2.69. ‘находится в состоянии течки’ (о свинье) *gon-i-тѣ se* (единичные лексемы в говорах внутри и за пределами границ Болгарии корреспондируют со словенскими, а также (спорадические лексемы) — с чешскими и польскими диалектами); 2.69. ‘находится в состоянии течки’ (о свинье) *buk-a-j-e-тѣ se* (островные ареалы на славянском юго-востоке исчезают в сербских, хорватских, польских и лужицких говорах); 8.5. ‘человек, который рубит лес’ *drъv-ar-ѣ* (крупный ареал, в котором представлена и конкурирующая лексема, за пределами славянского юго-востока сокращается и почти полностью исчезает на северо-западе,

а затем восстанавливается в словенских, части словацких, хорошо выражен также в чешских диалектах); 8.25г. ‘пастух лошадей’ *kon-J-ar-ь J* → *ø* (ввиду отсутствия на карте значительной части материала из всех групп славянских диалектов отметим только, что присутствуют оформленные плотные дистантные ареалы в словацкой и болгарской сетках и в части хорватской, в то время как в польской лексема отмечается спорадически — 3 пп.).

Болгарские с частью южных и частью восточнославянских говоров: 2.36. *Nsg pejor KORVA kɔrv-išč-e* (при отсутствии материала из значительного количества населенных пунктов во всех трех языковых группах всё же могут быть отмечены точечные ареалы в болгарской, македонской и украинской сетках); 2.37. *Nsg dem KORVA kɔrv-ic-a* (небольшие ареалы в сербских, хорватских, словенских и украинских говорах); 2.38. *Nsg dem* *букъ byč-e* (хорошо оформленный славянский юго-восточный ареал продолжается на сербской территории, но прерывается в хорватских и словенских и дистантно связывается с юго-западноукраинскими говорами); 2.51. ‘падаль, дохлое животное’ *тъг-ǵ-a* (лексема, доминирующая на территории Болгарии, также оформляет ареалы в Македонии, Сербии и Юго-Западной Украине); 2.58. ‘ухаживает за скотом’ *ględ-a-j-e-tь* (южный ареал прерывается в хорватских и словенских диалектах, отсутствует и в русских); 2.64. ‘поет’ (о петухе) *[kukurig]-a-j-e-tь*; (в разорванном, но основном для Болгарии ареале; по остальной славянской территории участвуют диалекты всех групп, но без словенских, сербских и белорусских).

Болгарские с частью южных, частью западных и всеми восточными диалектами: 1.37. *ščika* (и родственные) *ščik-a* (благодаря наличию репрезентативного материала наблюдается относительно плотный однородный южный ареал, в котором отсутствуют диалекты в Македонии и который очерчивается той же изоглоссой в Словакии и Венгрии (в словацких диалектах); 2.1. ‘некастрированный самец лошади’ *(ajgьr)-ь* (обращает на себя внимание тот факт, что ареалы этой лексемы турецкого происхождения [БЕР I: 6], чуждой славянскому лексическому фонду, плотные на славянском юге, прерываются в словенских диалектах, но восстанавливают связь с монолитным однородным ареалом в польских, с западноукраинскими и разреженно с белорусскими говорами, в то время как в русских диалектах лексема отмечается 1 п.); 2.6. ‘некастрированный самец козы’ *koz-bl-ь* (посредством этой лексемы, довольно редкой в болгарских диалектах, славянский юго-восток корреспондирует со словенскими, чешскими, польскими и лужицкими диалектами); 2.61. ‘блеет’ (овца) *[ble]-j-e-tь* (разорванные ареалы на юго-востоке и юго-западе, но без сербских и с 4 пп. в польских диалектах); 2.64. ‘поет’ (о петухе) *pě-j-e-tь* (после македонской территории изоглоссы прерываются и снова оформляют дистантный ареал на польской территории); 8.30. ‘человек, который судит в суде’ *sqd-ьj-a* (компактный ареал славянского юго-востока продолжается в сербских диалектах, но полностью разрушен в хорватских, словенских, лужицких, чешских и словацких); 8.44. ‘работа’ *orb-ot-a* (ареал этого слова, единственного в болгарских диалектах, естественно продолжается в диалектах Восточной Сербии и Македонии, Словакии и Польши).

Болгарские с частью южных, частью восточных и всеми западными диалектами: 2.8. 'кастрированный самец свиньи' *vep//r-ь* (без диалектов на территории Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины и России); 3.34. 'осина' (*Populus tremula*) *os-ik-a* (посредством этого слова, редкого для Болгарии, болгарские диалекты корреспондируют со всеми южными диалектами, за исключением словенских, и со всеми восточными, кроме белорусских).

Болгарские с частью южных, частью западных и частью восточных диалектов: 1.27. 'скворец' (*Sturnus vulgaris*) *skvor-ьc-ь* (плотный ареал в болгарских диалектах дистантно связан со словенскими (также плотный однолексемный ареал), через единичные пункты в сербских переселенческих и хорватских говорах и через компактный словацкий, лужицкий и западнопольский ареал прерывается в украинских и белорусских говорах, но снова появляется в русских); 1.41. 'муравей' (*Formica*) *morv-ьk-a* (юго-восточный гетерогенный ареал корреспондирует с плотным однолексемным ареалом в польских говорах и переходит в точечный (2 пп.) в словацких и 5 пп. в восточноукраинских); 2.33. 'птенец гуся' *gос-е* (из южных диалектов слово еще встречается только в хорватских; из западных диалектов не обнаруживается в лужицких, а из восточных — в юго-западно- и восточноукраинских); 2.37. *Nsg dem KORVA* *korv-ьč-е* (точечные ареалы, за исключением словенских, лужицких, словацких, русских и белорусских говоров); 2.47. 'копыто коровы' *kop-ьt-o* (плотный болгарский ареал, тем не менее, отсутствует в сербских, словенских и белорусских диалектах, но связан с плотным русским ареалом); 2.52. 'скребница, инструмент, которым чистят лошадь' *čes-a-dl-o S* → *š* (в южном ареале, связанном со словацкими диалектами, снова отсутствуют словенские диалекты; обнаруживаются и 2 пп. на Южной Украине); 3.13. 'шип, колючка' (например у розы) *šip-ь* (спорадическая в Болгарии, лексема не встречается в хорватских, словацких, лужицких, чешских и украинских диалектах); 3.47. 'брусника' (*Vaccinium vitis idaea*) *brus-ьn-ic-a* (не особенно богатый материал представляет единичные пункты болгарской и сербской территорий, больше — на территории Словакии, 6 пп. на Украине и более оформленные ареалы в русских говорах); 3.54. 'съедобный гриб' *gob-a* (южный ареал не включает хорватских и сербских, западный — польских, а восточный — русских и белорусских говоров); 8.36. 'карандаш' (*plajvaz*)-ь из нем. *Vleiweiss*, бав. австр. *blīwīz* (через серб. *plajvaz*, *plavez*, рум. *plaivaž*) (континуальный ареал во всех южнославянских говорах естественным образом продолжается в словацких и юго-западноукраинских говорах).

Общими только для болгарских и всех восточнославянских говоров являются лексемы: 2.20. 'самка голубя' *golqb-ьk-a*; 2.53. 'неогороженное место, на котором пасется скот' *pas-ьb-išč-e*; 8.62. 'бедность, нужда' *běd-ьn-ost-ь* — относительно новое и спорадическое слово в болгарских диалектах, которое и в восточнославянских представлено в вариантном употреблении с другим словом.

Общими только для болгарских, русских и украинских диалектов являются лексемы: 1.28. *solvьjъ* (и производные) *solv-ьj-ьč-е* (разреженно в болгарских диалектах и на востоке); 2.35. *Nsg pejor* конь *kon-j-a-ga* (спорадически в болгарских диалектах и на востоке).

Общая лексема для болгарских и части западнославянских диалектов: 2.54. 'место, где стоят ульи' *bъĀel-in-ъ* (со словацкими и чешскими говорами).

Общие лексемы для болгарских, части западных и всех восточнославянских диалектов: 2.10. 'самец кошки' — лексема *kot-ъ*, хоть и единичная в Болгарии, перекидывает мост между болгарскими, лужицкими и польскими диалектами; 8.63. 'бедный, неимущий' — микроареал хронологически нового для болгарских диалектов слова *bĕd-ъn-ъ* корреспондирует с дистантными более крупными ареалами в польских и словацких говорах.

Общие лексемы только для болгарских, части западнославянских и части восточнославянских диалектов: 3.3. 'смола, липкий сок хвойного дерева' *kъl-ĕj-ъ* (южнословацкие, украинские диалекты и часть восточнорусских — микроареал); 2.25. 'детеныш кошки' (о. н.) — лексема *kot-е*, покрывающая преимущественно восточноболгарские земли, корреспондирует со всеми западнославянскими, за исключением словацких, и с украинскими говорами.

Общие лексемы только для болгарских и польских диалектов: 2.71. 'сугная, котная' = *b-agn-A* (микроареал из 5 пп. в Польше); 3.52. 'подорожник' (*Plantago*) (*petrožil*)-*ъk-a* (в Западной Польше — *petzilka*).

Общие лексемы только для болгарских и чешских диалектов: 2.24. 'общее название скота' *do-by-t-ъk-ъ* (крупные ареалы с конкурентными лексемами); 3.9. 'куст' *xvojst-ъ* (хорошо очерченный крупный болгарский ареал корреспондирует только с 2 чешскими пп.).

Общие лексемы только для болгарских и словацких диалектов: 2.38. *Nsg dem* *byкъ* с корнем *bug-* (*bug*)-*iĉ-ъk-a* из тур. *buĝa*, но словацкая форма — (*bugaj*)-*ъc-ъk-ъ*); 3.51. 'одуванчик' (*Taraxacum*) *meĭĉ-ъk-ъ*.

Общие лексемы для болгарских и части южнославянских диалектов: 2.22. 'утка' (о. н.) (посредством более редкого румынского заимствования (*rac*)-*a*, представленного в северо-восточных говорах, болгарские диалекты связаны со словенскими и хорватскими); 2.34. 'птенец утки' (*rac*)-*е* (со словенскими и хорватскими); 2.40. *Nsg dem* овьса *ov-ъĉ-iĉ-ъk-a* (исключая македонские), но 2.40. *ov-ъĉ-iĉ-ъk-a* и *ov-ъĉ-in-ъk-a* — с говорами Эгейской Македонии; 2.44. 'птенец гуся' *gъs-ъĉ-е*; (с сербскими и хорватскими); 3.34. 'осина' (*Populus tremula*) *trep-et-ъl-i/-k-a* (с сербскими и словенскими); 8.13. 'человек, который шьет обувь' *ob-u-t-j-ar-ъ* (с сербскими и хорватскими диалектами) и др.

Новейшие данные ОЛА также дают возможность подтвердить или опровергнуть различные гипотезы о старых контактах как между различными группами славянских языков, так и между различными языками одной группы. Так, интересно проследить соотношенность **болгарских диалектов** с южнославянскими говорами, в частности с наиболее отдаленными от них в пространственном отношении, — **словенскими**. Согласно мнению видного исследователя болгарского языка проф. Б. Цонева, существующие до сих пор сходства этих двух языков свидетельствуют об очень старом родстве между ними (Цонев 1984: 33). Данное мнение разделяли и ученые из других стран, как, например, Фран Миклошич и др. Такое старое наследие представлено, в частности, исключительными лексемами, общими только

для этих двух южнославянских говоров и отсутствующими в остальных славянских: 1.21. ‘кукушка’ (*Cuculus canorus*) *kuk-ov-ic-a* (крупный ареал почти без конкурентных лексем в болгарских говорах, небольшой ареал в словенских); 1.36. ‘дождевой червь’ (*Lumbricus terrestris*) *dvžd-ov=ьn-j-ak-ь* (точечные ареалы в диалектах обоих языков); 2.61. ‘блеет’ (овца) *[ble]-j-a-j-e-ть*; 8.50. ‘считает’ (деньги) *čyt-e-ть* (на болг. территории — крупный ареал с изоглоссами конкурентной лексем в отличие от двух восточнословенских пп.). Если прибавить к ним также все вышеприведенные лексем, общие для всех южнославянских диалектов, количество словенско-болгарских языковых связей в самом деле значительно возрастет.

Тем не менее, необходимо объективно отметить и немалое количество **лексем, общих для болгарских и всех остальных южнославянских диалектов, но не встречающихся в словенских и других славянских говорах**: 1.40. ‘жабры рыбы’ (*Npl*) *uš-i*; 2.6. ‘некастрированный самец козы’ *jar-ьс-ь*; 2.11. ‘петух’ *pět-ьl-ь*; 2.13. ‘самец утки’ *pat-ьk-ь*; 2.22. ‘утка’ (*о. н.*) *pat-ьk-a*; 2.24. ‘общее название скота’ *сь-tok-a*; 2.30 ‘детеныш козы’ *jar-е*; 2.32. ‘птенец курицы’ *[pil]-е*; 2.33. ‘птенец гуся’ *gос-ьč-е*; 2.34. ‘птенец утки’ *pat-ьč-е*; 2.41. *Nsg dem* *kočę [mač]-en-ьс-е*; 2.43. *Nsg dem* ‘птенец курицы’ *[pil]-en-ьс-е*; 2.59. ‘кастрирует’ (кабана) *Skop-i-ть*; 2.61. ‘блеет (овца)’ *[ble]-j-i-ть*; 2.67. ‘находится в состоянии течки’ (о корове) *vod-i-ть se*; 2.70. ‘жеребая’ (о кобыле) *ž//erb-ьn-A*; 2.71. ‘суганная, котная’ *сь-//agn-A*; 3.7. ‘тень человека’ *сѣn-ьk-a* — однолексемный ареал; 3.12. *šišьka Šlš-ar-ьk-a* (хорошо оформленный, но частично разорванный ареал в населенных пунктах болгарской и македонской сеток, становится более целостным в сербской и хорватской, но снова исчезает в словенской); 3.15. ‘нюхает’ (человек) (*miriš*)-*e-ть* (из греч. аор. *μύρισα* гл. *μύριζω*); 8.2. ‘сосед, человек, живущий в соседнем доме’ (*komš*)-*i-j-a* — плотный однородный ареал заимствования; 8.8. ‘человек, который делает деревянные бочки и кадки’ *bьč-Bv-ar-ь B* → *ь, u*; 8.19. ‘человек, который мелет зерно на мельнице’ *{vo}d-ьn-ič-ar-ь*; 8.48. ‘периодическая широкая торговля’ (*panagir*)-*ь* (*pazar*)-*ь* из тур. *pazar* (< перс. *bāzār*); 8.50. ‘считает’ (деньги) *broJ-i-ть J* → *v*; 8.53. ‘дорогой, недешевый’ *skop-ь*; 8.54. ‘дешевый, недорогой’ (*eftin*)-*ь* из греч. *εὐθηνός*; 8.60. ‘женщина, которая просит милостыню’ *pros=j-ak-yn-j-a*; 8.63. ‘бедный, немущий’ *sir-om-aš-in-ь*.

Нельзя не отметить значительное количество лексем иностранного происхождения (чаще всего турецкого или греческого), как, например: (*eftin*)-*ь*, (*komš*)-*i-j-a*, (*miriš*)-*e-ть* и др., оформляющих крупные, компактные и континуальные ареалы только на южнославянской языковой территории (за исключением словенской). Причиной этого, несомненно, является общая историческая судьба населения этой части славянских земель, находившегося и продолжающего находиться в экономическом, политическом и наиболее прочном языковом контакте с народами Балкан, говорящими на неблизкородственных языках.

Общими только для **болгарских и хорватских диалектов являются следующие лексем**, не имеющие крупных ареалов: 2.8. ‘кастрированный самец свиньи’ *svin-ьj-a*; 2.71. ‘суганная, котная’ *сь-kot-ьn-a*; 8.59. ‘человек, который просит милостыню’ *bož-j-ak-ь*.

Не вызывает удивления большое количество лексико-словообразовательных параллелей в говорах **болгарской и македонской сеток** ОЛА, так как они являются результатом не случайных совпадений, а общего генезиса. Они имеют как славянское, так и иноязычное происхождение — чаще всего это ориентализмы или грецизмы. Их ареалы различаются по характеру; в качестве примера приведем те из них, что отсутствуют на остальной славянской языковой территории: 1.8 дѣхогѣ — крупные континуальные ареалы с *рѣх-орѣ*-ь и названия с корнем *stъrd-*; 1.13. ‘крыса’ (*Ratus domestikus*) — *рѣх-ъ* крупный болг. ареал — 1 макед. п.; 1.14. *Nsg mišъ* (*genus*) *myš-ьk-a* (плотный ареал на территории Болгарии и ясно выраженный ареал в Эгейской Македонии); 1.22. ‘перепелка’ (*Coturnix coturnix*) [*рѣдрѣд*]-ьк-ъ и [*рѣдрѣд*]-ьщ-ьк-a (ареалы имеют почти такую же конфигурацию, как на к. 1.14.); 1.29. ‘аист’ (*Ciconia*) *Stъrk-ьl-ъ*⁴ — крупный континуальный ареал с конкурентными лексемами на обеих территориях; 1.33. ‘головастик, то, что развивается из икры лягушки, жабы’ названия с корнем (*kaluger*) — имеют разорванные ареалы на обеих сетках; 1.38. ‘плавники рыбы’ (*Npl*) — название *per-ьk-u* оформляет крупный континуальный юго-восточнославянский ареал, который и на македонской, и на болгарской территории конкурирует с названиями, образованными от корня *kri-dl-*; 1.39. ‘чешуя рыбы’ (*Nsg*) *ljusp-a* (почти компактный на болгарской территории и в болгарских п. в Южной Фракии) разрушается конкурентными лексемами в Центральной Македонии, но сохраняется на ее периферии, в том числе и за пределами страны — в Албании и Эгейской Македонии; 1.41. ‘муравей’ (*Formica*) — ареал *morv-a* в Северо-Восточной Болгарии корреспондирует с более выраженным ареалом в Центральной, Юго-Западной и Эгейской Македонии; 1.44. ‘божья коровка’ (*Coccinella*) (*kaljman*)-ьк-a — точечные ареалы; 1.45. ‘бабочка’ — *peRper-ud-a* имеет широкие компактные континуальные ареалы в обеих сетках и является единственным прямым наследником праслав. **perpericā* на славянском языковом ландшафте [БЕР V: 662]; 2.10. ‘самец кошки’ — (*mač*)-*Or-ьk-ъ*⁵ представляет одно из многочисленных названий данного десигната в говорах обеих сеток; 2.13. ‘самец утки’ *pat-or-ъ* — разорванные ареалы, как и на к. 2.19. ‘самка гуся’ *pat-ьk-a*; 2.31. *porse gud-e* — точечные ареалы; 2.42. *Nsg dem* ‘петух’ *pēt-ьl-en-ьс-e*; 2.46. ‘волосы, которыми покрыта шкура коровы’ *kos-a* и *koz-in-a*; *kos-ьm-y*, причем крупнейший ареал — *koz-in-a*; 2.53. ‘неогороженное место, на котором пасется скот’ *pas-išč-e*; 2.57. ‘клюет’ (о курице) [*čop*]-*k-a-j-e-ть*; 3.4. ‘ветвь хвойного дерева’ *věj-ьk-a*; 3.47. ‘брусника’ (*Vaccinium vitis idaea*) — точечные ареалы *borov-in-ьk-a*; 3.51. ‘одуванчик’ (*Taraxacum*) *meļč-ьk-a*; 8.4. ‘человек, который строит деревянный дом или деревянную часть дома’ (сравнительно компактный ареал заимствования (*dogramaž*)-*i-j-a* из тур. *doğraması* на македонской территории в конкуренции с более новой лексемой *drъv-o-děl-ьс-ь* в значительно ограниченном ареале на болгарской территории; 8.7. ‘человек, который делает печи’ (крупный компактный ареал

⁴ См. также к. Л 48 на БДА. ОТ.

⁵ См. также к. Л 41 БДА. ОТ.

tenekeci (*tenekeži*)-j-a из тур. *tenekeci*); 8.13. ‘человек, который шьет обувь’ — корреспондируют почти все диалектные названия: *čexъl-ar-in-ъ*, (*kunduradž*)-i-j-a из тур. *kunduracı*, (*parukç*)-i-j-a из тур. *parıççı*; 8.16. ‘человек, который шьет одежду’ *šiv-ač-ъ* — относительно новое слово на славянском юго-востоке с ограниченным ареалом в говорах македонской сетки в ареале заимствования (*terzi*)-j-a из тур. *terzi* (< перс. *derzi*); 8.18. ‘женщина, которая шьет одежду’ *šiv-ač-ъk-a* также имеет крупные ареалы, конкурирующие с обширными ареалами (*terzi*)-j-ъk-a из тур. *terzi* (< перс. *derzi*)⁶; 8.22. ‘женщина, которая готовит еду’ — в ареалах конкурируют относительно новая лексема *gotOv-ač-ъk-a*, которая, впрочем, имеет более обширный ареал, и старая (*ač*)-i-j-ъk-a, (*ašč*)-i-j-ъk-a из тур. *aħçı*, *aşçı*; 8.31. ‘человек, который учит в школе’ — лексема (*daskal*)-ъ находится в конкуренции с лексемой *uč-i-tel-ъ* в обеих сетках; 8.34. ‘девочка, которая учится в школе’ — компактный континуальный однолексемный ареал *uč-en-ič-ъk-a*, покрывающий целый славянский юго-восток; 8.36. ‘карандаш’ — доминирующая лексема (*moliv*)-ъ из греч. *μολύβι* почти полностью вытеснила архаичную (*kalem*)-ъ из тур. *kalem* (< ар. *qalām* < греч. *κάλαμος*) в крупном плотном ареале; 8.39. ‘бумага’ *kъnig-a*; 8.49. ‘деньги’ (*par*)-y Npl из тур. *para* (< перс. *pārā*); 8.51. ‘богатый человек’ (*čorbaž*)-i-j-a и др.

Общим только для диалектов болгарской, македонской и сербской сеток ОЛА является немалое количество лексем, чьи ареалы, хорошо оформленные и в большинстве случаев континуальные, по сути представляют мост между славянским юго-востоком и славянским западом: 1.9. ‘ласка’ (*Mustela putorius*) — многочисленные табуистические названия с корнем *nevěst-*; 1.11. *Nsg zajęсь* — почти монолитный ареал *zaj-ę=k-ъ* разрушается в западном направлении от Восточной Сербии; 1.43. ‘кузнечик’ (*Tettigonia viridissima*) — почти однолексемный крупный центральный ареал *skač-ъk-a* в государственных границах Македонии превращается в точечный на территории Сербии — 2 пп. и Болгарии — 2 пп.; 2.7. ‘некастрированный самец свиньи’ *ne-rěz-ъ* — компактный континуальный ареал на всех трех территориях, посредством корня *-ne-rěz-* дистантно связанный со словенскими диалектами (зарегистрирован и 1 переселенческий хорватский п. в Венгрии с *ne-rěz-ъ*); 2.9. ‘собака’ [*kuč*]-ę — однородный плотный ареал в болгарской сетке, в то время как в македонской и сербской — разорванный конкурентными лексемами; 2.18. ‘курица, которая высидивает яйца’ и 2.18а. ‘курица, которая водит цыплят’ *kvač-ъk-a* — однородный плотный ареал в болгарской и македонской сетках постепенно ограничивается до островов, составляющих 4–5 пп. в Восточной Сербии и в сербских переселенческих говорах в Румынии — 2 пп.; 2.22. ‘утка’ *šet-ъk-a* — точечный ареал на болгарской территории — 2 пп., в то время как на македонской и сербской территориях ареал

⁶ В т. 8, где болгарская сетка картографирована на основе материала опубликованных источников, имеется неточность, так как на к. 8.18. ‘женщина, которая шьет одежду’ лингвогеографически интерпретируется лексема *kroj-ač-ъk-a*, имеющая другую семантику — ‘женщина, которая кроит одежду перед ушиванием’.

расширяется и становится более выраженным; 2.26. ‘детеныш собаки’ [kuč]-en-ьс-е — оформляет островные ареалы; 2.38. *Nsg dem* быкъ *byk-ъč-е* — точечные ареалы на болгарской территории, но много плотных крупных ареалов на македонской и сербской; 2.42. *Nsg dem* ‘петух’ *pět-ьl-е* — крупные ареалы болгарской и македонской сеток ограничиваются в сербской; 2.48. ‘хвост коровы’ *O-paš-ьk-a* — единственное название в говорах болгарской сетки ОЛА, оформляет компактный ареал⁷, как и в македонской, но на сербской территории — островной в ее восточной части; 2.54. ‘место, где стоят ульи’ *UL-j-an-ik-ь* — точечный ареал, а *BbĚ-el-ar-ьn-ik-ь* занимает обширное пространство; 8.4. ‘человек, который строит деревянный дом или деревянную часть дома’ — изоглосса *drъv-o-děl-ьс-ь* очерчивает крупный континуальный ареал; 8.16. ‘человек, который шьет одежду’ — заимствованное и к настоящему моменту устаревшее в болгарских диалектах слово (*terzi*)-*j-a* из тур. *terzi* (< перс. *derzi*) (*terzi*)-*j-a* имеет крупный юго-восточнославянский ареал в западном направлении, граница которого, впрочем, неясна, так как в т. 8 отсутствуют материалы по пп. Республики Босния и Герцеговина. 8.20. ‘жена мельника’ {*vo*}*d-ьn-ič-ar-ьk-a* — крупный контактный плотный ареал в болгарской сетке, ограниченный на юго-западе и северо-востоке; 8.37. ‘чернила’ *mast-i-dl-o* — оформляет однолексемный монолитный ареал; 8.39. ‘бумага’ (*charti*)-*j-a* из ср.-греч. *χαρτίον*, н.-греч. *χαρτί* — имеет чрезвычайно ограниченный ареал на македонской территории; 8.47. ‘рынок, место, где производится торговля’ (*pazar*)-*ь* из тур. *pazar* (< перс. *bāzār*) — утвердившийся балканизм; 8.56. ‘человек, который охотится’ *lov-(ži)-j-a* и др.

Только диалекты **болгарских и сербских пунктов** характеризуют следующие лексемы: 2.22. ‘утка’ — изоглоссы *plov-ьk-a* от говоров болгарского северо-запада естественно продолжают на северо-запад через болгарско-сербскую границу и оформляют островной ареал; 2.49. ‘то, чем свинья роет землю, рыло’ (*zurl*)-*a* из тур. *zurna* (< перс. *supnā*), имеющая в болгарских диалектах крупный неконтактный плотный ареал, обнаруживается в нескольких пунктах в диалектах Боснии и Герцеговины; 3.20. ‘ель’ (*Picea excelsa*); *smъč-ь*; 8.59. ‘человек, который просит милостыню’ *proс-ьl-j-ak-ь* (изоглоссы данного диалектного явления, как и ряда других, естественно распространяются с западных окраин Болгарии в Восточную Сербию).

В опубликованных болгарских материалах можно обнаружить много специфических **региональных диалектизмов**, как, например, на картах: 1.4. ‘самец лисы’ *lis-ik-ь*, *lis-ug-yr-ь*. Как было отмечено выше, на к. 1.10. (j)ежь //еž-ь — общеславянская лексема, но гибридная (со славянскими и спорадическими турецкими элементами), согласно некоторым этимологическим гипотезам [БЕР VII: 812–813], лексема (*taral*)-*ež-ьk-ь* характеризует только болгарские диалекты; 1.13. ‘крыса’ (*Rattus domestikus*) *pyX-ok-ь*, *myš-ok-ь*, *spъs-elj-ь*, (*patkal*)-*ь* от рум. диал. *rotkan*, *golem-ь rogan-ьс-ь*. Оригинальный мотивационный признак, отличающийся от мотивационного признака в названиях летучей мыши в диалектах

⁷ См. также к. Л 44 БДА. ОТ.

остальных славян, лег в основу болгарских названий: *pri-lěp-ъ* и произв. *pri-lěp-ъč-е* ‘то, что приклеивается’ [БЕР V: 718], как можно увидеть из изоглоссы на к. 1.15. ‘летучая мышь’; 1.18. ‘клюв птицы’ (*gag*)-*a* из тур. *gaga* (*kak*)-*a* из тур. диал. *kaка*⁸; 1.26. ‘синица’ (*Parus*) — многочисленные фонетические и морфологические варианты диалектных названий, такие как [*sinig*]-*yr-ъ*, [*sinig*]-*yr-ъč-е*, [*sinig*]-*yr-in-ъ* и др., восходят, как считают этимологи, к прасл. **sněgyrъ*, а исключительное название [*sin*]-*il-ъk-a*, зарегистрированное в одном северо-восточном болгарском пункте (Козичино, Поморийско), подтверждает гипотезу о переосмыслении с прилагательным *син* из-за синего оперения птицы (подробнее см. [БЕР VI: 671–672]); 1.34. ‘улитка с раковиной’ *ul-it-ъ* (на морфологическом уровне — корень — обнаруживаются корреспондирующие лексемы в средне-русских и особенно в севернорусских диалектах, где также представлены реликты прасл. **ulitъ* ‘полюй’, как и в Болгарии [Фасмер 1987: 159], *rož-ъk-ov-ъ*, *pa-smol-j-ak-ъ*, // *uxO-lež-ъ* // → *χ*, *O* → *ø*, *Guž-elj-ъ sъ čerup-ъk-a G* → *ž*, (*oxlj*)-*ov-ъ* из ср.-греч. *χοχλός*, (*oxlj*)-*ъk-ъ* из ср.-греч. *χοχλός*, (*melč*)-*е* из рум. *melc* (pl. *melci*), (*kodomelč*)-*ъ* из рум. *codobelci* pl. и *melc* (pl. *melci*), *melciu*, (*soljmen*)-*ъ* из тур. диал. *sölümen*, *sülümen*, *sülemen*, *ob-vejk-an-ъ* (*soljmen*)-*ъ*, (*baur*)-*ъ* из греч. *παούρι* (?) — только часть многочисленных названий для улитки в Болгарии); различные болгарские названия на к. 1.44. ‘божья коровка’ (*Coccinella*) *bož-ъj-A ma*=*j-ъk-a*, *bož-ъj-A koḡv-a*, *bož-ъj-A koḡv-ъk-a*, *bož-ъj-A koḡv-ic-a*, *bož-ъj-A koḡv-ič-ъk-a*, (*pop*)-*ov-a kal-in-ъk-a*, *bab-a tar-a*, *lit-ъ-mar-a* и др. дополняют богатую в этом отношении славянскую языковую картину; 2.3. ‘некастрированный самец коровы’ (*bug*)-*a* из тур. *boğa* — лексема с северо-восточным ареалом в Болгарии, находящимся в контакте с более крупным ареалом *byk-ъ*; 2.10. ‘самец кошки’ — название с неясной этимологией *kutumbas* — только одно из существующих трех десятков с корнем *kot-* в болг. диалектах⁹; 2.13. ‘самец утки’ *pat-ur-ъ*, (*jurdek*)-*ъ* из тур. *ördek*, *mçž-ъsk-Y* (*jurdek*)-*ъ*, (*rъcoj*)-*ъ* из рум. *gățoi* и др.; 2.22. ‘утка’ (*jurdeč*)-*ъk-a* от тур. *ördek*, (*jurdek*)-*yn-j-a* от тур. *ördek*; 2.47. ‘копыто коровы’ *ko*//*p-yt-ъk-ъ* // → *lo* (< *kolo*?), (*тъrnak*)-*ъ* из тур. *tırnak*; 2.49. ‘то, чем свинья роет землю, рыло’ *pъ-l-ic-a*, *du-l-ic-a*, (*mucun*)-*a* из греч. *μουτσοῦνα*, (*muc*)-*ъk-a*, (*musur*)-*a* из греч. *Μουσούρι*, (*gurn*)-*a* из греч. *Γούρνα*, (*žuru*)=*l-j-ak-ъ* от рум. *giurui*; 2.56. ‘бодает’ (о корове) *muš-i-tъ*, *muš-k-a-j-e-tъ*, *ruš-k-a-j-e-tъ*, [*kljus*]-*k-a-j-e-tъ*, [*bux*]-*a-j-e-tъ*; 2.63. ‘мяукает’ (кошка) — только в Болгарии кошка [*mjau*]-*K-a-j-e-tъ*; 3.2. ‘ствол, часть дерева от земли до кроны’ *dъbn-o*, *dъbn-er-ъ*, *dъbn-iš-ъk-a*, *debel-ъc-ъ*, *dobel-ъn-a*; 3.4. ‘ветвь хвойного дерева’ *klon-ъ*, *klon-ъk-a* — исключительно болг. названия без славянских соответствий и, вероятно всего, родственны праслав. **klaniti*, *klanq* [БЕР II: 464, 466]; 3.12. *šiška*; в болгарских диалектах, как и в остальных славянских, названия шишки многочисленны и разнообразны: *šlš-ar-až-ъk-a I* → *a*, *šiš-il-ъk-a*, *šik-al-ъk-a*, *šuš-ul-ъk-a*, *šuš-ur-ъk-a*, *kokor-j-ag-a*, *kokor-eḡ-a*, (*kakal*)-*j-až-ъk-a* от греч. *κόκκαλο*(v); 3.33. Названия

⁸ См. также к. Л 50 БДА. ОТ.

⁹ См. также к. Л 41 БДА. ОТ.

для 'лиственницы' (*Larix*) *list-ъn-ik-ъ*, *list-ъn-ic-a*, *na-list-ъn-ik-ъ* редки, но в болг. говорах являются единственными; 3.43. 'черника' (*Vaccinium myrtillus*) *brus-ъn-ak-ъ*, *brus-ъn-ic-a*; 8.6. 'человек, который строит каменные дома' (*dulger*)-ъ из тур. *dülger* (< перс. *durger*), (*dulger*)-*in-ъ* — образуют значительные ареалы; 8.19. 'человек, который мелет зерно на мельнице' (*dermenži*)-*j-a* из тур. *değirmenci* — образует крупный восточный ареал в болг. говорах, конкурирующий с более крупным ареалом {*vo*}*d-ъn-ic-ar-ъ* {*vo*} → *ov*; 8.25в. 'пастух свиней' (*biš*)-*ъk-ar-ъ* от алб. *bishë* (< итал. диал.) — в болгарской сетке ОЛА зарегистрировано единичное название в юго-западном говоре д. Кърналово, Петричко (п. 132); 8.51. 'стоит' *sъ-TVOr-u-v-a-j-e-тъ TV* → *t*, *O* → \emptyset ; 8.56. 'человек, который охотится' (*avž*)-*i-j-a* из тур. *avcı* находится в конкуренции с другой лексемой на всей болг. сетке; 8.57. 'охота на диких зверей и птиц' (*avžilъk*)-ъ из тур. *avcılık* оформляет восточный ареал, как и мн. др.

В сетке ОЛА болгарские диалекты отделены от славянского языкового мира такими лексемами, как: 2.60. 'ржет' (лошадь) *kvil-i-тъ*; 3.14. 'цветок' *květ-ε*; 3.38. 'можжевельник' (*Juniperus communis*) *xvoj-ъn-a*, (*ardъč*)-ъ из тур. *ardıç*; при картографировании этих лексем на картах Атласа оформились бы плотные, почти монолитные, неконтактные ареалы.

Будучи проанализирован в пространственном и хронологическом отношении, болгарский лексический материал в общеславянском диалектном ландшафте хорошо иллюстрирует специфический характер болгарского языка — классического славянского языка в IX в., а сегодня — славянского языка с множеством балканских черт. Это является результатом как собственного развития языка, так и влияния соседних и дистантных родственных и неродственных языков, а также и действия ряда экстралингвистических обстоятельств.

Карты ОЛА дают уникальную возможность спроецировать болгарский диалектный материал на общеславянский языковой контекст, обнаружить и визуализировать связи болгарского языка с языками трех славянских языковых групп и с помощью типологии ареалов увидеть как болгарский материал в славянском лексическом богатстве, так и те собственно-диалектные особенности, что определяют болгарский в качестве самостоятельного языка. Как хорошо видно из анализа болгарского материала в славянском континууме, большая вариативность, различные лексико-словообразовательные средства, с помощью которых носители диалекта создавали названия или заимствовали из других языков, формируют оригинальность и самобытность болгарских диалектов, которые, оставаясь типологически славянскими, идут по собственному самостоятельному пути развития. Опубликованный болгарский лексический материал к четырем томам ОЛА обогащает славянский лексический корпус аутентичными данными, которые восходят к общей прародине славян и помогают в ее реконструкции, а также содержат сведения о современном диалектном состоянии и существующих тенденциях развития говоров. Болгарский лексический диалектный материал объективно подтверждает неоднократно высказывавшееся мнение, что «типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая» [Вендина 2009: 37].

Перевод с болгарского М. Громовой

Литература

- БДА. ОТ. — *Български диалектен атлас*. Обобщаващ том. Ч. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.
- БЕР I — *Български етимологичен речник*. Т. I. София, 1971.
- БЕР II — *Български етимологичен речник*. Т. II. София, 1979.
- БЕР III — *Български етимологичен речник*. Т. III. София, 1986.
- БЕР V — *Български етимологичен речник*. Т. V. София, 1999.
- БЕР VI — *Български етимологичен речник*. Т. VI, София, 2002.
- БЕР VII — *Български етимологичен речник*. Т. VII. София, 2010.
- Василева 2009 — *Василева Л.* Хетероними със значение кълвач // Българско словно богатство. Словообразователни хетероними в българските говори. София.
- Вендина 2009 — *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М.
- Вендина 2011 — *Вендина Т.И.* Типология восточнославянских ареалов // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2009–2011. М.
- Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.
- Дзэндзелевский 1963 — *Дзэндзелевский И.А.* Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // Вопросы языкознания, №4.
- Китанова 2013 — *Китанова М.* Животинският (зооморфният) код в българската роднинска терминология и семантичната опозиция «свой — чужд». — web: *Свой за чуждите и чужд за своите*.
- Климов 1990 — *Климов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. М.
- Попов 2008 — *Попов Б.* Митолингвистичната структура в съвременните интердисциплинарни изследвания (реализации при названията на невестулка) // Български език, кн. 1.
- Степанов 1975 — *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. Т. I.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. Т. IV.
- Цонев 1984 — *Цонев Б.* История на българския език. София. Т. I.

Slavka Keremidchieva

Bulgarian Language Institute of the Bulgarian Academy of Sciences

(Sofia, Bulgaria)

slavka_ker@abv.bg

**THE BULGARIAN LEXICAL DATA
IN THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS
(Vol. 1. «Animal world». Vol. 2. «Livestock».
Vol. 3. «Flora». Vol. 8. «Professions and social life»)**

Based on lexical data presented in this study, there is proposed a projection of Bulgarian patois from OLA grid onto Slavic dialectal continuum. There are shown relationships between the Bulgarian and other Slavic dialects with the stress on distinctive lexemes peculiar to Bulgarian ones that define the specific character of the Bulgarian language on the lexical level.

Key words: dialectology, lingvogeography, bulgarian dialects, lexicon, morphological derivation.

References

Български диалектен атлас. Обобщаващ том. Чл. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика. Sofia, 2001.

Български етимологичен речник. Т. I–VII. Sofia, 1971–2010–.

Vasileva L. *Heteronimi със значение кълвач. Българско словно богатство. Словообразователни heteronimi в българските говори.* Sofia, 2009.

Vendina T. I. *Russkie dialekty v obshchoslavyanskom kontekste.* M., 2009.

Vendina T. I. *Tipologiya vostochnoslavyanskih arealov. Obshchoslavyanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovaniya. 2009–2011.* M., 2011.

Gura A. V. *Simvolika životnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii.* M., 1997.

Dzendzelevskij I. A. *Nekotorye voprosy interpretacii lingvističeskikh kart. Voprosy yazykoznaniya.* M., 1963, № 4.

Kitanova M. *Zhivotinskiyat (zoomorfniyat) kod v българската rodninska terminologiya i semantičnata opoziciya «svoj — chuzhd».* Web: Svoj za chuzhdite i chuzhd za svoite.

Klimov G. A. *Osnovy lingvističeskoj komparativistiki.* M., 1990.

Popov B. *Mitolingvističnata struktura v съвременните interdisciplinarni izsledvaniya (realizacii pri nazvaniyata na nevestulka).* Български език, 2008, kn. 1.

Stepanov Y. S. *Metody i principy sovremennoj lingvistiki.* M., 1975.

Fasmer M. *Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka. T. I–IV.* M., 1986–1987.

Conev B. *Istoriya na българскиya ezik. T. I.* Sofia, 1984.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

zhannavarbot@yandex.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСЕМ¹

Статья состоит из трех заметок по славянской этимологии. Основное внимание обращено на словообразовательный и семантический аспекты этимологического анализа. Предлагается реконструкция праслав. **osovъjъ* как производного от **osъ*; на основе словообразовательного анализа аргументируется различие как гомогенных омонимов праслав. **kręčiti* I ‘сгибать, сжимать’ и **kręčiti* II ‘вырвать, выдрать’ (как производного от **kręčъ* / **kręкъ* ‘пень, кряж’); аргументируется первичная мотивация праслав. **kъrkъ* ‘шея, затылок, задняя часть шеи, спина’ — ‘поворачивающаяся, сгибающаяся’ как производного от и.-е. **(s)ker-k-* ‘вертеть, сгибать’ при вторичности мотивационной связи с **kъrčiti se* ‘корчиться’ и **kъrkŋoti se* ‘твердеть’.

Ключевые слова: славянская этимология, реконструкция праславянской лексики, словообразование, гомогенная омонимия, первичная мотивация.

Словен.- с.-хорв. *osoviti*, словц. *osoviet*’ и праслав. **osovъjъ*

Словен. *osoviti* ‘поставить прямо (например сосуд)’ [Šašel I:282] явно генетически тождественно с.-хорв. *osoviti* ‘выровнять, поставить что-либо так, чтобы стояло прямо’: *bole me križa, ne mogu se osoviti* [RJA IX: 246]. Не упоминая словенского глагола, Ф. Безлай отнес сербохорватский к числу производных от праслав. **sovati, sujō* [Bezljaj II: 257, *osoniti*]. При структурной вероятности этого толкования семантическая связь не представляется убедительной. В этимологическом словаре словенского языка М. Сноя глагол *osoviti* не рассматривается, как и в словаре П. Скока. В [RJA IX: 246] статья о с.-хорв. *osoviti* имеет заключение «Postaŋe tamno». Между тем, в том

¹ Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ №15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

же [RJA IX: 246] есть статья «*osovan* adj. vertical» и следом «*osòvina* f. os», сопоставление которых определенно указывает на исходное производящее слово *os / osa* ‘ось’: от него было образовано прилагательное **osovъ* (расширенное затем вторым суффиксом в с.-хорв. *osovan*), от которого, в свою очередь, произведены с.-хорв. *osovina* ‘ось’ и словен. *osovina* ‘шасси’ [Pleteršnik I: 859]. Достаточно вероятно, что от прилагательного **osovъ* с семантикой *‘осевой’ → ‘вертикальный’ (см. «*osovan* adj. vertical») и были образованы с.-хорв. и словен. глаголы *osoviti* со значением ‘поставить прямо’.

Прилагательное *osovu* ‘осевой’ известно также словацкому языку [SSJ II: 594]. Со значительной долей сомнения можно, кажется, предположить, что производным от этого прилагательного является слвц. диал. (спиш. и шарииш.) *osoviet* ‘стать, остаться одиноким’: On uš calkom osovel. Osovel f celim domu [Sloven. nar. II: 648]. Первичная мотивация может быть реконструирована как ‘быть осью, центром’ (с последующим развитием значения) → ‘быть единственным’ → ‘стать одиноким’.

Фиксация прилагательного *osovu* в словацком языке и реальность соответствующих прилагательных как производящих основ в сербохорватском и словенском языках (с.-хорв. *osovan*, с.-хорв. и словен. *osovina*) дают основание для предположения, что образование прилагательного **osovъjъ* относится к позднепраславянскому периоду в условиях тесных контактов этих языков.

С.-хорв. *pokrečiti* и праслав. **krečiti* (*se*), **krečъ*

С.-хорв. *pokrečiti* ‘вырвать, выдрать’ определено в [RJA X: 547] как «темное». П. Скок в своем словаре не рассматривает этот глагол, но приводит из словаря Беллы дубровницкое, XVIII в. *iskrečiti* ‘оскалиться’ и, вслед за Вольтиджи, глаголы *iskrečiti*, *raskrečiti* ‘растопырить перья), раскорячиться’, выводя все из этимологического гнезда с исходным звукоподражанием *kek* [Skok II: 188–189]. Представляется, что это один из случаев обращения к возможностям звукоподражаний в формировании лексического состава языка без учета, однако, других потенциальных источников и с допущением необоснованного расширения семантики.

Альтернативное направление поисков решения определяется предложенной в [ЭССЯ 12: 141] реконструкцией праславянского глагола **krečiti* (*se*) на основе группы славянских глаголов: словен. *kréčiti* ‘наклонить’ (не ‘направлять’, как в ЭССЯ: см. [Pleteršnik I: 461] — *lenken*), *kriačit* (*sa*) ‘сжимать(ся)’, русск. диал. *крячить* ‘скручивать веревку палкою при связывании чего-либо’. Очевидна семантика сгибания, сжатия. Глагол определяется в ЭССЯ как родственный с **krečъ* и **krečъ* и далее с **kreğbъ*, **krežъ* [ЭССЯ 12: 141–142], славянские продолжения которых также объединяются семантикой сгибания, преимущественно в обозначениях частей деревьев (особенно толстых частей ствола) и орудий: ср. с.-хорв. диал. *крѣк* ‘подземная или нижняя часть ствола, корень, пень’, русск. диал. *кряк* ‘утолщенная часть ствола дерева, кряж’ [ЭССЯ 12: 144, **krečъ*], русск. диал. *кряч* ‘палка. употребляемая для скручивания на возах клади’, укр. *кряч* ‘жердь, которой поворачивают бревно’ [ЭССЯ 12: 141, **krečъ*], ст.-укр. *кряжь* ‘кряж’ [ЭССЯ 12: 142, **kreğbъ*]. Принятое в ЭССЯ определение отношений глагола **krečiti* и упомянутых

выше существительных как «родственных» или «соотносительных» [ЭССЯ 12: 142, **kręćь*] не только выражает осторожность в формулировке внутрignetовых словообразовательных отношений, но соответствует также и допущению утраты некой общей производящей глагольной основы со структурой, более древней, нежели **kręćiti* (ср. **kręgь* и **kręgnoti*).

Структура с.-хорв. *pokrećiti* ‘вырвать, выдрать’ позволяет и для этого глагола реконструировать исходную основу **kręćiti*, однако семантика противоречит генетическому отождествлению двух глаголов: **kręćiti* I ‘сгибать, сжимать’ и **kręćiti* II ‘вырвать, выдрать’. Представляется исторически реальной аналогия со словообразовательными связями в гнезде с корнем **kъrk-*: [Berneker I: 665–666] предлагал различие глаголов **kъrčiti* 1 с семантикой корчевания и **kъrčiti* 2 с семантикой сгибания, искривления, стягивания. Второй глагол Бернекер считал родственным с именами, восходящими к **kъrčь* с близкой глаголу семантикой (русск. *корча*, *корчи*, чеш. *krč* ‘судорога’, польск. *kurcz* то же, словц. *krčka* ‘завиток, локон’ и под.) и далее с **kręćiti* ‘сгибать, сжимать’, а первый охарактеризовал как «dunkel». В [ЭССЯ 13: 210] это разделение глаголов со значением ‘корчевать’ и ‘корчить, сводить судорогой’ признается «едва ли перспективным» и все соответствующие глаголы славянских языков объединены под реконструкцией глагола **kъrčiti*, истолкованного как производное от **kъrčь* [ЭССЯ 13: 209–210]. Это толкование соответствует объединению под реконструкцией **kъrčь* как имен со значением ‘судорога’, так и ‘узловатая нижняя часть ствола’ (рус. диал. *корч* ‘пень’, чеш. диал. *krč* ‘пень. колода’ и под.), причем вся группа возводится в конечном счете к **kъrk-* < **kъk-* с семантикой узловатости, верчения [ЭССЯ 13: 210–211]. Материал славянских языков свидетельствует, однако, скорее о гомогенной омонимии, а не полисемии лексем со значением ‘судорога’ и ‘узловатая нижняя часть ствола’ (с отсутствием непосредственного семантического перехода между этими значениями) и поэтому наиболее вероятным представляется параллельное образование от имен с этими значениями двух глаголов: глагола с семантикой сгибания, искривления, стягивания и глагола корчевания, опять-таки как гомогенных омонимов с разными, хотя и родственными, производящими основами, т. е. обоснованность предложенного Бернекером разделения праслав. **kъrčiti* 1 с семантикой корчевания и **kъrčiti* 2 с семантикой сгибания, искривления, стягивания.

Близкой к отношениям двух глаголов **kъrčiti* 1 и **kъrčiti* 2 представляется ситуация с рассмотренными выше **kręćiti* I ‘сгибать, сжимать’ и **kręćiti* II ‘вырвать, выдрать’. При наличии **kręćь* и **kręкь*, обозначающих изогнутые, узловатые части дерева (или деревянные орудия для сгибания), эти имена могут быть или соотносительными с **kręćiti* I ‘сгибать, сжимать’ или производными от этого глагола, но глагол **kręćiti* II ‘вырвать, выдрать’ более реально в плане мотивационных и соответственно словообразовательных связей рассматривать как производный от **kręćь* / **kręкь*.

Таким образом, предлагается рассматривать с.-хорв. *pokrećiti* ‘вырвать, выдрать’ как продолжение праслав. **kręćiti* II ‘вырвать, выдрать’, производного от **kręćь* / **kręкь* ‘пень, кряж’.

Словен. *skřkniti se*, с.-хорв. *skřknuti se* и мотивация праслав. **kьrkь*

Семантика продолжений праслав. **kьrkь* охватывает следующий набор понятий: ‘шея’ (ц.-слав., с.-хорв. диал., чеш., словц., словин., ст.-укр.), ‘задняя часть шеи, затылок’ (польск., словин., с.-хорв.), ‘спина’ (болг.), ‘горло, гортань’ (с.-хорв.) [ЭССЯ 13: 218]. Очевидна понятийная близость и, следовательно, возможность метонимического переноса названия в пределах этих трех понятий. Соответственно возможны различия в этимологическом толковании слова, особенно в отношении реконструкции первичной мотивации, в зависимости от того, какое из обозначаемых признается первичным.

В качестве возможных родственных образований на и.-е. уровне рассматриваются др.-инд. *kṛkātam* ‘шейный сустав’ и галльск. *cricon* ‘горло’, при общем источнике и.-е. **kṛko-* [ЭССЯ: 218–219]. Относительно исходного глагольного корня / основы и первичной мотивации предложено две версии: и.-е. **(s)ker-k-* ‘вертеть, сгибать’ с мотивацией обозначения шеи по способности к вращательному движению, при возможном родстве с праслав. **kьrčiti* ‘сгибать, крутить’ [Verneker I: 668; Pokorny I: 935; Воруš 223], и непосредственное родство с производным от того же корня **kьrčь* (польск. *karcz* ‘колода’) с мотивацией по узловатости, крепости соответствующих костных структур [Brückner 220]. Эту последнюю версию Славский считал менее убедительной «ze względu na trudności znaczeniowe» [Sławski II: 77–78]. Сомнениям Славского противостоит фиксация значений ‘задняя часть шеи’, ‘спина’ в нескольких славянских языках (см. выше, причем в польском ‘задняя часть шеи’ — единственное значение!), особенно если учесть традиционное ношение тяжестей именно на задней части шеи — верхней части спины: ср. рус. *на закорках*, с.-хорв. диал. *na křkē* [Skok II: 203].

Очевидно, этимологическое толкование зависит от соотносительного определения первичного значения праслав. **kьrkь* (и даже и.-е. **kṛko-*) и значения производящего глагола. Сопоставление значений, зафиксированных в славянских продолжениях **kьrkь* и в признаваемых индоевропейских соответствиях позволяет предполагать два противоположных направления семантического развития в имени: 1 ‘шея, шейный сустав’ → ‘затылок, задняя часть шеи, спина’ или 2 ‘затылок, задняя часть шеи, спина’ → ‘шея, шейный сустав’. Индоевропейские соответствия (которым традиционно отдается диахроническое предпочтение) свидетельствуют как будто в пользу первого направления, оно же предполагается и реконструируемым первичным значением исходного глагола и.-е. **(s)ker-k-* ‘вертеть, сгибать’. Однако Покорный учитывал достаточную распространенность развития семантики этого гнезда в направлении к ‘корчить, скрючивать, стягивать’ (= делаться узловатым, твердым) (откуда и праслав. **kьrčiti*, см. в предыдущей заметке) [Pokorny I: 935] и потому отметил возможность генетической общности этого гнезда с лексикой, объединенной им в гнездо и.-е. **(s)ker-* 1 с семантикой ‘засохший, грубый, твердый’ [Pokorny I: 935, 933]. Среди материалов, отнесенных Покорным к этому последнему гнезду, нет славянских глаголов, но они обнаруживаются в словенском и сербохорватском языках: словен. *skřkniti* ‘затвердеть,

сгуститься’ и с.-хорв. *skřknuti se* ‘загустеть, сгуститься’. Сной и отнес словенский глагол к одному гнезду с *křčiti* [Snoj 275], реконструируя для *skřkniti* первичное значение *‘съежиться, сжаться’ (с.-хорв. *skřknuti se* ‘загустеть, сгуститься’ [Skok III: 270] неосновательно возвел к звукоподражанию). Таким образом, и.-е. глагольное гнездо *(s)ker-k- обнаруживает семантическое развитие ‘вертеть, сгибать’ → ‘корчить, стягивать’ → ‘сгущаться, затвердевать’. Этой последовательности соответствует направление развития семантики производного имени ‘шея, шейный сустав, (горло?)’ → ‘затылок, задняя часть шеи, спина’, при восприятии последних как твердой, прочной опоры. Обратное направление семантического развития в глаголе невозможно. Поэтому следует принять и для производного имени направление 1. Утрата в славянских языках продолжений *(s)ker-k- с первичным значением ‘вертеть, сгибать’, мотивировавшим название шеи как ‘поворачивающаяся, сгибающаяся’, должно было сблизить это название в языковом сознании с глаголами со значениями ‘корчить, стягивать’ и ‘затвердевать’, что соответствовало метонимическому переносу названия шеи на соседние костные структуры. Таким образом, толкование Брюкнером праслав. **kьrkъ* [Brückner 220] как ближайшего родственного с **kьrць* (польск. *karcz* ‘колода’), предполагающее первичную мотивацию по признаку узловатости, отражает вторичные семантические связи и в этом качестве является случаем следования научной этимологии за народной этимологией.

Литература

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39–). М.: Наука, 1974–2014–.

Berneker – *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. B.I–II. Heidelberg: Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung, 1908–1914.

Bezljaj – *Bezljaj Fr.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana: Mladenska knjiga, 1976–2007.

Boryś – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. [Kraków]: Wydawnictwo literackie, 2005.

Brückner – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka wydawnicza, 1927.

Pleteršnik – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana: Katoliška tiskarna, 1894.

Pokorny – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. I–II. Bern: A. Francke AG Verlag, 1949–1969.

RJA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Sv. I–XXIII. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976.

Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Ślawski – *Ślawski Fr.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków: Nakładem Towarzystwa miłośników języka polskiego, 1952–1982.

Sloven. nár. – Slovník slovenských nářečí / Ved. red. Ivor Ripka. I–II–. Bratislava: Veda. Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1994–2006–.

Snoj – *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1997.

SSJ – Slovník slovenského jazyka / Ved. red. Š. Peciar. D. I–VI. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.

Šašel – *Šašel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža // Archiv za zgodovino in narodopisje. II. Maribor, 1936–1937.

Zhanna Varbot

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

zhannavarbot@yandex.ru

COMMENTARIES ON WORD-FORMATIVE AND SEMANTIC ASPECTS OF RECONSTRUCTION AND ETYMOLOGY OF SOME PROTO-SLAVIC WORDS

The article contains three etudes on Slavic etymology. Word-formative and semantic aspects are the most important in the analysis. Essential results are as follows: it is possible to reconstruct Proto-Slavic **osovъjъ* (derivative of **osъ*); in Proto-Slavic there were two homogeneous homonyms **kręčiti* I ‘bend, press’ and **kręčiti* II ‘pull out, root out’ (the latter being a derivative of **kręčъ* / **krękъ* ‘stump, log’); the primary motivation of Proto-Slavic **kъrkъ* ‘neck, the back of head, neck, back’ was ‘turning, bending’ (derivative of I.-E. **(s)ker-k-* ‘turn, bend’) and the motivator ‘knotty, hard’ is secondary, as a result of recent association with **kъrčiti se* ‘writhe’ и **kъrknoti se* ‘harden’.

Key words: Slavic etymology, reconstruction of Proto-Slavic lexicon, word formation, homogeneous homonymy, primary motivation

References

Etimologičeskii slovar’ slav’anskih yazykov. Praslav’anskii leksičeskii fond / Red. O. N. Trubachev (vyp. 1–31), O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev (vyp. 32), A. F. Zhuravlev (vyp. 33–38). [Etymological dictionary of Slavic languages. Protoslavonic lexical fund]. Iss. 1–39–. Moscow: Nauka Publ, 1974–2014– [In Russ.].

Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. [Slavic etymological dictionary] Bd. I–II. Heidelberg: Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung, 1908–1914.

Bezljaj Fr. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. [Etymological dictionary of Slovenian language]. Knj. I–V. Ljubljana: Mladenska knjiga, 1976–2007.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. [Etymological dictionary of Polish language]. [Kraków]: Wydawnictwo literackie, 2005.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. [Etymological dictionary of Polish language]. Kraków: Krakowska Spółka wydawnicza, 1927.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar*. [Slovenian-German dictionary]. D. I–II. Ljubljana: Katoliška tiskarna, 1894.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. [Indo-European etymological dictionary]. Bd. I–II. Bern: A. Francke AG Verlag, 1949–1969.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. [Dictionary of Croatian or Serbian language]. Sv. I–XXIII. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. [Etymological dictionary of Croatian or Serbian language]. Knj. I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Sławski Fr. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. [Etymological dictionary of Polish language]. T. I–V. Kraków: Nakładem Towarzystwa miłośników języka polskiego, 1952–1982.

Slovník slovenských nářečí [Dictionary of Slovak dialects] / Ved. red. Ivor Ripka. I–II–. Bratislava: Veda. Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1994–2006–.

Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. [Slovenian etymological dictionary]. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1997.

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of Slovak language] / Ved. red. Š. Peciar. D. I–VI. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.

Šašel J., Ramovš F. *Narodno blago iz Roža* [People's riches from Rozha] // Archiv za zgodovino in narodopisje. II. Maribor, 1936–1937.

Л. В. Куркина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
lyukurkina@rambler.ru

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ¹

Предметом этимологического изучения стали слова с затемненной внутренней формой из «Словаря русских говоров на территории Республика Мордовия». Сведения, предоставляемые диалектным словарем, позволяют полнее определить словарный состав русского языка, выявить лексемы, утраченные или слабо засвидетельствованные на славянской территории, проследить развитие семантики, восстановить иерархию значений, характер мотивационных отношений. Лексика служит источником сведений о материальной культуре народа (ср. терминологию ткачества). Многие слова отражают архаичную ступень в развитии семантики (ср. *замолаживать, обзадачить, пошлина, скрывать* и т. д.). С раскрытием внутренней формы слов расширяются представления о составе некоторых этимологических гнезд (ср. *заворка, запятина, защаблина, клица, омежной, снить, собор, стяблый, понетка, прилик, расковородить* и т. п.).

Ключевые слова: этимология, диалектная лексика, реконструкция, словообразование, семантика.

Материалом для изучения диалектной лексики послужил «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» (т. I–II, СПб., 2013). Это второе издание словаря (первое издание: вып. 1–8, 1978–2006) с уточнением состава словника, изменениями в толковании значения некоторых слов, с устранением некоторых неточностей и т. п. На протяжении многих десятилетий, начиная с 1962 г., силами Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева проводились диалектологические экспедиции в деревни и села с русским населением на территории Мордовии. Было обследовано 362 населенных пункта, собран большой материал. В словарь вошло 23 200 слов. Диалектный словарь, который вышел в серии «Памятники

¹ Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ №15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

русского диалектного слова», представляет состояние русской лексики на территории Мордовии во временной отрезок, охватывающий последние десятилетия. В нем заложен большой объем информации, важной в плане изучения собственно языковых процессов и отраженных в языке явлений культурно-исторического плана.

Диалектный словарь, объемный и многогранный по своему содержанию, содержит ценные сведения об укладе жизни русского населения, о сферах хозяйственной жизни, занятиях населения и т.п. По составу и объему тематических групп словаря, степени дифференциации лексико-семантических единиц, входящих в ту или иную группу, можно судить о духовной и материальной культуре русского населения на территории Мордовии. При знакомстве с материалами становится очевидным, что значительный фрагмент словаря приходится на лексику, связанную с прядением и ткачеством, которые, видимо, было одним из основных занятий населения. В составе этой разветвленной группы лексики наиболее дифференцированы наименования прялки, ткацкого стана и их деталей: ср. детали ткацкого стана: *двойник, оди́нчик, побёрда, подно́жка, прёнец, притуга́лина / притуга́лка / притуга́льник, распру́жка, прутóчек, распорка, скалка / ска́льница, ско́лотень / сколо́тина / сколо́тня, слопок, сновали́на / сновáлка / снову́шка, станóвьё / станóк, стоило́, стояк / стоянка, стерёк* и т.д.; прялка и части прялки: *до́нница, до́нцо́, прёнец, прясельник, пряселица, прясёлка / пряселко / прясельник / пряцилка, размóтка* и т.д. Немало наименований для грубого домотканого холста: ср. *оди́нчик* 'холст, сотканный в 11 пасм', *осно́ва, одерёга, потычка* 'домотканая женская рубашка' (< *тыкать*), *просто́й* 'хлопчатобумажный', *протянка, про́шесть, претяно́й* 'хлопчатобумажный' (< **ръть*) и т.д. Разные виды нити и пряжи имеют свои наименования: ср. *запрядок* 'небольшое количество пряжи на веретене', *одноце́пка* 'оборванная нитка основы при тканье, брак в ткани', *почи́нок* 'пряжа с одного веретена', *прéдево* 'нитки, полученные прядением; пряжа', *прóстень* 'пряжа с одного веретена', *прости́к* 'нить, спряденная из волокна конопля', *пряда, прядня, прялка* 'пряжа', *пряже́нец* 'клубок пряжи', *раско́лок* 'чередование нитей разного цвета в утке', *ска́нец* 'пряжа с одного веретена', *скань* 'клубок пряжи', *сканьё* 'ссученная пряжа', *снуйка* 'нить, спряденная вручную' и т.д. В обозначении процесса прядения, процесса тканья в основном участвуют гл. *скать, прясть, сновать*: ср. *засыка́ть, поска́ть* 'скрутить, ссучить в одну нить', *посыка́ть* 'приводить в круговое движение (веретено)', *скать* 'сучить пряжу' и 'ткать', *скава́ть* 'ткать', *мыкать* 'прясть', 'ткать', *снова́ть* 'свивать в одну нить, сучить', *основа́ть* 'приготовить основу для тканья', *прясть, прятить* 'прясть', *забира́ть* 'ткать, делать узоры', *точить* 'ткать' и т.п.

В словаре немало терминов обмолота и обработки зерна: *обо́йка* 'мельница-крупорушка', *шу́я* 'шелуха', *обишуйть* 'ошелушить' (Калосья апшуиш, а мякину курям), *полова* 'отходы при молотье, мякина', отсюда *поло́вня* 'сарай для хранения половы, соломы и т.п.', *пелёва, пыцея* 'мякина', *ухво́стье* 'остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье; мякина', *опла́вок* 'недомолоченный сноп' и т.д. В языке особо отмечены разные способы укладки снопов: ср. *краслушка* 'малая укладка снопов (5–6 снопов)' (от *кресло*), *крест* 'крестообразная укладка

снопов колосьями внутрь’, *одóнь, одóнье, одóня* ‘большой круглый стог необмолоченных снопов, сена, соломы’ (от *дно*), *скамéйка, становóушка* ‘способ укладки снопов’, *стоянка* ‘укладка из 10 снопов’ и т. д. Специальные обозначения имеет жердь, которой закрепляют солому: ср. *привязина, притúга, притúжка, притúжня* ‘жердь, которой закрепляют, прижимают солому на крыше’, *стожáр* ‘длинный шест, который втыкают в середину копны для устойчивости и т. п.’.

Центральное место в доме занимала печь. В словаре находим разные обозначения частей печи: ср. *опéчек, опéчка, подпéчник, подлáz, подмáр* ‘деревянное основание русской печи’, *посторóнок* ‘заслонка в русской печи’, *сковородá* ‘заслонка в русской печи’, *скулá* ‘углубление сбоку шестка русской печи’, *стволá* ‘печная труба’, *движóк, засóв* ‘задвижка для закрывания печной трубы’, *загнёт, зádорга, зацéпка* ‘углубление сбоку шестка печи, куда загребают угли’, *запéчье* ‘пространство между стеной и русской печью’, *свóды* ‘своды русской печи’, *челó* ‘внутренняя часть русской печи’ и т. п.

Словарный состав диалекта образует вполне самостоятельную систему, которая, оставаясь в рамках общерусского развития, имеет ряд особенностей, обусловленных разными причинами. Какие-то особенности изучаемого словаря обусловлены влиянием на систему русских диалектов со стороны далеких по своему строю соседних мордовских диалектов, принадлежащих к финно-угорской языковой группе. И это отдельный, самостоятельный аспект исследования. Лексика, зафиксированная на определенной территории, являясь частью общего словарного состава языка, представляет интерес в плане отражения тех процессов, которые протекают в диалектах в условиях влияния СМИ. Один из важных аспектов связан с историко-этимологическим изучением диалектной лексики, выявлением древнего наследия и инноваций, затрагивающих семантику и словообразование. Сравнительно-сопоставительный анализ лексики на славянском фоне с привлечением исторических данных помогает вскрыть динамику словообразовательных, семантических процессов, разграничить древнее наследие и новообразования, отражающие направление инновационных процессов. Сведения, предоставляемые диалектным словарем, позволяют полнее определить словарный состав русского языка, выявить лексемы, утраченные или слабо засвидетельствованные на славянской территории, проследить развитие семантики, восстановить иерархию значений, характер мотивационных отношений. Обращаясь к материалам этого словаря, мы сосредоточим внимание на той части лексики, в которой получили отражение те или иные архаичные особенности. Кроме того, в лексической системе одного диалекта многие слова существуют изолированно, в отрыве от родственных и этимологических связей, и задача состоит в том, чтобы определить место лексических диалектизмов в том или ином этимологическом гнезде. Вся совокупность полученных сведений расширяет наши представления о словообразовательном потенциале, составе и семантическом наполнении этимологического гнезда.

В русских говорах Мордовии находим редкие, архаичные слова, слабо сохранившиеся на русской территории. К числу таких лексических архаизмов можно отнести диал. *ночёвка* ‘неглубокое деревянное корыто’ (к **нъкѣву*), неизвестное

литературному языку, но широко распространенное в русских диалектах и на всей славянской территории [ЭССЯ 26: 51–52], *перт* устар. ‘изба, дом’, ограниченно представленное на русской территории (ср. др.-рус. *пърть* ‘баня’, арх. *перть* ‘жилая изба у карелов’ [СРНГ 26: 294]), с производным с преф. *па-* — *панперть*, морд. *пáперцы* ‘паперть’, ближайшие соответствия в лит. *pirtis* ‘баня; льномяльня’, лтш. *pirts* ‘баня’ < **pir-ti*, восходит к и.-е. **per-* ‘бить’ > слав. **perǫ, pьrati* ‘бить, мыть’ [Фасмер III: 245; Sławski, Zaręs 2: 44].

Словарь дает более полное представление о семантическом наполнении слова. В словаре находим лексемы со значением, отражающим раннее состояние семантики или ступень, которой мотивировано последующее развитие семантики: ср. *иглица* ‘спица для вязания’ (ср. болг. *игла* ‘вязальная спица’, рус. диал. *игла* ‘жердь, скрепляющая бревна’ и т. п.) < **ǰьgъla* [ЭССЯ 8: 213–214]; *подоплѣк* ‘подкладка у кофты или мужской рубахи от плеч до половины спины’, ср. в СРНГ [27: 108] *плѣка* ‘отделка по плечам платья’ < **plek-*, на базе которого сложилось *плечо*; *замолáживать, помолáживать / помолодítь, подмолоáживать* ‘покрываться тучами, заволакиваться облаками’ с отражением одного из основных признаков семантики исходной основы **mol-* ‘мягкий, слабый’; слабо засвидетельствованный на славянской территории гл. *знять* в старом значении ‘слабо гореть, тлеть’ (~ чеш. *znět* ‘тлеть’), связанный чередованием гласных со слав. **znojь* [Machek 1997: 717]; *спица* ‘заноза’, ‘спичка’, ‘игла ели, сосны’, ср. в СРНГ [40: 149] *спица* ‘деревянный гвоздь, колышек’, ‘длинная заостренная палочка, стержень’ и т. п. < **stьpica* [Фасмер III: 735]; *обзадáчить* в своем первоначальном значении ‘дать задаток’; *ощѣриться* ‘лишиться верхнего слоя, покрова; облупиться’, напрямую связанное с исходной семантикой основы **sker-* ‘резать, бить’, при основном в славянских языках производном значении ‘скалить зубы, ослабиться’ < ‘резать; лущить’, ср. морд. *щѣриться* ‘смеяться, хохотать’, далее *ощѣрить* ‘оскорбить’, ‘открыть, раскрыть, расширить’, слов. диал. *oškerit* ‘оскалить зубы’ и т. п. [Фасмер IV: 504; ЭССЯ 30: 150], ср. с тем же корнем морд. *пощеряй* экспр. ‘неуклюжий человек маленького роста’, ср. по той же модели на территории Мордовии *раззепáй* ‘крикливый человек’ от гл. *раззепáться* ‘раскричаться’, *расстебáй* ‘длинная накидка без рукавов’ от *стебáть* ‘шить, стегать’.

Словарь дает материал для наблюдений о преобразовании исходной семантики, о типах семантических взаимосвязей. Так, несколько продвинутую семантику отражают морд. *завѣтка* ‘подаренная вещь’ (ср. *завещевáть* ‘предчувствовать, предсказывать обычно что-л. неприятное’, *вѣтáть* ‘заботиться о ком-, чем-л., ухаживать’); *пóшлина* в значении ‘поминки’, ‘угощение по поводу свадьбы, проводов в армию и т. п.’ и ‘работа по наряду бригадира’ при др.-рус. *пошьлина* ‘искони заведенный обычай’ [СлРЯ XI–XVII вв. 18: 84], от *пошьль* ‘старинный, исконный; прежний, обычный’ [Фасмер III: 349]; *пráвый* ‘обладающий здоровьем’ при др.-рус. *правый* ‘прямой’, ‘правильный, верный, точный’, ‘настоящий, подлинный, истинный’ и т. д. [СлРЯ XI–XVII вв. 18: 121–124]; *примѣр* ‘участок земли, выделяемый дополнительно к приусадебному’, ср. морд. *прирѣзок, домѣр, намѣрок* с тем же значением, при ст.-рус. *примѣрь* ‘излишек, получившийся при измерении’, от гл.

примѣриту ‘прибавить, добавить при отмеривании, обмере’ [СлРЯ XI–XVII вв. 19: 214, 215]; *прискáться* ‘пристраститься, привыкнуть к чему-л.’, ‘отдаться какому-л. занятию, увлечься’, ‘пристать, привязаться’, ср. с другим вокализмом *присучить* ‘пристроить к делу’, от *скать/сучить*; *потѣмство*, производное от *потом* (< **рототь* ‘после того’), как и в других русских диалектах, связан с обозначением земли, хозяйственных построек, унаследованного имущества: ‘участок земли под домом и хозяйственными постройками’, ‘дом со всеми хозяйственными постройками’, ‘имущество, наследство’ [ср. СРНГ 30: 292] при общеупотребительном ‘потомки, люди последующих поколений’; *иссякáть* ‘худеть (от болезни, переживаний и т.п.)’, *присякáть / присякнуть* ‘уоставать (о ногах, руках и т.п.)’, ср. в СРНГ [43: 194] *сыкнуть* ‘истощаться, пропадать, высыхать (об источнике, какой-л. жидкости)’ < **seknoti* [Фасмер III: 826] и т.п. Заслуживают внимания гл. *скрылять* ‘собирать, заготавливать что-л. в небольшом количестве’, ‘выпрашивать, попросить’, *подскрыливать* ‘сгребать, подгрести к чему-л.’ и ‘подшучивать, насмеяться над кем-л.’, которые вместе с диалектизмами, отмеченными в СРНГ [38: 162–163], *скрыли́ть* ‘точить, грызть, постепенно разрушать что-л. (о языках, червяках и т.п.)’ (Бурят. ССР, 1989 г.), *скрыля́ть* ‘щепать, колоть (лучину)’ (смол.), ‘резать на кусочки, крошить (овощи)’ дают дополнительный материал в пользу связи значений ‘резать, щепать’ > ‘насмеяться’, ср. диал. *скрыли́ть, скрыля́ть* ‘подшучивать, насмеяться; высмеивать, насмеяться’ (ср. еще *скрыло́к: на смех да на скрылок* ‘подшучивать, смеяться’) [Меркулова 1982: 46]. Прямыми лексико-словообразовательными производными от этих глаголов являются именные образования *скрыли́на* ‘отходы после веяния ржи; мякина’ (калин.), ‘осколки, черепки посуды’ (калин.), ‘щепки при колке дров’ (калин.), *скрыль* ‘ломоть, кусок хлеба’ (смол.), ‘лучина, щепка’ (курск., брян.), с другим вокализмом рус. яросл. *скрэлки* ‘осколки, черепки от стекла, посуды’ [СРНГ 38, 162, 132; Фасмер III, 659].

Внутренняя форма многих слов затемнена, и с раскрытием внутренних связей слова полнее предстает состав того или иного этимологического гнезда. Последовательно рассмотрим наиболее выразительные примеры.

Заворка, заворна ‘проезжая дорога’, возможно, входит в гнездо рус. *верез, верени́ца, проворный* (далее к **verti*) с развитием значения ‘совать, плести’ (ср. диал. *заворáть* ‘запирать засовом’ [СРНГ: 336]) > ‘запор, засов’ и ‘ряд; веревка’ (ср. рус. диал. *верёнька* ‘веревка’ [СРНГ 4: 130], *обора* ‘веревка, бечевка’ [СРНГ 31: 92], *заворка* ‘веревка для прикрепления оглобель к саням’ и т.п. [СРНГ 9: 337]). Префикс *за-*, указывающий на расположение за чем-то, сужает круг поисков семантического признака, определяющего переход к значению ‘дорога’: это может быть обрыв, межа в виде гребня, обрыва между двумя полями [СРНГ 9: 335].

Заня́тина отмечено в русских говорах на территории Мордовии в значении ‘толокно’, в новгородских говорах — ‘каша из ржаной муки на воде, которую едят с салом и маслом’ [СРНГ 10: 374]. При общеупотребительном обозначении толченой, немолотой муки словом *толокно*, сложившемся на базе гл. *толочь*, в небольшой группе русских диалектов в том же значении представлено производное от прич. на *-i*- гл. **peṭi, rьno* в значении ‘толкать резким движением; пинать, пнуть’.

Как видим, в определенных контекстах гл. **pēti, rьnq* мог выполнять функцию термина обработки зерна. К этому же этимологическому гнезду принадлежит и морд. *перепень* ‘кувшин с узким горлом для браги’, производное с преф. *пере-* от основы наст. вр. гл. *пять* < **pēti, rьnq*, т. е. ‘узкая горловина, перетягивающая кувшин’, ср. еще иркут. *перепёнка* ‘перепонка’ [СРНГ 26: 183] и т. п.

Защáблина ‘острый выступ или трещина с выступающими краями на поверхности чего-л.’, ‘треснувшая корка на боках подового хлеба’, перен. ‘худая, тощая женщина’, ‘пощечина’, *защáбрина* ‘пощечина’ вместе с *щéбель* ‘булыжник, камень’, *щэблénка* ‘измельченный камень’, *щэбóрить* ‘отщипывать, откусывать небольшие кусочки; крошить’ дополняют состав продолжений гнезда **ščeb- / *skoba, *skobliti* [Варбот 1971: 3–4].

Кли́ца: как *клица* ‘о черстве хлеба’ (ср. как *колотушка*) расширяет географию лексемы **kьlica*, отмеченной, по данным ЭССЯ [13: 186], только на территории южных славян в основном в значении ‘росток, зародыш’. Исходная основа **kьlь* (ср. рус. диал. *кол* ‘острый нижний зуб у лошади’, ‘клык у собаки, волка’) восходит к нулевой ступени **kl-o* корня **kolti* [ЭССЯ 13: 192–193]. Приведенное в той же словарной статье сравнение как *клица* ~ как *колотушка*, от *колотить*, служит дополнительным аргументом в пользу соотношения *клица* с гл. **kolti*. Лексема из русских говоров Мордовии по своему значению ближе к семантике исходного гл. **kolti*.

Кречень: на *кречень* (с вариантами *крíчень, крычень, крjчень, крест*) *сесть* ‘обессилеть от болезни, старости и т. п.; стать нетрудоспособным’, вероятно, вариант слова **кречель*, производного с суф. *-ель*, представленного в др.-рус. *кричалы, кречелы* мн. ‘погребальная повозка’, диал. *крéчел* ‘погребальный одр, катафалк’. С учетом вариантов *крёкра* ‘толстая жердь’, *крéква* ‘дубина, кол, шест’ признается этимологически родственным праслав. **kroky / *krokъve* (рус. диал. *крóква*, мн. *кроквы* ‘стропила’) [ЭССЯ 12: 110]. Семантически ср. *околеть* от *кол*. Ср. однотипно построенные, но семантически более отдаленные морд. *Как на точíле сидеть* ‘долго находиться в одном положении’, *сидеть как на колú* ‘не подходить по размеру’.

Мащевáть ‘тосковать по умершему’ из **мозжевать*, к **moždžiti*, ср. еще морд. *мóзгнуть* ‘продолжительное время болеть; чахнуть’, рус. диал. *мозжítь* ‘причинять непрерывную, тупую, ломящую боль; ныть, ломить’, от **mozgъ* [ЭССЯ 20: 110].

Омежнóй ‘излишне подвижный, непоседливый’ относится к числу изолированных образований, утративших этимологические связи. В других русских диалектах находим с близким кругом значений *омежнóй, оме́жный* ‘шалной, бешеный’ (нижегор.), ‘сумасбродный, взбалмошный’ (нижегор.), *омежнóй* ‘жадный; много работающий ради накопительства, из жадности’ (ряз.), ‘прожорливый, ненасытный’ (ряз.), ср. *амежнóй* [СРНГ 23: 198–199]. Истоки этих образований в гнезде слав. **mīgati / *mьžiti* с семантикой движения: ср. *примигáть* ‘примчаться, быстро прийти’ (пск., твер.), ‘подмигивать’ (нижегор.) [СРНГ 31: 296], *замигáть* ‘смутиться’ (сев.-двин.), *замíгуха* ‘девушка, ведущая себя бойко’ [СРНГ 10: 246]. Та же основа **mьž-* с редукцией *ь* в слабой позиции в морд. *ómжа* ‘ненасытный, прожорливый

человек', *омжа ненасытный* 'о жадном, алчном человеке' [Сл. Мордовии II, 724], ср. еще *ómжа* 'о несметном множестве чего-л.; тьма, пропасть' (пск., симб., влад.), *омжа* 'обжора' (перм.), ср. *амжá* [СРНГ 23: 202], *замжítь* 'заморосить (о дожде)' (твер.), *замжáть* 'задремать' (твер.) [СРНГ 10: 246]. Русский диалектизм на территории Мордовии пополняет состав гнезда слав. **migati*.

Приведенные в словаре *опялышек* 'фуражка', *опялок* 'тесная, узкая одежда', *пял* 'приспособление в виде дощечки с двумя углублениями для подвешивания туши животного за задние ноги', *пяла* 'оконная рама' сложились на основе производного с суф. *-dlo* — **pedlo*, от гл. *opęti*, *rypę*.

оплáвка 'солома', *оплáвок* 'недомолоченный сноп', вероятно, с вторичным неполногласием из **ополовка*, **ополовок*, ср. *полóва* 'мякина', *половёжка* 'небольшая постройка на гумне для хранения мякины и недомолоченных снопов' [СРНГ 29: 86], сюда же *ополовня* 'небольшой сарай, где хранились мякина и корм для скота' [СРНГ 23: 276].

понётка, *понёток* 'верхняя одежда из домотканого сукна со сборками на талии' неотделимы от диалектных обозначений одежды из домотканой шерсти или холста *понётка*, *понёток* (перм., свердл., Мар. ССР, вят., тамб. и др.) [СРНГ 29: 263–264], производных от *нить*: домотканый материал имел льняную основу или льняной уток [Даль² III: 287].

оскрётки 'крошки, остатки еды', ср. *оскрётки* 'осколки, черепки, обломки; щепки', 'мелкие остатки пищи, объедки, крошки' (курск., орл., сарат. и др.), *оскрётать* полено 'нащепать лучину (из полена)' [СРНГ 24: 18], *скретúnка* 'маленькая частица чего-л.' (сарат., самар.) [СРНГ 38: 135], вероятно, связаны отношением производности с гл. *скрjатáть* 'сдвинуть что-л. с места', *скрентáть* 'щепать лучину, раскалывать на щепы' (калуж.) [СРНГ 38: 132, 170], *крётать* 'ломать, растаскивать по частям' [СРНГ 15: 238] < **křetati*, ср. производное от того же глагола рус. диал. *кретина* 'наносы из вырванного с корнем камыша, тростника и т. п. во время весеннего паводка', с.-хорв. диал. *кретина* 'деталь ткацкого станка' [ЭССЯ 12: 147].

пóстáть 'часть земельного участка различного размера, обрабатываемая в один прием; прогон', 'единица измерения земельной площади' относится к старым терминам земледелия. В этой функции термин хорошо известен русским диалектам: ср. в СРНГ [30: 218] *постать* в значении 'полоса поля, луга шириною в один взмах косы, захват серпом', 'ряд копен из снопов на пашне' и т. д.) < **po-statъ*. Производное с преф. **po-* от **statъ*, с первоначальным значением 'ряд' [БЕР 5: 549] входит в число терминов обработки земли в вост.-слав., а также ю.-слав. языках: ср. укр. *пóстать* 'полоса нивы, занятая жнецами', с тем же значением блр. *постат*, болг. *пòстат* 'полоса, которая сжинается за один раз', с.-хорв. *пòстáт* 'ряд жнецов во время жатвы', словен. *postát* также 'часть поля, которую можно сжать за один раз' и т. д., ср. заимствование в рум. *postátá* 'полоса земли, обработанная в определенное время', чеш. *postat* 'первонач. 'часть поля, которая обрабатывается одним косарем или жнецом' [Фасмер III: 341; Machek 1957: 385; Bezlaj III: 92].

Пружанка ‘обрабатываемый под посев участок земли, поле’ (Сл. Мордовии II, 1005), вероятно, производное от *пруг* ‘полоса’. На самой ранней ступени развития земледелия, которое характеризовалось применением подсеки, землю отвоевывали у леса, с помощью примитивной техники удавалось освободить от леса под посев лишь небольшие полоски земли. Ср. *полоса*.

Пряница ‘плоская крыша над скотным двором’, сюда же *прянички* ‘верхняя часть носка, связанная в резинку’ из **prędnica*, к **prędi*, **prędo*, ср. диал. *прясло* ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого’ (волог., олон., костр., вят. и др.), ‘расстояние между матицами на потолке’ (калин.), ‘широкая полка в амбаре, куда складывают ненужные вещи’ (краснояр.) [СРНГ 33: 92–94].

Обещерédить ‘обидеть’, связанное с диал. *щерéда* ‘угрюмый человек, брюзга’, ‘репейник, головка репейника с шипами’, ‘мелочь, лапша’ < **skerd-*, связано чередованием с рус. диал. *скорода* ‘борона’ [Фасмер IV: 504] с развитием значения ‘резать, драть’ > ‘обидеть’ и ‘осколок, мелочь’ и ‘то, что задирается’ > ‘кто придирается, вздорный человек’.

Прилик в значении ‘причина, предлог для каких-л. действий’ известно не только русским говорам Мордовии. По данным СРНГ [31: 275], это слово отмечено еще в форме ж. р. в том же значении в уральских говорах. В славянских языках это слово известно в значении ‘подобие, сообразное с условиями и возможностями’ > ‘приличие’, ср. ст.-рус. *прилика* ‘улика’ (1614 г.), *приликъ*: для прилику, *прилика*: для прилики ‘для виду, для приличия’ [СлРЯ XI–XVII вв. 19: 202], рус. диал. *прилика* ‘приличие, приличный вид; видимость’ (влад., яросл., твер. и др.), ‘улика’ (олон., арх., пск., перм., р. Урал и др.), ‘сравнение с чем-л.’ (орл.) и т. д., болг. *прилика*, с.-хорв. *прилика* ‘удобный, подходящий случай’, словен. *prilika* ‘случай, обстоятельство’ [БЕР 5: 718]. Очевидна связь с гл. *приличать*, *приличить* ‘уличать’ (арх., пск.), ‘узнавать, опознавать’ (моск., том.), ‘приметить, сличить’ (том.), ‘быть к лицу’ (алт.) [СРНГ 31: 277; Даль² III: 423], производного от *лик*, *лицо*. В образовании с преф. *при-* развивается значение ‘соответствовать чему-л., быть сообразным, быть подобным, похожим на кого-л.’, отсюда ‘при виде’ > ‘при наличии обстоятельство’ > ‘по причине’.

Расковорóжить ‘поранить, разбить какую-л. часть тела’, ср. *сковородить* ‘у плотников — делать в бревне вырубку для скрепления бревен сковороднем (вязкой в лапу, в охряпку)’, ‘у плотников — скреплять бревна сковороднем (вязкой в лапу, в охряпку)’ [СРНГ 38: 46], далее *скóвородень* ‘способ скрепления бревен’ [Фасмер III: 644] < **sko-vord-* [подробнее см.: Куркина 1988–1990: 57–60].

Слétиться ‘согреться (о воде)’ относится к числу слабо засвидетельствованных образований на славянской территории: в русских диалектах это *слétиться* с тем же значением ‘согреть, стать теплой (о воде)’ (том., калин.) и *слétить* ‘смешав холодную воду с горячей, сделать ее теплой’ (смол., брян.), а также *слеть* ‘нежиться в пару, в сыром тепле или преть’ [СРНГ 38: 272–273], им соответствуют польск. диал. *zlecić się* ‘стать теплым’, словц. диал. *zl’ecic* ‘чуть-чуть подогреть, сделать теплым’ [ЭССЯ 15: 8]. По данным ЭССЯ этот глагол, в простом виде не отмеченный

на территории русских диалектов, известен белорусским диалектам, ср. *лэціць* ‘подогревать воду’, *лэціцца* ‘греться, о воде’. Русский диалектизм расширяет географию образований, производных от несохранившегося прилаг. ***лѣть(ь)* ‘теплый’.

Отмеченная только в русских говорах на территории Мордовии лексема *сѳтня* ‘улица’ (ср. сяло-тъ балышая, на пять *сотин* раскинульсь) сложилась на базе гл. **тѣти*, **тъпѳ* ‘резать’. Семантическим подтверждением является слав. **dorga* ~ **dъrgati*, **sѣkti* ~ **prosѣka* и т. п.

Ромѳды мн. ‘ненужные, бесполезные дела’, *ромѳдѳть* ‘заниматься ненужными, бесполезными делами’, ‘делать что-л. неумело, кое-как’, ‘совершать что-л. предосудительное’ входит в одно гнездо с многочисленными образованиями с чередованием *е* : *о* в корне (ср. *рѳмонь* ‘ремень’, *ромѳонье* ‘суконная тряпка’, *рѳмох*, *рѳмох* ‘полотно, скатерть’, *ремѳха* ‘суконная тряпка’, *ремѳь* ‘тряпье’, *ремѳха* ‘суконная тряпка’ и т. д.), восходит к и.-е. **er-/*erǝ-* ‘рвать, разделять’ [Куркина 1997–1999: 84–86].

Сѣльник, *сѣльница* ‘сарай для хранения сена, соломы и т. п.’, ‘кормушка для скота’, ‘большая корзина из ивовых прутьев’, *сѣльница* ‘сарай для хранения сена, соломы и т. п.’, вероятно, по диссимиляции от *сено*, ср. *сѣнник*, *сѣнница* ‘место для хранения сена’, ‘корзина для сена’ и т. п., ср. омоним *сенник* ‘холодная пристройка за сенями, в сенях; чулан’ [СРНГ 37: 165–167]. Вероятно, другую природу имеет морд. *сѣльница* в значении ‘ковш’. Этот лексический диалектизм вместе с рус. диал. *сѣльница*, *сѣльня* ‘деревянное или берестяное корыто для просеивания в него муки’, ‘решето для очистки, просеивания зерна’, *сѣльня* ‘сито для просеивания муки’ и т. п. [СРНГ 37: 140–141] связаны отношением производности с рус. диал. *сель* ‘лоток для просеивания и хранения муки’ [СРНГ 37: 136] < **sѣль*, которое, в свою очередь, представляет собой образование с суф. *-ль* от **sѣti*, замещенного гл. **sѣjati* с вторичным расширением основы [Bezlaj 1967: 16–167].

Слопѳк ‘одна из двух параллельных палочек, образующих ниченки’, вероятно, входит в гнездо, объединяющее рус. диал. *слопѳк* ‘палка для опоры при ходьбе’, а также *слоп*, *слѳпѳц* ‘дубина, шест’ (север., вост., брян.) и ‘ловушка на зверей’ [СРНГ 38: 303–304] с соответствием в укр. *слопѳц*, польск. *stop*, *stopiec* ‘капкан, ловушка’. В состав продолжений этого гнезда входят и производные с преф. *об-*: *ослѳн* ‘большая палка, дубина’, сюда же *ослопѳна* в значении ‘бестолковый и ленивый человек’ [СРНГ 24: 25]. Этимологизация исходной основы *слоп* сопряжена с большими трудностями. Не проходит версия о звукоподражательной природе основы, параллельной *хлопать*, потому что речь идет не только о ловушке, основу которого составляет палка, бревно, наставленные над насторожкой [Фасмер III: 675 с обзором этимологий; ЕСУМ 5: 303]. В основном слова *слоп*, *слопѳц*, *слопѳк* известны в разных контекстах в значении ‘палка, дубина, шест’, и в пользу этого значения и употребление морд. *слопѳк* в качестве термина прядения — ‘одна из палочек’. Ф. Миклошичу принадлежит сопоставление со словен. *poslopje* ‘строение’, но дальнейшие связи затемнены. Проблематично сближение со словен. *stop* ‘водопад’, а также слов. диал. *vislopit’i si* ‘вывихнуть (ногу)’ и др. [Куркина 1978: 36–37].

Сныть, *снычка* ‘худая, слабосильная женщина’ вместе с отмеченными в СРНГ *одни снытки* ‘об исхудавшем, сильно похудевшем человеке, животном’ (Поедешь — лошадь полная, а приедешь — *одни снытки* останутся) (тамб.), *сныточка*, *сnyderочка* ‘ослабевший, обессилевший человек’ (пск.) [СРНГ 39: 135] с вторичным *ы* принадлежат гнезду слав. **snět-* / **snit-* < **snoit-* (ср.-в.-нем. *snīdan*, нем. *schneiden* ‘резать’, др.-исл. *sneif* ‘отрезанный кусок’ и т. д.), которое охватывает широкий круг образований с двумя основными значениями — ‘растение из сем. зонтичных’ и ‘колода; обрубок’: ср. рус. диал. *снытка* ‘раст. сныть’ (брян., калуж., орл., ворон.) и *снить* ‘доска, закрывающая леток улья’ [СРНГ 39: 112], укр. *snit*, *snita* ‘колода, обрубок’, блр. диал. *снеток* ‘боковая доска, которой закрывают боковой вход в улей’, польск. *śniat* ‘пень; колода’, чеш. *snět* ‘ветвь’, ‘ствол дерева; корпус тела’, *snítka* ‘трухлявое дерево’ [ЕСУМ 5: 336]. Наблюдается семантический переход ‘стебель, ствол’ > ‘зонтичное растение с большим пустотелым стеблем’ [Меркулова 1967: 62–64], ‘резать’ > ‘обрезок, обрубок’ > ‘колода, доска’ > ‘похожий на плоскую, узкую доску’ > ‘применительно к человеку: худой’ > ‘слабый, слабосильный’.

Собор ‘лапти’, возможно, связано с гл. *братъ*, *забрать* в значении ‘красиво выткать что-л.’, морд. *забирать* ‘ткать, делать узоры’. На этой территории в качестве синонима отмечено *слип*, чаще мн. ч., вероятно, производное от гл. *слипать* ‘соединять, сближать’ (~ *лепить*).

Стяблый, *истяблый* ‘очень худой, тощий’, ‘высокого роста, долговязый’ дает еще одно свидетельство этого прилагательного, отмеченного в СРНГ на р. Урал в значении ‘худой, болезненный’ [СРНГ 42: 122]. Вместе с морд. *стялый* ‘тощий, худой’ (с упрощением группы *бл*), ‘медлительный, вялый’, *истяблый* ‘худой, тощий’, вероятно, связаны со *стебель* в его экспрессивном варианте — *стябель* ‘стебель’, ср. *сухой как стеблó* ‘о худощавом человеке’ (новг.) [СРНГ 41: 108]. Такое объяснение, предполагающее этимологическое разграничение *стяблый* ‘худой, тощий’ и *отябелъ* ‘отчаянный, наглый; грубый, дерзкий’ с допущением для последнего производности от незасвидетельствованного гл. **обтябать*, — одно из возможных [ср. Меркулова 1983: 63–64].

Представленные в словаре *расцеголяться* ‘износиться, порваться’, *общеголять* ‘опередить’, ‘обрубать, обломать (сучки)’ и *щегóлка* ‘шеколда’ расширяют семантику и состав продолжений праслав. **ščьg-*/**ščig-* ‘рвать, драть’, ср. чеш. диал. *ščigat* ‘обрывать, ощипывать ветки, побеги’, рус. диал. *щигать* ‘приходить в изнеможение’, блр. *щегáць* ‘изнуряться’ и т. п. [Варбот 1977: 28–32].

Лексические диалектизмы русских говоров на территории Мордовии дополняют наши знания о словарном составе русского языка, расширяют понимание семантики и состава отдельных словообразовательных моделей.

Литература

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–7–. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2010–.

Варбот 1971 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // *Этимология* 1971. М.: Наука, 1973.

Варбот 1977 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII // *Этимология* 1977. М.: Наука, 1979.

Даль² — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского словаря. Т. I–IV. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей (репринт), 1981–1982.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / Ред. О.С. Мельничук, І.К. Білодід, В.Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко, В.Г. Складенко, Т.Б. Лукинова. Т. 1–7–. Київ: Національна Академія України, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні, 1982–2012–.

Куркина 1973 — *Куркина Л. В.* Славянские этимологии // *Этимология* 1973. М.: Наука, 1980.

Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Славянские этимологии // *Этимология* 1988–1990. М.: Наука, 1992.

Куркина 1997–1999 — *Куркина Л. В.* Еще раз к этимологии рус. *рамень* // *Этимология* 1997–1999. М.: Наука, 2000.

Меркулова 1967 — *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967.

Меркулова 1982 — *Меркулова В. А.* Восточнославянские этимологии. II // *Этимология* 1982. М.: Наука, 1985.

Меркулова 1983 — *Меркулова В. А.* Восточнославянские этимологии. III // *Этимология* 1983. М.: Наука, 1985.

СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30– / Ред. С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько. М.: Наука, 1975–2015–.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 1–46– / Ред. В.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Л., СПб.: Наука, 1965–2013–.

Фасмер — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* / Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Отв. ред. О.Н. Трубачев, А.Ф. Журавлев. Вып. 1–39–. М.: Наука, 1974–2015–.

Bezljaj 1967 — *Bezljaj F.* *Eseji o slovenskem jeziku.* Ljubljana: Mladinska knjiga, 1967.

Machek 1997 — *Machek V.* *Etymologický slovník jazyka českého.* Fotoprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 1997.

Lyudmila Kurkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

lyukurkuna@rambler.ru

NOTES ON THE MARGIN OF DIALECTAL DICTIONARY

The paper is devoted to an etymological analysis of several Russ. words, defined as obscure, from “Dictionary of Russian Dialects in Republic of Mordovia”. All words have not been studied in etymological dictionaries. The information, suggested by dialectal dictionary, lets more profoundly to define word content of Russian language, to find words, lost in Russian language, to follow the semantic development, to reconstruct the character of motivated relationship. Lexika gives information for study of material culture (cf. textile terminology). Some words reflect archaic stage in semantic development (*замолаживать, обзадачить, пошлина, скрывать* etc.). While defining of intern form of words it makes more wide the interpretation of etymological families (*заворка, запятина, защаблина, клица, омежной, снить, собор, стяблый, понетка, прилик, расковородить* etc.).

Key words: etymology, dialectal words, reconstruction, word, semantic.

References

Bezljaj F. *Eseji o slovenskem jeziku*. [An Assay of Slovenian Language]. Ljubljana: Mladinska knjiga Publ., 1967.

Bŭlgarski etimologichen rechnik. [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–7–. Sofia: Izdatelstvo na Bŭlgarskata Akademiya na naukite / Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 1971–2010–. (In Bulg.).

Dal’ V. I. *Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo jazyka*. [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Vol. I–IV. SPb.; M., 1880–1882.

Etimologicheskii slovar’ slav’anskikh jazykov. Praslav’anskii leksicheskii fond. [Etymological Dictionary of Slavonic Languages. Common Slavonic lexical fund]. Ed. by Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. Vyp. 1–39–. M.: Nauka Publ., 1974–2015.

Etimologicheskii slovar’ ukrainskogo slovaria. [Etymological Dictionary of Ukrainian Language]. Vol. 1–7–. Kiev, 1982–2012–.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo jazyka*. [Etymological language of Russian language]. Vol. I–IV. M.: Progress Publ., 1964–1973.

Kurkina L. V. [Slavic Etymologies]. *Etymologia 1988–1990*. [Etymology]. M.: Nauka Publ., 1992.

Kurkina L. V. [Once more about Etymology of Russ. *ramenje*]. *Etymologia 1997–1999*. [Etymology 1997–1999]. M.: Nauka Publ., 2000.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. [Etymological Dictionary of Chehian Language]. Praha, 1997.

Merkulova V.A. [East-Slavonic Etymologies II]. *Etimologia* 1982. [Etymology 1982]. M.: Nauka Publ., 1985.

Merkulova V.A. [East-Slavonic Etymologies III]. *Etimologia* 1983. [Etymology 1983]. M.: Nauka Publ., 1985.

Sławski F. [An Essay of Word-formation of Common Slavic Language]. *Słownik prasłowiański*. [Common Slavonic Dictionary]. Vol. II. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich 1976.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [A Dictionary of Russian Language XI–XVII vv.]. Vyp. 1–29–. Moscow: Nauka Publ., 1975–2011–.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vyp. 1–46–. L.–SPb.: Nauka Publ., 1965–2013–.

Varbot Zh. [On Reconstruction and Etymology of some Proto-Slavian verbal stems and verbal nouns]. *Etimologia* 1971. [Etymology 1971]. M.: Nauka Publ., 1973.

Varbot Zh. [On Reconstruction and Etymology of some Proto-Slavian verbal stems and verbal nouns]. *Etimologia* 1977. [Etymology 1977]. M.: Nauka Publ., 1979.

Т. В. Горячева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

Статья посвящена этимологическому исследованию пяти восточнославянских диалектных слов: *баланцы́*, *воронёць*, *забугла́ть*, *ца́я* и *малофе́йки* во всей совокупности их фонетических и семантических вариантов. Слово *баланцы́* рассмотрено в двух значениях ‘болтовня’ и ‘мелкий лёд’. В первом значении слово или имеет звукоподражательное значение, или возводится к прасл. **bal-* ‘говорить’; второе же значение, вероятно, является производным от первого, что подтверждается типологическим материалом. Укр. слово *воронёць* в значении ‘напиток из водки, горілки’ мотивировано названием масти лошади. Кроме названий напитков, мотивированных названиями масти лошадей, в статье приводятся характеристики растений и трав, также производные от названий масти лошадей. Рус. диал. *забугла́ть* в значении ‘покрыть хлопьями снега’ возводится к семантически ёмкой основе **bug-* < и.-е. **bheug(h)-*/**bhoug(h)* ‘гнуть’, ‘губить, удручать’. Укр. слово *ца́я* ‘время перед рассветом’ связывается в статье с глаголом *щавити* ‘жать, давить’. Значение же русского диалектного *малофе́йки* ‘волны, рябь на поверхности воды’ является производным от русск. жарг. *малафья* ‘сперма, поллюция’, которое, в свою очередь, восходит к гр. *μολακία*.

Ключевые слова: этимология, семантическая типология, метеорология, фразеология, жаргон.

баланцы́

В Словаре Малечи приводится слово *баланцы́* (*баланцы*, *-цыф*), мн. в значении ‘мелкий лёд’: «Весь в *баланцы* лёд-то изломается» [Малеча I, А-Ж: 95] и тут же им записано слово *баланцы́* (*баланцы*, *-цыф*), мн. ‘болтовня’ [там же]. Словарь русских народных говоров приводит рифмованное выражение *аланцы-баланцы*,

¹ Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ №15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

неизм. в значении ‘то да сё, пустяки, болтовня’ в знач. сказ. «А сам теперь с бабами *алáнцы-балáнцы*» (Урал. Малеча, 1963) «Алáнцы-балáнцы разводить» (Урал. Малеча, 1963) [СРНГ² 1: 23]. В этом выражении, вероятно, слово *алáнец, -нца*, м. значит ‘непоседа’: «Алáнец-елáнец, непоседа, места не согреет, всё вскачь да вскачь!» (Макаров 1846, без указания местности) [Там же]. Слово же *баланцы* ‘болтовня’ может быть образовано от *балáнить, -ню, -нишь*, неперех. ‘говорить, болтать’ (Куйб., 1952. Арх.) [СРНГ 2: 74]. Гл. *балáнить* помещен Трубочёвым в ЭССЯ в гнездо **balakati*: «Сюда же, с иным расширением, первоначально той же основы чеш. диал. *baleňat* ‘болтать’ (валашск., Kott. Dod. k Bart. 2) и русск. диал. *балáнить* ‘говорить, болтать’ (куйб., арх., Филин 2, 74)».

В гнездо **balakati* также входят «болг. диал. *балáкам* ‘плескаться, играя в воде’ (Геров, Георгиев), сербохорв. *balakati* ‘болтать что угодно’ редк. (RJA I: 162), словц. *baláchat* ‘говорить небылицы, вносить смуты, смущать’ (SSJ I, 67), польск. диал. *balakać* ‘болтать’ (Warsz. I: 90), русск. *балáкать* ‘болтать, шутливо разговаривать’ (Опыт словаря говоров Калининской области: 29), *балякать* ‘разговаривать о том, о сем, без цели, без плана’ (Васнецов: 12), укр. *балáкати* ‘беседовать, болтать, калякать, разговаривать’ (Гринченко I: 23), блр. *балáкать* ‘калякать’ (Блр.-русс.: 115)». Праслав. **balakati* Трубочёвым транскрибируется как производное на *-kati* от звукоподражательной основы **bala-*, родственной др.-инд. *balbala-* [ЭССЯ 1: 145]. В украинском также находим слово *балáнци* в значении ‘баловство’, помещенное авторами «Этимологического словаря украинского языка» в гнездо *бáлувати* ‘баловать’, восходящее также к **bal-* ‘говорить’ < и.-е. **bha-* ‘говорить, рассказывать’ [ЕСУМ 1: 128–129].

Итак, русск. диал. *баланцы* ‘болтовня’ имеет или звукоподражательное происхождение, или восходит к праслав. **bal-* ‘говорить’. *Баланцы* ‘мелкий лед’ может иметь двоякое происхождение: слово может быть образовано от праслав. **bolna-*, к которому восходят славянские соответствия со значениями ‘оболочка’, ‘пленка’, ‘опухоль’, ‘шишка’ [Аникин 4: 28], оно может также, скорее всего, быть родственным *баланцы* ‘болтовня’, если принять во внимание звуки, издаваемые ломающимся льдом: звон, треск, шорох. Ср. яросл. *звенец* ‘лед во время вскрытия реки’ [СРНГ 11: 214], *балабóнчики*, мн. ‘кристаллы замёрзшей воды, сосульки (?)’ (от *балабóнить, -ю, -я, -ит (-ить)*, несов., неперех. ‘болтать, пустословить’). «Балабончики гремят у лаптей» [Брян. сл. 1: 26].

Интересно, что Фасмер допускает родство *шорох I, шершить* ‘шуршать’ и *шорох II* ‘неровная, шершавая поверхность’, ‘тонкие льдины, плывущие по реке осенью’, южн., зап. (Даль), *шорошь* ж. ‘первый лед, сало на реке осенью’, *шорашь* — то же, смол. (Добровольский), укр. *шерéшь* ж. ‘льдина’, *ше́рех* ‘тоненькая корка льда’ [Фасмер 4: 467–468]. Возможно, также родственны гл. *забóркать*¹ 1. личн. и безличн. ‘завзвучать; застучать, зазвенеть, забулькать и т. п.’ и *забóркать*² ‘замерзнуть, покрыться ледяной коркой’: «Снег таёт, ночью заборкает — наст будет» [СГРС IV: 15].

В словаре говоров Русского Севера записано слово *колоколка*⁵, собирает. ‘брызги воды, замерзшие на прибрежной траве’. Арх.: Плес. «*Колоколка* — это лёд намерзает на траве» [СГРС V: 259]. Возможно, от *колокол*?

Как сочетаются значения ‘шорох, звон, хруст’ и ‘лёд’, так возможно сочетание значений ‘шум’ и ‘грязь’. Авторы Этимологического словаря украинского языка приводят слово *gývo*² в значении ‘большая грязь’ с пометой «неясно» и тут же помещают слово *gývo* — ‘крик, шум’, считая его образованием от выкрика *gýi* («первоначально во время охоты, облавы») ‘ох, ах’, ‘выкрик, которым подгоняют скот, выгоняют зверя’, они возводят его к праслав. **hujь* («выкрик, которым, очевидно, подгоняли скот, загоняли зверей») [ЕСУМ 1 (А-Г): 513]. Очевидно, что можно отождествить *gývo*¹ и *gývo*² и считать единым словом со значениями ‘крик, шум’, ‘большая грязь’. Ср. записанное мною в Подмоскowie: «А у вас хайму-то больше (на садовых участках. — Т. Г.)» (т. е. грязи, беспорядку. — Т. Г.) при *хайм* ‘шум’.

воронѣць

Авторы «Этимологического словаря украинского языка» приводят слово *воронѣць* в значении ‘напиток из водки (горілки) и мѣда’ с пометой «неясно» [ЕСУМ 1: 427]. В русских диалектах находим *воронко* — ‘напиток из мѣда’ [СРНГ 5: 116], *воронок, -нкѣм* — ‘напиток из сотового мѣда, воды, дрожжей или хмеля, иногда с пряностями’ (Слов. Акад. 1806. Калуж., Ряз., Даль. Курск., Влад., Иван.), а также ‘черное пиво’ (Калуж., 1841) [СРНГ 5: 116]. Очевидно, что здесь представлена мотивация названия напитка (хмельного) от слова, обозначающего масть лошади — *вороной*. Ср. *гнедѣха* ‘деревенская брага, не слишком густая, тѣмно-рыжего цвета’ (Самар., Потанин, 1854) [СРНГ 6: 236], *саврѣска* ж. ‘хмельная медовая брага’ [СРНГ 36: 16] — также названия хмельных напитков по масти лошадей. Ср. чеш. *hnědý* ‘коричневый’, *~e oči* ‘карие глаза’, *~é vlasy* ‘каштановые волосы’, ‘смуглый, загорелый’ и *hnědá polévka* ‘мясной суп’. Интересно также в связи с вышеизложенным польск. *piwny* ‘пивной’, *piwnie ocze* ‘карие глаза’.

Лошадиною мастью (вороной, гнедой) могут быть названы некоторые растения, трава, например, волог. *вороной* ‘тѣмноокрашенный, тѣмный по цвету’ значит также ‘густой (о траве)’: «Травѣ-то за фермой *воронѣя*, косить бы надо» [Волог. сл. 1: 83], новг. *воронѣй, -ѣя, -оѣ* ‘тѣмный, густой на полосе’: «Понавожена полоска, хлебец-то *вороной*, *воронѣя* рожь — зелёная, крепкая, овѣс широкопѣрый, чѣрный, *вороной*» [НОС 1: 137]. Мною записано (1980) в Подмоскowie фраза: «Вот пройдите *гнедой-то* травой» (трава была тѣмно-зелѣная. — Т. Г.).

Не менее интересна связь названий метеорологических явлений с названиями мастей лошадей; например *чалая погодка* ‘пѣстрая, снег, грязь’ при *чалый* ‘серый, с примесь другой шерсти’ [Даль² II: 581], *сивые космы инея* [Даль³ IV: 145], ср. кашуб. *s'ivaso* adv. o zmroku lub o świcie: ‘светло, пасмурно’ [Sychta V: 42]. Гл. *присаврѣсць* сов., перех., безл. определяется в СРНГ как ‘резко изменить, ухудшить вид кого-л.’. «Милой лады на полатах искосило бы глаза, притуманило бы, *присаврѣсило* бы!» (Олон. 1886–1898) [СРНГ 31: 374]. Здесь, очевидно, в определение значения вкралась ошибка: гл. *присаврѣсць* может значить

‘притупить зрение, заставить видеть «пасмурно»’ (вслед за *притуманило бы*). Масти сивый и саврасый близки по цвету, они светлые, правда в саврасой шерсти есть желтизна. Ср. *савраса* ‘желтая шерсть’ [Сл. Алтая 4 (Р-Я): 46]. С названиями мастей лошадей связаны также названия облаков, туч: блр. диал. *половú* ‘половый, бледно-жёлтый’: «Кажуць полова я хмарка дасць кóзыру» (Тураўскі слоўнік 4: 144), *палавú* прил. ‘чёрный, со светлыми снизу пятнами (о туче)’: «Палава́я хмара́ ідзе — чорна, стра́шна, зьнізу з рыжымі пляма́мі» [Аляксейчык 1975: 70].

Аникин приводит в «Русском этимологическом словаре» гл. *була́нить* ‘покрываться облаками’ (перм.), трактуя его как искажение **булачить* «~ блр. *булак* ‘облако’ (ЭСБМ 1: 407), рус. *болочи́на*, пск. *оболочи́на* ‘то же’, новг. и др. (СРНГ 3: 22; 168), *булакú* пск. (ПОС 2: 208)» [Аникин 5: 107]. Нам кажется, что следует вернуться к старому толкованию *була́нить* — 1. ‘делать что-либо жёлтым’ (иркут.) 2. ‘покрываться облаками’ (соликам., перм. 1852) [СРНГ 3: 267], как наиболее надёжному и типологически подкреплённому. Следует также внести коррективу в этию *була́неть* ‘рассветать’, кот. Аникин объясняет как образование от «була́ный I ‘рассветать’ < ‘желтеть’» [там же], м. б. не желтеть, а светлеть, ср. *була́ный* ‘белый’ (о коне, лошади). сиб., 1854 [СРНГ 3: 267].

забу́глать

В Архангельском областном словаре записан гл. *забу́глать*, *-áю, -áет*, сов., *кого-что и без доп.* безл. ‘покрыть хлопьями снега’. «В лёсе фсе́ забу́глато́ бо́ле. Забу́глать — снeк на сучья напáл, и он так валит, éто забу́глато́, докуда вeтер сильный не будeт» [АОС 15: 211]. Слово **буг(о)ль* в предполагаемом значении ‘ком снега’ в существующих областных словарях русского языка не обнаружено, его существование может подтверждать арханг. *буглы́ш*. То же, что *болды́рь* (в 4 знач.) — ‘небольшое возвышение на поверхности земли, холм, пригорок’. 3-е значение слова *болды́рь* ‘мерзлый ком грязи’ [СГРС I (А-Б): 137]. Оно могло бы восходить к праслав. **bugъla/*bugъль*, продолжения которого в славянских языках: болг. *бúгла* ж.р. ‘вид женского свадебного украшения’ (Младенов БТР), диал. *бугла* ж.р. ‘забота, повседневная суета, помеха в работе’ (Горов. Страндж. БД I: 69), ср. также Геров: *бúгла* ‘свадебное веселье’, ‘забота’, макед. стар. *бугла* ж.р. ‘забота, мука’ (Кон.), укр. диал. *бúгол* ‘большой камень в реке’ (закарп., Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названий рельефов). — Полесье, 218). — Сюда же производные сербохорв. *бúглав, -а, -о* ‘полный, круглоликий’ (РСА II: 245). Наконец, неясно русск. диал. *бугóль* ж.р. ‘пестрина, пежина, ласа, особенно в шерсти животных’ (Даль³ I: 333). Все эти славянские соответствия возводятся Трубачевым к «одной и той же семантически ёмкой основе **bug-* < и.е. **bheug(h)-/*bhoug(h)* ‘гнуть’, ‘губить, удручать’» [ЭССЯ 3: 78–79]. То есть ‘ком снега, хлопья’ угнетают, сгибают, утяжеляют ветки деревьев. Рус. диал. *бугóль* ‘пестрина, пежина, ласа, особенно в шерсти животных’ признаётся неясным и в «Русском этимологическом словаре» Аникина, как и всё гнездо **bugъla/*bugъль* [Аникин 5: 34] ввиду разности значений славянских соответствий.

щя́я

В Этимологическом словаре украинского языка помещено слово *щя́я* ‘время перед рассветом’ «ДзНЗ УЖДУ XIV (*щя́йна, щя́ва*) ‘тс’ с пометой “неясно”» [ЕСУМ 6: 501]. Вполне возможно, что это слово связано с *щавити* ‘жать, давить’ и, далее со *щя́вь* ‘сок, щавель’ [Фасмер IV: 495]. То есть свет утра как бы течёт, просачивается в узкую щель горизонта, выдавливается. Ср. лтш. *aizsvist* ‘запотеть — запотевать’; *brilla aizsvīdušes* ‘очки запотели’ и *gaisma tikko bija aizsvīdusi* ‘едва забрезжил рассвет’.

малофе́йки

В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» находим слово *малофейки*, чаще мн. в значении ‘небольшие волны, рябь на поверхности воды’: «Так вот тишинка, а потом зацернит вода, *малофейки* заходили» [Сл. Карелии 3: 194]. Кажется, что это слово тождественно рус. жарг. угол. *малафе́йя, молофейка*, -и, ж. ‘то же, что *малафья́ 1* — ‘сперма’, здесь же — *мала́фья, мало́фья; мо́лофья*, -и, ж. мол. угол. ‘сперма’, ‘поллюция’ [БСЖ: 332]. Эти слова отмечены в других жаргонных словарях: *молофейка*, -и, ж. ‘сперма’, *молофья*, -и, ж. ‘то же’ [Быков: 129], *малофья́ (малафья́, молофья́)*, ж. прост. ‘сперма, поллюция’ [Сл. рус. брани: 193], там же находим *малакия*, ж. устар. ‘онанист’, *малакейчик*, м. устар. ‘то же’, *малахвейка*, ж. ум. к *малакия*, *малахвия*, ж. ‘то же, что *малакия*’, *малофе́ечка*, ж. ум. к *малофья*, *малофе́йка*, ж. ‘то же’ [Там же: 193]. В текстах XVIII в. («Заветные сочинения» Ивана Баркова) встречается слово в форме *малаке́йка* ‘сперма’ и выражение *трясти малаке́йки* ‘заниматься онанизмом’ [Заветные сочинения Ивана Баркова: 295]. Все эти жаргонизмы восходят к др.-рус. *малакия* ‘рукоблудие’, известному еще с XI в.: «Трижде бо и *малакию* чьтоша (*μαλακίαν*)» Гр. наз., З. XI в. «Есть же и женска *малакия* уже и жены дѣуть друга друзѣ» Правила, 143. XIV в. «Егда еще был в попѣх, прииде ко мне исповѣдаться дѣвица, многими грѣхми обремененна, блудному дѣлу и *малакии* всякой повинна» Ав. Ж., 9, 1673 [Сл. РЯ XI–XVII вв. 9: 12]. Здесь же приводятся слова *малакий*, м. ‘тот, который занимается рукоблудием’ и *малакийникъ (малокийникъ)* ‘то же’ [Там же]. Слово *малакия* заимствовано из греч. *μαλακία, ἡ (μαλακός)* ‘изнеженность, слабость, малодушие’, *τὰ μαλακά* ‘чувственное удовольствие, нега’ [Вейсман: 779]. Здесь нужно отметить семантическую близость значений ‘сперма’, ‘поллюция’ и проявление также жидкости — ‘волны на воде’. Ср. жарг. эвфем. *болото* в значении ‘менструация’ [Сл. русск. брани: 88].

На формы *малафейка*, *малахвия*, *малофья́* в значениях ‘сперма’, ‘поллюция’ и др. оказало, видимо, влияние календарное имя Малахия, заимствованное из древнееврейского *mal'āki* ‘посланник мой’, арабск. *malāhī* и имеющее в русском языке формы *Малáхий, Малахе́й, Малафе́й*, сокр. *Малáха, Малáша, Маля* [Справочник личных имен: 433]. В словаре Тупикова зафиксирована также форма *Малопей*, каменецкий крестьянин. 1565 [Тупиков: 241].

В областном словаре вятских говоров записано слово *малофеевна*, м. и ж. ‘о человеке, любящем пошалить’: «*Совсем малофеевной стал!*» и *малофеевна* ‘суп, приготовленный из гороха и картофеля’ [ОСВГ 6 (М–Н): 15]. Эти слова, видимо, образованы от имени *Малафей*.

В вятских же говорах записано слово *мотофёя* ‘птицеферма’ [ОСВГ 6 (М–Н): 89], очевидно искажение *молофёя* и связано с *малафёйка*; ср., быть может, как подкрепление этой этимологии — *птица*, ж. устар. эвфем. ‘проститутка’, *птичка*, ж. ум. ‘гонорея’ [Сл. русск. брани: 279].

Литература

Аляксейчык Т. М. 3 дыялектной лексікі Навагрудчыны // 3 народнага слоўніка. Мінск: Навука і тэхніка, 1975.

«Заветные сочинения» Ивана Баркова. СПб.: Авалон; Азбука классика, 2007. Справочник личных имен народов РСФСР: Рекомендуются министерством юстиции в качестве практического пособия для работников органов записи актов гражданского состояния РСФСР / Под ред. А. В. Суперанской (отв. ред.), Ю. М. Гусева. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Русский язык, 1979.

Сокращения

Аникин 4 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Знак, 2011. Вып. 4 (боле–бтарь).

АОС 15 — Архангельский областной словарь / Под. ред. О. Г. Гецевой. М.: Наука, 2013. Вып 15. 479 с.

Брян. сл. 1 — Словарь брянских говоров / Под ред. В. И. Чагишевой. Л.: Издательство ЛГПИ им. А. Н. Герцена, 1976. Вып. 1 (А–бояться).

БСЖ — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. М.: Норинт, 2000.

Быков — *Быков В.* Русская феня. Смоленск: Траст-Имаком, 1994.

Вейсман — *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Репринт V издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.

Волог. сл. 1 — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда: Издательство ВГПИ, 1983. Вып. 1.

Гринченко I — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Київ: Изд-во редакции журнала Киевска Сбарина. 1907. Т. I–XXVIX.

Даль² II — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и государственных словарей, 1955. Т. II.

Даль³ IV — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное / Под. ред. Бодуэна де Куртене. М.: Вольф, 1909. Т. IV–XII.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Редакційна колегія О. С. Мельничук (головний редактор), І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. Київ: Наукова думка, 1982–2012–. Т. 1–6–.

Малеча 1 — *Малеча Н. Н.* Словарь говоров уральских (яицких казаков). Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. Т. 1–4.

НОС 1 — Новгородский областной словарь / Авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова. Новгород: Издательство Новгородского государственного педагогического института, 1992. Вып. 1.

ОСВГ 6 — Областной словарь вятских народных говоров. Под общ. ред. З. В. Сметаниной. Киров: Издательство ВятГГУ, 2011. Вып. 6.

СлАлтая 4 — Словарь русских говоров Алтая / Под ред. И. А. Воробьёвой, А. И. Ивановой. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. Вып. 4.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Том I (А–Б). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001.

Сл. Карелии 3 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Ответственный редактор выпуска О. А. Черепанова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. Вып. 3.

Сл. рус. брани — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русской брани / матизмы, обценнизмы, эвфемизмы. СПб.: Норинт, 2004.

Сл. РЯ XI–XVII вв. 9 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. В. П. Филин. М.: Наука, 1982. Вып. 9.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Соколетова. Л.: Наука, 1966. Вып. 1.

СРНГ² 1 — Словарь русских народных говоров / Составил Ф. П. Филин. 2-е изд., исправленное. СПб.: Наука, 2002. Вып. 1.

Тупиков² — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имён / Вступ. статья и подготовка текста В. М. Воробьёва. М.: Русский путь, 2004.

Тураўскі слоўнік 4 — Тураўскі слоўнік / Складальнікі А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін, П. А. Міхайлаў. Мінск: Навука і тэхніка. 1985. Т. 4 (П–Р).

Фасмер 1 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1973. Т. IV.

ЭСБМ 1 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / В. У. Мартынаў, А. Я. Супрун, Г. А. Цыхун і інш.; рэд. В. У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. Вып. 1 (А–Г).

ЭССЯ 3 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1976. Вып. 3.

Sychta V — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wr.–W-wa–Kr.–Gd.: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1972.

Tatiana Goryacheva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
etymol@mail.ru*

ETYMOLOGICAL REMARKS

The paper deals with the etymological research of five East.-Slav. dialectal words: *баланси́и*, *вороне́ць*, *забу́глать*, *ца́я* и *малофе́йки*, regarding all the scope of their phonetic and semantic variants. The word *баланси́и* was analyzed in the meanings ‘chatter’ and ‘small icicles’. In the former meaning it is either onomatopoeic word, or it could be deduced from protoslav. **bal-* ‘speak’; the latter one is, probably, derivative from the former, which could be confirmed with the typological data. Ukr. *вороне́ць* in the meaning ‘drink produced with vodka or *horilka*’ is motivated by the horse colour. Despite the drinks, the paper observes some features of herbs and plants, described by means of other horse-suit words. Rus. dial. *забу́глать*, meaning ‘cover with snow flakes’ is attributed to the root **bug-* < i.-e. **bheug(h)*-/ **bhoug(h)* ‘bend, bow’, ‘oppress, bring to ruin’, known with its semantic capacity. Ukr. слово *ца́я* ‘time before dawn’ is connected with the verb *цавити* ‘press, oppress’. The meaning of Russ. dial. *малофе́йки* ‘waves, ripple on a water surface’ is deduced from the Russ. slang *малафья* ‘cum, wet dream’, descending from the Greek *μαλακία*.

Key words: etymology, semantic typology, meteorology, phraseology, slang.

References

- Alykseichyk T. M. *Z dyialektnoi leksiki Navagrudchyny* [On some dialectal words from the Novogrudok region] // *Z narodnaga Sloŭnika* [From folk Lexicon]. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1975.
- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Znak Publ., 2011. Issue 4 (bole–btar').
- Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Ed. O. G. Getsova. Moscow: Nauka Publ., 2013. Issue 15.
- Bykov V. *Russkaya fenyá* [Russian thieves' slang]. Smolensk: Trast-Imakom Publ., 1994.
- Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of Byelorussian]. V. U. Martynaŭ, A. Ya. Suprun, G. A. Tsykhun etc.; ed. V. U. Martynaŭ. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1978. Issue 1 (A–G).
- Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: State Publishing House of Foreign and state dictionaries, 1955. Vol. II.

Dal'. V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. Second edition, revised and greatly enlarged. Ed. Boduen de Kurtene. Moscow: Vol'f Publ., 1909. Vol. IV–XII.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Ed. O. N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1976. Issue 3.

Etimologichnii slovník ukraïns'koï movi [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1982–2012. Vol. 1–6.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from the German and added by O. Trubachev. Moscow: Progress Publ., 1973. Vol. IV.

Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of Ukrainian language]. Kiev, 1907. V. I–XXVIX.

Malecha N. N. *Slovar' gorovor ural'skikh (yaitskikh kazakov)* [Dictionary dialects Urals (Yaik) Cossack]. Orenburg: Orenburg Book Publ., 2002. V. 1–4.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [Complete Russian slang dictionary]. Moscow: Noring Publ., 2000.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Slovar' russkoi brani / matizmy, obstsenizmy, evfemizmy*. [Dictionary of foul and abusive language]. SPb.: Norint Publ., 2004.

Novgorodskii oblastnoi slovar'. Eds. A. V. Klevtsov, V. P. Strogov. Novgorod: Publishing Novgorod State Pedagogical Institute, 1992. Issue 1.

Oblastnoi slovar' vyatskikh narodnykh gorovor [Regional Dictionary Vyatka dialects]. Ed. Z. V. Smetanina. Kirov: VyatGGU Publ., 2011. Issue 6.

Slovar' bryanskikh gorovor [Bryansk region dialects dictionary]. Ed. V. I. Chagisheva. Leningrad: LGPI im. A. N. Gertsena Publ., 1976. Issue 1 (A–boyat'sya).

Slovar' gorovor Russkogo Severa [Dictionary of dialects of the Russian North]. Ed. A. K. Matveev. Ekaterinburg: Ural University Publ. 1–.

Slovar' russkikh narodnykh gorovor [Dictionary of Russian dialects]. Eds. F. P. Filin. F. P. Sorokoletov. Leningrad: Nauka Publ., 1966. Issue 1.

Slovar' russkikh narodnykh gorovor [Dictionary of Russian dialects]. Ed. F. P. Filin. second edition revised. SPb.: Nauka Publ., 2002. Issue 1.

Slovar' vologodskikh gorovor. Uchebnoe posobie po russkoi dialektologii [Vologda dialect dictionary. Tutorial Russian dialectology]. Ed. T. G. Panikarovskaya. Vologda: VGPI Publ., 1983. Issue 1.

Slovar' russkikh gorovor Altaya [Dictionary of Russian dialects of Altai]. Eds. I. A. Vorob'eva, A. I. Ivanova. Barnaul: Altai State University Publ., 1998. Issue 4.

Slovar' russkikh gorovor Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Ed. A. S. Gerd. Executive editor of issue O. A. Cherpanova. SPb.: St. Petersburg University Publ., 1996. Issue 3.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII v. [Russian dictionary of the 11th–17th century]. Ed. V. P. Filin. Moscow: Nauka Publ., 1982. Issue 9.

Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR: Rekomenduetsya ministerstvom yustitsii v kachestve prakticheskogo posobiya dlya rabotnikov organov zapisi aktov grazhdanskogo sostoyaniya RSFSR [Handbook of personal names of the peoples of the RSFSR:

Recommended by the Ministry of Justice as a practical guide for employees of the Civil Registry of the RSFSR]. Ed. A. V. Superanskaja, Yu. M. Gusev; second edition, revised and enlarged. M.: Russkii yazyk Publ., 1979.

Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* [Dictionary Kashubian dialects based on folk culture]. Wr.–W-wa–Kr.–Gd.: Polish Academy of Sciences Publ., 1972.

Turajŭski sloŭnik [Turov region Dictionary]. Ed. A. A. Kryvitski, G. A. Tsykhun, I. Ya. Yashkin, P. A. Mikhailaŭ. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1985. V. 4 (P–R).

Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old personal proper names]. Moscow: Russkii put' Publ., 2004.

Veisman A. D. *Grechesko-russkii slovar'* [Greek-Russian dictionary]. Reprint from 1899 g. M.: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 1991.

«Zavetnye sochineniya» Ivana Barkova [«Cherished works» of Ivan Barkov]. SPb.: Avalon Publ., Azbuka klassika Publ., 2007.

Т. В. Шалаева
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
koulkuk@gmail.com

ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ КРУГА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье предлагается описание двух основных мотивационных моделей наименования круглых предметов в славянских языках на материале десятого выпуска «Общеславянского лингвистического атласа» «Народные обычаи» и словарей славянских языков. На основе выделенных первичных признаков номинации круга даются новые аргументы и уточнения для одной из этимологий праслав. **tokъ* ‘место для молотьбы’ и трактуются некоторые производные его синонима **gumьno*, называющих предметы круглой формы.

Ключевые слова: этимология, лингвистический атлас, ток, гумно, круг.

Тот факт, что материалы «Общеславянского лингвистического атласа» представляют большую ценность не только для славянской ареальной лингвистики и диалектологии, но и для других лингвистических и гуманитарных дисциплин вообще, является общепризнанным. И этимология в их ряду не составляет исключения [Вендина 2014, с. 20]. Так, десятый выпуск ОЛА «Народные обычаи» содержит сведения, которые позволяют выявить особенности номинации отдельных культурных реалий в славянских языках и, в результате, по-новому взглянуть на происхождение некоторых праславянских лексем, не имеющих точной общепринятой этимологии.

Материалом для анализа послужили данные следующих карт тома «Народные обычаи»: карта № 37 по вопросу L 2293 ‘круглый (о мяче)’ [ОЛА, вып. 10, с. 165–167] и карта № 38 по вопросу L 2297 ‘катится (о мяче)’ [ОЛА, вып. 10, с. 168–171]. Лексемы, отображенные на данных картах, дают возможность сделать некоторые выводы о способах обозначения круглых предметов в славянских языках и на их основе предложить уточнение к этимологии праславянского названия места для молотьбы **tokъ* и объяснить появление некоторых производных его синонима **gumьno*, называющих предметы круглой формы.

Так, по данным ОЛА, для славянских языков характерно два основных мотивационных признака в наименованиях круглого предмета. Один из них — «что-либо

сжатое, согнутое». Например, такая внутренняя форма свойственна продолжению праславянской лексемы **krǫgъ*, которая восходит к и.-е. **krengh-* ‘крутить, кружить, гнуть, сжимать’ с чередованием *e/o* в корне [ЭССЯ, вып. 13, с. 25–27]. Данное чередование является обычным при образовании имен от глаголов (ср. праслав. **sъberǫ* — **sъborъ*, **mertǫ* — **morъ*, **potekti* — **potokъ*). Семантика ‘согнутое, сжатое’ среди производных этого индоевропейского корня, кроме слов со значением ‘круглый предмет’, отразилась в следующих славянских лексемах: хорв. диал. *krug* ‘ущелье, расщелина, пещера’ и словен. *króg* ‘крутой поворот дороги’ [Там же, с. 25]. К тому же корню **krengh-* возводится праславянское существительное **krežь* (откуда русск. *кряж* ‘цепь высоких гор’, ‘толстый короткий обрубок древесного ствола’ и ‘о крепком коренастом человеке’ [ЭССЯ, вып. 12, с. 142–143, 148–149; Варбот 2012а, с. 305–308]). Как видно, в этой лексеме также сохраняется идея сжатости, сбитости.

По данным ОЛА, дериваты корня **krǫg-* (**krǫglъ*, **okrǫglъ*) выражают значение ‘круглый’ во всех славянских языках, кроме чешского и лужицкого [ОЛА, вып. 10, с. 167]. Однако, согласно «Этимологическому словарю славянских языков», и они содержат лексемы с той же семантикой: ср. чеш. *kruh* ‘круг, окружность’ [ЭССЯ, вып. 13, с. 25], стар. *kruhlost* ‘округлость’ [Там же, с. 23], диал. *krúho* ‘самое крупное медное кольцо в конской сбруе’ [Там же, с. 25], в.-луж. *kruh* ‘круг’ [Там же].

Другим распространенным мотивационным признаком, лежащим в основе названий круглого предмета, является «предмет, совершающий вращательное движение» или «образованный в результате вращательного движения». Он свойственен дериватам следующих корней:

**val-* (ср. болг. *вълчест* ‘круглый’ (праслав. **valъčestъ*), диал. *валавѣст*, *валювѣст* ‘то же’, макед. диал. *валувѣст* ‘то же’ (праслав. **valavestъ*), *вълчестен* ‘то же’ (праслав. **valestъnъ*) [БЕР, т. I, с. 116; ОЛА, вып. 10, с. 166–167]), производным от глагола **valiti* (*se*), **valjati* (*se*) [ОЛА, вып. 10, с. 169–170] (ср. болг. *вълям* ‘катить, катать’ [БЕР, т. I, с. 116], словен. *valíti*, *váljati* ‘то же’ [Bezljaj, kn. IV, s. 278], с.-хорв. *valjati* ‘то же’ [Skok, kn. III, s. 562]);

его варианта **vbl-* (ср. праслав. **obvblъ(jь)*: русск. *обълый* ‘круглый’, укр. *віблий* ‘то же’, болг. *обълий* ‘то же’, с.-хорв. *обао* ‘округлый, овальный’ и др. [ЭССЯ, вып. 31, с. 124–126; ОЛА, вып. 10, с. 165–167]);

**tǫrk-* (ср. болг. *търкаляст* ‘круглый’ [Болг.-русс. сл., с. 670], макед. *тркалест* ‘то же’ [Макед.-русс. сл., с. 727] (праслав. **tǫrkadljastъ* [ОЛА, вып. 10, с. 166–167]), болг. *търкало* ‘колесо’ [Болг.-русс. сл., с. 670], макед. *тркало* ‘то же’ [Макед.-русс. сл., с. 727] (праслав. **tǫrkadlo*), производным от глагола **tǫrkati*, **tǫrkaljati* [ОЛА, вып. 10, с. 169–170] (ср. болг. *търкалям* ‘катить, катать’ [Болг.-русс. сл., с. 670], макед. *тркала* ‘то же’ [Макед.-русс. сл., с. 727], словен. *trkljáti* ‘то же’ [Bezljaj, kn. IV, s. 227]);

**vǫrg-* (ср. болг. диал. *въргалест* ‘круглый’ [Болг.-русс. сл., с. 83], *въргалест* ‘то же’ [ОЛА, вып. 10, с. 165–167] (праслав. **vǫrgadljastъ* [Там же, с. 166–167])), производным от глагола **vǫrgaljati* [Там же, с. 169–171] (ср. болг. диал. *въргалям* ‘катать’ [Болг.-русс. сл., с. 83; БЕР, т. I, с. 210]).

По материалам ОЛА, данная мотивационная модель представлена в болгарском и македонском языках [ОЛА, вып. 10, с. 166–167]. Согласно другим изданиям, она распространена значительно шире, а именно и в восточно-, и в западнославянских языках: ср. русск. *валёк* ‘деревянный или металлический цилиндр, используемый в качестве катка, стержня и т. д.’, *валик* ‘туго набитая подушка цилиндрической формы’, ‘вращающаяся в механизмах деталь такой формы’, *валун* ‘большой округлый камень’, производные от глагола *валя́ть* ‘катать’; *облы́й* ‘круглый’, укр. *ві́блий* ‘то же’, чеш. *oblý* ‘округлый’, словац. *oblý* ‘то же’, в.-луж. *wobli* ‘то же’, н.-луж. *hobli* ‘то же’, польск. *obły* ‘то же’ [ЭССЯ, вып. 31, с. 124–126].

Представляется, что приведенный материал дает возможность подтвердить и уточнить одну из предложенных ранее этимологий праславянской лексемы **tokъ* ‘место для молотьбы’. Молотьба — это отделение зерен от сжатых колосьев. Она проходила на специальной ровной площадке, где были разложены высушенные снопы. Молотьба могла осуществляться двумя способами — вручную, когда колосья околачивали цепами, и при помощи домашнего скота, когда его гоняли по разложенным на гумне колосьям и в результате зерна осыпались.

Традиционная этимология связывает данную лексему с глаголом **tekti* ‘идти, бежать’ (это значение зафиксировано у всех индоевропейских соответствий этого глагола [Pokorny, b. 4, s. 1059–1060]) и в качестве мотивирующего признака признает движением домашнего скота по гумну для отделения зерен [ЕСУМ, т. V, с. 577–578; Фасмер, т. IV, с. 70; Fraenkel, s. 1052; Machek 1957, s. 531]. Согласно другой версии, **tokъ* является производным от глагола **tekti* ‘сыпаться, высыпаться (о зернах)’. Такое значение этого глагола характерно для большинства славянских языков: ср. русск. *выте́кать* ‘ронять зерно, осыпаться (о хлебе на корню)’ [БАС, т. 3, с. 606], укр. *текти* ‘то же’ [СУМ, т. 10, с. 59], блр. *точыцца* ‘сыпаться исподволь’ [Носович, с. 638], польск. *wytoczyć* ‘высыпать (зерно)’ [Warszcz., t. 7, s. 1081], с.-хорв. *rasteći se* ‘рассыпаться’ [RHSJ, t. 56, s. 283]. Название места для молотьбы в данном случае может быть мотивировано выпадением зерна из колоса [Шалаева 2009, с. 118–124].

Но, скорее всего, праславянская лексема **tokъ* получила свое значение по круглой форме площадки, на которой молотили. Так же как и ее омоним **tokъ* ‘сито для провеивания зерна’. После обмолота зерна собирали и отделяли от шелухи с помощью специального сита. Лексему **tokъ* ‘сито’ выводят из праслав. **točiti* ‘вертеть, крутить’, поскольку зерно веяли, совершая вращательные движения [Machek 1957, s. 531; Вору́з, 494; ЕСУМ, т. V, с. 611]. То же значение развивает и синонимичный праславянский глагол **krqžiti*: словен. *króžiti* ‘очищать зерно, хлеб’, русск. диал. волог. *кружить* ‘то же’ [ЭССЯ, вып. 13, с. 38–39].

Первичная мотивация «круглая форма» для **tokъ* ‘место для молотьбы’, кроме того, подтверждается другими родственными ему названиями круглых предметов: ср. серб. литер. *точак* ‘колесо’, диал. *точак* ‘гончарный круг’ [Трубачев 1966, с. 185] и общеславянское **točidlo* ‘круглый точильный камень’ [Там же, с. 374]. Все эти названия (**tokъ* ‘сито’, **točькъ* ‘гончарный круг’, ‘колесо’, **točidlo* ‘круглый точильный камень’) мотивированы вращательным движением, которое

совершает предмет. По-видимому, и **tokъ* ‘место для молотьбы’ получило названия от движения животных, которые ходили по кругу по специальной площадке и выбивали зерна из колосьев. В результате сама площадка принимала круглую форму. Об этом, кроме того, свидетельствуют производные от синонимичных корней русские диалектные лексемы: тул. *круг* ‘тропинка, которую выбивают лошади, ходящие вокруг конного привода молотилки’ [СРНГ, вып. 15, с. 292], чкал. *кружкѡм* ‘гоняя лошадей по кругу» (о способе молотьбы с помощью лошади, иногда запряженной в телегу, которую «гоняли» по разостланным по току снопам)’ [Там же, с. 312].

Таким образом, **tokъ* ‘место для молотьбы’ и ‘сито’, производные от глагола, обозначающего вращательное движение, по-видимому, можно поставить в один ряд с приведенными выше дериватами корней **val-*, **vbl-*, **vbrk-*, **vbrg-* и допустить, что, как и у них, первичным для **tokъ* мотивационным признаком был «предмет, образованный в результате вращательного движения».

Вероятно, в свете представленного материала можно трактовать отдельные дериваты праславянской лексики **gumьno* ‘место для молотьбы’.

Самая старая этимология связывает ее корнями **gu-* (и.-е. **gou-*) ‘скот’ (отсюда же праслав. **gov-ędo*) и **mьn-* (**męti*) ‘мять’ [например ЭССЯ, вып. 7, с. 175]. Но уже давно исследователи высказывают сомнения о возможности сложения типа **gumьno*, которое не имеет соответствий в индоевропейских языках, и предлагают рассматривать его как собственное славянское отглагольное образование с суффиксом *-ьno* аналогично **bьrv-ьno*, **pęt-ьno*, **polt-ьno* [Откупщиков 2001, с. 42–44; Schuster-Šewc, Bd. 5, S. 360–361; Варбот 2012б, с. 243–247]. Однако производящая основа слова вызывает споры. Так, Г. Шустер-Шевц предлагает считать **gumьno* продолжением и.-е. корня **geu-* ‘сгибать, округлять’ с расширением *-m-* и первичной семантикой ‘круглая площадка для обмолота зерновых’ [Schuster-Šewc, Bd. 5, S. 360–361]. Ж. Ж. Варбот замечает, что у этого корня нет других производных с элементом *-m-* и предлагает другую версию, а именно — о производности **gumьno* от праславянского глагола **gumati*, представленного в славянских языках следующими формами: чеш. диал. *houmat* ‘есть, жрать’, *gumat* ‘толочь’, словац. *gumat* ‘толочь, пихать, дергать’, с.-хорв. *гумати* ‘пожирать, лопать’ [ЭССЯ, вып. 7, с. 173]. Ж. Ж. Варбот восстанавливает общее для них значение ‘давить, бить, толочь’ и формулирует первичную мотивацию **gumьno* как «утоптанное место» или «место, где толкут (молотят) колосья» [Варбот 2012б, с. 246].

В славянских языках действительно существуют семантические параллели **gumьno* в такой трактовке, а именно производные от глагола **biti* (ср. словац. диал. *bojisko* ‘утрамбованный пол в риге, где молотят цепами, гумно’, польск. *bojisko* ‘ровная утрамбованная площадка’, ‘гумно, рига’, укр. диал. *бойииче* ‘ток, гумно’ [ЭССЯ, вып. 2, с. 166–167]), а также от глагола **moltiti* (ср. словен. *mlatišče* ‘место молотьбы’, чеш. диал. *mlatiško* ‘то же’ [ЭССЯ, вып. 19, с. 192], русск. диал. *молотильня* ‘то же’ (Слов. Аккад. 1847; ряз., калин.) [СРНГ, вып. 18, с. 240]). По-видимому, эти примеры подтверждают версию Ж. Ж. Варбот. С точки зрения структуры, для производности **gumьno* от глагола **gumati* нет никаких препятствий.

Г. Шустер-Шевц в своей этимологии, по-видимому, основывался на внеязыковом образе гумна как круга. Действительно, гумно в виде круглой площадки нашло свое представление в языке в лексеме **tokъ* (если высказанные выше соображения о ней верны), в болг. диал. *гѹвниште* ‘круглое место, на котором молотят снопы’ [Горов 1962, с. 77] (разрядка моя. — Т.Ш.) и в восточнославянских производных от **githno*, которые находятся в регулярных синонимических отношениях с продолжениями праслав. **krōg-*.

Это такие лексемы, как ст.-русск. *гуменце*, *гуменцо* ‘кружок на темени католических священнослужителей, выстригаемый при посвящении’ (Ипат. лет., 370; Арс. Сух. Проскинитарий, 51. 1653 г.) [Сл. XI–XVII вв., т. 4, с. 158], русск. диал. *гумѣнце* ‘кружок, выстриженный на макушке (темени) головы’ (волог., костром., нижегор., казан., ряз., смол.), ‘темя головы’ (ряз.) [СРНГ, вып. 7, с. 229], укр. *гуменце* ‘кружок на темени католических священнослужителей’ [Гринченко, т. I, с. 340], блр. *гуменце* ‘то же’ [Носович, с. 125] (от *гумно́*) и русск. диал. *кружѹк* ‘часть головы — макушка’ (арх.), ‘затылок’ (карел. (русск.)) [СРНГ, вып. 15, с. 313–314];

русск. диал. арх. *гѹмник* ‘разновидность выпечки’ (*Гумники пекли с картошкой, колобы картовные*) [СГРС, т. 3, с. 164] (от *гумно́*) и волог. *круглянка* ‘пирог из картофеля или с картофельной начинкой’ [СРНГ, вып. 15, с. 302];

русск. диал. олон. *гѹмежи* ‘поле’ [СРНГ, вып. 7, с. 228] (вероятно, преобразованное *гумѣшко* ‘небольшое или плохо оборудованное гумно’ (перм.) [Там же, с. 229]) и *круги́* (устар.) ‘«кон, часть пахотного поля»’ (самар., Слов. карт. ИРЯЗ) [СРНГ, вып. 15, с. 291–293], укр. *круг* ‘участок поля’ [СУМ, т. 4, с. 367], блр. полесск. *кружѹк* ‘небольшое поле’ [Лексіка беларус. Палесся, пункт № 178];

русск. диал. свердл. *гумѣшки* ‘речная галька’ [СРНГ, вып. 7, с. 229] (ср. *гумѣшко*) и *кругляк* ‘круглый камень’ (Слов. Акад. 1956, с пометой «обл.») [СРНГ, вып. 15, с. 302];

русск. диал. арх. *гумѣшко* ‘деревянный остов, на который надевается сеть силка для ловли птиц’ [СРНГ, вып. 7, с. 229] (ср. *гумѣшко*) и том. *кружѹк* ‘ловушка для птиц — обруч, в котором укрепляются волосяные силки’ [СРНГ, вып. 15, с. 313–314].

Подводя итог, можно сказать, что, хотя в слове **githno* первичный мотивационный признак «бить, толочь», его дериваты отражают экстралингвистические признаки самого места.

Таким образом, анализ мотивационных моделей материала, представленного на картах «Общеславянского лингвистического атласа», можно использовать для пересмотра и верификации этимологических трактовок праславянской лексики и ее продолжений в отдельных славянских языках.

Литература и источники

Болгарско–русский словарь / Сост. С. Б. Бернштейн. М., 1966.

Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1–7–. М., 2004–2007–.

Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–7–. София, 1962–2010–.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristь*, слав. *(s) *krega*) // *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М.–СПб., 2012. С. 301–310.

Варбот Ж. Ж. Вокруг славянского гумна // *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М.–СПб., 2012. С. 243–247.

Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М.–СПб., 2014.

Горов Г. Странджанският говор // Българска диалектология: Проучвания и материли. Кн. 1. София, 1962. С. 13–164.

Грінченко Б. Д. Словарь української мови. Т. I–IV. Київ, 1907–1909.

Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко и др. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Лексіка гаворак беларускага прыпяцкага Палесся: Атлас. Слоўнік / Рэд.: Ф. Д. Клімчук, У. А. Кошчанка, І. І. Лапуцкая. Мінск, 2008. (Электронная версия.)

Македонско-русский словарь / Под общей редакцией Р. П. Усиковой и Е. В. Вережниковой. М., 2003.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи. М.–СПб., 2015.

Откупщиков Ю. В. Из истории праславянского словообразования (рус. *звено*, *лоно*, *брашно*, *гумно*, *вено*) // *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001.

Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6–. Екатеринбург, 2002–2014–.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–). Т. 1–46–. М.–Л., 1965–2013–.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1–6), Ф. П. Филин (т. 8–10), Д. Н. Шмелев (т. 11–14), Г. А. Богатова (т. 15–26), В. Б. Крысько (т. 27–). Т. 1–29–. М., 1975–2011–.

Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003.

Шалаева Т. В. Вытекают из колоса зерна, или к этимологии слав. **tokь* // Русский язык в научном освещении. № 2 (18). 2009. С. 118–124.

Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–). Вып. 1–39–. М., 1974–2014–.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 2005.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, Göttingen, 1955–1965.

Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. 1–8. Warszawa, 1900–1927 (= 1952–1953).

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–IV. Bern–Münch., 1950–1969.

Rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Sv. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. Bd. I–V. Bautzen, 1978–1996.

Skok P. Etimologijski rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Tatiana Shalaeva

Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

koulluk@rambler.ru

ON THE DESIGNATION OF THE ROUND IN THE SLAVIC LANGUAGES

The paper deals with the description of two main motivation models in the nomination of round objects in the Slavic languages. The analyses is based on the materials of the 10th volume of the “Slavic Linguistic Atlas” “Folk Customs” and of Slavic dictionaries. As a result, there are given new arguments and concretisations for the one of the etymologies of the Praslavonic word **tokъ* ‘threshing-floor’. Also there are discussed some East Slavic derivatives of its synonym **gumьno* which denote round objects.

Key words: etymology, linguistic atlas, threshing-floor, circle.

References

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.

Bolgarsko–ruskii slovar’ [Bulgarian-Russian Dictionary]. Comp. by S. B. Bernshtein. Moscow, 1966.

Bolshoi akademicheskii slovar’ russkogo iazyka [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by K. S. Gorbachevich. Vol. 1–7–. Moscow, 2004–2007–.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow, 2005.

Bălgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Comp. by V. Georgiiev, Iv. Gălăbov, Y. Zaimov, St. Ilchev etc. Vol. 1–7–. Sofia, 1962–2010–.

Gorov G. *Srtandzhaskiiat govor* [Strandzha Dialect]. *Bălgarska dialektologiiia: Prouchvaniia i materialii* [Bulgarian Dialectology: Research and Materials]. Book 1. Sofia, 1962. P. 13–164.

Etimologichny slovnyk ukraïns'koï movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. by O. S. Mel'nychuk, I. K. Bilodid, V. T. Kolomiets', T. B. Lukinova, V. G. Skliarenko, O. B. Tkachenko etc. T. 1–6. Kyïv, 1982–2012.

Ètimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Ed. by O. N. Trubachov (vol. 1–31), O. N. Trubachov and A. F. Zhuravliov (vol. 32), A. F. Zhuravliov (vol. 33–). Vol. 1–39–. Moscow, 1974–2014–.

Fasmer M. *Ètimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated and added by O. N. Trubachov. T. 1–4. 4th edition. Moscow, 2003.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Heidelberg, Göttingen, 1955–1965.

Grinchenko B. D. *Slovar' ukraïns'koï movy* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1–4. Kyïv, 1907–1909.

Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. *Słownik języka polskiego*. T. 1–8. Warszawa, 1900–1927 (= 1952–1953).

Leksika gavorak belaruskaga prypiatskaga Paless'a: Atlas. Sloŭnik [Lexicon of Belarusian Polesie nearby Pripiat']. Ed. by F. D. Klimchuk, U. A. Koshchanka, I. I. Laputskaja. Minsk, 2008. (Electronic version.)

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.

Makedonsko-russkii slovar' [Macedonian-Russian Dictionary]. Ed. by R. P. Usikova, I. E. V. Verezhnikova. Moscow, 2003.

Nosovich I. I. *Slovar' belorusskogo narechiia* [Dictionary of the Belorussian Dialect]. Saint-Petersburg, 1870.

Obshch斯拉v'anskiĭ lingvisticheskiĭ atlas: Serii leksiko-slovoobrazovatel'naia. Narodnye obychai [Slavic Linguistic Atlas: Lexical and Word-formation series. Folk customs]. Moscow–Saint-Petersburg, 2015.

Otkupshchikov I. U. V. Iz istorii praslavianskogo slovoobrazovaniia (rus. *zveno, lono, brashno, gumno, veno*) [From the History of Praslavonic Word-formation (Rus. *zveno, lono, brashno, gumno, veno*)]. Otkupshchikov I. U. V. *Ocherki po etimologii* [Essays on Etymology]. Saint-Petersburg, 2001. [In Russ.]

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–IV. Bern–Münch., 1950–1969.

Rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Sv. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.

Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen*. Bd. I–V. Bautzen, 1978–1996.

Shalaieva T. V. *Vytekaiut iz kolosa ziarna, ili k ètimologii slav. *tokъ* [Grains are Flowing from the Ear, or on the Etymology of Slav. *tokъ]. *Russkii iazyk v nauchnom osveschenii* [Russian Language in the Scientific Interpretation]. Vol. 2 (18), 2009, p. 118–124. [In Russ.]

Slovar' govorov Russkogo Severa [Dictionary of the Russian North Dialects]. Ed. by A. K. Matveev. Ekaterinburg, 2002–2011–.

Skok P. *Etimologijski rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika*. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of the Russian Folk Dialects]. Ed. by F. P. Filin (vol. 1–24), F. P. Sorokoletov (vol. 25–). Vol. 1–46–. Moscow–Leningrad–Saint-Petersburg, 1965–2013–.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of XI–XVII cent.]. Ed. by S. G. Barkhudarov (vol. 1–6), F. P. Filin (vol. 8–10), D. N. Shmelev (vol. 11–14), G. A. Bogatova (vol. 15–26), V. B. Krys'ko (vol. 27–). Vol. 1–29–. Moscow, 1975–2011–.

Slovnyk ukraïns'koï movy [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1–11. Kyïv, 1970–1980.

Trubachov O. N. *Remeslennaia terminologiiia v slavianskirh iazykakh* [Craft Terminology in the Slavic Languages]. Moscow, 1966. [In Russ.]

Varbot Zh. Zh. *Zametki po slavianskoï ètimologii* (slav. *koristь, slav. *(s)krega) [Notes on the Slavic Etymology (Slav. *koristь, Slav. *(s)krega)]. Varbot Zh. Zh. *Issledovaniia po russkoï i slavianskoï ètimologii* [Research into the Russian and Slavic Etymology]. Moscow–Saint-Petersburg, 2012. P. 301–310. [In Russ.]

Varbot Zh. Zh. *Vokrug slavianskogo gumna* [Around the Slavic threshing-floor]. Varbot Zh. Zh. *Issledovaniia po russkoï i slavianskoï ètimologii* [Research into the Russian and Slavic Etymology]. Moscow–Saint-Petersburg, 2012. P. 243–247. [In Russ.]

Vendina T. I. *Tipologiiia leksicheskikh arealov Slavii* [Typology of the Lexical Areas of Slavia]. Moscow–Saint-Petersburg, 2014. [In Russ.]

А. К. Шапошников
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
etymol@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ГРЕЦИИ¹

Статья продолжает обзор этимологии славянских языковых реликтов греческого языкового ареала. Славянские языковые реликты всех видов (ономастических и аппеллятивных) описаны в алфавитном порядке на отрезке словника S–T (136 словарных статей). Автор уточняет реконструируемые праформы, рассматривает предложенные этимологические толкования и выбирает наиболее достоверные трактовки, иногда предлагая альтернативные решения.

Ключевые слова: местное название, гидроним, имя собственное, антропоним, глосса, термин, аппеллятив, заимствование, реконструкция, архетип, этимология.

Эта статья продолжает публикацию материалов к этимологическому словарю славянских языковых древностей Греции, предпринятую несколько лет тому назад (буквы P–R) [Шапошников 2011: 210–223]. Ниже расписан в алфавитном порядке отрезок словника S–T.

*sądomějъ: мн Σανταμέρι, Σανταμέρη (ороним и астионим в Ахее) — из юж.-слав. диал. *sądoměrjъ, притяжательного производного от имени собственного *sądoměrъ, ср. польск. *Sandomierz* [Vasmer 1941: 138; Іліаді 2008: 122].

*sądovica: мн Σανδοβίτσα (1319 г.), Σαντοβίτσα (Эпир, Янина) — из юж.-слав. *sądovica, производного с суф. *-ica* от праслав. *sądovъ, сопоставимо с чеш. *Sudovice* и польск. *Sędowica* [Vasmer 1941: 42, 49, 92; Іліаді 2008: 37].

*sągudatъ: этноним Σαγουδάται, слав. племя (Орестиды, Элимея, Эмафия) (SDPIOS II, 124, 150, 156) — по удалении греч. этникон-суффикса *-ātai* основа имеет вост.-иранск. облик: то ли производное с суф. *-at-* (косматый, бородатый) от аналога др.-русск. **сагадакъ**, тождественного осет. сагъадахъ ‘колчан’,

¹ Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ №15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

- ‘самострел’, ‘старинный лук с прикладом’, то ли от сармато-аланск. **sakundaka* ‘сакская одежда’ [Шапошников 2007: 279, 310].
- **sālóma*: греч. диал. *σάλωμα* ‘солома’ (Пелопоннес), *σάλομα* м. р. ‘тростник на озёрах, которым покрывают стрехи’ (Костурская обл.), ‘метла’ (окрестности Ламии), *σάλμα* ‘солома’ (Эпир), *σάλμα* ‘солома для покрытия крыш’ (Лариса, Кардица), ‘болотное растение, подобное высокой соломе, служащее для покрытия мазанок’ (Эпир), *sálma* ‘солома’ (саракачанск.) — из праслав. диал. **sālóma*, ср. болг. *слама*, неточную реконструкцию [Budziszewska 1991: 48, 92].
- **sāltināva* ~ **soltinova*: мн *Σαλτίνοβα*, *Σολτίνοβα* — юж.-слав. производное с суф. *-ov-* от основы «дометатезной» стадии праслав. **saltina* ~ **soltina*, ср. серб. *слѣтина* ‘солёный целебный источник’, ‘рассол’ [Vasmer 1941: 287–289].
- **šalъ(jъ)*: греч. диал. *ῥάλος* ‘безумие’ (Фессалия), *σάλος* ‘шум, шалости’ (Фессалия, Беотия), *σαλός* ‘сумасшедший’ (Фессалоники, Эпир), ‘глупость’ (Козани, Лариса) — из юж.-слав. **šalbъ(jъ)* ‘шалый, шальной’, ср. макед., болг. *шалав* ‘неспокойный, своевольный’ [Budziszewska 1991: 48–49, 92].
- **samovila*: греч. диал. *σαμοβίλα* ‘русалка’ (Леринский округ) — из макед., болг. *самовила* — тж. [Budziszewska 1991: 49, 92].
- **sebrъgъ*: греч. диал. *σέμπρος* ‘мужчина, сообщник женщины’, ‘каждый из двух поселян, который имеет по одному волу и объединяется для совместной работы на поле с товарищем’, ‘сосед’ (Македония), *σέμπρος* ‘испольщик при пахоте’ (Костурск. обл., Леринск. окр., Козани, Зап. Эпир, Пиндос, Лефкада, Кефалиния, Керкира, Ионические острова, Пелопоннес, Цакония), алб. *sëmbër* ‘испольщик при пахоте’, рум. *sîmbrás* ‘испольщик при летнем выпасе овец, при пахоте’ — из юж.-слав. рефлекса праслав. **sebrъ* [Budziszewska 1991: 49, 92].
- **segъna* или **seкъna?*: мн *Σέγγενα* (Эллада, Беотия, Фивы) — неясное, возможно, производное от гл. **segnoti*, едва ли передает напрямую праслав. **sežъnъ* ‘мера длины, сажень’ [Vasmer III: 545; Глиади 2008: 37].
- **seljane*: мн *Σελλάνα* (Ахея) — рефлекс праслав. **seljane* ‘поселяне’, ср. серб. *сѣљанин* [Глиади 2008: 117].
- **selo*: мн *Σέλος*, *Σέλλος* [Эвритания], *Σελά*, *Σελλά* [Ахея] — если это не старый греч. латинизм *сѣла*, *сѣлла* ‘седло’, то не слишком убедительно толкуется из юж.-слав. рефлекса праслав. **sedlo* ‘село’ [Vasmer 1941: 84, 138; Глиади 2008: 117].
- **sěmjane* или **sejmāni* (?): мн *Σεμίανι* (Авлония) — скорее всего, тождественно болг. истор. *сеймени* ‘полицейские солдаты времён турецкого ига’, возведение к юж.-слав. диал. **sěmjane* неубедительно [Глиади 2008: 102–103].
- **sěneza*: мн *Σένεζα* (Эпир, Авлона, округ Белградский) — скорее всего, греч. порча серб. *сѣница* ‘беседка’ или *сѣница* зоол. ‘большая синица’, но можно предложить толкование на базе юж.-слав. производного с суф. *-eza*, *-oza* от **sěno*, см. след., ср. русск. диал. *снегоза*, иначе неубедительно [Глиади 2008: 103].
- **sěnó*, чаще **s’anó*: сред. греч. *σανόν*, *σανός* ‘сено’ (Du Cange 1332), ‘*Trigonella foenum graecum*’ (Langkavel), греч. диал. *σανόν*, *σενόν* ‘сено’ (Ионические о-ва), *σανό* ‘сено’ (Козани, Лесбос), *σανός* ‘листья лозы’ (Самос), *σανός* ‘сено’ (Лерина, Костурск. обл., Гревена, Лариса, окрестности Ламии, Ливадия), алб. *sanë*,

- san* ‘сено’ — из юж.-слав. **šěno*, ср. болг. *сено*, диал. *сяно*, серб. *сѐно* — тж. [Budziszewska 1991: 49, 92].
- **šěgje*, **s’arǵje*: греч. диал. устар. *ῥαργία* ‘сальный пот овец’ (Фессалия), алб. *serë* ‘дѣготь, жидкая смола’ — из праслав. диал. **šěrgje*, ср. макед. *серей*, *serej* ‘жирность первого молока’, болг. диал. *сярей*, *šěrej* ‘сальный пот овец’, неточная реконструкция [Budziszewska 1991: 50, 92].
- **šěva*, **s’arǵva*: греч. диал. *σῆρβα* ‘подкожное потовыделение специальных желѣз’, ‘пот овец (весной)’, ‘пот’ (Греч. Македония) — из болг. диал. *серива вълна* ‘нестиранная шерсть’, неточная реконструкция [Budziszewska 1991: 50, 92].
- **seslovo* < **vьseslovo*: мн *Σέσλοβον* (Македония, Халкидики) — из болг. мн *Сеслово*, производного с суф. -ово от ис **Вьсеславъ** [Vasmer 1941: 212].
- **sestryni* или **sestrûn’a*: мн *Σειστρούνι* (Эпир, Янина) — из юж.-слав. **sestryni* или **sestrunь*, ср. хорв. *Sestrunj* (Спалато) и о-в *Sestrûnj* (*Sestrugn*, 1420–1479 гг.), чеш. *Sestrouň* [Vasmer 1941: 49–50; излишние сомнения Іліаді 2008: 84–85, 122].
- **šětoma*: мн *Σέτομα* (Македония, Флорина) — из юж.-слав. **šětoma*, сродни др.-русск. гидрониму **Шѣтомла**, ср. макед. вн *Сетина*, не слишком убедительно [Vasmer 1941: 195; Топоров 2006, 112; Іліаді 2008: 85–86].
- **sevěrgъ*: сред.-греч. этноним *Σεβέροι*, *Σεβέρεϊς* (Ниж. Камчия) (SDPIOS II, 278, 284) — из юж.-слав. **sevěrgъ*, тождественного этнониму в долине Северского Донца.
- **sidraga*: сред.-греч. жупания *Σῖδραγα* (обл. на Далматинском побережье с главным городом *Belegrado*, ныне *Biograd na moru*) — если перед нами не славянская передача производного от иллирийского **sidra* ‘белый’ [Mayer II: 106], то, возможно, производное с суф. -z- от хорв. основы сущ. *сѣдро* ‘железный якорь’, гл. *сѣдрати* ‘ставить на якорь (о судне)’, *сѣдрѣякъ* ‘якорный канат’, *сѣдрѣште* ‘якорная стоянка’, восходящей через сред.-греч. *σῖδερo* к др.-греч. *σῖδηρος* ‘железо’ [Skok IV: 229].
- **šjǫpotъ*: греч. диал. *ῥῖοπότης* ‘шум’ (Зап. Эпир), *σῖοπουτοῦς* ‘шум, звук’ (Македония), сюда же мн *Σῖοπότης*, *Σῖοπότηον* (Эпир, Арта), арум. *šǫput* ‘труба, по которой вода течѣт из источника’ (если не *Sopot*) — из юж.-слав. **šjǫpotъ* ~ праслав. **šepotъ* [Budziszewska 1991: 50, 92].
- **sisī*: греч. диал. *σῖσι* ср. р. ‘так говорит младенец, когда просит грудь матери’ (Македония), ‘перси’ (Леринск. обл.), алб. *sisë* — из болг. диал. *cusa*, *cucu* ‘женская грудь, груди, перси’ [Budziszewska 1991: 51, 92].
- **sīto*: греч. диал. *σῖτα* ‘орудие из мелкой сетки, натянутой на обруч, используемое для просеивания муки или процеживания жидкостей’ (Македония, Гревена), ‘сито’ (Костурск. обл., Леринск. обл., Трикала, Александруполис, Кардица, Арта), ‘сито для муки’ (Лариса, Карагуна, Самос, Хания), ‘ситце в деревянной оправе с сеткой из проволоки, очень мелкое’ (окрестности Ламии), ‘волосяное сито’ (Демирдеси), алб. *sitë*, арум. *sitã*, рум. *sitã* ‘сито’ — из юж.-слав. рефлекса праслав. **sīto*, ср. болг. *ситo*, серб. *сѣто* ‘сито’ [Budziszewska 1991: 50, 92].
- **šjupъka*: греч. диал. *ῥῖοῦλκα* ‘стручок’ (Македония) — из юж.-слав. **šjupъka*, ср. макед., болг. простореч. *шлюпка* ‘оболочка плода’, ‘яичная скорлупа’, ‘зелѣная оболочка грецкого ореха’, ‘листья початка кукурузы’ [неточно Budziszewska 1991: 50, 92].

- *sivica: мн Συβίτσα [Эллада, Этолия, Эвритания] — скорее всего, юж.-слав. производное с суф. *-ica* от *sivъ, см. след., излишне усложняют [Ліаді 2008: 130].
- *sivъ, -o, -a: греч. диал. σίβος ‘с проседью’ (Гревена), ‘сивый (о коне)’, ‘седой (о волосах)’ (Сярск. обл., Катерини, окрестности Ларисы), σίβο ‘животное с чёрно-белым окрасом шерсти’ (Костурск. обл.), σίβου ‘конь, мул, коза серой шерсти’ (Македония), *síva, sívo, sívu* ‘белый мул, мулица’ (Саракачанск.), алб. *sivë* прилаг. ‘сивый (о животных)’, арум., рум. *siv* ‘сивый’ — из юж.-слав. рефлекса праслав. *sivъ(*jb*), ср. макед., болг. *cив, сива, сиво* ‘сивый, седой’ [Budziszewska 1991: 50, 92].
- *(s)kakałéc: греч. диал. каркалétтос ‘человек, скорый на подъем’ (окрестности Ламии), иронич. ‘высокий худой человек’, ‘саранча’, ис Каркалétтос (Кардица), алб. *karkal’ëts, kërkalëts*, арум. *scarcaléc, scarcalëŕi* ‘саранча’, ‘кузнечик полевой’ — при весьма вероятном алб. посредстве из болг. *скакалец* ‘кузнечик полевой’, ‘саранча’, следует разделить гетерогенные формы [Budziszewska 1991: 51, 92].
- *skakálъ, *skakála, *skakálъje: греч. диал. скарка́л ‘большой зелёный кузнечик, саранча’ (Македония), ‘полевой кузнечик’ (Фракия), скарка́ла ж. р. ‘большой полевой кузнечик’ (Македония), скарка́л собир. ‘саранча’ (Фессалия, Зап. Эпир) — из макед. *скакал*, болг. диал. *скакал* (страндж.) [Budziszewska 1991: 51, 92; Шапошников 2009, 186].
- *skórdona: сред.-греч. астионим Σκóρδονα = Skradin в Брибирской жупании, иллирийский этноним *Scordisci*, топоним *Scordona* — дослав. иллиризм *skord-, skerd-, skard- ‘крутой, обрывистый’ [Mayer I: 316; II, 107] или кельтизм [Holder II: 1396, 1399–1405].
- *skoruša < *oskorusa: греч. диал. скароу́ща бот. ‘рябина *Sorbus aucuparia*’, рум. *scóruşă* ‘плод рябины’ — из болг. диал. *скоруша, оскруша* < юж.-слав. *oskoruša, производного с суф. *-ja* от *oskoruxa [Budziszewska 1991: 51, 92; ЭССЯ 36: 38–39].
- *skoruxa < *oskoruxa: греч. диал. скароу́χιά ж. р. ‘рябина’ — греч. переоформление (*-ia*) юж.-слав. диал. рефлекса *skoruxa < праслав. *oskoruxa [Budziszewska 1991: 51, 92; ЭССЯ 36: 38–39].
- *skutъсь < *loskutъсь: алб. *scutic* ‘грубый материал’, ‘лоскутки’, рум. *scutec* тж. — усечение юж.-слав. *loskutъсь, ср. макед., болг. *скут* ‘пола одежды’ [ЭССЯ 16, 86], см. след.
- *skutъje < *loskutъje: греч. диал. скоу́тí ‘грубая шерстяная ткань для сельской верхней одежды’, ‘одежда из грубой домотканой материи’, скоу́тíа мн. ч. ‘верхняя одежда’ — усечение юж.-слав. *loskutъje, ср. макед., болг. *скут* ‘пола одежды’ [ЭССЯ 16, 86], неверное толкование [Budziszewska 1991: 51, 92].
- *skъrdavina / *skardavina < *obskъrdavina / *obskradavina: греч. диал. скардаβίνα бот. ‘красильник *Anchusa variegata*’ — из юж.-слав. *skъrdavina, производного с суф. *-ina* от прилаг. *skъrdavъ ‘с запахом чеснока’, образованного посредством суф. *-av-* от корня *skъrd-, в свою очередь, заимствованного из сред.-греч. скóρδο(v), др.-греч. скóродон ‘alium, чеснок’, или соотносительного с праслав. *obskord- / *obskrad-? Ср. праслав. *obskorditi se ‘вспахать, боронить запущенное поле’ (ЭССЯ 29, 184). Не сюда ли иллирийский этноним *Scordisci*,

- топоним *Scordona* [Holder II 1396, 1399–1405] < и.-е. **(s)kerdh-*, *(s)krdh-* ‘klein, kümmerlich’, ‘verkümmern’ [Pokorny 949]? Неубедительное толкование [Budziszewska 1991: 51, 92].
- **slanina*: греч. диал. *σλανίνα* ‘сало, солонина’ (Костурск. обл., Лариса, Арта), рум. *slănină* — из макед., болг. *сланина* < праслав. **solnina* [Budziszewska 1991: 51, 92].
- **slavěne*: позднелат. *Sclaueni* (Jordan. I, 35, IV, 119), сред.-греч. *Σκλαβηνοί*, *Σκλαυῆνοι*, *Σκλαυηνοί*, *Σκλαβίνοι*, *Σκλαβίνοι*, *Σθλαβίνοι*, *Σθλαβινὸ ἔθνος*, *Σκλαβηνίαι*, *Σκλαβησιάνοι*, *Σκλάβοι*, *Σκλαβοοι*, *Σθλάβοι* (SDPIOS II, 12, 14, 16, 18, 20, 28, 30, 34, 38, 40, 42, 44, 48, 66, 68, 70, 74, 76, 78, 84, 100, 102, 124, 126, 130, 132, 134, 142, 144, 146, 148, 152, 154, 156, 158, 162, 164, 166, 168, 172, 176, 178, 185, 194, 212, 218, 268, 270, 272, 274, 278, 280, 282, 284, 286, 288, 328, 330, 331, 332, 334, 346, 405, 509; Const. Porphyg. DAI) — из юж.-слав. рефлекса праслав. **slověne* [Трубачев 2002: 4, 10, 43, 93, 94, 99, 137, 192, 247, 304, 305, 312, 313, 335, 336, 342, 353, 377, 402, 438, 462].
- **slavunъ* или **slovunъ*: сред.-греч. антропоним *Σκλαβοῦνος* (SDPIOS II 284) — из юж.-слав. рефлекса праслав. **slovunъ*, производного с суф. *-unъ* от глаг. корня **slaviti*, **slyti*, *slovъ*, **sloviti* [Варбот 1969: 121–122].
- **smokin*’а: мн *Mokina* (Албания, XIV в.) — из макед., болг. *смокиня* ‘смоковница’, ср. неубедительное толкование [Гліаді 2008: 99].
- **smol’ane*: мн *Μολιανά* (Эпир, Янина), рум. *Molani*, болг. *Смолен*, этноним *смоляне* (племя, селившееся между Родопами и рекой Места) — ср. др.-русск. топоним *Смоленск* (впервые упом. в 863 г.!), образованный посредством суф. *-ск-* от этнонима *смолене* / *смоляне*. Отмечу однообразную словообразовательную схему топонимов *Брянск*, *Смоленск* — производное с суф. *-ьскъ* от этнонимов (родоплеменных или территориальных наименований жителей) на *-яне*, а именно, *дъбряне*, *смоляне* с возможными вариантами без *-ян-*: *Курск* (но — *кура-не*), *Смольск* (но — *смоляне*), *Польскъ* (но — *поляне*), *Лучьскъ* (но — *лучане*). Эти топонимы и современное русско-украинское порубежье как бы очерчивают внешние границы центра восточнославянского ареала. «В древней паре **smol’ane* — **smolъskъ* мы имеем дело с усечением (truncation) производящей основы **smolěne*, а не с образованием от названия древесной смолы» [Трубачёв 2005: 102]. О. Н. Трубачев «указывает на большую актуальность связи этого древнего лексического гнезда не с добыванием смолы, а с культурной стадией, называемой в науке подсечно-огневым земледелием» [Трубачёв 2005: 104]. Ср. нижнелужицкое сущ. *smala* ‘выжженное место в лесу’. «В своей большей массе славянские производные с формантом *-ане* образуются, как известно, от названий мест» [Трубачёв 2005: 104]. «Таким образом, смоляне — обитатели выжженного места в лесу, а их город соответственно *Смольскъ* или *Смоленьскъ*. Или, если напрямую от глагола *смолити* / *смалити*, то *смоляне* — это «выжигающие лес» [Трубачёв 2005: 105].
- **smъrdьnikъ* или **smъrtьnikъ*: мн *Μερδενίκου* (Акарнания, Воницк. окр.) — юж.-слав. производное с суф. *-ьnik-* от глаг. **smъrděti*, ср. болг. *смърдя* ‘смердеть, вонять’ и вн *Смърдеш*, или из юж.-слав. **smъrtьnikъ*, архетипа болг. *смъртник*

- ‘смертник, умирающий’. Не исключена и греч. порча болг. *смадлика* ‘сумах, скумпия’. Неубедительное толкование предлагает Илиади [Глиади 2008: 99].
- **sópeza* или **sórište*: мн *Сóплеџа*, *Сóплиџа* (округ Белградск., Авлонская обл.) — скорее всего, юж.-слав. диал. производное с редким суф. *-eza*, *-oza*, *-ozь* от звуко-подражательной основы **sopěti*, **sopati*, **sopti*, ср. русск. *гомоза*, *егоза*, *рогоза*, *рогоз*, *снегоза*, *стрекоза*. Ср. греч. топоним *Σένεџа* и макед. топоним *Сопиште*. См. неубедительное толкование А. И. Илиади [Глиади 2008: 44].
- **sopotь*: мн *Солотон* (Эллада, Калаврита), *Солотоџ* (Мессения, Олимпия), м. б. *Σιόлотоџ*, *Σιόлотов* (Эпир, Арта), арум. *џóput* ‘труба, по которой вода течёт из источника’, рум. мн *Sopot* в Румынии — из серб. *Conom*, хорв. *Sopot*, словен. *Sopot* < праслав. **sopotь* [Глиади 2008: 37–38, 296]. Но нельзя полностью исключить тождество этих топонимов с апеллятивом **šj̥opotь* (см.).
- **spica* или **spište*: мн *Спиџта* (Эпир, Авлонская обл., Бератский окр.), рум. *spiță* ‘спица’ — если перед нами не типичная греч. адаптация итал. *pista* ‘дорожка’, то возможна передача болг. *спица*, восходящего к праслав. **stьpica* [Vasmer III, 735–736], ср. неубедительное толкование [Глиади 2008: 44].
- **stagno*: крепость *Σταγόν* [DAI], столица Захлумья, ныне *Ston* — возможно, латинизм *stagnum* ‘пруд, стоячая вода’, итал. *stagno* ‘пруд’ или вульг.-латинское переосмысление и переоформление (под сильнейшим влиянием лат. *statiō*, *statiōnis* в воен. знач. ‘стоянка кораблей’, ‘якорная стоянка’, ‘рейд’) заимствования из аланского диал. **stānja-* ‘стоянка (кораблей), пристань’ < **stāna-*, ср. этимологию осет. *æstojnæ* (ИЭСОЯ III 153) и русское диал. словообразование *пристань* по глаголу *пристать*. Едва ли серб. *стѣгно* ‘бедро’ имеет отношение к этому топониму.
- **stamáta*: н.-греч. мн *Стамаџта* (Сев.-Зап. Македония) — греч. форма повел. накл. *стамаџта!* ‘остановись!’, ср. болг. ИС *Стамам*.
- **stankena*: греч. диал. *Стáнкуџа* ‘название танца’ — прилаг. от болг. женского ис *Станка* < *Стоянка* < *Стефанка* [Budziszewska 1991: 52–53].
- **stanь*: греч. диал. *стáνη* ‘летняя овчарня, также для коз и коров’ (Костурск. обл., Леринск. обл., Гревена, Фессалия, Арта, Ламия, Ливадия), ‘загородка с крышей из плетёных веток, где ночуют овцы, кони, ослы’ (Карагуна, Ханья), *stan* ‘шалаш из веток, загородка, куда собирают овец и коз’, ‘родовая община под властью начальника’ (Саракачанск.), алб. *stan* ‘загородка для овец’, арум. *stane* тж. — из болг. *стан* ‘место в горах, у дороги, во дворе домохозяйства, где ночуют путники’ (Габрово) < праслав. **stanь* [Budziszewska 1991: 52, 92].
- **starь kárabь*: греч. диал. *старокáраџо* ‘корабль’ (Икария), *старокáраџа* мн. ч. ‘старые корабли’ (Янина) — из болг. *стар кораб* ‘старый корабль’ [Budziszewska 1991: 53, 92], ср. гидронимы болг. *Стара*, серб. *Стáра река*.
- **štebeniko*: мн *Стеџевџков* (Беотия) — из болг.-макед. диал. производного с суф. *-ikь* от юж.-слав. рефлекса праслав. **ščebень* или **ščebьль*, фонетические черты болг. диал. группы **št* ~ **šč*. Греческая адаптация под влиянием такого словообразования, как *стацнáџико* ‘место, где изготавливаются или продаются кувшины’. Первичное значение, вероятно: «место, где берут щебень». Неудачно

- толковал М. Фасмер [Vasmer 1941: 120, 158], а вслед за ним Илиади [Гліаді 2008: 38].
- *štebъnica: мн Στεβνίτσα (Аркадия) — из диал. производного с суф. *-ica* от болг.-макед. рефлекса праслав. *ščebьъ или *ščebьль очевидны фонетические черты болг. диал. группы *št ~ *šč. См. пред. Неудачно толковал М. Фасмер [Vasmer 1941: 120, 158], а вслед за ним А. Илиади [Гліаді 2008: 38].
- *stegerys, *stegirys: греч. диал. στέγκρους ‘столб толщиной 15–20 см, вбитый в середину стога, гумна, тока’ (Македония) — заимствование юж.-слав. адаптации субстратного «фрак.» *stageiros (Στάγειρος, Στάγειρα, Στάγιρος, *Stagira*) [Detschew 1977: 478], ср. лит. *stegerỹs*, *stāgaras*, лтш. *stagers* ‘сухой длинный стебель растения’, лтш. *stēgs* м.р., *stēga* ж. р. ‘длинный шест’. Едва ли перед нами прямое заимствование из болг. *стежер* ‘жердь, втыкаемая в середину стога’, ‘шест в стогу’, ‘столб на гумне, к которому привязывают лошадей’, этимологически гомогенного фракийскому термину. См. ниже *stežерь [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *stēnimакъ(?): мн Στενίμαχος, Στανίμαχος (долина Марицы) — если перед нами не вульг.-греч. новообразование на основе στενός, στενός ‘узкий, тесный’, ср. греч. устойчивое словосочетание ἡ στενή χώρα ‘узкая полоса земли’, фрак. астионим Στενεκόρτα — крепость близ Кавецос [Detschew 1977: 479], то возможно заимствование позднего юж.-слав. производного с суф. *-ak-* от основы *stēnimъ, отглагольного образования на *-imъ* (*jь*) по глг. *stēnēti или *stēniti ‘бросать тень, затенять’.
- *sterna < cisterna: греч. диал. στέρνα ‘бассейн для полива огородов’ (Леринск., Кипр, цаконск.), ‘родник, источник’ (Кардица), сюда же мн Στέρνα (Арголида, Аргос), а также арум. *sternă* — из макед. устар., болг. устар. *щерна* ‘цистерна для воды, cisterna’, все восходят к позднему балканскому латинизму *cisterna* [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *stežерь: греч. диал. στένζιρος ‘столб толщиной 15–20, вбитый в середину стога, гумна, тока’ (Македония), мегл.-рум. *steajăr* тж. — из макед., болг. диал. *стежер* ‘шест в стогу’, ‘столб в середине гумна, к которому привязывается конь, обращая вокруг него при молотье’, ср. словен. *stežer* ‘стержень’, ‘дверная петля’, возможна юж.-слав. диал. назализация [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *stogъ: греч. диал. στόγος ‘стог’, арум. *stog*, *stoc* ‘куча каких-л. предметов’, рум. *stog* ‘стог’ — из макед., болг. простореч. *смог* ‘стог’, восходящего к праслав. *stogъ [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *strěšina: рум. *streșină* ‘стреха’ — юж.-слав. *strěšina, производного с суф. *-ina* от *strěxa, ср. неточное толкование [Budziszewska 1991: 9, 92].
- *strěxa и *о(b)strěxa: греч. диал. στρέχα (Лариса), στρέχα, όστρέχα (Эпир), άστρέχα ‘желоб, водосточная труба, водосток’ (костурск.), ‘водосток’ (Лариса, Кардица), άστριάχα ‘стреха’ (Эпир, Цакония), алб. *strëhe*, арум. *streaħă*, *astreaħă*, *astrehă* — из юж.-слав. диал. *strěxa, *ã₂strěxa, ср. болг. *стряха*, диал. *српеха*, ‘нависающая часть кровли, водосток’, серб. *српëxa* ‘стреха’. Праслав. сущ. *strěxa до сих пор не получило однозначной этимологии. Обращу внимание этимологов

на возможность отглагольного образования. Форму **obstrěxa* соблазнительно отвлечь от глагольной основы аориста или прош. вр. **obstrěx-* некоего приставочного гл. **obstrěti* (*se*), которая в болгаро-македонской группе диалектов не сохранилась, но там имеется другой приставочный гл. *проста* (*ce*), *-реи* (*ce*), *-рех* (*ce*), *-рях* (*ce*) < **prostrěti* (*se*), ср. серб. *прѡстрѣти се*, *прѡстрѣм се* сврш. ‘протянуться, простереться’. А в словен. известно сущ. ср. р. *ostrěšje* ‘das Dachwerk’ (Cig., Jan., Vrt.) и сущ. м. р. *ostrěšak*, *-ška* ‘der Dachvorsprung’ (Jan. H.), ‘die Hutkrämpfe’ (Jan.), ‘die Dachung’ (Jan.), ‘die Wagenremise’, ‘die Vorhalle’ (V.-Cig.) (Plet.), конфикация от *strěha*? Неточно реконструирует Ванда Будзишевска [Budziszewska 1991: 9, 92].

- *strižina: греч. диал. στριζίνα ‘птичка, похожая на рябчика’ (Греч. Македония) — из юж.-слав. **strižina*, производного с суф. *-ina* от **strižb*, ср. серб. диал. *стриж*. Неверно толкует Будзишевска [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *strumenъci: сред.-греч. этноним Στρουμενίται (долина реки Стримон) — скорее всего, греч. переоформление посредством этникон-суффикса юж.-слав. **strumenъсь*, производного с суф. *-ъсь* от основы косв. пад. **strumene* сущ. **strumu* ‘ручей, струя, поток’, который подменил античный гидроним Стримон.
- *strumica: мн Στρούμιτζα (Греч. Македония) — юж.-слав. произв. с суф. *-ica* от гидронима **Struma*, ср. макед., болг. *Струма*.
- *strunъ: мн Στρούνι (Эпир, Янина) — греч. порча мн Σειστρούνι (Эпир, Янина) [Vasmer 1941: 52] (см. **sestrunъ*) или греч. передача юж.-слав. **o(b)strunъ*. Нет объективных оснований реконструировать **рьstrunъ* [Глиади 2008: 122].
- *štrьbina: мн Στριβίνα (Эпир, Янина), Στρεβίνα (Эпир, Арта) — из южно-слав. рефлекса праслав. **šьrbina*, сравни особо словц. *štrbina* ‘трещина’. Неточно реконструирует архетип [Глиади 2008: 38, 104].
- *šturavъ: греч. диал. τούραβος ‘безумный, сумасбродный’ (костурск.), производный гл. ὄτουραβυιάζω ‘изменить свое мнение’, безл. ‘смутно, пусто, не хватает’ (костурск.), ὄτουραβυιάζου ‘становиться квашеным (об овощах)’, ‘вызывать зубную боль, оскомину’ (Греч. Македония), ὄτουραβιάζω ‘когда плод не созрел и терпкий на вкус’ (Гревена), ὄτουράβυιαζμενους ‘терпкий на вкус’ (Македония) — из болг. *цурав* ‘помешанный, сумасбродный’ [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *stьlръ и *stьlрь: крепость и город Στόλλων, ныне Ступин близ Рогозницы (Греч. Македония), едва ли сюда же относятся мн Σκλοῦτος, Σκλοῦτοι, Σκλοῦτων (Эпир, Арта, Яннина, Керкира) — из юж.-слав. **stьlръ*, ср. сербохорв. *стълп*, *стълб* ‘столб, стойка, колонна’ [Vasmer 1941: 51; Глиади 2008: 118].
- *stьrna или *(ci)sterna (?): мн Στέρνα (Арголида, Аргос) — скорее всего, тождественно **sterna (cisterna)* (см.), менее вероятно выведение из юж.-слав. **stьrna*, ср. сербохорв. диал. *strn* ‘поле, на котором скосили колосья’. А. Илиади толковал этот топоним, игнорируя апеллятивную лексику [Глиади 2008: 86, 122].
- *stōpa: греч. диал. στοῦπλα ‘отметка, знак’ (Александрополис), στοῦμλος ‘ступка для орехов’ (Яннина), ‘деревянный пест для чеснока’ (Зап. Македония), ‘пест, толокушка’ (Гревена, Кардица, Лариса), ‘каменный пест’ (Фессалия, Румелия),

- ‘округлый камень для толчения зерна’ (окрестности Ламии), ‘пест из камня, железа, дерева для толчения перца, соли’, прозвище крепыша, низкорослого мужчины (Зап. Эпир), *στούμλοϋς* ‘пест’, перен. ‘низкорослый человек’ (Македония), производный гл. *στούμλίζω* ‘толочь камнем’ (костурск., Козани, Хания), *στούμλα̅ω* — тж. (Кардица) — из юж.-слав. рефлекса праслав. **stopa*, ср. болг. диал. *стъпа* ‘ступа’ [Budziszewska 1991: 53, 92], серб. вн *Ступањ*, *Ступињ*.
- **sugravěsь*, **sugrašěsь* или **sugraděsь*: греч. диал. *τζΐουγγραβέτζ* ‘маленькие сухие снежинки, напоминающие по виду мелкий град, которые не тают после падения на землю’ (Македония) — из позднего юж.-слав. диал. **sugravьsь*, производного с суф. *-ьсь* от **sugravo* (см.), или из юж.-слав. **sugrašьsь*, производного от праслав. **sogorxь*, или греч. порча гипотетического **sugradьsь*. Толковали неубедительно и неуверенно [Budziszewska 1991: 23, 54, 92].
- **sugravica*, **sugrašica* или **sugradica*: греч. диал. *ζουκραβίτσα* ‘крупинка снега или мелкого града’ (Загорион) — из юж.-слав. диал. **sugravica*, производного с суф. *-ica* от **sugravo* (см.), ср. болг. *суграшица* ‘крупя, очень мелкий зернистый снег или град’, русск. *сукровица*. При идеальном совпадении значений настораживает фонетический и просодический облик слова. Толковали неубедительно и неуверенно [Budziszewska 1991: 22–23, 92].
- **sugravo*, **sugraxь* или **sugradь*: греч. диал. *ζουγκραβο* ‘крупинка снега или мелкого града’ (Загорион) — из юж.-слав. диал. **sugravo* < **sogorxь* [Budziszewska 1991: 22–23, 92].
- **sukno*: греч. диал. *σίκνον* ‘грубая домотканая шерстяная материя’, ‘чистошерстяное верхнее одеяние пастуха из такого материала’ (костурск.) — из болг. *сукно* [Budziszewska 1991: 50, 92].
- **šumarь*: греч. диал. *βουμάρια* ‘веточки’, ‘низкие кусты’ (леринск.), *βμάρια* мн. ч. ‘кусты, кустарниковый дубовый лес’ (Македония, Пинд) — греч. переоформление на *-α* болг. диал. *шумар* ‘мелкий лесок, заросли’ [Budziszewska 1991: 51, 92], устар. ‘лесной разбойник’, нар. ‘работник, собирающий ветки с листьями на корм скоту’ [Чукалов 1957: 984].
- **šumьka*: греч. диал. *βιούμκα* ‘шишка сосны’ (Македония, Козани), ‘кочан кукурузы с зерном’ (Сев.-Зап. Эпир), *βούμκα* ‘листья кукурузы’ (сярск.), арум. *šumcǎ* ‘веточка, сухие листья’ — из макед. *шумка* ‘куст кукурузы’, болг. *шумка* ‘лист, листок дерева’ < юж.-слав. **šumьka* [Budziszewska 1991: 50, 92].
- **šumolíti*: греч. диал. *βιουμαλίτζω* ‘производить шорох, шум’ (Эпир), *βιαμαλίτζω* ‘делать шум, гам’ (Лариса) — из болг. *шумоля*, *-лиш* несврш. ‘шелестеть, шуметь’, диал. *шумоля* ‘шуметь’ [неточно реконструирует Budziszewska 1991: 50, 92].
- **šušьka* или **šyšьka*: греч. диал. *σούβκα* ‘шишка на голове от удара камнем или иным тупым предметом’ (Македония), *ζιούβκα* ‘шишка на голове’ (Македония, Пинд), *ζΐούβκα* (костурск.), арум. *šuşcǎ* ‘отёк, опухоль’ — из макед. *šuška*, *шушка* ‘шишка’ (костурск., Воден), апофоническая форма праслав. **šyšьka* [Budziszewska 1991: 52, 92].
- **sьbora*: греч. диал. *σβόρα* ‘общий сбор, чтобы кому-л. помочь’ (Килкис), рум. устар. *zbor* ‘ярмарка’ — из праслав. диал. **sьborь* [Budziszewska 1991: 53, 92].

- *s_v boriti: греч. диал. σμτοριζω ‘сказать, молвить’ (Македония) — из юж.-слав. *s_vboriti, соотносительного с макед. зборува ‘говорить’ [неточно Budziszewska 1991: 51, 93].
- *s_v bǒgъ: греч. диал. ζμλορους ‘разговор’, арум. zbor ‘речь, разговор’ — из макед. збор ‘слово’ < юж.-слав. *s_vborъ, регулярного именного производного с -о-вокализмом корня от юж.-слав. гл. *s_vbrati, *s_vberǒ в знач. ‘собирать звуки в слово, в речь’, ср. обратное действие ‘разбирать, понимать слово, речь’ болг. гл. разбира, разбирам ‘понять, понимать’, разбор ‘анализ’ [Budziszewska 1991: 22, 93].
- *sъгръ, *sъгрь: мн Σοῦρτη (Фокида), Σοῦρτι (Беотия, Ливадия) — греч. оформление болг. сьрп ‘серп’. Неубедительно толкует А. Илиади [Глиади 2008: 104].
- *s_v var_v n’ǎgъ: греч. диал. σβαρνάρης ‘человек, который волочит ноги’ (Козани, Эпир) — из юж.-слав. диал. производного имени деятеля на -arъ от основы *s_vvarъna [без разделения форм Budziszewska 1991: 49, 92], ср. болг. диал. (страндж.) сурна ‘влача’ (малкотърн.), сурна (съ), сурни, сурнах несврш. ‘тащить волоком, волочить(ся)’ (коктеб.) [Поп-Аянов 1939: 110; Берберова-Колева 2001: 632; Шапошников 2009: 122].
- *s_v var_v na или *s_v vor_v na: греч. диал. σβάρνα ‘борона, доска с вбитыми острыми камнями’ (костурск.), деревянная борона (Гревена), ‘борона, плетёная из веточек, гружёная сидящими на ней людьми или камнями во время боронования’ (Карагуна), ‘борона, плетёная из тонких древков’ (Ламия), ‘борона’ (леринск., Кардица, Волос, Лариса, Арта, Ливадия, Лесбос, Цакония), azvárna нареч. ‘по земле’ (саракачанск., цаконск.), арум. zvárna, azvárna, azvárnuhui нареч. ‘(влечь) по земле’ — из юж.-слав. *s_vvarъna, *s_vvorъna, производного с суф. -ъn- от *s_vvora, *s_vvora, *s_vverti, *s_vverti, ср. болг. диал. (страндж.) сурна ‘влача’ (малкотърн.), сурна (съ), сурни, сурнах несврш. ‘тащить волоком, волочить(ся)’ (коктеб.) [Поп-Аянов 1939: 110; Берберова-Колева 2001: 632; Шапошников 2009: 122]. Совершенно неверно толковала Ванда Будзишевска [Budziszewska 1991: 49, 92].
- *s_v var_v niti: греч. диал. σβαρνίζω ‘бороновать’ (саракачанск.) — греч. переоформление юж.-слав. гл. на -iti от *s_vvarъna (см.), ср. болг. диал. (страндж.) гл. сурна ‘влача’ (малкотърн.), сурна (съ), сурни, сурнах несврш. ‘тащить волоком, волочить(ся)’ (коктеб.) [Поп-Аянов 1939: 110; Берберова-Колева 2001: 632; Шапошников 2009: 122]. См. ошибочное толкование [Budziszewska 1991: 49, 92].
- *s_v vora: греч. диал. σφορά ‘шпагат, которым пользуются портные’ (Козани), ‘шнур’ (Килькис) — из юж.-слав. рефлекса праслав. *s_vvora ‘пряжка, скоба, застёжка’ [Budziszewska 1991: 53, 92].
- *sъlgъ: мн Σέλγου (Авлония, окр. Пермети) — неясно, неславянское, финно-угорск.? Неубедительно толкует А. Илиади [Глиади 2008: 102].
- *sъrbja: сред.-греч. Σερβλία, τὰ Σέρβλια, мн Σέρβια (Македония), Σέρβια (Фессалия) — из юж.-слав. *sъrbja, производного от этнонима *sъrbъ [Vasmer 1941: 25, 68, 83, 89, 295–296].
- *sъrbjana: мн Σέρβιανά (Аркадия) — скорее всего, производное от юж.-слав. *sъrbja [Глиади 2008: 112].

- *sъrbъ, -i: сред.-греч. Σέρβλοι, племя между реками Drina и Bosna (ныне Босния) — из юж.-слав. этнонима *sъrbъ [Трубачев 2002: 51, 312–314].
- *sъrgunъ или *sъrgyni: мн Σεργούνη (Фокида, Парнассида) — м. б., производное с суф. *-unja* или *-yni* от серб. *срѣ* ‘жердь для развешивания белья’, неясно, ср. макед. мн *Церегуни*. Неубедительное толкование [Глиаді 2008: 103].
- *sъrna(?): мн Σύρνα (Морея, Аркадия, Гортинна) — из юж.-слав. *sъrna ‘короста, ледовый наст’. Неубедительное толкование [Глиаді 2008: 41].
- *sъrnota: мн *Syrnota* (*mutatio* близ Филиппополя) — едва ли относится к юж.-слав. материалу, трактуется как фракийское [Detschew 1976, 487].
- *sъsъenъ: греч. диал. σέρσινος, σέρσουνας (Зап. Эпир), σέρσιγκας (Кардица), σέρσῆγγας ‘дикая пчела’ — из юж.-слав. рефлекса праслав. *sъsъenъ [Budziszewska 1991: 49, 92].
- *sъrvota: мн Σερβοτά (Мессения, Олимпия), Σερβοτά (Трифолы) — сомнительный слухай, то ли *sъrvota, то ли производное с суф. *-ota* от *sery, *-ъve*, ср. польск. гидроним *Srawa, Srwy* [Vasmer 1941: 149; Babik 2001: 565, 566, 575; Глиаді 2008: 85, 122].
- *sъvâ: греч. диал. σαβά ‘шов, шитье, отрезок ткани’ (Цакония) — из праслав. *sъvъ ‘шов’, ср. болг. *шев* ‘шов, шитье; шрам, рубец (мед.)’. неуверенно толковала Ванда Будзишевска [Budziszewska 1991: 48, 92].
- *tatimêrъ: сред.-греч. ис Τατίμερ, Τάτιμερ (СДПИОС II, 20, 24, 51, 256, 258) — из юж.-слав. двусоставного ис *tati-mêrъ, первая часть которого не ясна, ср. праслав. термин родства *tata и сущ. *tatъ по гл. *tajiti (*se*).
- *teġano: греч. диал. τάγγανον ‘твёрдый, как замороженный, затверделый (о хлебе)’ (Греч. Македония), τάγκανος ‘высокий, сильный’ (Эпир) — из юж.-слав. *teġanъ, производного с суф. *-n-* от основы гл. *teġati, соотносительного с *toġъ (*jb*) [Budziszewska 1991: 54, 92].
- *telъsъ: антропоним Τελέσσιος, Τελέτζης, Τελετζήν, Τελέτζιν (СДПИОС II 234, 282) — если перед нами не финно-угорское или аланское имя (тæлæт), то возможна этимология на базе праслав. *telъsъ.
- *terbaśъ / *tъrbaśъ: мн Τερπάτζι (Эпир, Авлона, Авлонская обл.) — из юж.-слав. *terbaśъ, производного с суф. *-aśъ* от «дометатезного» корня *terb-, соотносительного с вост.-слав. *тереб* ‘расчищенная от кустарника под пашню земля’, ‘болотистое, окруженное лесом место’. Иная реконструкция *tъrbaśъ малоубедительна [Глиаді 2008: 104], ср. серб. гидроним *Tŕmbâs*.
- *terbica/*tъrbica или *terpica/*tъrpica: мн Τερπίτσα (Эолия, Лепанто) — из болг. диал. *търбица* ‘название целебной травы’ или юж.-слав. производное с суф. *-ica* от «дометатезного» корня *terb-, соотносительного с вост.-слав. *тереб* ‘расчищенная от кустарника под пашню земля’, ‘болотистое, окруженное лесом место’. Словообразование от глаг. *tъrpěti неубедительно [Vasmer 1941: 76; Глиаді 2008: 89, 122].
- *terbunjъ и *tribulio: мн Τερμούνι (Аркадия, Мегалополь) соответствует хорв. топониму Τερβουνία, названию крепости и горной области (жупы) между Декатера (Котором) и Рауса (Дубровником), известной уже Константину Багрянородному, название жителей области Τερβουνιώται — скорее всего, передает притяжательную форму на *-jъ* от имени деятеля *terbunjъ, производного

- с суф. *-итъ* от «дометатезного» корня **terb-*, соотносительного с вост.-слав. *te-reb* ‘расчищенная от кустарника под пашню земля’, ‘болотистое, окруженное лесом место’. Родство этого лексического гнезда с сербохорв. *tràbùn* ж. р. ‘бред, болтовня’, *trabùñati* ‘бредить, говорить вздор, нести чушь’ и лтш. *terbt, terbju* ‘бесконечно говорить, упорно уговаривать, упрекать, требовать’ выглядит сомнительно [Ліаді 2008: 88–89, 122; Историја Црне Горе. Књ. I, 332; Фасмер ЭСРЯ IV, 45–46; Mühlenbach — Endzelin 4, 165]. Не убеждает и попытка связать Τερβουρία с иллирийским топонимом *Tribulium, Triburium* [Mayer I: 343].
- *teta*: греч. диал. *téta* ‘тётка’ (костурск.), *tétou* (Македония, Козани, Александрополис, Афины), арум. *tetă*, мегл.-рум. *tetă*, рум. диал. *tetă* ‘сестра матери’ — из макед. *teta*, болг. *meta*, юж.-слав. рефлекса праслав. **teta* [Budziszewska 1991: 54, 92].
- *tjgl’anī* или **tjgl’ari*: мн Σέγλανη [Делвинская обл., округ Делвино] — скорее всего, греч. ‘порча’ серб. *цѣгланѣ* ‘кирпичный’ или *цѣглѣр, цѣглара* ‘владелец кирпичного завода’, ‘торговец кирпичом’, ‘кирпичник, работник кирпичного завода’, болг. *циглари* ‘производители и продавцы черепицы’, производные от **tjeglа* < лат. *tēgula*. Неубедительно толковали из праслав. **sedljane* [Макушев 1871: 158; Ліаді 2008: 116].
- *timakъ*: сред.-греч. вн Τίμακον — юж.-слав. адаптация субстратного гидронима *Timacum majus et minus, Timacus, Timachus, Timagon* [Mayer 1957 I, 338] — этимологизируется как производное с суф. *-ak-* от и.-е. корня **tem-* ‘тёмный’ [Mayer 1959 II: 113–114].
- *timočane*: этноним *Тимочане* (племя в долине реки *Тумок*, античн. *Timachus*) — юж.-слав. производное наименование жителей по месту обитания на *-jane* от основы адаптированного туземного субстратного гидронима **timokъ*. См. выше.
- *topoľь*: греч. диал. *τοπόλι* бот. ‘осина *Populus tremula*’ (Лакония), алб. *tòpola* ‘белый тополь *Populus alba*’ — из юж.-слав. **topoľь*, ср. макед., болг. *topola, топола* ‘тополь пирамидальный *populus pyramidalis*’ [Budziszewska 1991: 54, 92].
- *tri-grada* (?): мн Τρίγαρδον (Акарнания, Воничк. округ) — греч. переоформление юж.-слав. **tri-gradъ*, а не свидетельство «дометатезной стадии» сущ. **gradъ* [Ліаді 2008: 105].
- *tri-kola* (?): мн Τρίκκαλα (Фессалия) — из юж.-слав. **tri-kola* (?).
- *triza* или **trizda?*: мн Τρίζα (Эпир, Авлона, Бератск. округ) — скорее всего, греч. диал. образование от гл. *τρίζω* ‘трещать, хрустеть, скрипеть’, едва ли восходит к гипотетическому *ad hoc* **tyrica*, что не убеждает [Ліаді 2008: 46, 80].
- *trobīšte/*trebište* или **trovište*: мн Τρόβιστα (Эпир, Яннина, Яннинский округ) толкуется не слишком убедительно [Ліаді 2008: 105]. Ср. болг. *тревист, -а, -о* прил. ‘травянистый’, или гипотетические *требище* по гл. *требя* ‘чистить, очищать’ или *тровище* по гл. *тровка* ‘травить, отравлять’.
- *trupina*: рум. *trupină* ‘пень’ — из серб. *трѹпина* ‘колода, ступица колеса’, продолжающего юж.-слав. **trupina*, производного с суф. *-ina* от **trupъ* [Budziszewska 2008: 54–55, 92].
- *trupъ*: греч. диал. *τρουλί* ‘большой чурбан дерева’ (костурск.), мн Τρούλι — название села (Эввия), алб. *trup* м. р. ‘колода’, арум. *trup* м. р. ‘пень’ — из болг. *трупни*,

- дъбови трупи* ‘стволы дерева’, серб. *трѹп* ‘пень, чурбан, колода’ [Budziszewska 1991: 54–55, 92].
- **тѣповјане*: мн *Τρίνοβiana* (Эпир, Яннина) — из юж.-слав. **тѣповјане*, производного наименования жителей по место обитания с суф. *-ане, -јане* (если перед нами не греч. суф. *-ιανη*) от **тѣпово* [Vasmer 1941: 54], см. след.
- **тѣпово*: мн *Τρίνοβον* (Фессалия, Фтиотида) — из юж.-слав. **тѣпово*, рефлекса праслав. **тѣрново* [Vasmer 1941: 108], ср. болг. топонимы *Тѣрново, Тѣрново*, серб. вн *Трнава, Трнови*, хорв. *Трнава, Торнава* (1201 г.), словен. *Трнава* (нем. передача *Tarnau, Tornau*).
- **тѣпѣка*: мн *Τρίνικα, Τρίνικες* (Мессения) — из юж.-слав. **тѣпѣка*, рефлекса праслав. **тѣрѣка* [Malingoudis 1981, 113–114], но возможно толкование напрямую из болг. диал. *тѣрѣка, тѣрѣки, тѣрѣнки* ‘терновник’.
- **тѣбѣрика* < **тѣјумѣрика* < ***тѣјумѣрика* < *thymbra*: греч. диал. *τόιοιμπρίτσα* ‘мята садовая’ (макед., гревен.), *τόιοιμπρίτσα* ‘мята’ (юж.-греч.), *τσιοιμπρίτσα* (фрак.), костурск. диал. *čimbrica* ‘чабрец’, мегл. *tšubrică*, арум. *čimburică* — из юж.-слав. диал. **тѣбѣрика*, производного с суф. *-ика* от продолжения раннеслав. **тѣјумѣрика*, очень старого заимствования из дакийской латыни, народ.-лат. **тѣјумѣрика* < класс. лат. *thymbra* ‘чаберник’, в которой это слово — из греч. *θύμβρος, θύμβρα* ‘*Satureia thymbra*’. Эта же юж.-слав. форма заимствована в болг. диал. *чубрица* ‘*Satureia hortensis* L.’, ‘смесь растертых ароматных трав с перцем и солью с хлебом’, неточные рассуждения по этому поводу см. [SP II: 189; Budziszewska 1991: 56–57; ЭССЯ 4: 101–102].
- **тѣль*: мн *Τύλις* — сомнительное толкование в связи с русск. мн *Тула* [Ліаді 2008: 122].
- **тѣнь*: мн *Τούνη* (Лакония, Лакедемонск. окр.) — из юж.-слав. **тѣнь* [Ліаді 2008: 104–105], ср. серб. *тѣња* бот. ‘айва’ (из греч. *κυδώνι, κυδωνία* тж.) или болг. *туна* ‘напраслина’, в словосложениях *туне-* (тунеядец, втуне).
- **тѣ(н)куле*: греч. диал. *τοурκοῦλια* мн. ч. ‘тѣрн, плоды тѣрна’ (Греч. Македония) — скорее всего, из болг. диал. *тѣрѣнкуле*, производное с суф. *-уле* от *тѣрѣка* ‘тѣрн’ [Budziszewska 2008: 54, 92].
- **тѣпѣ* ~ **тѣпѣ*: *Sclaveni a ciuitate Nouitunense* [Jordan. I, 35] — из праслав. **тѣпѣ* из **тѣпѣ*, старого заимствования из герм. **тѣпѣ-*, в свою очередь заимствования из кельт. *dūno-*.
- **тѣпѣпѣ*, **тѣпѣпѣ*: крепость *τὸ Τενήν* (DAI), античные обитатели этой крепости *Τενεστῖνοι, Τενεστίνων*, жупания *Τνήνα*, область на реке *Krka*, на пути из Подунавья к Адриатике, ныне город *Книн, Knin*. — юж.-слав. адаптация туземного иллирийского **tenen*, убедительной этимологии не предложено [Mayer 1957: I, 333; Mayer 1959: II, 113–114].
- **тѣпѣпѣ*: греч. диал. *καρναβίτσοες* мн. ч. ‘бородавки, нарывы’ (зап.-макед.), *καρναβίτσοβότανο* ‘растение с зернистыми плодами, похожими на бородавочки’ (зап.-макед.) — из юж.-слав. **тѣпѣпѣ*, производного с суф. *-ика* от **тѣпѣпѣ* ‘бородавчатый, с нарывами’, в семантическом отношении ср. болг. диал. *кокоши тѣрѣн* ‘бородавка, нарыв’, ‘вид растения’ [Героу II: 384] и серб. *тѣрѣн у оку* ‘бельмо в глазу’ [Budziszewska 1991: 24]. Еще один пример передачи юж.-слав. *тѣ-* через *к-*. ср. *Тѣнин* = *Книн*.

**търногѣзь*: греч. диал. *карварѣџа* ‘молочай *Euphoria dendroides*’ (Фокида), *таpнаџѣр* ‘большой нож для расчистки кустарников’ (костурск.), ‘разновидность серпа, которая служит для подрезки кустов и очистки плодовых деревьев от сухих веточек’ (Македония) — из макед. *trnores* ‘нож для очистки тёрна’, болг. диал. *търнорез* тж. (Пещерско), *търнорец* (Станкедимитровске) [Budziszewska 1991: 54, 92].

В этой публикации материалов к этимологическому словарю славянских языков реликтов Греции отчетливо заметны три слав. источника заимствований в греческие диалекты: болгаро-македонская диалектная группа, сербская диалектная группа и древняя южнославянская диалектная группа.

Характерной особенностью юж.-слав. диалекта греческого ареала является рефлекс этимологического **tj*- в виде **č*-, что отличает его от болгаро-македонской диалектной группы, в которой **tj*- отражается в виде **št*-. При этом именно такой юж.-слав. рефлекс представлен в заимствованиях болгарского и македонского языков: болг. диал. *кpачун* < **kratjun*, *чубрица* < **tjumbra*, болг. *циглару* серб. *цигланѣ* < **ijgl’anī*, два последних примера — балканские латинизмы *thymbra*, *tēgula*.

Другая примечательная особенность древнего юж.-слав. диалекта — отражение праслав. **e* по «северному типу»: юж.-слав. **šjopotъ* ~ праслав. **šepotъ*. По «северному» типу огласованны и заимствования типа **sālōma*.

Литература

Babik Z. Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny. Kraków, 2001.

Budziszewska W. Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, SOW & OP, 1991 [Prace Sławistyczne 94].

Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976.

Holder A. Altceltischer Sprachschatz. T. I–II. Graz, 1961–1962.

Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Orstnamen Griechenlands, I. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani / Ph. Malingoudis. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1981.

Malingoudis Ph. Zur slavischen Mikrohydronymie der S. W. Peloponnes // Geografia nazewnicza; materiały z VII konf. Komisji Onomastyki Słowiańskiej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów i II posiedzenia Komisji Onomastycznej Komitetu Jezykoznawstwa PAN (Mogilany, 23–25 IX 1980 r.) / Pod red. K. Rymuta. Wrocław etc.: Wyd-wo Pan, 1983. P. 71–82.

Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. I–II. Wien, 1957–1959.

Mūlenbach–Endzelīns = *Mūlenbach K.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923 и след.

Skok = *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Bd. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974–2003–. Т. 1–8–.

Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde. XIV. Germanisches und Ungermanisches bei den Südslaven / M. Vasmer // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1936. Bd. XIII. P. 329–337.

Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin: VAW, 1941.

Берберова-Колева Д. Речник на диалектни и турски думи // Веднъж българско да стане. Исторически роман. Второ допълнено издание. Сливен, ИК «Жажда», 2001. С. 627–634.

Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М.: Наука, 1969.

Геровъ Н. Рѣчникъ на българский языкъ, I–V. Пловдив, 1895–1904.

Ліаді О.І. Словянські мовні релікти в топонімії Балкан: Монографія. К.; Кіровоград: «Код», 2008.

Конески Б. Историска фонологија на македонскиот јазик. Скопје: Макед. Академија на науките и уметностите, 2001.

Макушев В. Исторические разыскания о славянах в Албании в Средние века. Варшава, 1871.

Поп-Аянов Г. Етнографски бележки. а. Говоръ // Георги п. Аянов. Малко Търново и неговата покрайнина. Бургасъ, 1939. С. 105–112.

Селищев А.М. Славянское население в Албания. Фототипно издание. София, 1981.

Славянское языкознание / А.М. Селищев. М.: Учпедгиз, 1941. Т. 1: Западнo-славянские языки.

Старославянский язык / А.М. Селищев. М.: Учпедгиз, 1952. Ч. II. Тексты. Словарь. Очерк морфологии.

Топоров В.Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славян. культуры, 2006. Т. 2, кн. 2.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005.

Чукалов С.К. Болгарско-русский словарь. Изд. 2. София: Изд-во на БАН, 1957.

Шапошников А.К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2007. С. 255–322.

Шапошников А.К. Материалы к этимологическому словарю славянских языковых древностей Греции // Общеславянский лингвистический атлас. 2009–2011: Сб. научных трудов. М.: ИРЯ РАН, 2011. С. 210–223.

Шапошников А.К. Речник на коктебелския говор. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.

Alexandr Shaposhnikov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

etymol@mail.ru

MATERIALS FOR THE ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF SLAVIC ANTIQUITIES OF GREECE II

The article continues the review of etymology of Slavic language relicts of the Greek language area. Slavic language relicts of all kinds (including place & proper names and appellatives) are described in alphabetic order for letters S–T (136 entries). The author specifies reconstructed archetypes, examines the offered etymological interpretations and chooses the most authentic treatments, sometimes offering alternative decisions.

Key words: etymology, place name, river name, proper name, glossa, term, appellative, borrowing, reconstruction, archetype.

References

Babik Z. *Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich w granicach wczesno-sredniowiecznej slowianszczyzny*. Kraków, 2001. [in Polish].

Berberova-Koleva D. *Rechnik na dialektni i turski dumi*. Vednāzh bālgarsko da stane. Istoricheski roman. Vtoro dopālneno izdanie. Sliven, IK «Zhazhda», 2001. P. 627–634. [in Bulg.]

Budziszewska W. *Zapozyczenia slowianskie w dialektach nowogreckich*. Warszawa, SOW & OP, 1991 [Prace Slawistyczne 94]. [in Polish].

Chukalov S. K. *Bolgarsko-russkiy slovar'*. Izd. 2. Sophia: Izd-vo na BAN, 1957. [in Bulg.]

Detschew D. *Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974*. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976. [in Germ.]

Gerov N. *Rechnik na bālgarskiy yazyk, I–V*. Plovdiv, 1895–1904. [in Bulg.]

Holder A. *Altceltischer Sprachschatz* [Old-Celtic Lexicon]. T. I–II. Graz, 1961–1962. [in Germ.]

Iliadi O. I. *Slovyans'ki movni relikty v toponimii Balkan: Monographia*. Kyiv; Kirovograd: «Kod», 2008. [in Ukr.]

Koneski B. *Istoriska fonologija na makedonskiot yazyk*. Skopie: Maked. Akademia na naukite i umetnostite. 2001. [in Maked.]

Makushev V. *Istoricheskie razyskaniya o slavyanakh v Albanii v Srednie veka*. Varshava, 1871. [in Russ.]

Malingoudis Ph. *Studien zu den slavischen Orstnamen Griechenlands, I*. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1981. [in Germ.]

Malingoudis Ph. *Zur slavischen Mikrohydronymie der S. W. Peloponnes. Ph. Malin-goudis. Geografia nazewnicza; materialy z VII konf. Komisji Onomastyki Slowianskiej przy Miedzynarodowym Komitecie Slawistow i II posiedzenia Komisji Onomastycznej Komitetu Jezykoznawstwa PAN (Mogilany, 23–25 IX 1980 r.).* Pod red. K. Rymuta. Wrocław etc. Wyd-wo Pan, 1983. P. 71–82. [in Germ.]

Mayer A. *Die Sprache der alten Illyrier. Bd. I–II.* Wien, 1957–1959. [in Germ.]

Mülenbach–Endzelīns = K. Mülenbach. Latviešu valodas vārdnīca. Red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923 seq. [in Germ.]

Pop Ayanov G. *Ethnographski belezhki. a. Govor. Georgi p. Ayanov. Malko Tǎrnovo i negovata pokraynina.* Burgas, 1939. P. 105–112. [in Bulg.]

Selishchev A.M. *Slavyanskoye naselenie v Albanii.* Phototypno izdanie. Sophia, 1981. [in Russ.]

Shaposhnikov A.K. *Materialy k etymologicheskomu slovaryu slavyanskikh yazykovykh drevnostey Grecii. Obshcheslavyanskiy linguisticheskiiy atlas. 2009–2011.* M., 2011. S. 210–223. [in Russ.]

Shaposhnikov A.K. *Rechnik na koktebelskiya govor.* Sympheropol: Business-Inform, 2009. [in Bulg.]

Shaposhnikov A.K. *Sarmatskie i turanske yazykovyie relikty Severnogo Prichernomoria. Etymologia 2003–2005.* Otv. red. Zh. Zh. Varbot; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. M.: Nauka, 2007. P. 255–322. [in Russ.]

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Bd. I–IV.* Zagreb, 1971–1974. [in Serbo-Croat.]

Slavyanskoe yazykoznanie. T. 1: Zapadnoslavyanskije yazyki. Red. A.M. Selishchev. M.: Uchpedgiz, 1941. [in Russ.]

Słownik prasłowiański. T. 1–8–. Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974–2003–. [in Polish].

Staroslavyanskiy yazyk. Ch. II. Texty. Slovar'. Ocherk morphologii. Red. A.M. Selishchev. M.: Uchpedgiz, 1952. [in Russ.]

Toporov V.N. *Praslavyanskaya kul'tura v zerkale sobstvennykh imyon (element *mir-). Issledovania po etymologii i semantike. T. 2, kn. 2.* M.: Yazyki slavyan. kul'tury, 2006. [in Russ.]

Trubachev O.N. *V poiskakh yedinstva: vzglyad philologa na problemu istokov Rusi.* 3-e izd., dop. M.: Nauka, 2005. [in Russ.]

Varbot Zh. Zh. *Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie. Retrospectivnaya formal'naya kharakteristika.* M.: Nauka, 1969. [in Russ.]

Vasmer M. *Beiträge zur slavischen Altertumskunde. XIV. Germanisches und Unger-manisches bei den Südslaven.* Zeitschrift für Slavische Philologie. 1936. Bd. XIII. P. 329–337. [in Germ.]

Vasmer M. *Die Slaven in Griechenland.* Berlin: VAW, 1941. [in Germ.]

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. А. Пыхов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

pyhov2007@yandex.ru

К БИБЛИОГРАФИИ ОЛА. 6

В 2012 г. вышел из печати 4-й выпуск лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа «Сельское хозяйство» (Словакия, Братислава), а в 2015 г. — 10-й выпуск той же серии «Народные обычаи» (Россия, Москва). Каждый выпуск состоит из разделов: «Список сокращений», «Введение», «Система фонетической транскрипции», «Система обобщающей транскрипции», «Список населенных пунктов», «Карты и материалы», «Некартографированный материал», «Сводный индекс картографируемых лексем», «Обратный индекс картографируемых лексем». На картах в соответствующих местах размещаются «Легенда» и «Комментарий». Каждая карта 10-го выпуска сопровождается «Сводной таблицей лексем», а сам выпуск завершается «Библиографическим указателем».

На 89 картах, вошедших в 4-й выпуск, отражаются территориальные различия в лексике славянских диалектов, касающейся сельского хозяйства как одной из самых древних отраслей производства у славянских народов.

Картографируемые лексемы объединяются в небольшие тематические группы разного объема: обрабатываемые полевые угодья; культивация почвы; фруктовые деревья и их плоды; овощи и масличные культуры; хлебные злаки, их части и вегетационные периоды; урожай и его защита; кормовые культуры; деятели и виды деятельности; названия орудий, их частей и свойств; время отдельных сельскохозяйственных работ.

Число чисто лексических или же чисто словообразовательных карт в выпуске минимально, на подавляющем большинстве карт демонстрируются как лексические, так и словообразовательные различия. Наиболее пестрой картиной лексической расчлененности славянских диалектов характеризуются названия овощей, отличающиеся высоким процентом заимствований разного происхождения и разной степени распространенности.

На большом количестве карт выражается оппозиция: однословные номинации ~ описательные синтаксические конструкции.

Наряду с названиями, образующими на славянской языковой территории ареалы разнообразной величины, в материалах отражаются единичные названия: архаизмы или же словообразовательные инновации.

На обобщающих (синтетических) картах, составляющих отдельную часть выпуска, не только содержится информация о территориальном распространении отдельных словообразовательных формантов и типов номинации, но и при помощи картографических средств отражается степень их продуктивности.

Информация о заимствованиях, представленная на отдельных картах, в обобщенном виде дается на синтетических картах заимствований из различных языков: латинского, романских, греческого, немецкого, тюркских, литовского, древнескандинавского, албанского и венгерского.

В соответствии с решением Международной комиссии ОЛА редактирование и публикация выпуска осуществлены Словацкой национальной комиссией ОЛА: Словацкая академия наук, Институт языкознания им. Людовита Штура, Университет им. Коменского, философский факультет.

Ответственный редактор выпуска: А. Ferencíková.

Редакционная коллегия выпуска: А. Ferencíková, М. Chochol, Н. Jenč, Ё. Králik, J. Siatkowski, Ж. Ж. Варбот, Р. Žigo.

Проверку морфонологических интерпретаций и необходимые корректировки осуществили: Н. Jenč, Ё. Králik и J. Siatkowski. Национальные индексы в электронную форму перевели: А. Ferencíková, М. О. Forróová и М. Chochol. А. Ferencíková осуществила также проверку всех полевых материалов, сопоставив их с данными национальных атласов и томов фонетико-грамматической серии ОЛА. Цифровые индексы в компьютерную версию перенесли: А. Ferencíková и М. Chochol. Редколлегия во все карты и соответствующие индексы материалов внесла дополнительно полученные данные из болгарских диалектов. Унификацию знаков тождественных лексем и форм, содержащихся на разных картах, и компьютерную версию легенд осуществила А. Ferencíková. Морфонологическую интерпретацию единичных названий, а в случае единичных заимствований также их этимологию разработали А. Ferencíková и Ё. Králik. Проверку морфонологических интерпретаций всех картографируемых и единичных названий после компьютерной обработки карт осуществили: Ж. Варбот и Ё. Králik. Компьютерную картографическую версию всех карт создал М. Chochol при помощи компьютерной программы MAPola, автором которой является S. Rehuš.

Концепция выпуска и проделанная Словацкой национальной комиссией ОЛА работа по подготовке тома к печати были одобрены на заседании Международной комиссии ОЛА в Софии в 2010 г.

В работе над выпуском «Сельское хозяйство» участвовали — Международная комиссия ОЛА, морфонологическая субкомиссия и лексико-словообразовательная секция ОЛА, члены всех национальных комиссий и члены редакционной коллегии: *Беларусь* — М. Антропаў, Г. Арашонкава, М. Бірыла, Ф. Клімчук, А. Крывіцкі,

Л. Кунцэвіч, В. Лемцюгова, П. Міхайлаў, А. Падлужны, Т. Трухан; *Босния и Герцеговина* — Д. Вујичић, S. Halilović, Z. Месо-Karavdžić; *Германия (Лужица)* — F. Hinze, H. Jenč, R. Löttsch, S. Michałk, W. Sperber, S. Wölke; *Македония* — Б. Видоески, В. Дрвошанов, К. Пеев, М. Марковиќ, А. Панчевска; *Польша* — А. Basara, J. Basara, I.M. Doliński, В. Falińska, А. Kowalska, М. Mucova, J. Siatkowski, J. Sułkowska, Z. Topolińska, J. Waniakowa; *Россия* — Ж. Варбот, Т. Вендина, Л. Вялкина, Г. Клепикова, О. Мораховская, Т. Морозова, В. Пыхов; *Сербия и Черногория* — Ж. Бошњаковић, С. Милорадовић, Д. Петровић, М. Пижурца, С. Реметић, Д. Ћупић; *Словакия* — А. Ferenciková, А. Hrabovštiak, М. Chochol, Ё. Králik, Р. Žigo; *Словения* — F. Benedik, К. Kenda-Jež, V. Smole, М. Šekli, Р. Weiss; *Украина* — Й. Дзэндзелівський, Я. Закревська, К. Герман, П. Гриценко, Н. Марчук, Щ. Никончук, Н. Прилипко, І. Сабадош, Т. Токарь; *Хорватия* — D. Brozović, А. Celinić, J. Lisac, М. Lončarić, М. Menac-Mihalić; *Чехия* — К. Fic, S. Utěšený, J. Vojtová.

В разработке морфонологических легенд приняли участие следующие члены морфонологической субкомиссии: Я. Закревська, А. Кривіцкі, D. Brozović, H. Jenč, F. Hinze, R. Löttsch, S. Michałk, J. Siatkowski, Z. Topolińska, S. Utěšený.

Составители карт выпуска: *Беларусь* — М. Антропаў, Г. Арашонкава, М. Бірыла, Ф. Клімчук, А. Кривіцкі, В. Лемцюгова, П. Міхайлаў, Т. Трухан; *Босния и Герцеговина* — Д. Вујичић; *Лужица* — H. Jenč, S. Michałk; *Македония* — В. Дрвошанов, К. Пеев; *Польша* — В. Falińska, А. Kowalska, М. Mucova, N. Perczyńska, J. Siatkowski, J. Sułkowska; *Россия* — Т. Вендина, Л. Вялкина, Г. Клепикова, О. Мораховская, Т. Морозова, В. Пыхов; *Сербия и Черногория* — Д. Ћупић, Д. Петровић, М. Пижурца, С. Реметић; *Словакия* — А. Ferenciková, А. Hrabovštiak, М. Chochol, Ё. Králik; *Словения* — F. Benedik; *Украина* — Й. Дзэндзелівський, Я. Закревська, К. Герман, П. Гриценко, Н. Марчук, О. Никончук, Н. Прилипко, І. Сабадош, Т. Токарь; *Хорватия* — J. Lisac; *Чехия* — J. Vojtová.

Некартографированный материал вопроса F(Sm) 509 lupitъ подготовил П. Гриценко.

На 49 картах 10-го выпуска «Народные обычаи» представлен фрагмент традиционной духовной культуры славян.

Карты, входящие в этот выпуск, охватывают следующие тематические группы лексики: названия лиц; названия праздников, обрядов, погребальных ритуалов; названия действий; названия отдельных предметов (в том числе ритуальных) и понятий; названия локусов; названия абстрактных понятий, отдельных признаков.

В томе представлены разные типы карт, каждый из которых имеет свои особенности в способах решения поставленной задачи — продемонстрировать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с традиционной духовной культурой славян: лексические карты, строящиеся на основе ономастического принципа — от значения к слову; большинство из этих карт репрезентирует многоплановые и многочленные диалектные различия, объединенные соотносительными признаками разных типов; если материал, представленный на карте, отличается высокой степенью словообразовательной вариативности, то

он подается в обобщенном виде на карте-дубле, сопровождающей основную карту; семантические карты строятся на принципе «от слова к значению»; предметом картографирования на этих картах являются соотносительные семантические признаки, представленные в лексических единицах, объединенных тождеством звуковой формы; лексико-словообразовательные карты составляют большую часть тома, поскольку практически любая карта, построенная по принципу «от значения к слову», эксплицирует лексико-словообразовательные различия; словообразовательные карты также довольно широко представлены в томе, на них эксплицируются различия в словообразовательных средствах при тождестве корневой морфемы и способах деривации; на мотивационных картах выявляются различия в мотивационных признаках картографируемых номинаций одного и того же референта; на номинативных картах эксплицируются различия в способах номинации картографируемой реалии: однословные номинации (способы их словообразования, характер деривационной базы и словообразовательных средств) ~ описательные синтаксические конструкции (частеречная принадлежность и характер синтаксических связей входящих в их состав имен); обобщающие словообразовательные карты представляют в обобщенном виде различия в словообразовательных средствах при образовании имен определенных тематических групп, являющихся предметом картографирования в Атласе; в томе содержатся две такие карты: «Распределение суффиксов =с-ь и =аѣ-ь при образовании названий лиц» (*nomina agentis*) и «Распределение суффиксов =ic-а и =ьк-а / =ьк-а в феминативном значении»; сводные карты заимствований свидетельствуют о том, что в этой тематической группе лексики немало заимствований из разных языков: германских, венгерского, румынского, греческого, итальянского, латинского, турецкого и др.

На картах представлены разные виды диалектного членения современной Славии, а именно: четкое противопоставление северной и южной Славии, противопоставление западной и восточной Славии, выделение каждой из трех групп языков (восточнославянские, южнославянские и западнославянские диалекты), членение южнославянских языков по линии запад ~ восток, схождение отдельных славянских диалектов, выделение эксклюзивных ареалов.

Лексика, входящая в выпуск, является чрезвычайно интересной в историко-культурном отношении: будучи в большинстве своем праславянской, она отражает древние мифопоэтические воззрения славян на жизнь и окружающий их мир.

Подготовка к печати тома «Народные обычаи» — результат творческого коллективного труда Международной комиссии Общеславянского лингвистического атласа. В соответствии с решением Международной комиссии ОЛА редактирование и публикация выпуска были поручены Российской национальной комиссии ОЛА: ответственный редактор тома — Т. Вендина; члены редколлегии — Ж. Ж. Варбот, Л. Э. Калнынь, Т. В. Шалаева.

Редакторская работа проведена Т. Вендиной.

Компьютерная картографическая версия тома была разработана сотрудником Университета геодезии и картографии доц. А. Е. Алтыновым на основе программы

MAPINFO, алгоритм картографической программы и система знаков — Т. Вендиной.

Компьютерное составление карт — Т. Вендина. Компьютерную обработку материалов индексов провели: М. Громова, А. Коконова, С. Юдина (Коконова), Т. Шалаева, М. Ясинская. Обобщающие сводные индексы лексем (прямой и обратный) были подготовлены Т. Шалаевой и С. Юдиной (Коконовой), библиографический указатель — Т. Шалаевой. Перевод введения на английский и французский языки выполнила Т. Шалаева.

Издательскую корректуру карт, легенд и индексов осуществили: Т. Вендина, М. Громова, С. Юдина (Коконова), Т. Шалаева, М. Ясинская.

Концепция выпуска и проделанная Российской национальной комиссией ОЛА работа по подготовке его к печати были одобрены на заседаниях Международной комиссии ОЛА.

В работе над выпуском участвовали: Международная комиссия ОЛА, все национальные комиссии Атласа, морфонологическая субкомиссия, лексико-словообразовательная секция ОЛА и редакционная коллегия. Кроме того, в работе принимали участие и члены национальных комиссий, которые участвовали либо в сборе полевого материала, либо в его обработке для картографирования, либо в обсуждении карт и спорных картографических вопросов, возникавших на заседаниях рабочих групп ОЛА: *Белоруссия* — Ф. Климчук, А. Кривицкий, Л. Кунцевич, В. Курцова, Г. Орешонкова, В. Русак, Т. Трухан, А. Шабловский; *Болгария* — Л. Василева, Х. Дейкова, С. Керемидчиева, М. Троева, Е. Кяева; *Босния и Герцеговина* — И. Баотич, З. Мецо, С. Халилович; *Германия (Лужица)* — В. Шпербер; *Македония* — Б. Видоески, У. Гайдова, М. Киш, М. Маркович, А. Панчевска, К. Пеев, З. Тополинска; *Польша* — Я. Ванякова, И. Долинский, П. Дембовяк, Б. Островский, Д. Рембишевская, Я. Сятковский; *Россия* — Ж. Варбот, Т. Вендина, М. Громова, А. Коконова, С. Юдина (Коконова), В. Пыхов, Т. Шалаева, М. Ясинская; *Сербия и Черногория* — Ж. Бошнякович, П. Ивич, А. Лома; *Словакия* — П. Жиго, Л. Кралик, И. Рипка, А. Ференчикова; *Словения* — Д. Зулян, К. Кенда-Еж, В. Нартник, В. Смоле, М. Шекли, Т. Якоп; *Украина* — П. Гриценко, О. Малаховская, Г. Кобирина, Н. Прилипко, Л. Рябец; *Хорватия* — Д. Брозович, М. Лончарич, М. Менац-Михалич, А. Целинич, Б. Кузмич; *Чехия* — Я. Войтова, А. Рамшакова, К. Фиц, Я. Комаркова.

В разработке морфонологических легенд приняли участие следующие члены морфонологической субкомиссии: *Белоруссия* — Н. Антропов; *Болгария* — Х. Дейкова; *Германия* — С. Вёльке; *Македония* — З. Тополинска; *Польша* — Я. Ванякова, П. Дембовяк, И. Долинский, Д. Рембишевская, Я. Сятковский; *Россия* — Ж. Варбот; *Словакия* — Л. Кралик; *Словения* — Д. Зулян, В. Нартник, М. Шекли, Т. Якоп.

Все морфонологические легенды тома были проверены Ж. Варбот.

Составители карт: *Белоруссия* — Н. Антропов, Л. Кунцевич, В. Русак; *Болгария* — Л. Василева, С. Керемидчиева; *Германия (Лужица)* — С. Вёльке; *Македония* — С. Миленковска, А. Панчевска; *Польша* — Б. Островский, Я. Сятковский;

Россия — Т. Вендина, М. Громова, А. Коконова, С. Юдина (Коконова), В. Пыхов, Т. Шалаева, М. Ясинская; *Сербия и Черногория* — С. Реметич, С. Милорадович; *Словакия* — А. Ференчикова; *Словения* — В. Смоле, М. Шекли, К. Кеда-Еж; *Украина* — П. Гриценко, Г. Кобиринка; *Хорватия* — Б. Кузмич, М. Менац-Михалич, В. Зечевич; *Чехия* — Рамшакова, Я. Комаркова.

Vladimir Pykhov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

ON THE BIBLIOGRAPHY OF OLA. 6

Л. В. Куркина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

**РЕЦ. НА: В. OSTROWSKI. BIAŁORUSKIE GWARY GRODZIŃSZCZYZNY.
WYBRANY ZAGADNIENIA.**

Prace Instytutu języka polskiego. 140. Kraków, 2013. 272 с.¹

Предметом исследования стала метеорологическая терминология, представленная в говорах Гродно и его окрестностей, расположенных на границе с Польшей. В работе две основные части. Первая посвящена правилам адаптации полонизмов, вторая — анализу терминов, извлеченных из диалектных источников. В составе метеорологических терминов выделяется несколько лексических групп, связанных с обозначением разных природных явлений (погода, осадки, дождь, мгла и т. д.). Анализируя лексику каждой из выделенных групп, автор приводит там, где это возможно, славянские соответствия, дает словообразовательный и этимологический комментарий, обращает особое внимание на семантические изменения, разграничивает названия, унаследованные из праславянского языка и даже из индоевропейской эпохи, и локально ограниченные явления относительно позднего времени. Выделение в диалектном словаре фрагмента, который связан с обозначением погодных явлений на ограниченной территории, вводит нас в мир реалий и народной культуры. Через метеорологическую терминологию раскрываются народные представления об особенностях климата, погодных явлениях, характерных для северо-восточного региона Белоруссии.

Ключевые слова: диалект, лексика, терминология, словообразование, этимология.

Монография польского слависта Б. Островского, посвященная исследованию метеорологической лексики в говорах северо-западной Белоруссии, представляет собой многоплановое исследование, в котором данная тематическая

¹ Рецензия подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15–04–00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

группа рассматривается в очень широком контексте, объединяющем историю края, вопросы польско-белорусского языкового взаимодействия, анализ лексико-семантических единиц, связанных с обозначением метеорологических явлений, расслоение во времени состава этой группы лексики с выделением древнего праславянского наследия и местных новообразований. Автор выбирает для исследования белорусские говоры Гродно и его окрестностей, граничащие на западе с говорами польского языка и литовским языком, на юге вдоль Припяти с северо-украинскими переходными говорами. К числу важнейших характеристик автор относит неоднородность изучаемых говоров, сильно выраженное недиссимильтивное аканье и т. д. (с. 27–30). Метеорологический словарь составлен автором на основе выборки материала из диалектных словарей, представляющих лексику северо-западной части Белоруссии, среди источников словари Т. Сцяшкевич [Сцяшкевіч 1972; 1983], А. Р. Цыхуна [Цыхун 1993], изданный в Гродно в 1999 г. «Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны» и многие другие (с. 31–36). Материалы, имеющие отношение к гродненским говорам, были извлечены из диалектных сборников 50–60-х гг. прошлого столетия [Народнае слова. Мінск, 1976; Народная лексіка. Мінск, 1977; Живое слова. Мінск, 1978 и др.] В специальном разделе каждый из источников охарактеризован автором.

В работе несколько частей, взаимно дополняющих друг друга. Работа открывается историческим очерком, в котором охарактеризованы освоение края, историко-политические события на территории Гродненского края. Собственно лингвистическая часть состоит из двух разделов. Первый раздел посвящен польским заимствованиям, а второй — лингвистическому анализу метеорологической лексики. Обращение к проблеме адаптации польских заимствований продиктовано особым положением изучаемых говоров, вобравших в свой словарный состав немало полонизмов (ср. *пахмўрны* и *хмўрны*, *навальніца*, *завёя*, *шаргá*, *цёнглы* и т. д.). Автор подробно останавливается на классификации, описании фонетической адаптации полонизмов, акцентной и семантической трансформации полонизмов в белорусских говорах, на конкретном материале показано, как осуществляется адаптация польских слов с реализацией развития праслав. **Tärt*, **Tält*, **Telt*, праславянских сонантов **r*, **ř*, *l*, **ř*, групп **Třt*, *dl* и др. (с. 41–93). В отдельный раздел вынесены вопросы адаптации польских слов с суф. *-isko*. Раздел, посвященный адаптации полонизмов на белорусской почве, носит вполне самостоятельный характер, и наблюдения автора важны не только для изучения выбранной автором лексики. В тех случаях, когда отсутствуют явные формальные показатели заимствования, автор проявляет осторожность и ограничивается приведением аналогичных форм в польском языке (ср. *zawirúxa* ‘метель’ и польск. *zawierucha*, *zabierucha*) (с. 160). В изучаемых говорах встречаются заимствования из литовского языка (*палайнічá* ‘наводнение’), из финского через русское посредство (*пультá*, *пургá*).

Во второй части (с. 109–208) анализу богатого и разнородного словаря метеорологических названий предшествует обзор важнейших работ по славянской

метеорологии, разграничено понимание метеорологических явлений в научной литературе и в народном языке. К досадным недоразумениям следует отнести отсутствие в списке работ, посвященных изучаемым терминам, статей Т. В. Горячевой, в разное время опубликованных на страницах сб. «Этимология» [ср. *Этимология* 1972: 129–135; *Этимология* 1977: 102–109; *Этимология* 1982: 54–61; *Этимология* 1984: 40–43 и др.]. На компактной территории, расположенной в одной природной зоне, при неоднородном составе населения, но с преобладанием носителей белорусского языка сформировалась общая система метеорологических терминов, отражающая многообразие погодных явлений. Дробная дифференциация наименований разных природных явлений находит отражение в составе выделенных автором 13 лексико-семантических групп: *погода*: хорошая, плохая, пасмурная, отражающая переходное состояние между погодой хорошей, солнечной и непогодой, холод/тепло; *атмосферные осадки*: дождь, ливень, продолжительные осадки, буря; *атмосферные явления*: радуга, гром, молния, изморось, мгла, град, снег, иней, снежная буря, оттепель, половодье; засуха, ветер, мороз, лед, гололед, замерзшая земля и т. д. Дифференциация проходит через наименования отдельных явлений: ср. туча в зависимости от формы и цвета имеет разные наименования: *сўхмаркі* ‘легкие облака’, *пузыркі* ‘светлые облака на небе’, *каўганэ* мн., *светлыя хмары*, *грудоватыя хмары*, *дзядзі*, *чата* и т. д. Разнообразна лексика, используемая для обозначения прерывистого дождя (*прэ́рва*, *пралётны*, *прайсцёвы* (<*jъti, jъdo), *перарыўны*), проливного дождя (*лі́вень*, *ля́я*, *праліўнік*, *уліў*, *улі́ва*, *улю́ха*, *ведра́нец*, *навальні́ца* и др.), обложного дождя (*аблóжны*: *аблажны* и *залóжны*, *зацяжні́* и *працягу́шчы*, *доўгі*, *паліўны* и т. д.), измороси (*ма́рась*, *мжа*, *сейва* и т. п.). Наблюдается использование словообразовательных вариантов с общей корневой основой для обозначения одних и тех же явлений: ср. обозначения проливного дождя производными или соотносительными с гл. *liti (ср. *ля́я*, *уліў*, *улю́ха*, *улі́ва*), обозначения метели, выюги производными с основой *krqt- (ср. *кру́та*, *кру́ча*, *круто́віна*, *круча́льніца*), обозначение суши, жары производными, соотносительными с гл. *pekt’i (ср. *спёка*, *спяко́та*, *спёкла*), ‘сильный ветер’: *вятры́ско*, *вятрэ́ча*, *ветраві́ца*, *ветрані́ца*) и т. п. Отдельно рассматриваются глаголы со значением ‘идти (о дожде)’, ‘мерзнуть’, ‘покрываться льдом’.

Анализируя лексику каждой из выделенных групп, автор приводит там, где это возможно, славянские соответствия, дает словообразовательный и этимологический комментарий, обращает особое внимание на семантические изменения, разграничивает названия, унаследованные из праславянского языка и даже из индоевропейской эпохи, и локально ограниченные явления относительно позднего времени. Значительная часть комментариев вынесена в сноски (ср. *дождь*, *чата*, *суша*, *větrъ, *vixrъ, *мароз*). Анализу предшествует описание природного явления и связанных с ним обрядов, мифологических представлений, сохранившихся в разных частях славянской территории (ср. *chmura, *dъždъ, *gromъ, *бліскаві́ца*), но по непонятным причинам выпало из мифологического контекста одно из древнейших названий грома *Пярўн*. Прослеживается география слова на территории

Белоруссии, сравниваются семантика, зафиксированная диалектными словарями, с данными Лексического атласа белорусского языка (ср. *чáта* ‘дождевое облако’). Приводится богатый материал, иллюстрирующий употребление слова в определенных контекстах, в некоторых случаях с опорой на контекст определяется значение термина (ср. *хмара*: <...> *дажджевая хмара йдзе* с. 124). Там, где это возможно, автор отмечает степень употребительности того или иного термина в составе лексической группы с общей темой. Так, *мяцэль* служит основным обозначением снежной бури в гродненских говорах, напротив, лексема *бу́ра* отмечено лишь в одном случае (с. 159–160).

В заключительной части, обобщая наблюдения, автор прослеживает, как проявляются семантические различия у идентичных терминов в белорусских и польских говорах, восстанавливает процессы, которые привели к терминологизации нейтральной лексики. Эти процессы протекали в диалектах сложно, в разное время и далеко не всегда однонаправленно. Так, термин **pogoda*, первонач. ‘хорошая, подходящая пора’, в процессе терминологизации позитивный семантический признак, заложенный в производящей основе **god-* ‘угождать, мирить’, подвергся нейтрализации, и слово стало обозначать состояние атмосферы в определенное время и в определенном месте, что потребовало применения уточняющих определений (*pogoda ciepła/zimna, ładna* и т. д.). На белорусской территории в роли антонима специализируется лексема *непагадзь*, а в некоторых гродненских говорах — *азы́ра* (с. 201–203). Сравнение лексики, используемой для выражения понятия *холод* в польских и белорусских диалектах, наглядно показывает не только различия в составе слов, но и различия в семантическом наполнении однокоренных слов и характере их отношений — польск. *ciepło, chłód, zimno* и блр. *цeпльня, прахало́да, холад* (с. 203). В заключительной части работы автор дает классификацию терминов по общей семантической основе. Так, семантика ясности, света является определяющей для терминов погоды: *ясныя, светлыя хмуры, неба яснае, бліскавіца: блыскавіца, искрамёт*; семантика скученности, плотности объединяет названия *хмара, чата, каўганэ* и т. д.; семантика стягивания, волочения характерна для названий *во́блака, затяжны* и т. п.

Для нас с историко-этимологической точки зрения особый интерес представляет лексика, рассмотренная во второй части работы. Одна из поставленных автором задач связана с выявлением древнего наследия, а решение этой задачи требует привлечения этимологических данных.

Отмеченные в значении ‘непогода, холодный’ слова *азы́ра (на дваре), азы́рлівы, азы́рны, азы́рысты, азы́рна* нареч. ‘холодно’ относятся к этимологически трудной части словаря. Автор вслед за ЭСБМ [3: 353] полагает, что эти лексемы связаны с блр. *зыр* ‘холодный, пронизывающий ветер’ и далее со словами с этим корнем, которые на Гродненской территории специализируются в противоположном значении: ср. *зырка* ‘горячо’, *зыр* ‘паление, жжение’, *зырыць* ‘припекать’ (*зырыць* ‘о чувстве жжения при замерзании’ (с. 121)). Однако истоки лексем с корнем *зыр-* не стали предметом обсуждения. Ср. такого рода отношение в рус. диал. *зно́йкий*

‘очень жаркий, знойный’ и ‘резкий (о морозе, ветре)’, ‘очень холодный, морозный’, *знойно* ‘холодно’, *знойный* ‘холодный’, ‘сильный, резкий (о зимнем ветре)’, связанное чередованием корневого вокализма с гл. *знеть, знеять* ‘чуть-чуть гореть, тлеть’ [СРНГ 11: 319].

Оставленное без объяснения прилаг. *кeпска(я)* пагода ‘плохая погода’ является полонизмом, ср. еще рус. смол. *кeпский* ‘дурной, глупый, плохой’ и т. п. [СРНГ 13: 183].

Представляется, что для выявления особенностей изучаемой лексической группы недостаточно одно направление — белорусско-польские связи. Более широкий славянский фон дает наглядное представление о том, какие метеорологические термины сложились в эпоху диалектного развития славянских языков, какие являются общими для белорусского языка и его диалектов. Важен славянский фон для понимания специфики семантических преобразований, порождающих семантическую специализацию той или иной лексемы. Обозначения продолжительного дождя сочетанием с прилагательными *аблoжны / аблажны (дождж)* по гл. **(ob)ložiti* выходят далеко за пределы изучаемых говоров, ср. рус. *обложной дождь*. В ряде случаев особенности семантики гродненских диалектизмов проясняются на вост.-слав. фоне и конкретно в плане сравнения с соответствующими русскими словами: ср. гродн. *навaльны* ‘обложной (дождь)’ при рус. диал. *навaльный*: *навaльное бревно, навaльный ветер* ‘ветер, дующий поперек реки’ и т. п., укр. *навaльний* ‘стремительный, порывистый’ и т. д. [ЭССЯ 23: 211]. И, напротив, гродн. *мокраць* ‘непогода, слякоть’ имеет тот же круг значений, что и рус. диал. *мокрадь* ‘дождливая погода, сырость, мокрота’, слвц. *mokrad* ‘сырая погода’ и т. д. [ЭССЯ 19: 135].

Привлечение вост.-слав. и шире — славянских соответствий позволяет выявить семантические диалектизмы, характерные лишь для изучаемого региона. Так, в ряду продолжений производных, сложившихся на базе гл. **krotiti* (> блр. *круціць*), только блр. гродн. *круча* приобретает значение ‘метель’ (с. 159) и становится частью метеорологической терминологии. В лексической группе со значением ‘наводнение, паводок’ находим гродн. *растарoнiца* ‘слякоть, бездорожье, распутица’ (с. 164), для которого автор, вслед за ЭСБМ, приводит гл. *растарoнiць* ‘растаять (о снеге)’ с реконструируемым для него исходным гл. **тарaнiць* и указанием на возможную связь с лит. *stropti* ‘затвердеть, подсохнуть’ [ЭСБМ 8: 212]. Заметим, что на вост.-слав. территории значительно шире представлены однокоренные образования: блр. могил. *растарoн* ‘половодье, разводье’, русск. диал. *растарoн* ‘весенняя распутица’, *растарoнiть* ‘разбавить что-л., добавляя воду’ (Коми ССР), *растарoнiло* безл. ‘быстро растаяло (о снеге)’ (иркут.) и т. д. [ЭССЯ 35: 91], соотнесенные с лит. *tiĩpti*, лтш. *tirpt* ‘таять; растекаться’ и т. п. < **terp-* ‘тереть’ > ‘таять’ [Горячева 1991–1993: 65–66]. Структура корневой основы противоречит включению в это гнездо гл. **trepati* [ср. ЭССЯ 35: 92].

В работе верно намечена связь гродн. *шeрхнуць* ‘замерзать’, *заишeрхнуць* ‘покрыться тонким льдом’ с рус. *шeрoх* : *шepoх* ‘шероховатая поверхность’, арх.

шерохий ‘неровный’, укр. *шѐрешень* ‘тонкий лед на поверхности воды’. При включении слова в более широкий контекст — др.-русск. *серехъкъ* ‘шероховатый, неровный’, словен. *sṛhek* ‘растрепанный’, *шерсть* и т. п. (~ нем. *harsch* ‘шероховатый’, чеш. *srchký* ‘шершавый, грубый’ и т. д.) — раскрывается изначальная форма и исходная семантика слова — ‘неровный’ [Фасмер III: 608; IV: 431–432].

Автор допускает для одного из наименований тучи *каўганэ* влияние польск. *gałgan* ‘кусочек поврежденной ткани’. Представляется, что название может быть связано с праслав. диал. **kьlgati* (ср. чеш. *klouhati (se)* ‘скользить’, блр. диал. *кóўгацэ* ‘мыть неумело, неохотно’ [ЭССЯ 13: 186], которое является экспрессивным вариантом к **kьlzati* и передает движение облаков.

При обсуждении одного из названий радуги в гродненских говорах производными с основой *весел-* (*весёлка*, *веса́луха*) осталось неупомянутой статья А. Кривицкого («Беларуская вясёлка і македонски *појас*: родныя ці сваякі» // МЖ XV—XVI, 1989–1990, 291–300).

Книга Б. Островского дает богатый материал для дальнейшего изучения темы. Важен выбор темы, выделение в диалектном словаре того фрагмента, который связан с обозначением погодных явлений на ограниченной территории, занимающей пограничное положение. Терминология вводит нас в мир реалий и народной культуры. Это один из первых опытов компактного описания народных представлений о среде обитания через один из важнейших параметров — метеорологическую терминологию.

В заключение отметим высокое качество оформления анализируемого материала. Цветная карта изучаемого региона, вынесенная на гляцевую обложку книги, дает наглядное представление о территории гродненских говоров, о внешних границах этой территории. Приведенные автором список источников и литературы, словоуказатель облегчают читателю пользование книгой.

Литература

Горячева 1994 — *Горячева Т. В.* Этимологические заметки по восточнославянской метеорологической лексике // *Этимология* 1991–1993. М., 1994.

Сцяшкевіч 1983 — *Сцяшкевіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Гродно, 1983.

Цыхун 1993 — *Цыхун А. П.* Скарбы народнай мовы (3 лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну). Гродно, 1993.

Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны / Ред.: М. А. Даніловіч, П. Сцяцко. Гродно, 1999.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / Ред. В. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–46–. Л., СПб.: Наука, 1965–2013–.

Фасмер 1987 — *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. 2-е издание. М.: Прогресс, 1987.

ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–. Мінск, 1988–.

ЭСЛЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–39–. Отв. ред. акад. О.Н. Трубачев, А.Ф. Журавлев. М.: Наука, 1974–2015–.

Lyudmila Kurkina

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
lyukurkuna@rambler.ru*

REVIEW OF BELARUSSIAN DIALECTS OF GRODNO REGION. SELECTED ISSUES

The subject of this study is to meteorological terminology of the Belarussian dialects of Grodno and the area around Grodno. The book consists of two independent sections. The first part of the work concerns the lexis of Polish provenance, the Polish adaptation rules borrowing. In the second part the author discusses in details the meteorological vocabulary of Grodno and the areas of Grodno. The rich lexical material of meteorological terminology is presented in a few specific lexical-semantic groups and subgroups (weather, rain, drizzle etc.). The author quotes where possible Slavic words, gives etymological comment, pays particular attention to the semantic changes. The author tries to outline the Common Slavonic, etymological and ethnolinguistic background. The glossary of meteorological terminology associated with the designation of natural phenomena introduces us to the world of reality and popular culture. Through terminology disclosed folk ideas about features climate, weather phenomena characteristic for north-east region of Belarus.

Key words: dialect, words, terminology, word-formation, etymology.

References

- Cyhun A. P. *Skraby narodnaj movy* [Treasures of National Language]. Grodno, 1993.
- Danilovicz M., Sciacko P (Eds.). *Sloŭnik rjegiŭanal'naj leksiki Grodzenshchyny* [Dictionary Regional Vocabulary]. Grodno, 1999.
- Etimalagichny slovník belaruskaj movy* [Etymological Dictionary of Belarussian Language]. Vol. 1–. Minsk, 1988–.
- Fasmer M. *Etimologičeskii slovar' russkogo jazyka* [Etymological language of Russian language]. Vol. I–IV. Moscow: Progress Publ., 1964–1973.
- Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (Eds.) *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian folk Dialects]. Vyp. 1–46–. L., SPb.: Nauka Publ., 1965–2013–.
- Goriacheva T. V. *Etimologičeskie zametki po vostochnoslavijskoi leksike*. [Etymological Notes on East Slavic Meteorological Vocabulary]. *Etimologia* 1991–1993 [Etymology]. M., Nauka Publ., 1994.

Sciaszkowicz T.F. *Materyaly da slovnika Grodzenskaj voblastci*. [Materials for Dictionary of Grodno Region]. Grodno, 1983.

Trubachev O.N., Zhuravlev A.F. (Eds.) *Etimologicheskii slovar' slavianskih jazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Common Slavonic. Common Slavonic Lexical Fund]. Vol. 1–39–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2015–.

Научное издание

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Выпуск 8, 2016 г.**

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки ???

Подписано в печать 00.00.2016. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 16,9. Заказ № 000
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
«Переплетный центр» издательства «Нестор-История»
191119 СПб., ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23